

КЭТРИН КУРТЦ

ХРОНИКИ ДЕРИНИ

КЭТРИН КУРТЦ

КЭТРИН КУРТЦ

КЭТРИН КУРТЦ

КЭТРИН КУРТЦ ХРОНИКИ ДЕРИНИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ»
1992

Перевод В. Федорова
Составитель А. Лютиков

К 93 Куртц К.

Хроники Дерини: Романы./Пер. В. Федорова.— СПб: АП «Васильевский остров», 1992.— 464с.

В первую книгу вошли романы «Возвышение Дерини» и «Шахматная партия Дерини».

К $\frac{4804010100-157}{022(01)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-7012-0315-8

©Перевод. В. Федоров, 1992
©Состав. А. Лютиков, 1992
©Макет. Агентство «СФИНКС СПб»,
1992
©АП «Васильевский остров», 1992

ВОЗВЫШЕНИЕ ДЕРИНИ

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

«Пусть преследователь превратится в преследуемого».

Брион Халдан, король Гвинеда, принц Меары, лорд Пурпурного Марта, восседал на коне на вершине холма и обозревал окрестности.

Он не был высок, но сочетание величественной осанки с кошачьей грацией служило противникам грозным предупреждением о том, что его не следует недооценивать. Однако его врагам редко представлялся повод к этому. Смуглый, стройный, со следами проседи на висках и в черной густой бороде, он внушал почтение одним своим видом. Когда он говорил, будь то жестокий повелительный тон или вкрадчивая мягкость, проникающая в сердце собеседника, люди слушали и беспрекословно подчинялись.

Если же не убеждали ласковые слова, убеждала холодная сталь. Об этом предупреждали широкий меч в ножнах и узкий стилет на поясе.

Руки, сдерживающие горячего боевого коня, мягко, но уверенно лежали на поводьях из красной кожи. Это были руки бойца, руки человека, привыкшего повелевать.

Но если присмотреться более внимательно, то первоначальное впечатление о нем как о короле-воине пришлось бы изменить. В больших серых глазах читалось гораздо большее, чем просто отвага и мудрость полководца,— в них светился изощренный ум государственного деятеля, которого знали и которым вос-

хищались во всех Одиннадцати Королевствах. В то же время вокруг него как будто царила неуловимая атмосфера тайны, запретной магии, чего-то такого, что могло обсуждаться только шепотом. Брион, которому едва исполнилось тридцать девять, поддерживал мир в Гвинее уже в течение пятнадцати долгих лет.

Король, который сидел сейчас на коне на вершине холма, наслаждался минутой покоя — ах, как нечасто выпадали ему такие минуты!

Брион высвободил ноги из стремян и потянулся.

Было раннее утро, туман поднимался от земли. Не по сезону сильный ночной холод пронизывал насквозь. Легкая кольчуга под туникой короля несмотря на кожаную охотничью одежду стала ледяной, и от ее жгучего прикосновения не могла защитить даже нижняя шелковая рубашка.

Король плотнее закутался в мягкую шерсть плаща, сжал пальцы в перчатках и надвинул на лоб ярко-красную охотничью шапку. Белое перо на ней горделиво всколыхнулось.

Крики, лай собак, звуки охотничьих рогов, ржание лошадей, стук копыт — весь этот гам как бы висел во влажном безветренном воздухе. Король обернулся и с высоты холма увидел тени скачущих сквозь туман хорошо откормленных лошадей и на них таких же сытых всадников, разодетых в бархат и мягкую кожу.

Брион улыбнулся, завидев их. Блестящее зрелище, но, король был уверен, всадники внизу наслаждались охотой ничуть не больше, чем он сам. Отвратительная погода превратила охоту в мучение, — и это вместо ожидаемого удовольствия!

Зачем, зачем он пообещал Джехане, что на ее столе вечером будет оленина? Он же знал, когда говорил это, что время охоты на оленей еще не наступило. И все же никто не должен нарушать обещание, данное леди, в особенности, если она обожаемая королева и мать наследника престола.

Низкие заунывные звуки охотничьих рогов подтвердили его подозрение, что след потерян, и он безнадежно вздохнул. Если погода коренным образом не изменится, то мало надежды собрать рассеявшуюся свору за полчаса. Да что полчаса! Этих молодых неопытных собак не собрать и за день, и за неделю!

Он покачал головой и хмыкнул при мысли об Эване, ведь тот был так горд своей новой сворой. Старый лорд очень много говорил — почти всю неделю — о предстоящей охоте. Теперь ему придется извиняться и терпеть насмешки, которых он, несомненно, заслуживает. Дюку Клейборна непростительно выводить таких неопытных собак на королевскую охоту. Бедняги, они, наверное, никогда не видели оленя!

Звук лошадиных копыт привлек его внимание, и он повернулся в седле, чтобы посмотреть, кто же приближается к нему. Наконец, молодой всадник в ярко-красных шелках и коже вынырнул из тумана и направил лошадь к холму. Брион с гордостью наблюдал, как тот, пустив лошадь шагом, приближался.

— Лорд Эван просил передать, что придется немного подождать, сэр,— доложил мальчик. В его глазах светились возбуждение и охотничий азарт.— Собаки погнались за зайцами.

— Зайцы! — расхохотался Брион.— Ты хочешь сказать, что после хвастовства, которое мы терпели целую неделю, Эван собирается заставить нас сидеть и мерзнуть, пока он собирает своих глупых псов?

— Выходит так, сэр,— ухмыльнулся Келсон.— Но чтобы утешить вас, могу сказать, что каждый из нас чувствует то же самое.

«У него улыбка матери,— тепло подумал Брион.— Но глаза, волосы мои. Он кажется таким маленьким. Неужели ему почти четырнадцать лет? Ах, Келсон, если бы я мог уберечь тебя от всех опасностей, что ждут впереди!»

Улыбнувшись, Брион отогнал от себя эти мысли:

— Ну, что же, мне гораздо лучше, чем остальным.

Он зевнул, потянулся и затем расслабился, сидя в седле. Седло закрипело под его весом, и Брион вздохнул.

— Ах, если бы Морган был здесь. Туман или не туман, но он, я думаю, своими чарами загнал бы оленя прямо в городские ворота.

— Неужели? — не поверил Келсон.

— Ну, может быть, и не совсем так,— признал Брион,— но он действительно умеет воздействовать на животных, да и на многое другое.— Король внезапно

задумался. Его рука в перчатке задумчиво играла рукоятью кнута.

Келсон заметил, что настроение короля резко изменилось, его мысли блуждают где-то далеко. Немного помедлив, мальчик тронул коня и подъехал поближе. В последнее время его отец мало говорил о Моргане, и это умолчание обращало на себя внимание. Может быть, сейчас самое время кое-что выяснить. Келсон решил идти напрямик:

— Сэр, простите меня, если мой вопрос неуместен, но почему вы не отзываете Моргана с границы?

Брион весь напрягся, с трудом заставив себя скрыть удивление. Откуда мальчик знает об этом? Местонахождение Моргана тщательно скрывалось в течение двух месяцев. Даже в Совете не знали, где он и зачем послан. Надо мягко выведать у сына, откуда и как много ему известно.

— Почему ты спрашиваешь, сын?

— Я не хотел вмешиваться не в свое дело, сэр,— ответил мальчик.— Я уверен, у вас есть для этого причины, о которых даже Совет может не знать. Я спрашиваю потому, что мне его просто не хватает. Думаю, что и вам тоже.

Черт возьми! Мальчик так восприимчив. Как будто читает чужие мысли! Если я хочу избежать вопросов о Моргане, следует побыстрее увести Келсона в сторону от этого предмета.

Брион позволил себе улыбнуться.

— Благодарю за доверие. Думаю, мы с тобой — одни из немногих, кому его действительно не хватает. Я уверен, тебя беспокоят слухи, что появились на прошлой неделе.

— О том, что Морган скрылся и намеревается сместить тебя с престола? — живо откликнулся Келсон.— Но сам же ты не веришь этому? Ведь не для этого же он сейчас находится в Кардосе?

Брион краем глаза наблюдал за сыном, нервно пощелкивая хлыстом по левой ноге. Мальчик ничего не должен был знать, даже про Кардосу. У него хороший источник информации, и настойчивости ему хватает. Он решительно не желает уклоняться от разговоров о Моргане, несмотря на все попытки отца избежать этого. Возможно, он, отец, недооценивает мальчика. Он

забывает, что тому уже четырнадцать лет, вполне зрелый возраст. Он сам стал королем, когда был лишь немного старше.

Король решил сообщить сыну некоторую информацию и посмотреть, как тот прореагирует.

— Нет, конечно. Я сейчас не могу тебе многого сказать, сын, но в Кардосе назревает кризисная ситуация, и Морган держит ее под контролем. Венсит из Торента хочет захватить город и уже несколько раз нарушал договор, чтобы спровоцировать беспорядки. Следующей весной он, скорее всего, объявит войну,— Брион помолчал.— Ты не боишься?

Келсон внимательно изучал поводы, которые держал в руках, прежде чем ответить.

— Я никогда не знал настоящей войны,— медленно сказал он, скользя взглядом по равнине.— С тех пор, как я появился на свет, в Одиннадцати Королевствах всегда царил мир. Я думал, что за пятнадцать лет мира люди забыли, что такое война.

Брион засмеялся и позволил себе немного расслабиться. Кажется, ему удалось, наконец, увести разговор в сторону от Моргана, и это хорошо.

— Они никогда не забудут. Такова человеческая натура. Мне очень неприятно говорить тебе об этом.

— Да, конечно,— согласился Келсон. Он наклонился, потрепал лошадь по шее, расправив спутанную гриву, а затем большие серые глаза заглянули прямо в глаза отца.

— Это опять Та, Которая в Тени, отец?

Простая, казалось бы, фраза буквально обрушилась на Бриона. Он был готов к любому вопросу, к любому замечанию, но только не к тому, что его сын упомянет о Той, Которая в Тени. Очень плохо, что молодой человек уже знает о мрачной, ужасной реальности. Это так потрясло короля, что на некоторое время он потерял дар речи, застыв с открытым от изумления ртом. Откуда Келсон знает об угрозе Той, Которая в Тени? По-видимому, мальчик обладает какими-то необычными способностями!

— Тебе еще рано знать об этом! — воскликнул он, отчаянно стараясь справиться с волнением, собраться с мыслями и дать более связный и вразумительный ответ.

Пораженный реакцией отца, Келсон отпрянул, но взгляда не отвел. В его голосе прозвучал вызов, почти открытое неповиновение:

— Есть много вещей, о которых мне рано знать, сэр. Но никто не запрещает мне учиться и узнавать. Разве вы хотели бы, чтобы было иначе?

— Нет,— прошептал Брион. Он нерешительно опустил глаза, искал подходящие слова для следующего вопроса и нашел их:

— Ты об этом узнал от Моргана?

Келсон беспокойно заерзал в седле, увидев, что роли переменились, что он завяз в беседе глубже, чем предполагал.

Это была его собственная ошибка. Это же он настаивал на продолжении разговора. И теперь отец не удовлетворится, пока не получит на все ответа. Келсон прокашлялся.

— Да, это он рассказал перед тем, как уехать,— ответил мальчик нерешительно.— Он боялся, что вы будете недовольны,— Келсон нервно облизнул губы.— Он... он также говорил о вашем могуществе, о вашей власти и объяснял, на чем она зиждется.

Брион нахмурился. Уж этот Морган! Король был недоволен собой: ему следовало раньше понять, что Морган может многое рассказать мальчику, он должен был предугадать, что так должно случиться. Однако мальчик тщательно скрывал, что многое знает, он умеет хранить тайны. Так что, возможно, Морган прав, доверившись ему.

— Как много раскрыл тебе Морган? Скажи мне, сын,— спокойно сказал он.

— Достаточно для того, чтобы вы сердились, и слишком мало, чтобы удовлетворить меня,— неохотно признал мальчик. Он посмотрел с беспокойством в лицо отца: — Вы сердитесь, сэр?

— Сержусь?

Этим вопросом Брион замаскировал возглас облегчения. Сердится ли он? Искусство, с которым сын вел разговор, направляя его в нужное для себя русло,— разве не для этого он и Морган работали все эти годы? Сердится ли? О боги, почему он должен сердиться?

Брион перегнулся в седле и с чувством похлопал сына по плечу.

— Ну, конечно же, не сержусь, Келсон. Если бы ты только знал, какую тяжесть снял с моей души. Правда, я пережил несколько неприятных минут, но сейчас как никогда уверен в правильности своего выбора. А теперь я хочу, чтобы ты пообещал мне одну вещь.

— Все что угодно, сэр,— нерешительно сказал Келсон.

— Не так угрюмо, сын,— воскликнул Брион, улыбаясь и взглядом стараясь вселить в мальчика уверенность.— Это вовсе не трудная просьба: если что-нибудь случится со мной, тотчас же пошли за Морганом. Я думаю, он единственный, кто может быть твоим надежным и преданным помощником. Ты сделаешь это для меня?

Келсон вздохнул и улыбнулся. На его лице было написано облегчение.

— Конечно, сэр. Это будет первой моей мыслью в любом случае. Морган очень много знает обо всем.

— Ну, и отлично,— засмеялся Брион.

Он выпрямился в седле и собрал поводья в руку.

— Смотри, солнце восходит. Поедем, может быть, Эван уже собрал своих собак!

Небо посветлело, солнце быстро поднималось. Когда всадники спускались с холма, перед ними скользили их тени, становившиеся все короче. В лесу, пронизанном лучами солнца, стало светло, и глаза Бриона с интересом осматривали кавалькаду всадников, пока они с Келсоном медленно подъезжали к ним.

Здесь был Роджер, граф Фаллока, одетый в темно-зеленый бархат и сидящий на великолепном сером жеребце, которого Брион раньше у него не видел. Он был погружен в оживленную беседу с молодым горячим епископом Арлианом и... Ага, это очень интересно, цвета клана Мак Лейнов указывали на то, что третьим собеседником был Кевин, младший лорд Мак Лейн. Обычно он не общался с Роджером. Впрочем, немногие с ним общались. Брион удивился, что же могло объединить эту троицу, какая тема вызвала столь оживленный общий разговор?

Однако дольше задумываться об этом ему не удалось. Его внимание было привлечено громоподобным голосом

дюка Клейборна. Лорд Эван, потрясая сверкающей в лучах солнца огненно-рыжей бородой, распекал кого-то, что не было неожиданностью на такой неудачной охоте.

Брион привстал на стременах, чтобы получше видеть происходящее. Как он и думал, гнев Эвана вызвал кто-то из слуг. Бедный человек. Его вины в неудачной охоте не было: ведь собаки-то действительно совсем неопытные. Но Эван обязательно должен был кого-нибудь отругать, найти виноватого.

Брион засмеялся и, показав эту сцену сыну, послал его выручать провинившегося и попытаться успокоить Эвана. Келсон поехал, а он продолжал рассматривать собравшихся охотников. Наконец, он увидел того, кого очень хотел видеть.

Брион прищиприл коня и поскакал к высокому молодому человеку, белые и пурпурные одежды которого говорили о принадлежности к дому Фиана. Юноша что-то пил из фляги в роскошном кожаном футляре.

— Хелло! Что я вижу! Молодой Колин из Фианы, как обычно, пьет самое лучшее вино и намерен выпить его все! Как насчет нескольких капель для вашего бедного окоченевшего короля, мой друг?

Он остановился рядом с Колином и жадно смотрел на флягу, которую тот не спеша оторвал ото рта.

Колин улыбнулся и вытер горлышко фляги своим рукавом, а затем с шутливым поклоном подал ее королю.

— Доброе утро, сэр. Вы же знаете: мое вино всегда ваше.

Роджер прискакал к ним и искусно осадил лошадь за несколько шагов до черного коня короля.

— Доброе утро, монсеньор,— сказал он, низко кланяясь в седле.— Мой господин ловко нашел лучшее место во всей нашей компании. Это восхитительный дар!

Король запрокинул голову и сделал большой глоток из фляги, а затем опустил ее и вздохнул.

— Ах, это не секрет, что отец Колина держит лучшие подвалы во всех Одиннадцати Королевствах. Примите комплименты, Колин, как обычно! — он поднял флягу и сделал еще глоток.

Колин шаловливо рассмеялся и облокотился на луку седла.

— Ах, Ваше Величество, теперь я понимаю, что вы просто льстите мне, чтобы мой отец послал вам вина. Но это вино вовсе не из Фианы. Его дала мне сегодня утром прекрасная леди.

Брион поперхнулся и с беспокойством опустил флягу.

— Леди? Колин, ты должен рассказать мне. Я бы никогда не попросил у тебя подарок твоей дамы.

Колин громко расхохотался.

— Она не моя дама, сэр. Я никогда ее раньше не видел. Она просто дала мне вино. И она, несомненно, будет польщена, если узнает, что вы оказали ей честь, попробовав и похвалив это вино.

Брион вернул флягу и вытер усы и бороду тыльной стороной перчатки.

— Не оправдывайся, Колин,— сказал он,— это я допустил промах. Поезжай рядом со мной. И за ужином твое место будет справа от меня. Даже король может невольно совершать ошибки.

Келсон спокойно ехал назад к отцу, оставив Эвана и главного егеря в состоянии некоторого согласия относительно того, что делается не так, как надо, и свора собак как будто снова взята под контроль. Слуги собрали их в одну стаю и ожидают приказа короля о возобновлении охоты. Но у собак, вероятно, свои планы, в которые вовсе не входит ожидание короля или кого бы то ни было, а потому неясно, как долго слуги смогут их удерживать.

Внезапно взгляд Келсона привлёк голубой цвет, и он сразу же узнал своего дядю, дюка Картмора.

Брат короля и высший пэр государства, принц Нигель был ответственен за обучение тридцати юных пажей для королевского двора. Как обычно, при нем было несколько его воспитанников и, как всегда, он вел с ними нескончаемую войну, стараясь обучить их чему-нибудь полезному. Сегодня на охоте его сопровождали всего шестеро, и Келсон, проезжая мимо, по выражению лица принца мог понять, что это не самые лучшие его воспитанники.

Лорд Джаред, патриарх клана Мак Лейнов, стоя в стороне, подавал полезные советы, но мальчишки, каза-

лось, совершенно не желали понимать, что же от них хотят.

— Нет, нет и нет,— говорил Нигель,— если вы вдруг в обществе, обращаясь к графу, назовете его «сэр», он отрубит вам голову и будет совершенно прав. И вы должны помнить, что епископ — это «Ваше Преосвященство». Ну, Ятхэм, как ты обратишься к принцу королевской крови?

Келсон улыбнулся и помахал рукой в знак приветствия. Ведь совсем недавно он и сам был под железной рукой дюка, своего дяди, и хорошо понимал мальчиков. Настоящий Халдан, Нигель никогда никого ни о чем не просил и никому не давал пощады, был ли он в бою или обучал пажей. И хотя школа его была суровой, иногда даже чересчур, пажи, прошедшие ее, имели великолепные манеры и превосходно знали все тонкости дворцового этикета. Келсон был рад, что Нигель на его стороне.

Когда он подъехал, Брион прервал беседу с Колином и Роджером и поднял руку, приветствуя сына.

— Ну, что там, сын?

— Думаю, лорд Эван уже все наладил и взял под контроль, сэр,— ответил Келсон.— Я уверен, что он ждет только вашего приказа.

— Все верно, молодой господин! — грохотнул сзади голос Эвана.

И вот уже Эван снял свою шляпу, зеленый цвет которой соответствовал цветам клана Линкольнов, и замахал ею перед собой, вырисовывая сложные приветственные узоры в знак почтения к королю.

— Сэр, все готово! И на этот раз егерь заверил меня, что все будет хорошо,— он натянул шляпу на свои жесткие рыжие волосы, а затем добавил: — А если не будет, то он пожалеет об этом сегодня вечером. Я прикажу его жестоко наказать.

Брион расхохотался, откинувшись назад в седле и в восторге хлопая себя по ляжкам.

— Эван, это же всего лишь охота! И я вовсе не желаю, чтобы кого-нибудь наказывали из-за меня. Ну, поехали! — все еще смеясь, он дернул поводья и поехал вперед.

Эван встал в стремях, поднял руку, и в ответ по всему лесу прозвучали охотничьи роги. Собаки уже

устремились вперед, заливаясь чистым, похожим на колокольчики лаем. За ними поскакали всадники. И вот и собаки, и всадники уже неслись по холмам, сквозь густые заросли и чистые поляны,— охота началась.

И в этом возбуждении гонки никто не должен был заметить, как один из отставших всадников повернул лошадь и поскакал назад, к опушке леса. И, действительно, его никто не заметил.

Неподвижный и спокойный мавр Юсуф стоял на краю леса. Его узкие загорелые руки легко и уверенно держали поводья четырех лошадей, едва различных среди листьев. Несмотря на спокойную раннюю осень, краски леса были яркими, приглушенные игрой теней, сгустившихся среди толстых стволов. Здесь, среди этих великанов, всегда было сумрачно. Даже зимой сюда не проникали солнечные лучи. Черная одежда Юсуфа растворялась в тенях, смешиваясь с ними. Черные глаза под черной шелковой шляпой не замечали ничего вокруг, хотя взгляд Юсуфа блуждал по сторонам. Юсуф не столько смотрел, сколько слушал и ждал.

На самой поляне замерли в ожидании еще трое. Двое из них были мавры, как и Юсуф. На смуглых лицах, полускрытых капюшонами черных бархатных плащей, сверкали глаза — темные, безжалостные, настороженные.

Тот, что повыше, слегка обернулся, чтобы взглянуть через поляну на Юсуфа, а затем, скрестив руки на груди, снова устремил внимательный взгляд в противоположном направлении. Во время движения черный бархат слегка распахнулся, и из-под него сверкнуло серебро богатой перевязи для меча. У ног этого человека на подушке из серого бархата сидела леди Чарисса, Герцогиня Толана, Леди Серебряных Туманов,— Та, Которая в Тени.

С наклоненной головой, плотно закрытой серебристо-серой вуалью, она сидела неподвижно, как статуэтка,— тонкая фигурка, закутанная в роскошный бархат и меха, руки в перчатках из оленьей кожи, отделанных драгоценностями, сложены на коленях. Из-под серебристой вуали внимательно смотрели бледно-голубые глаза. Окинув взглядом поляну, они с удовлетворением остановились на закутанном в черное Юсуфе, охраняю-

щем их лошадей. Не поворачивая головы, леди подняла лицо к двум другим маврам, стоящим по обе стороны от нее, и произнесла низким музыкальным голосом:

— Он идет, Мустафа.

Ничего не было слышно, даже предательского шуршания сухих листьев под ногами, ничего, что могло бы указать на то, что к поляне кто-то приближается. Но мавры даже и не думали задавать вопросы своей леди. Коричневая рука в широком черном рукаве протянулась справа, чтобы помочь ей подняться на ноги. А тот, что был слева, беззвучно отправился занять стратегическую позицию на середине расстояния между госпожой и лошадьми. Здесь бдительный страж остановился, положив руку на рукоять своего меча.

Ленивыми движениями Чарисса стряхнула сухие листья с плаща, небрежно поправила воротник. Наконец шуршание листьев и треск сучьев возвестили о прибытии того, кого ждали. Слабый ветерок слегка тронул вуаль леди. Одна из лошадей мягко заржала и стукнула копытом, но мавр быстро успокоил ее.

На поляну выехал всадник, бросил поводья. Мавры, напряженно присматривающиеся к нему и готовые к обороне, расслабились. Всадник на гнедом жеребце был им хорошо знаком.

На вновь прибывшем ладно сидели серые одежды. Но едва он сбросил капюшон и расстегнул плащ, сверкнули глубокие желто-золотые цвета. Когда он поднял руку, чтобы погладить своего гнедого, под плащом холодно сверкнула отделанная драгоценностями серо-золотая туника. Аккуратно подстриженные усы и борода обрамляли тонкие губы.

Высокий, стройный, почти аскетического сложения, лорд Ян Ховел смотрел на мир чуть раскосыми, глазами, еще более темными, чем его волосы, глазами, которые спорили по силе блеска с темными драгоценностями, украшавшими шею и уши.

Эти глаза быстро окинули взглядом подошедшего мавра, а затем остановились на женской фигуре.

— Ты задерживаешься, Ян,— сказала женщина. Это была не просто констатация факта, в голосе слышалось порицание. Она твердо встретила его взгляд. Увидев, что Ян не собирается спешиваться, леди медленно подняла руку и откинула вуаль поверх светлых вьющихся волос.

Взгляд ее стал жестоким, но она больше ничего не сказала.

Ян лениво улыбнулся, соскочил с лошади и легко двинулся к Чариссе. Он коротко кивнул Мустафе, стоящему рядом с ней, а затем одним ловким движением перекинул плащ через плечо.

— Ну? — нетерпеливо спросила Чарисса.

— Все в порядке, дорогая, — сказал Ян нежно. — Король выпил вино. Колин ничего не подозревает, а охота сейчас идет по фальшивому следу. Они должны быть здесь примерно через час.

— Великолепно. А принц Келсон?

— О, он в безопасности, — ответил Ян, натягивая серую перчатку. — Но, по-моему, смешно сейчас заботиться о безопасности Келсона, потому что он все равно будет убит позднее. Демонстрировать милосердие к врагам — не похоже на тебя, Чарисса — коричневые глаза встретились с голубыми. В коричневых была насмешка.

— Милосердие? — повторила Чарисса, оценивая брошенный ей вызов.

Она отвела глаза, на мгновение задумалась, а затем направилась в сторону леса. Ян сопровождал ее.

— Не беспокойся, Ян, — продолжала она. — У меня относительно принца свои планы. А кроме того, мне не заманить Моргана в ловушку без хорошей приманки. Как ты думаешь, зачем я так настойчиво распространяла в течение нескольких месяцев слухи?

— Я думал, это просто злоба, а не то, в чем ты действительно нуждаешься, — ответил Ян.

Они дошли до края поляны, и Ян небрежно остановился перед ней, сложив руки на груди.

— Ну, конечно, Морган — особое дело, не правда ли? Аларик Энтони Морган. Дюк Корвина. Генерал армии Его Величества. И, главное, полукровка Дерини, которого приняли люди. Иногда я думаю, что это беспокоит тебя больше всего.

— Осторожнее, Ян, — предупредила она.

— О, прошу прощения, моя Леди! — стал кривляться Ян, воздев руки кверху, как будто вымаливая прощение. — Готовится всего лишь маленькое убийство? Или наказание? Я что-то забыл.

— Это единственное, что ты не должен никогда забывать, Ян,— ледяным тоном отрезала Чарисса.— Морган убил моего отца пятнадцать лет назад, и ты знаешь об этом. Мы тогда оба были детьми, ему было четырнадцать, а мне несколькими годами меньше, но я никогда не прошу ему этого.

Ее голос сорвался до хриплого шепота, когда она вспоминала.

— Он предал свою кровь Дерини и вошел в союз не с нами, а с Брионом, он пренебрег Советом Камбера ради того, чтобы встать на сторону смертных. Я видела, как они зарубили моего отца Марлука, а до того лишили его власти. И это все Морган, с его хитростью Дерини. Он открыл Бриону путь. Я никогда не забуду этого, Ян.

Ян пожал плечами.

— Не беспокойся, девочка. У меня есть свои причины желать смерти Моргана, ты помнишь? Герцогство Корвин граничит с моим графством. Вот только не знаю, как долго ты позволишь Моргану жить.

— Самое большее несколько недель,— сказала Чарисса.— И я хочу видеть, как он будет страдать и мучиться перед смертью. Сегодня Брион умрет при помощи магии Дерини, и Морган узнает, что это я. Это само по себе ранит Моргана больше, чем что-либо другое. А затем я буду уничтожать всех, кто ему дорог.

— И принца Келсона?

— Не будь так алчен, Ян,— зловеще засмеялась она.— Ты получишь свой драгоценный Корвин, но всему свое время. А я буду править Гвинедом, как и все мои предки, увидишь.

Она повернулась на каблуках и пошла через поляну, повелительно махнув рукой Мустафе. Когда она оставилась, тот разостлал на земле плотную ткань, прикрыв ею сломанные сучья.

Чарисса полулежала на земле. Перед ней простирался пологий склон, уходивший в глубь леса. В слабом свете утреннего солнца все было тихо и спокойно.

После некоторой паузы Ян подсел к Чариссе и легонько обнял ее за плечи.

— Должен сказать, что твой план мне нравится, девочка,— прошептал он.— Твое хитроумие не перестает изумлять меня,— он задумчиво посмотрел на нее сквозь длинные темные ресницы.— Однако уверена ли ты, что

кроме Моргана никто ничего не заподозрит? Я имею в виду самого Бриона.

Чарисса самодовольно улыбнулась и откинулась назад, прислонившись к его груди.

— Ты слишком много беспокоишься, Ян,— промурлыкала она.— Мараша, подмешанная в вино, затуманит мозг Бриона. Он ничего не почувствует, пока моя рука не сожмет его сердце. Что касается Колина, то мараша на него не подействует, если в нем нет ни капли крови Дерини. А если и есть, то все равно с ним ничего не случится, если он будет подальше от Бриона, когда придет час.

— Колина нужно убрать подальше на всякий случай,— заметил Ян. Он снял травинку с плаща Чариссы и продолжал: — Я долго обхаживал этого дворянина, и могу сказать, что ему льстило мое внимание.

Чарисса оттолкнула его с раздражением.

— Ян, ты становишься надоедливым. Если ты собираешься и впредь быть таким напыщенно-помпезным, тебе лучше вернуться в королевскую свиту. Там атмосфера больше подходит для самовосхваления и дурацкого обмена любезностями. Ведь тебе это очень нравится!

Ян ничего не сказал, но надменно поднял тонкую бровь. Неторопливо встав, он подошел к лошади, подправил стремяна и, прищурившись, бросил поверх седла короткий взгляд на Чариссу.

— Могу я передать привет от тебя Его Величеству? — спросил он. Мстительная улыбка играла в уголках тонкого рта.

Чарисса, медленно улыбаясь и не сводя с него глаз, направилась через поляну к нему. Ян обошел лошадь и ждал, готовый встретить ее. Чарисса взяла поводья и кивнула мавру, стоящему в ожидании.

— Ну? — спросил Ян, когда мавр с поклоном удалился.

— Думаю, на этот раз тебе не следует упоминать обо мне,— промурлыкала она, пробежала рукой по гриве гнедого, завязала на шерсти какой-то замысловатый узелок.— Тебе сейчас лучше поехать туда. Охота скоро будет здесь.

— Слушаюсь и повинуюсь, леди,— сказал Ян и вскочил в седло.

Он взял поводья, посмотрел на нее и затем протянул ей левую руку. Не говоря ни слова, Чарисса вложила свою руку в его. Он наклонился и приложился губами к нежной коже.

— Удачной охоты, леди.

Легко пожав ей руку, он выпрямился, выпустил ее, и направил лошадь в заросли, по тому пути, по которому приехал сюда.

Та, Которая в Тени смотрела вслед сузившимися глазами, пока он не исчез из виду, а затем погрузилась в прежнее, молчаливое ожидание.

Присоединившись к охоте, Ян постепенно начал пробираться вперед к королевской свите. Сейчас они скакали по мелколесью, так что вокруг все хорошо просматривалось. Прищурившись, он взглянул на стремя, коротко хмыкнул, а затем направил лошадь поближе к Колину и поднял руку, приветствуя его.

— Лорд Ян! — воскликнул Колин, когда тот поравнялся с ним.— Какая превосходная скачка за сворой!

Ян подарил юноше сердечную улыбку.

— Неподражаемо, мой друг!

Он переместился всем корпусом на одну сторону и с удовлетворением почувствовал, что ремень не выдержал его веса и лопнул.

— Черт возьми! — в сердцах выругался Ян.— Кажется, охота для меня закончилась!

Он отъехал в сторону, давая дорогу охотникам, а затем наклонился, чтобы достать стремя, все еще висевшее на его сапоге, и улыбнулся Колину, который подъезжал к нему. Когда всадники промчались мимо, Ян соскочил на землю и, расстроенный, стал рассматривать седло. Колин сочувственно смотрел на него.

— Я же говорил этому свинье груму, чтобы он заменил ремень,— выругался Ян.— Не найдется ли у вас чего-нибудь подходящего, Колин?

— Должно быть,— ответил Колин и спрыгнул с седла.

Пока тот копался в седельной сумке, Ян украдкой огляделся. Время было выбрано превосходно. Именно сейчас свора выбежит в центр луга, и след будет снова потерян.

Слуги отчаянно старались собрать собак и заставить их слушаться. Брион с раздражением щелкал кнутом по сапогам.

— Эван, ваши собаки опять разбежались,— сказал он.— Келсон, поезжай вперед, попытайся узнать, что же случилось. Не могли же они потерять след в чистом поле! Эван, вы оставайтесь.

Когда Келсон отъехал, Эван привстал на стременах и старался рассмотреть, что там происходит, а затем сел, что-то бормоча себе под нос. На таком расстоянии было невозможно что-либо различить в дикой мешанине всадников и собак, и горячий старый лорд произнес фразу, которая, очевидно, полностью выражала его отношение и к собакам, и к слугам, и к погоде, и к оленю, и ко многому другому:

— Проклятые звери посходили с ума! Ну, подождите, я сейчас...

— Не надо, Эван,— мягко возразил ему Брион.— Не утруждайте себя, вероятно, сегодня просто не судьба... ох!

Брион внезапно оборвал фразу и застыл, серые глаза расширились от боли.

— О Боже! — прошептал он, глаза его медленно закрылись, как будто он не в силах был переносить эту боль. Кнут и поводья выскользнули из онемевших пальцев, король схватился за грудь и, застонав, стал заваливаться вперед.

— Сэр! — закричал Эван.

Брион начал соскальзывать с седла. Роджер и Эван подхватили его под руки и, осторожно опустив, положили на землю. Другие, заметив неладное, быстро спешили и поспешили на помощь. Откуда-то появился принц Нигель, он молча опустился на землю рядом с королем и положил его голову к себе на колени.

Роджер и Эван осторожно опустили рядом. Нестерпимая волна боли схлынула, отпустила короля, и он слабым голосом позвал:

— Келсон!

Келсон был далеко впереди, гадая, что же там произошло. Он видел, что среди королевской свиты произошло что-то серьезное, и, хотя не догадывался, что именно, поскакал обратно галопом. Приблизившись, в центре толпившихся людей он увидел своего отца, распростертого на земле, и, резко осадив коня, соскочил с него и бросился к отцу, расталкивая придворных.

Дыхание Бриона было тяжелым. Он стиснул зубы, так как жгучая боль усиливалась с каждым ударом сердца. Его глаза лихорадочно бегали по сторонам, стараясь найти сына. Он совершенно не замечал усилий Эвана, Роджера, епископа Арлиана, пытавшихся хоть как-то помочь ему, облегчить его страдания.

Все, чего он хотел сейчас,— это видеть Келсона. Мальчик бросился перед ним на колени. Король ахнул и стиснул руку сына, так как волны боли снова пробежали по его телу.

— Так скоро! — попытался он прошептать, судорожно, до боли стискивая руку своего мальчика...

Глаза короля полузакрылись, по телу пробежала судорога, и затем оно спокойно вытянулось.

Пока Нигель и Эван в безумной спешке искали пульс или хотя бы какие-нибудь признаки жизни, Келсон смотрел и не верил тому, что отец умер. Однако придворные поднялись, в молчании опустив головы. И со сдавленным рыданием Келсон прижался лбом к руке отца.

Епископ Арлиан, сделав над собой усилие, начал читать молитву. Его тихий голос казался резким в наступившей, скованной ужасом, тишине. Все, что были вокруг, опустились на колени, один за другим, и вот уже хор голосов возносил вслед за епископом слова молитвы:

— Подари ему вечную жизнь, о Боже.

— Пусть всегда будет свет сиять над ним...

Келсон позволил знакомым фразам протекать мимо него. Они притупили сосущую боль внутри, абсолютная пустота сменилась тупым оцепенением, судорога, переживавшая горло, ослабла. Через некоторое время он уже смог поднять голову и осмотреться вокруг.

Нигель казался совершенно спокойным, почти умиротворенным. Он стоял на коленях, его руки касались безжизненной головы короля: снова и снова длинные

пальцы разглаживали прямые черные волосы на чистом безмятежном лбу — мягко, почти нежно. Его мысли блуждали где-то далеко, а где — об этом знал только сам Нигель.

А Роджер — Роджер смотрел и не видел, его глаза следили за пальцами Нигеля, его губы сомнамбулически повторяли слова молитвы, но он не понимал, что видит или что говорит.

Но о том, что делал Эван, молодой принц вспомнил много позже, когда другие подробности этого страшного дня милосердно стерлись из его памяти. Почему-то Эван держал в руках кожаную красную шляпу Бриона. Это яркое пятно было совершенно неуместным в окружающем смятении и ужасе.

Каким-то чудом белое перо на шляпе оказалось неповрежденным, его белоснежная чистота была незапятнанной. И когда Эван прижимал шляпу к сердцу, перо качалось перед глазами Келсона, гипнотически приковывая его взгляд к себе.

Эван заметил взгляд Келсона и смутился. Он потупил взгляд и, как будто увидел шляпу и колыхающееся перо. Секунду он колебался, а затем медленно взял перо в огромную ручищу и стал сгибать, пока то не сломалось.

Келсон смотрел.

— Король умер, сэр,— глухо проговорил Эван. Его лицо было пепельным под ярко-красной бородой и усами. Он медленно разжал пальцы и смотрел, как обломанный конец пера медленно опускается, чтобы упасть на плечо Бриона и застыть там.

— Я знаю,— медленно ответил Келсон.

— Если... — голос Эвана оборвался, но, справившись с собой, он начал снова: — Если...

Он не смог закончить и, сотрясаясь от рыданий, уткнулся лицом в шляпу Бриона.

Нигель оторвал взгляд от лица брата и посмотрел на Эвана, затем дотронулся до плеча старого воина.

— Все нормально, Эван,— мягко проговорил он. Его рука бессильно опустилась, Нигель снова вернулся взглядом к лицу Бриона, а затем его глаза встретились с глазами сына его брата.

— Ты теперь король, Келсон,— сказал он.— Какие будут приказания?

Келсон еще раз взглянул на мертвого отца, наклонился и сложил ему руки на груди.

— Прежде всего, — сказал он непреклонно, — пошлите за генералом Морганом.

ГЛАВА II

Спустя несколько недель Морган и его адъютант, оба в голубых накидках, въезжали через северные ворота Ремута, столицы королевства Бриона. Несмотря на утреннее время их лошади казались усталыми, они тяжело дышали и в морозном воздухе вокруг них клубились клочья белого пара.

В Ремуте начинался базарный день, и улицы уже были полны народа. Кроме того, намеченная на завтра коронация привлекла в город путешественников из всех Одиннадцати Королевств. Шумные толпы заполнили узкие извилистые улицы города, сделав их совершенно непригодными для передвижения.

Повозки с товарами, роскошные экипажи, купеческие караваны, уличные продавцы с лотками, наполненными всякой всячиной, скучающие дворяне в окружении многочисленной свиты — все смешалось в пестром калейдоскопе цветов, звуков, запахов, бурлило в лабиринте разукрашенных улиц города.

Ремут Прекрасный — так его называли.

И это не было преувеличением — каждый мог убедиться сам.

Когда Морган на уставшей лошади пробирался вслед за лордом Дерри среди пешеходов и экипажей, направляясь к главным воротам дворца, он поневоле обратил внимание на свою скромную походную одежду, так контрастирующую с кричащим великолепием, окружавшим их: пыльный черный камзол поверх кольчуги, тяжелый черный шерстяной плащ, закрывавший его от плеча до колен, голубая накидка, забрызганная грязью.

Странно, как быстро меняется атмосфера в городе. Он подумал, что всего несколько недель назад все эти веселые горожане, оживленно снующие вокруг, были

одеты одинаково: они носили траур по случаю кончины своего монарха. Теперь же ничто не напоминало об этом в атмосфере веселья, праздника, предстоящей коронации.

Что это — короткая память или благословенная способность людей забывать, когда проходит время? Почему возбуждение ожидающейся коронации заставило простых людей забыть все свои заботы и дела? А может быть для тех, кто не знал Бриона, это всего лишь изменение имени, которое нужно поставить после титула «король»?

Другое имя... другой король... королевство без Бриона...

Воспоминания... девять долгих дней... сумерки... четверо всадников въехали в лагерь под Кардосой... почерневшие от горя лица лорда Ралсона, Колина, двух солдат, принесших ужасные вести... Отчаянные, безуспешные попытки преодолеть огромное расстояние и коснуться разума того, кто больше не мог отозваться, даже если бы был близко... Оцепенение, владевшее ими, пока длилась бешеная скачка в Ремут... Загоняли лошадей, брали по пути новых...

А потом кошмар... западня в густых зарослях... резня, из которой только он и Дерри смогли выбраться живыми...

Опять нескончаемая дорога, долгие мили.

И теперь мучительное осознание того, что все действительно так и есть, что Брион умер, его время прошло, что никогда они не будут скакать вместе по холмам Гвинеда.

Вся полнота горя обрушилась на Моргана, как что-то физическое, материальное, и это ощущение грозило поглотить его полностью, захлестнуть, такого с ним не было во время долгих дней скачки сюда, в Ремут.

Охнув, он ухватился за луку седла, чтобы не упасть. — Нет!

Он не должен позволить эмоциям овладеть им, впереди его ждет работа. Там впереди власть, которую нужно сберечь, король, которого нужно короновать, битва, которую нужно выиграть.

Он заставил себя расслабиться, дышать глубоко и ровно, подавить в себе почти физическую боль, обрушившуюся на него. Время для личных переживаний будет потом, а может быть, такое время и не наступит,

если он проиграет, и тогда он воссоединится в смерти с Брионом. Но хватит об этом. Теперь все переживания — роскошь, которую он не может себе позволить.

Момент слабости миновал, он полностью овладел собой и посмотрел, не заметил ли Дерри ту внутреннюю борьбу, которую ему пришлось выдержать.

Нет, не заметил или не показал виду. Молодой лорд Марчер был слишком занят: он изо всех сил старался удержаться в седле, огибая горожан, которые потоком текли по улицам, то и дело создавая какие-то немислимые водовороты. Больше уже ни на что он не в состоянии был обращать внимание.

Морган знал, что раны, полученные молодым лордом, когда они пробивались сквозь засаду, были достаточно серьезны и причиняли ему страдания, хотя он ни разу не показал этого во время пути.

Морган подъехал поближе к товарищу и хотел с ним заговорить, как вдруг лошадь Дерри споткнулась. Морган схватил поводья, и лошадь чудом удержалась на ногах, но всадник тяжело упал вперед на луку седла и едва удержался в нем.

— Дерри, что с тобой? — спросил с тревогой Морган, опуская поводья и поддерживая молодого человека за плечо.

Они остановились посреди улицы. Дерри медленно выпрямился. Его лицо, почти совсем закрытое шлемом, искажилось выражением нестерпимой боли. Он осторожно взял забинтованную левую руку в правую, закрыл глаза, сделал глубокий вдох. Затем снова открыл глаза и слабо кивнул.

— Сейчас все будет нормально, милорд, — прошептал он, снова засунул забинтованную руку в черную шелковую повязку и крепче уселся в седле.

У Моргана возникли сомнения. Он сам решил осмотреть раненную руку, но тут возле самого его уха раздался громкий голос:

— Дорогу королю Хауица! Дорогу Его Величеству! — и затем немного потише: — Вы не могли найти другое место, чтобы держаться за руки?

В то же мгновение кожаный кнут щелкнул по лошади Моргана. Лошадь отскочила в сторону с энергией,

которой Морган в ней не подозревал, толкнув лошадь Дерри прямо в гущу кричащих пешеходов.

Глаза Дерри горели огнем, и когда Морган повернулся к нему, тот уже готов был дать соответствующий ответ. Морган знаком попросил его молчать. Он изобразил на своем лице то, что надеялся выдать за ласковое выражение, и показал Дерри, чтобы тот сделал то же самое.

Над ними возвышался семифутовый гигант, закованный в бронзу и одетый в фиолетовые цвета Объединенного Королевства Хауица и Ланнеда. При обычных обстоятельствах и один-то он выглядел устрашающе, а тут его сопровождали еще семеро таких же. Дерри к тому же был ранен. Так что соотношение сил не позволяло ввязываться в бой. Кроме того, Морган вовсе не горел желанием быть арестованным и попасть в тюрьму. Ставка была слишком высока.

Морган с нескрываемым интересом следил, как гиганты проезжали мимо. Он обратил внимание на густые черные бороды и волосы, спускающиеся из-под шлемов, украшенных крыльями, что указывало на их принадлежность к наемникам Коннаити, отметил фиолетово-зеленые ливреи с гербами Хауица, рассмотрел длинные мечи на поясах, витые кнуты в руках.

Никаких указаний на то, кто или что этот король Хауица, не было, но у Моргана имелись свои предположения. Гиганты эскортировали конные носилки, поддерживаемые четырьмя серыми лошадьми. Гобелены, скрывающие то, что находилось внутри носилок, были разукрашены вызывающими головную боль зелеными, фиолетовыми и оранжевыми розами. Еще шестеро свирепых гигантов сопровождали кортеж сзади. По всему было видно, что подобраться поближе к носилкам и заглянуть внутрь Моргану вряд ли удастся.

Ну и ладно, Морган уже сделал в уме отметку относительно того, кто нагло именует себя Его Величеством. Он не забудет короля Хауица и его свиту.

Очевидно, Дерри думал о том же самом. Когда кортеж проехал, он наклонился к Моргану и спросил с кривой ухмылкой:

— Во имя всех дьяволов ада, кто этот король Хауица?

— Не скажу наверняка,— ответил Морган громким шепотом, который был слышен и в толпе.— Не думаю, что он из тех, кто занимает высокий пост. Скорее всего, это какой-нибудь мелкий посол, страдающий манией величия и преувеличивающий собственную значимость.

Морган хотел, чтобы его слышали, и вокруг раздался хохот. Последний гигант обернулся и посмотрел на них, но Морган сделал невинную физиономию и поклонился. Гигант поехал дальше.

— Ну что же, кто бы он ни был,— сказал Дерри, когда они поехали дальше,— его слуги очень плохо воспитаны. Кто-нибудь должен их проучить.

На этот раз Морган ухмыльнулся.

— Этим я сам займусь,— пообещал он.

Он кивком показал на процессию, которая уже готова была скрыться за углом улицы. Первый гигант непрерывно работал кнутом, раздавая удары направо и налево, разгоняя людей и расчищая дорогу, невзирая на то, что здесь было много знатных людей, так как процессия уже приближалась к дворцу.

И вдруг случилась странная вещь. Длинный черный кнут, которым гигант действовал с таким искусством, внезапно как бы обрел собственный разум. Возвращаясь после очередного пренебрежительного удара по уличным зевакам, он внезапно и необъяснимо обвился вокруг передних ног лошади гиганта. Прежде чем кто-либо смог понять, что произошло, и лошадь, и всадник покатались с грохотом и металлическим лязгом по мощеной улице.

Когда гигант поднялся вне себя от ярости, он был встречен смехом, насмешками и улюлюканьем зрителей. Освободить ноги лошади ему удалось только разрезав свой кнут. Процессия, сопровождаемая свистом, двинулась дальше.

Морган увидел достаточно. Удовлетворенно улыбнувшись, он кивнул Дерри, чтобы тот ехал за ним, и свернул на менее оживленную улочку.

Когда они доехали до конца улицы, Дерри искоса взглянул на своего командира.

— Приятно было посмотреть, когда этот гигант запутался в собственном кнуте, милорд,— в голосе Дерри было восхищение.— Уж очень он неуклюж, верно?

Морган поднял брови.

— Думаешь, я устроил этот инцидент? Просто гиганты часто страдают плохой координацией движений. Это потому, наверное, что у них мало мозгов.— И почти про себя добавил: — А кроме того, я терпеть не могу людей, которые бьют других кнутом.

Главный двор королевского дворца был переполнен народом. Такого количества людей здесь Морган не мог припомнить со времен своего детства. Им с Дерри приходилось протискиваться сквозь толпу. Интересно, как они собираются размещать всех этих людей? Очевидно, что многие из прибывших на завтрашнюю коронацию обосновались в самом дворце. Вся площадь перед главной лестницей была заполнена экипажами, паланкинами, каретами, выючными животными. Повсюду сновал народ: дворяне, их жены, дети, слуги — все бурлило, шумело, кричало. Гам и вонь были страшные.

Морган поразился, как много дворян из Одиннадцати Королевств решили принять участие в празднестве,— конечно, не потому, что считал коронацию не особенно выдающимся событием, вовсе нет. Его удивляло, что тут добровольно собрались представители враждующих кланов, да и их отношение к королевской власти было неоднозначным. Но еще более будет он удивлен, если до конца празднеств здесь не разразится хотя бы одна крупная ссора с кровопролитием.

Вот уже две группы слуг ожесточенно спорят, чей хозяин займет более почетное место за королевским столом. Интересно, почему они так ревниво относятся к положению своих хозяев внутри их круга? Ведь по отношению к лордам, например, они все равно будут занимать более чем скромные места. Взять хоть пять Штатов Форсин. Все пять находятся под защитой и экономическим контролем Орсаля из Хорта, флаг которого уже развевается над башнями главного укрепления. Представители Хорта будут сидеть немного впереди всех посланцев Штатов Форсин.

Сам Орсаль, который контролирует всю торговлю в Южных морях, скорее всего, не побеспокоится прибыть сюда. Его отношения с Ркасси на юге уже давно перестали быть дружественными, и старый морской лев

вполне мог решить, что благоразумнее остаться дома и охранять свои порты. Таков был старый Орсаль.

Но молодой Орсаль прибыл. Справа развевались его флаги цвета морской волны. Его слуги сейчас занимались разгрузкой багажа.

Морган отметил в уме, что завтра после коронации ему следует встретиться с Орсалем, если, конечно, останется жив, да если и Орсаль не погибнет, что вполне вероятно предположить, учитывая их сложные отношения со Штатами Форсин. Может быть, завтра удастся добиться приемлемого решения некоторых проблем. Во всяком случае, Орсаль должен знать его точку зрения. Корвин и Хорт всегда поддерживали хорошие отношения.

Морган кивнул в знак приветствия, когда мимо проходил лорд-канцлер Торента, но он больше не думал об иностранных эмиссарах. В первую очередь ему сегодня следует встретиться с лордами Регентского Совета.

Морган заметил ярко-оранжевый бархат лорда Эвана, почти не отличающийся по цвету от его огненно-рыжей шевелюры. Эван входил в главные двери дворца на самом верху лестницы.

Слева от себя Морган увидел пажа, ведущего в королевские конюшни двух лошадей с попонами клана Мак Лейнов. Значит, здесь можно рассчитывать на поддержку. Лорд Джаред, его обожаемый дядя, правил почти пятой частью Гвинеда, если считать графство Керни, принадлежащее его старшему сыну. Сам граф Керни Кевин уже давно был другом Моргана, а скоро будет и его родственником. Можно еще принять во внимание и младшего из Мак Лейнов — Дункана, на которого тоже можно положиться.

Кивнув Дерри, чтобы тот следовал за ним, Морган поехал сквозь толпу к лестнице. Там они спешили. Ласково погладив лошадь, Морган бросил поводья Дерри, снял шлем и стал рассеянно приглаживать свои светлые волосы, отыскивая взглядом знакомые лица.

— О, Ричард Фиц Вильямс! — закричал он, подняв руку в перчатке.

Высокий темноволосый юноша в королевской ливрее обернулся на звук своего имени и улыбнулся, узнав того, кто его звал. Но пока он быстро пробирался к

Моргану, улыбка его исчезла, уступив место тревожному выражению.

— Лорд Аларик,— прошептал он, поспешно поклонившись. В его глазах было беспокойство.— Вам не следовало бы появляться здесь. Говорят, что Совет настроен против вас, и это чистая правда!

Его глаза беспокойно перебегали с Моргана на Дерри и обратно. Дерри застыл было, держа в руках шлем, который он в тот момент привязывал к седлу, но, поймав короткий выразительный взгляд Моргана, вернулся к своему занятию. Морган обратился к Ричарду:

— Значит, Совет намерен действовать против меня? — спросил он, изображая полнейшее недоумение.— А почему?

Ричард поехал и постарался избежать испытующего взгляда Моргана. Он когда-то обучался под его руководством и всегда восхищался им, несмотря на все, что о нем говорили, но сейчас он не хотел быть первым, кто расскажет ему обо всех неприятностях.

— Я... я мало что знаю,— пробормотал он.— Они... да вы ведь, наверное, и сами слышали всякие слухи о вас? — он со страхом посмотрел на Моргана, как будто надеясь, что тот все-таки не слышал, но Морган поднял бровь.

— Да, я знаю слухи, Ричард,— вздохнул он.— Но ты-то им не веришь?

Ричард отчаянно замотал головой.

Морган в возбуждении хлопнул свою лошадь по шее, и животное вздрогнуло от неожиданности.

— Дьявол бы побрал их всех! Это именно то, чего я боялся! Дерри, ты помнишь, что я говорил тебе о Регентском Совете?

Дерри засмеялся и кивнул.

— Отлично,— обратился к нему Морган.— Ну, тогда как тебе понравится, если я предложу тебе пойти и постараться умиротворить Лордов Совета, а я пока улажу кое-что?

— Но вы же не собираетесь задерживаться, сэр?

Морган расхохотался и хлопнул его по плечу.

— Дерри, мальчик! Мне нравится, как ты мыслишь. Напомни мне, чтобы я подумал о достойной награде для тебя.

— Да, сэр.

Морган повернулся к Ричарду, вручая ему поводья и шлем.

— Ричард, ты посмотришь за нашими лошадьми и одеждой?

— Конечно, милорд,— ответил слуга, с удивлением глядя на двух смеющихся людей,— но будьте осторожны оба, сэр.

Морган кивнул с благодарностью и решительно направился вверх по ступеням. Дерри последовал за ним.

Лестница и вход были заполнены дворянами и их женами в роскошных нарядах. Морган опять забеспокоился, что он выглядит среди них настоящим бродягой в своей грязной дорожной одежде. Однако вскоре ему стало ясно, что одежда в этой ситуации ничего не значит. Когда он проходил, все разговоры моментально прекращались, особенно среди женщин, и все взгляды обращались на него, а когда он возвращал взгляды со своей обычной улыбкой и поклоном, женщины отшатывались в испуге, а руки мужчин тянулись поближе к оружию.

Теперь он все понял. Несмотря на долгое отсутствие, его узнавали и связывали с ним дикие слухи о Дерини. Кто-то хорошо поработал, чтобы запачкать его имя. Эти люди действительно верят, что он злой колдун Дерини из легенд!

Отлично. Пусть смотрят. Он будет играть. Если они желают увидеть вкрадчивого, самоуверенного, смутно угрожающего Лорда Дерини в действии, он должен их удовлетворить!

Морган остановился перед дверью, чтобы стряхнуть пыль с одежды и придать себе соответствующий вид. Он поправил одежду так, чтобы его меч и кольчуга зловеще сверкали из-под плаща, а его волосы блестели, как полированное золото при свете солнца. Его вид должен производить впечатление.

Когда ему показалось, что желаемый результат достигнут, он еще раз оглядел себя, а затем повернулся на каблуках, как шаловливый мальчишка, и вошел в холл. За ним, как внимательная голубая тень, проскользнул Дерри. Под копной густых темно-каштановых волос блестели глаза.

Холл был огромен. Он и должен быть таким, так как Брион был великим королем, имел много вассалов и содержал огромный двор.

Высокий потолок холла поддерживали огромные дубовые балки, на которых висели шелковые боевые знамена, знаменующие собой союз Одиннадцати Королевств, сформировавшийся за двадцать пять лет правления Бриона. Знамена Картмора и Кассана, Керни и Келдыш-Райдинга, Свободного Порта Конкардина, Протектората Меары, Хауица, Ланнеда, Коннейта, Хорта Орсаля, епископальные знамена духовных лордов всех Одиннадцати Королевств — все они свисали здесь с дубовых балок, мерцая шелковыми и золотыми надписями и символами в неровном свете, исходящем от фонарей и трех огромных очагов, обогревающих холл.

Гобелены на стенах соперничали блеском и роскошью с боевыми знаменами. А над главным очагом поблескивал в складках малинового бархата Золотой Лев Гвинеда.

Ярко-красный лев, стоящий на задних лапах, — геральдический герб Халдана — висел на панели над очагом. Но на геральдическом жаргоне невозможно было описать исключительное мастерство ремесленников и ювелиров, которое отличало это творение.

Сама панель была установлена еще за пятьдесят лет до Бриона его дедом, королем Мелькольмом. Времена были трудные, и прошло почти три года, пока искусные ремесленники Келдыш-Райдинга завершили свою работу. И затем прошло еще пять лет, в течение которых мастера по золоту и драгоценностям из Конкардина делали свое дело. И только отец Бриона, Дональд, смог, наконец, повесить это исключительное произведение искусства в главный холл.

Морган вспомнил свою реакцию, когда он, маленький мальчик, впервые увидел Льва. Однако это первое впечатление полностью слилось в его памяти с воспоминанием о том дне, когда король Бриона, стоя перед Львом Гвинеда с улыбкой приветствовал юного пажа, вступающего в королевский двор.

Морган наслаждался воспоминаниями. Он снова и снова рассматривал герб, медленно, внимательно. Это уже вошло у него в привычку — после долгого отсутствия приходить сюда. И только спустя долгое

время он позволил взгляду оторваться от герба и скользнуть влево, где висело еще одно знамя.

Зеленый Грифон на черном шелке нарушал все законы геральдики относительно сочетания цветов.

Изумрудный Грифон Корвина — его крылья украшены золотом и драгоценностями, голова откинута назад, клюв и когти угрожающе направлены на врага. Он поблескивал таинственно, зловеще на черном мерцающем шелке. По краю знамени вился золотой бордюр — двойное переплетение трав. Этот рисунок взят из старого герба Морганов. Он указывает на его, Моргана происхождение.

Морган стремился забыть о владениях старых Морганов. Около двух десятков их поместий были разбросаны по Одиннадцати Королевствам, но все они предназначались в приданое его сестре Бронвин, которая собиралась будущей весной выйти замуж за Келвина Мак Лейна. Когда это случится, только имя и двойное переплетение трав на знамени останутся у него от предков.

Внезапно кто-то окликнул его, оторвав от размышлений. Оглянувшись, он увидел лорда Роджера, примерно в двенадцати шагах от себя. Роджер пробирался к нему сквозь толпу дворян, на тонком лице его было написано беспокойство, узкие темные усики слегка шевелились от нетерпения.

— Морган, мы уже давно ждем вас! Что случилось? — он настороженно взглянул на Дерри, очевидно, не узнавая его и потому не доверяя его присутствию. — Где лорд Ралсон и Колин?

Морган, не отвечая на вопросы, продолжал пробираться через холл. Он заметил Эвана, Брана Кориса и Яна Ховела. Если он дождетсЯ этих троих, ему не придется повторять рассказ несколько раз, слишком мучительно возвращаться к воспоминаниям: он был близок с Ралсоном.

Когда он добрался до этих троих, слева от него появился Кевин Мак Лейн и похлопал его по плечу в молчаливом приветствии. Роджер почти бежал за ним вне себя от ярости.

— Морган! — кричал он. — Вы не ответили на мои вопросы! Что с ними случилось?

Морган поклонился, приветствуя группу дворян.

— Роджер, мне неприятно говорить об этом, но Ралсон, Колин, два охранника и три моих лучших офицера — все погибли.

— Погибли! — ахнул Эван.

— О Боже,— прошептал Кевин.— Аларик, что случилось?

Морган заложил руки за спину и приготовился к испытанию.

— Я был в Кардосе, когда пришли печальные вести о смерти короля. В сопровождении эскорта — Дерри и троих моих людей — мы немедленно выехали в Ремут. После двух дней пути мы попали в засаду — думаю, это было где-то близ Валорета. Ралсон и наш эскорт были убиты в бою. Колин умер от раны на следующий день. Дерри, возможно, потеряет левую руку, но он остался жив, во всяком случае.

Ян нахмурился и погладил бороду, изображая озабоченность и беспокойство.

— Это ужасно, Морган, ужасно. И сколько людей, вы сказали, напали на вас?

— Я не называл цифр,— ответил Морган без всякого выражения. Он посмотрел на Яна, пытаясь понять подоплеку вопроса.— Но полагаю, их было человек десять или двенадцать, ты согласен, Дерри?

— Мы убили восьмерых, милорд,— заявил Дерри.— Остальные разбежались.

— Хм... — фыркнул Эван.— Девять воинов Гвинеда убили только восьмерых бродяг, напавших на них? Полагаю, вы могли бы лучше сделать свое дело.

— И я тоже,— добавил Ян, складывая руки на груди.— Я не претендую на роль эксперта в таких делах, как лорд Эван, но мне кажется, что это был плохой бой. Конечно, никто из нас там не был... — он пожал плечами и многозначительно замолчал.

— Это верно,— сказал Бран Корис. Его глаза подозрительно сузились. — Никто из нас там не был. Как мы можем быть уверены, что все случилось так, как рассказываете вы? Почему вы, Морган, не использовали свое могущество Дерини, чтобы спасти их? А может быть, вы и не хотели их спасти?

Морган напрягся и взглянул на Брана. Если этот идиот не поостережется, то начнется заваруха, которую Моргану придется закончить. А Морган вовсе не хотел

ввязываться в кровавое столкновение прямо здесь и сейчас.

— Я не слышал этого замечания,— сказал он с нажимом. Черт возьми! Уже во второй раз за сегодняшний день ему приходится уклоняться от хорошего боя! — Я повиновался приказу моего короля, и я приехал,— он повернулся налево.— Кевин, ты не знаешь, где сейчас Келсон?

— Я доложу ему, что вы здесь,— ответил Кевин, выскальзывая из рук Брана, который хотел задержать его. Яркое пятно его одежды запетляло среди толпы — видно было, что он спешил.

Бран опустил руку на рукоять меча и посмотрел на Моргану.

— Ловко подтасовано, Морган. Но семь смертей — слишком большая цена за ваше присутствие здесь!

Он начал вынимать меч, но Эван остановил его руку и принудил спрятать меч обратно.

— Остановись, Бран! — воскликнул он.— А вы, Аларик, лучше бы не появлялись. К тому же и королева не хотела, чтобы за вами посылали. Я не думаю, что вы сможете увидеть мальчика до того, как переговорите с Ее Величеством.

— Я рад, что королева думает обо мне, Эван,— мягко ответил Морган. — Но, к счастью для моей совести, меня не заботит, что она обо мне думает. Я дал слово королю Бриону, и я сдержу его,— он посмотрел вокруг.— И я не думаю, что Брион был бы доволен, узнай он о вызове меня в Совет. Ведь именно поэтому вы все здесь собрались, джентельмены, не так ли?

Лорды Совета обменялись недоуменными взглядами, пытаясь угадать, кто же из них выдал их планы Моргану.

В другом конце холла появился принц Нигель и, обменявшись несколькими словами с вышедшим Кевин, направился к Моргану.

— Вы должны понять, Морган,— сказал Роджер,— что никто из нас ничего не имеет против вас, но королева... она очень плохо перенесла смерть Бриона.

— И я тоже, Роджер,— ответил Морган, и его серые глаза сверкнули. Нигель решительно встал между ними и взял Моргану за руку.

— Аларик, очень рад тебя видеть. И лорда Дерри тоже.

Дерри поклонился с благодарностью. Он был польщен, что принц королевской крови узнал его, и был рад, что ссоре положен конец. Все остальные тоже поклонились.

— Я хотел просить вас о милости,— обратился Нигель к молодому человеку, играя роль гостеприимного хозяина.— Не могли бы вы занять место Аларика в Совете, Дерри? У него есть кое-какие неотложные дела.

— С удовольствием, Ваше Высочество.

— Отлично,— сказал Нигель и, подхватив Моргана, направился в ту же сторону, куда исчез Кевин.— Надеюсь, вы простите нас, джентельмены?

Когда Нигель и Морган исчезли в направлении королевских покоев, Ян мысленно восхитился ловкостью, с какой Нигель осуществил маневр. Но ничего, это еще не конец дела. Даже если Морган сможет переговорить с Келсоном, а Ян уже не имел возможности предотвратить эту встречу, то все равно лорда Деррини ожидает еще несколько неожиданных сюрпризов.

Теперь следовало заняться этим лордом Дерри. И Бран Корис — он тоже преподнес сюрприз. Ян знал, что сила Моргана в Совете уменьшилась на один голос со смертью Ралсона. А теперь, оказывается, Бран Корис тоже выступает против него. Интересно, что же побудило его к этому? Ведь в прошлом он всегда занимал нейтральную позицию.

Пока Морган и Нигель шли через главный холл, Морган удивлялся той перемене, что произошла в младшем брате Бриона за последние два месяца. Хотя принцу было всего лишь тридцать с небольшим — на несколько лет больше чем Моргану, он казался старше по крайней мере вдвое. Причем это была не физическая старость: не было никаких признаков седины в иссиня-черных волосах, Нигель не сутулился, не шаркал ногами, не дрожал, как старик. Когда они, покинув холл, шли по широкому мраморному коридору, Морган решил, что все дело в изменении выражения глаз. Нигель всегда был более спокойным и уравновешенным, чем его брат, король, но теперь что-то новое (испуг? или что-то другое?) появилось в его взгляде, чего раньше

Морган никогда не замечал. Да, Нигель тоже плохо перенес смерть Бриона.

Как только они отошли достаточно далеко, где их не могли ни видеть, ни слышать, с лица Нигеля исчезала искусственная улыбка, и он с тревогой посмотрел на Моргана.

— Нам нужно торопиться,— прошептал он. Его широкие шаги отдавались гулким эхом в мраморных переходах.— Джехана готова выступить перед Советом и предъявить тебе обвинения. А я не могу припомнить, чтобы лорды Совета были в более плохом настроении. Они, как будто, верят во все эти слухи относительно смерти Бриона.

— Они, конечно, верят им,— сказал Морган.— Они действительно думают, что это я убил Бриона с помощью магии Дерини прямо из Кардосы. Но даже чистокровный Дерини не может сделать этого,— он хмыкнул.— А есть и другая точка зрения: самые легковые считают, что король умер от «сердечного приступа».

Они дошли до развилки, и Нигель свернул в правый коридор, ведущий в дворцовый сад.

— Оба варианта обсуждались, но нет доказательств ни того, ни другого. Келсон же имеет свою теорию,— и я склонен согласиться с ним: — к этому имеет отношение Чарисса,— сказал Нигель.

— Возможно, он прав,— сказал Морган, не сбившись с шага.— А что касается Совета,— то сможешь ли ты держать его в руках?

— Вряд ли,— нахмурился Нигель.— Во всяком случае, не очень долго.

Они прошли мимо часового, и Нигель рассеянно отсалютовал ему.

— Видишь ли,— продолжал он,— все было бы по-другому, если бы Келсон был настоящим королем, в законном возрасте. Он бы тогда запретил Совету предъявлять тебе эти обвинения, если у них нет на руках конкретных доказательств. Но он не король и не может так поступить. И до тех пор, пока он не достигнет совершеннолетия, Совет Регентов будет иметь власть, которой Келсон не сможет противостоять. Они предложат эту тему на обсуждение и при голосовании простым большинством осудят тебя. Правда, добьются ли

они в этом успеха, во многом зависит от того, как Келсон сумеет провести голосование.

— А он сможет что-нибудь сделать? — спросил Морган, когда они поднялись по низеньким ступенькам в сад.

— Этого я не знаю, Аларик, — ответил Нигель. — Он, конечно, хорош, очень хорош, но все же я ничего не могу сказать. К тому же, вы видели настроение лордов Совета. После смерти Ралсона и открытого обвинения Брана Кориса все выглядит достаточно плохо.

— Об этом я знал еще в Кардосе.

Они остановились около увитого розами летнего домика на краю дубовой рощицы. Морган внимательным взглядом окинул место встречи и мысленно одобрил его.

— А эти попытки Джеханы дискредитировать меня, Нигель? Какие обвинения она собирается выдвинуть?

Нигель поставил ногу на каменную скамью и, опершись локтем о колено, угрюмо посмотрел на Моргана.

— Государственная измена и ересь, — сообщил он. — И она выдвигает это не как предположение. Это уверенность!

— Уверенность! — вскричал Морган. — Черт побери, Нигель! Ведь если она не позволит мне помочь Келсону, то он с этой самой полной уверенностью погибнет! Разве она не понимает?

Нигель безнадежно пожал плечами.

— Кто может сказать, что она понимает, а что не понимает? Знаю только, что наш дорогой лорд Роджер собирается выступить с формальным обвинением в измене. И нет ни единого шанса, что архиепископ Корриган откажется поддержать обвинение в ереси. Джехана ему в помощь даже вызвала из Валорета... ну, как его имя? Тот, кто прославился суровыми гонениями на Дерини в северных Королевствах!

— Лорис, — прошипел Морган, сплунув от отвращения.

Борясь с охватившей его внутренней дрожью, он смотрел на низкие кусты роз вокруг летнего домика и на дубовую рощицу за ними, где деревья были высажены так, что проходы образовывали лабиринт. Отсюда Морган не видел всех его запутанных ходов, но внезапно понял, что тот символизирует собой проблемы, вставшие перед

ним. Все было запутанно, загадочно, за каждым поворотом ждали новые непредсказуемые трудности. Однако из дубового лабиринта выход был, а из его лабиринта?...

Он снова повернулся к Нигелю, полностью овладев собой.

— Нигель, уверяю тебя, что Келсон мог бы победить Чариссу раз и навсегда, но только если бы он обладал могуществом Бриона. Неужели Джехана не знает, что случится с Келсоном, если он выступит против Чариссы без этого могущества? Ты же следующий наследник трона, понятно, о чем я говорю?

— Если она и знает, то не показывает виду,— вздохнул Нигель.— Я могу попытаться снова поговорить с ней, если ты думаешь, что это возымеет действие. По крайней мере, мы хоть время выиграем.

— Хорошо,— кивнул Морган.— И если на нее не подействует логика, то принуди ее.

— Я сделаю, что смогу,— утрумо кивнул Нигель.

— Хочу надеяться,— сказал Морган, еле слышно, так как принц уже скрылся за поворотом дорожки.

Морган печально улыбнулся и пошел к летнему домику, где собирался подождать Келсона. Он, увы, не питал надежды на то, что кто-то сможет умиротворить или принудить вдову Бриона, а меньше всего Нигель, который всегда выступал на стороне Моргана, ныне оказавшегося в опале.

С другой стороны, Нигель был ее родственником, а это кое-что значило. Кто знает? Ведь в этом мире, где боги восстают из мертвых и где почти исчезнувшая раса собрала все силы Добра, Зла и Духа, может произойти все, даже самое невероятное.

Однако он не мог понять позицию Джеханы, хотя знал, что в основе ее крылись древний страх перед магией Дерини и порожденная этим страхом ненависть, которая усиливалась в течение многих поколений, так как церковь ополчилась против всех оккультных искусств и науки. Но в ненависти Джеханы есть что-то еще.

Конечно, когда-то были причины ненавидеть Дерини, и Морган первый признал это. Со времени начала царствования Дерини прошло уже триста лет. И только примерно три поколения жителей Одиннадцати Коро-

левств находились под бременем диктаторского правления Дерини. Но это время кончилось двести лет назад.

И даже в те времена, когда власть Дерини была в расцвете могущества, только горстка Братьев проповедовала мрачную жестокость.

А в противовес им были тысячи Дерини, которые под руководством Камбера Кулди искали, как помочь людям, и в конце концов обнаружили, что при тщательно подобранных условиях в некоторых индивидуумах можно развить силы, дающие могущество Дерини. Могущество Дерини может быть приобретено человеком!

Началась революция, которой руководил Камбер, и царствование Дерини закончилось. Тираны были казнены своими собственными слугами, и правление перешло к наследникам старых правителей-людей.

Но вскоре люди и воинствующая церковь забыли, что освобождение им принести лорды-Дерини, и люди перестали делать различие между разными группами Дерини.

Через пятнадцать лет после Восстановления, то есть едва лишь сменилось всего одно поколение, Братство Дерини оказалось жертвой самого кровавого преследования, которое когда-либо видели глаза цивилизованного человека. Очистительный огонь уменьшил число Дерини до одной трети от первоначального. Те, кто выжил в этом кошмаре, теперь скрывались, отказавшись от своего наследства, или жили в постоянном страхе под защитой тех немногих дворян, что еще не забыли, как все происходило в действительности.

С годами все стирается из памяти, и очистительный огонь остался в памяти только немногих закоренелых фанатиков. Некоторые семьи Дерини возвысились и заняли достаточно высокие посты в государственной иерархии. Но магия если и использовалась, то с крайней осторожностью. Многие Дерини вообще отказывались пользоваться ею в любом случае. Ведь обнаружение этого означало смерть.

Однако среди людей магия, дар которой они получили во времена Восстановления, тщательно сохранялась. И уже постепенно признали, хотя и не открыто, что правители Гвинеда и некоторые другие правители Одиннадцати Королевств обладают особым могуществом, которое каким-то таинственным образом вселяется в них,

подтверждая божественное право на власть, на престол. О том, что источник этого могущества Дерини, не говорили, если совсем не забыли. Но это было именно то самое могущество, с помощью специально разработанных ритуалов оно передавалось от отца к сыну в течение двухсот лет, это было то самое могущество, что помогло Бриону сокрушить Марлука пятнадцать лет назад.

Однако вражда Джеханы с Морганом началась еще до этой исторической битвы. Но и не с самого начала их знакомства.

Когда Брион впервые привез медноволосую красавицу-принцессу домой в качестве своей королевы, Морган радовался вместе со всем Гвинедом. Молодая королева вскружила ему голову, как всем молодым людям при дворе, включая королевских слуг. Морган обожал ее со всей юношеской пылкостью и страстью. Джехана принесла с собой веселье и роскошь в королевский двор Ремута. Народ любил ее за это.

Затем пришел день, когда король случайно обмолвился, что Морган наполовину Дерини.

Лицо Джеханы тогда смертельно побледнело. А вскоре после этого началась война, исход которой мог оказаться роковым,— война с Марлуком.

Он все еще очень хорошо помнит тот день, хотя прошло уже пятнадцать лет, когда он и Брион, переполненные радостью недавней победы над Марлуком, ехали назад в Ремут во главе торжествующей армии.

Он помнил, как Брион гордился своим мальчиком-мужчиной Морганом, которому только что исполнилось четырнадцать лет, как они вбежали в покои Джеханы, громогласно хвастаясь своей победой.

И он помнит тот ужас и отчаяние, когда она поняла, что ее муж сохранил престол и одержал победу при помощи магии Дерини.

Сразу же после этого Джехана отправилась совершить паломничество на два месяца и заточила себя, как говорят, в Аббатстве Святого Жилия близ Жаннис Меер. Затем она и Брион помирились, и она снова вернулась в Ремут. Но с тех пор Моргана она старалась избегать.

И когда на следующий год родился Келсон, она совершенно недвусмысленно дала понять, что не хочет иметь ничего общего с юным лордом Дерини.

Ее решение, конечно, не повлияло на его положение при дворе. Его дружба с Брионом становилась все крепче и крепче, и, к радости Бриона, он принял активнейшее участие в обучении Келсона.

Постепенно Брион и Морган поняли, что все попытки примирения с Джеханой обречены на провал. И по истечении нескольких лет Брион привык к тому, что его обожаемая королева не хочет иметь ничего общего с его лучшим другом, которому он доверял больше всех.

Теперь Морган никогда не встречался с королевой, за исключением официальных приемов или дел, касающихся Келсона. И эти редкие встречи проходили в непрерывных словесных поединках, уколах, язвительных замечаниях. Зная женщин, Морган понимал, что такое положение вряд ли когда-нибудь изменится и что отношения между ними не наладятся.

Звук шагов разорвал тишину сада. Морган оглянулся, а затем выскочил из зарослей, где сидел в ожидании и размышлении. Келсон и Кевин, шедшие по главной тропинке, уже обогнули клумбу и теперь остановились у летнего домика.

На Келсоне были одежды ярко-красного, королевского цвета. Сумрачное лицо над воротником из черной лисы казалось напряженным, сосредоточенным. Он немного подрос за те месяцы, пока Моргана здесь не было. Тренированный глаз Моргана различил кольца кольчуги под роскошной шелковой туникой. Одна черная креповая повязка перетягивала руку, чуть выше локтя, а другая свисала с пояса.

Больше всего Моргана поразило сходство с Брионом, когда тот был в таком же возрасте.

Он смотрел на Келсона и видел Бриона, смотрящего на него: большие серые глаза под черным бархатом прямых волос, величественная посадка гордой головы, непринужденность, с которой он носил королевскую одежду. Он отметил кажущуюся хрупкость худощавого тела, хотя знал, что одежда скрывала стальные мышцы, вспомнил часы, долгие часы тренировок с оружием. Много времени провел он с ним.

Это был Брион-Смеющиеся Глаза, Брион-Разящий Меч, Брион-Задумчивый Разум. Морган обучал его скакать и фехтовать, вводил в тонкости королевских церемоний, даже ходить он его учил. И вот теперь он смотрел на него и видел двух Брионов: светлого и темного; старые воспоминания смешались в нем с совсем недавними.

Морган глубоко вздохнул. Наваждение кончилось. Теперь перед ним снова стоял Келсон. Но перед мысленным взором Моргана возник Брион, который просит своего ближайшего друга поклясться, что мальчик всегда будет иметь защитника, если его отец неожиданно умрет. Всего за несколько месяцев до смерти Брион доверил ключ от своей божественной силы и могущества человеку, перед которым теперь стоял его сын.

Келсон неуверенно опустил глаза. Он знал, что ему хотелось сейчас сделать: ему хотелось подбежать к Моргану, как он делал будучи ребенком, обхватить его руками, излить ему всю боль, весь ужас этих последних двух недель, позволить Моргану успокоить взбудораженный разум с помощью таинственной магии Дерини. Он всегда чувствовал себя в безопасности рядом с Морганом. Если бы только он мог...

Но он не мог.

Он стал мужчиной. Более того — королем.

Может быть, Морган поможет ему выжить в этом кошмаре!

Сухо, чувствуя какую-то неловкость в своей новой роли, Келсон поднял глаза и встретил взгляд друга своего отца, своего друга.

— Морган? — он кивнул, пытаясь выглядеть более уверенным, чем был на самом деле.

Морган улыбнулся медленной, всепонимающей улыбкой и спокойно пошел к нему. Он хотел встать на колени, как этого требовал этикет, но чувствовал, что мальчика это стеснит, и решил просто поздороваться с ним.

— Мой принц, — вот все, что он сказал.

Для Кевина Мак Лейна, стоявшего в нескольких шагах позади Келсона, напряженность ситуации не прошла незамеченной. Он откашлялся и посмотрел на Моргана.

— Дункан просил передать, что будет ожидать вас в Сейнт Хилари, когда вы будете готовы, Аларик. А я... я, пожалуй, вернусь на Совет. Думаю, что там я буду более полезен.

Морган кивнул, не отводя глаз от Келсона. Кевин отвесил поклон и поспешил прочь по главной тропинке.

Когда звуки его шагов затихли, Келсон опустил глаза и носком сапога принялся рисовать что-то на пыльном мозаичном полу летнего домика.

— Лорд Кевин рассказал мне о Колине и лорде Ралсоне, и о других,— наконец, сказал он.— Я... я чувствую, что виноват в их смерти. Ведь это я настаивал, чтобы они поехали за тобой.

— Кому-то все равно так было надо,— ответил Морган. Он положил руку на плечо Келсона.— Я знаю, что ты должен был чувствовать при этом известии. Тела я передал в Аббатство Святого Марка. Когда все закончится, ты можешь захотеть что-нибудь сделать для семей — может быть, государственное погребение.

Келсон посмотрел задумчиво.

— Небольшое утешение — государственное погребение. И все же ты прав: кто-то должен был поехать.

— Молодец,— засмеялся Морган.— Пойдем, погуляем.

Кевин Мак Лейн, остановившись в дверях, быстро оглядел холл и направился к комнате Совета, у дверей которой одиноко стоял Дерри.

— Они еще не начали? — спросил, подходя, Кевин.

— Нет, ждут опоздавших. Надеюсь, что-нибудь задержит их подольше, если, конечно, они не из наших.

Кевин засмеялся.

— Я Кевин Мак Лейн, кузен Морган. И если ты друг Аларика, то давай без формальностей,— он протянул руку юноше, и тот крепко пожал ее.

— Дерри — помощник Морган.

Кевин кивнул и осмотрелся.

— Не слышно каких-нибудь сплетен здесь? Наверняка в Ремуте уже каждый знает, что Морган вернулся.

— Я в этом не сомневаюсь,— ответил Дерри.— О чем ты думаешь?

— О чем я думаю? — переспросил Кевин. — Я думаю мой друг, что мы все в большой опасности. Ты знаешь, какие обвинения выдвигаются против него?

— Боюсь, что да.

Кевин загнул один палец.

— Во-первых, ересь. А во-вторых, — он загнул второй палец, — государственная измена. Можешь представить, какое наказание грозит за каждый из этих проступков по отдельности?

Дерри вздохнул, его плечи опустились.

— Смерть, — прошептал он.

ГЛАВА III

«Никакая фурия ада не сравнится с оскорбленной женщиной».

Джехана критически рассматривала свое отражение в зеркале, в то время как парикмахер укладывал ее медовые волосы в прическу, закрепляя их филигранными булавками.

Брион не любил ее прически. Она казалась ему слишком простой, даже грубой, никак не гармонирующей с тонкими чертами лица. Прическа подчеркивала высокие скулы, угловатую нижнюю челюсть, она оставляла единственное живое место на бледном лице — дымчато-зеленые глаза.

Да и черный цвет ей не шел. Текучий черный шелк и матовый бархат траурной одежды, не оживленные драгоценностями или хотя бы ярким шнурком, только усиливали бледность лица, заставляя выглядеть много старше ее тридцати двух лет.

Нет, Бриону бы все это не понравилось.

Он, конечно, не сказал бы ничего, — думала она, пока парикмахер укреплял на голове тонкую вуаль. Нет, не сказал бы. Он бы просто протянул руку к ее волосам, вытащил булавки, так что волосы блестящим каскадом рассыпались бы по спине, а потом взял бы тонкими

нежными пальцами за подбородок и притянул ее губы к своим...

Ее пальцы сжались при мысли об этом, и даже длинные узкие рукава не смогли скрыть нервную дрожь. Она сердито отогнала наворачнувшиеся слезы.

Нельзя сейчас думать о Брионе. Она не должна даже на мгновение допустить мысль о том, что бы он подумал, если бы мог знать о ее планах. Для ее сегодняшнего появления в Совете есть очень важная причина. И когда она будет стоять перед Советом и говорить им о страшной угрозе для Келсона, они не должны считать ее просто молоденькой и глупой женщиной. Она все еще королева Гвинед, во всяком случае до завтра. И на них, конечно, произведет впечатление то, что она потребует жизнь Моргана.

Ее рука дрожала, когда она коснулась золотой короны на туалетном столике перед ней, но, заставив себя успокоиться, твердой рукой возложила диадему на голову поверх траурной вуали. То, что она намеревалась сделать сегодня, было ей неприятно. Каковы бы ни были ее личные чувства к этому проклятому Моргану и его запретному могуществу Дерини, он ведь был ближайшим другом и доверенным лицом Бриона. Если бы Брион знал, что она собирается сделать...

Она встала и нетерпеливым жестом отослала служанок прочь. Брион не сможет узнать.

Несмотря на все старые легенды о могуществе Дерини — могуществе, таком чуждом, что она не пыталась понять и признать его, — пути из могилы не было даже для тех, кто им пользовался. И если даже для этого необходима смерть Моргана, ее единственный сын будет править как смертный, без помощи проклятых сил. Она добьется этого, какова бы ни была цена!

Она решительно вышла и остановилась только на пороге Солнечной комнаты. У дальнего окна юный менестрель пощипывал струны своей лютни, сделанной из драгоценного белого полированного дерева. Вокруг него сидели несколько одетых в черное девушек: некоторые из них занимались вышиванием, другие, отложив работу, слушали траурные мелодии менестреля. Над их головами на фоне ясного безоблачного осеннего неба четко вырисовывались розы, синие и фиолетовые. Причудливые тени играли на мозаичном полу. Когда на

пороге появилась Джехана, все взгляды устремились на нее в ожидании приказаний, и даже менестрель прекратил игру.

Джехана жестом разрешила им продолжать свои занятия. Менестрель возобновил мягкое пощипывание струн, и Джехана медленно прошла в противоположный конец комнаты. Сорвав розу с одной из веток, она опустила ее на затянутую черным крепом скамью.

Может быть, здесь, среди солнца и роз, которые так любил Брион, в ней установится мир, в котором она так нуждалась, зная, что ей предстоит. Может быть, ей удастся собрать силы и мужество для свершения того, что она задумала и что должно быть сделано.

Внезапная дрожь прошла по ее хрупким плечам, и она плотнее закуталась в свою накидку, стараясь унять эту дрожь.

Она еще никогда не убивала человека — даже Дерини.

Нигель нетерпеливо, уже в пятый раз, дернул за шнурок звонка у дверей в покои королевы, и в его глазах загорелся гнев. Он с трудом сдержался, чтобы не выругаться, и хорошее настроение, возникшее у него после короткой беседы с Алариком, тут же улетучилось. Если кто-нибудь сейчас не откроет дверь, то через три секунды он...

Он только поднял руку, чтобы дернуть за шнурок в шестой, и последний, раз, как услышал шорох за дверью. Отступив назад, он увидел, что в двери открылся глазок. На него смотрел чей-то коричневый глаз.

— Кто это? — спросил Нигель, наклоняясь к отверстию и заглядывая внутрь.

Коричневый глаз исчез, и Нигель увидел молоденькую служанку, отскочившую от двери. У нее одновременно округлились и глаза, и губы.

— Девушка, если ты сейчас же не откроешь дверь, я вышибу ее, так что лучше помоги мне!

Глаза девушки расширились еще больше, когда она узнала его голос, и она сразу повиновалась. Нигель услышал движение засова, и затем тяжелая дверь начала

потихоньку открываться. Без колебаний он рванул ее и вошел в комнату.

— Где королева? — его тренированный взгляд obeжал комнату, не упуская ни одной подробности.

Закончив осмотр, он резко повернулся и, схватив девушку за руку, притянул ее к себе. Она смотрела в пол. Он поднял ее подбородок, и взглянул ей прямо в глаза.

— Ну? Говори, девочка. Я тебя не укушу.

Девушка попыталась освободиться.

— Пожалуйста, Ваше Высочество,— пробормотала она.— Мне больно.

Нигель ослабил хватку, но девушку не выпустил.

— Я жду,— сказал он нетерпеливо.

— Она... она в Солнечной комнате, Ваше Высочество,— прошептала девушка, опустив глаза.

Кивнув, Нигель отпустил ее и быстро пошел к выходу в сад. Он знал, что Солнечная комната примыкала к покоям королевы, но имела также и выход в сад.

Быстро пройдя по садовой дорожке, посыпанной гравием, он остановился перед железными воротами, увитыми розами. Совсем рядом с ними, полускрытое переплетением ветвей, находилось окно в комнату.

Заглянув туда, он увидел Джехану, с удивлением слушающую испуганную служанку, только что вбежавшую в комнату. Выслушав ее, Джехана опустила единственную розу, которую держала у лица, и выжидающе посмотрела в сторону ворот, у которых стоял Нигель.

Выражение удивления пропало, Нигель решительно потянул засов и открыл ворота. Через мгновение он уже стоял на пороге комнаты, а затем прошел внутрь и стал перед королевой.

— Джехана,— сказал он.

Королева нерешительно опустила взгляд, как будто ее вдруг заинтересовал рисунок пола под ногами.

— Я... я не могу сейчас ни о чем говорить, Нигель. То, с чем вы пришли, не может подождать?

— Нет, не думаю. Можем мы остаться одни?

Губы Джеханы сжались. Она взглянула на Нигеля, а затем на своих приближенных. Опустив взор, она заметила, что все еще держит в руках розу, и швырнула

ее с раздражением в сторону, затем аккуратно сложила руки на коленях, прежде чем позволить себе заговорить.

— Вам нечего сказать мне такого, чего не могли бы слышать мои девушки, Нигель. Пожалуйста. Вы знаете, что я собираюсь сделать. Не делайте же так, чтобы это стало для меня еще более трудным, чем есть сейчас.

Он не ответил, и королева посмотрела на него выжидающе. Нигель не двинулся. Его серые глаза опасно сверкнули под гривой густых черных волос, совсем как у Бриона в плохом настроении. Он стоял решительный и угрожающий, вонзив ногти в пояс для меча, и смотрел на нее, не говоря ни слова.

Она отвернулась.

— Нигель, вы не поняли? Я не желаю обсуждать этого. Я знаю, зачем вы пришли, но вы ничего не добьетесь. Не в ваших силах изменить мои намерения.

Она скорее почувствовала, чем заметила его приближение. Край его плаща коснулся ее руки, когда он наклонился к ней.

— Джехана,— прошептал он так, чтобы только она одна могла слышать его.— Я хочу, чтобы вам стало невероятно трудно осуществить ваше намерение. И если вы не отошлете своих девушек, я буду говорить при них. А это будет очень неприятно для нас обоих. Я не верю, что вы хотите обсуждать свои намерения относительно Моргана при них... или причины смерти Бриона.

Ее голова дернулась, как от удара.

— Вы не посмеете!

— Я не посмею?!

Она встретила с ним взглядом и выдержала его несколько мгновений, затем отвернулась и махнула рукой девушкам.

— Оставьте нас.

— Но, Морган, я не понимаю, почему она хочет сделать это?

Морган и Келсон шли по дорожкам сада вдоль ограды лабиринта, приближаясь к сверкающему в центре бассейну. Пока они шли, Морган внимательно осматривал всех проходящих, но никто из них не выказал интереса к ним.

Морган посмотрел на Келсона и улыбнулся.

— Ты спрашиваешь, почему женщина делает что-то, мой принц? Если бы я мог это понять, я был бы самым могущественным на свете, таким могущественным, как мне и не снилось. После того как твоя мать узнала о моем происхождении, она не дала мне ни одного шанса поговорить с ней и выяснить отношения.

— Я знаю,— вздохнул Келсон.— Морган, а почему вы поссорились с матерью в последний раз?

— Самый последний?

— Да.

— Я помню, что это встревожило тебя,— ответил Морган.— Я сказал, что ты уже вырос и когда-нибудь будешь королем,— его взор устремился вниз.— Я не думал, что это будет так скоро.

Келсон усмехнулся.

— Она думает, что я все еще маленький мальчик. Разве можно убедить мать, что ее ребенок уже вырос?

Морган размышлял над этим вопросом, пока они не подошли и не остановились у бассейна.

— Не знаю, мой принц. Моя мать умерла, когда мне было четыре года. А моя тетка, которая растила меня, леди Вера Мак Лейн, не очень утруждала себя материнскими обязанностями. Когда умер мой отец, мне уже было девять лет, и я стал пажом при дворе твоего отца. А королевские пажи даже в таком возрасте уже не дети.

— Интересно, почему с принцами по-другому? — прошептал про себя Келсон.

— Да, у принцев детство длится дольше,— заметил Морган.— Ведь они растут, чтобы стать королями.

— Если вырастут,— опять прошептал Келсон.

Мальчик опустил на плоский камень на берегу бассейна и стал бросать в воду камешки, один за другим. Его серые глаза смотрели на пузырьки, появляющиеся на воде после каждого броска, и на концентрические круги, расходящиеся по воде и постепенно превращающиеся в ничто.

Морган знал это настроение и знал, что лучше в него не вмешиваться. Это были моменты глубочайшей концентрации и отрешенности, которые Морган часто видел у Бриона. Это была часть натуры Халданов, так же как серые глаза, сильные руки, изощренность ума.

Это все было отцовское. Этим же обладал в полной мере и брат Бриона — Нигель, который мог бы стать могущественным королем, если бы не случайность рождения, которая сделала его вторым братом, а не первым. И теперь в самом юном Халдане Морган видел все наследственные черты этого древнего рода.

Морган сидел и терпеливо ждал. И после долгого молчания мальчик, наконец, поднял голову и посмотрел на него.

— Морган,— сказал он спокойно.— Ты знаешь меня со дня рождения. Ты знаешь моего отца лучше, чем кто-либо, кого я знаю,— он опять бросил камень.— Как ты думаешь, могу... могу я заменить его?

Заменить его? — подумал Морган, стараясь не показать вспыхнувшую боль. Как ты можешь заменить опустевшее сердце? Как ты можешь заменить того, кто так долго был отцом, братом, другом! Этого хотел от него Келсон.

Морган швырнул камешек в воду и повернулся к своему... сыну.

— Я солгу, если скажу, что ты сможешь заменить Бриона, мой принц. Никто не сможет. Но ты будешь хорошим королем, может быть, даже великим, если я правильно читаю знамения,— его голос приобрел твердость, уверенность.— Брион хорошо потрудился над тобой. С того момента, как ты впервые сел без посторонней помощи, он ежедневно сажал тебя на коня. Твои мастера фехтования были самыми лучшими, каких только можно было найти. Твое искусство владения мечом намного превосходит искусство юноши вдвое старше тебя. Ты изучал военную историю, стратегию, языки, философию, математику, медицину. И он позволял тебе даже коснуться оккультных наук, которые когда-нибудь станут важной частью твоей жизни, вопреки желанию твоей матери, я должен добавить. Это тщательно скрывалось от всех, кому могло бы это не понравиться. Брион не забывал и о практической стороне твоего воспитания. Он проявил большую мудрость, позволяя тебе присутствовать за заседаниях Совета. Хотя тебе и не всегда это нравилось, но там ты приобрел зачатки великолепной риторики и логики, что всегда было сильной стороной Бриона, как бы фирменным знаком, как, впрочем, и великолепное владение оружием.

Ты научился выслушивать советы и давать их. А кроме того, ты усвоил, что мудрый король никогда не говорит в гневе и никогда не судит, не имея перед собой всех фактов.

Морган замолчал и посмотрел на полную приторшню камешков, как бы удивляясь, что все еще держит их. Он осторожно разжал пальцы, и камни с мягким стуком упали на землю.

— Возможно, мне пока не следовало говорить тебе этого, Келсон, но во многом ты гораздо лучше подготовлен к тому, чтобы стать королем, чем был в свое время Брион. У тебя есть какая-то чувствительность, понимание жизни — так можно это назвать. Брион этим не обладал. Конечно, это не делало его плохим королем. Он с интересом выслушивал и воинов, и философов, но я никогда не чувствовал, что он их действительно понимает. Я думаю, что у тебя не так.

Келсон упорно смотрел вниз, на землю между ногами, сдерживая рвущиеся наружу слезы. Затем он поднял голову и снова посмотрел на воду.

— Я понимаю, что ты хочешь убедить меня, что я могу стать королем. Но это не то, что я хотел услышать. Вернее, это ответ на мой вопрос, но я не так спросил. Я имел виду, что хочу знать, какую роль во всем этом играет Та, Которая в Тени.

Морган удивленно поднял брови:

— О чем?

Келсон вздохнул с отчаянием.

— Морган, если ты начнешь изворачиваться, мы никуда не придем. Я же знаю, что отец победил и сохранил престол отчасти благодаря магии. Ты сам говорил мне об этом. И я знаю, почему ты был в Кардосе целых три месяца после того, как подписали новый договор. За всем этим стоит она, и я не понимаю, почему все становятся такими неразговорчивыми, когда речь заходит об этом. Я же не ребенок.

Морган беспокойно задвигался. Это был критический момент. Если перед мальчиком в нужном свете обрисовать картину того, что произошло, это даст лишний шанс для успеха нынешнего свидания с ним. Осторожно он взглянул на Келсона и спросил:

— Это Брион сказал, что здесь замешана Та, Которая в Тени?

— Не так конкретно, но он и не отрицал этого.

— И?... — спросил Морган.

— И... — начал Келсон и замолчал, подыскивая слова.— Морган, я не думаю, что мой отец умер от простого сердечного приступа. Я думаю, что здесь кто-то замешан. Я думаю, что это Та, Которая в Тени...

— Продолжай.

— Я думаю, что Та, Которая в Тени убила моего отца с помощью магии,— наконец выпалил мальчик.

Морган медленно улыбнулся и кивнул головой. На лице Келсона появилась растерянность.

— Ты уже знаешь? — спросил он с удивлением.

— Я подозревал,— сказал Морган.

Он расслабился и уселся поудобнее на своем каменном сиденьи.

— Нигель сказал мне, что вы с ним обсуждали этот вопрос, и я согласен с вами. Теперь вы оба должны рассказать мне как можно подробнее обо всех событиях, которые произошли на охоте. Постарайся вспомнить все, каждую деталь того дня.

Когда все девушки покинули комнату, Джехана поднялась и встретила решительный взгляд Нигеля.

— Ты играешь в опасную игру, Нигель,— сказала она мягко.— Пусть ты брат Бриона, но я напоминаю тебе, что я еще королева.

— А Келсон мой король,— спокойно ответил Нигель.— И то, что вы собираетесь сделать для него, уничтожив Моргана, граничит с предательством.

— Предательством? — удивилась Джехана.— А я думала, что мы согласились повесить этот ярлык на Моргана.

— Я не давал согласия на такой ярлык,— ответил Нигель ровным тоном. — Но я назову предательством любое действие, которое угрожает опасностью Келсону. Вы же знаете, что без того могущества, которым обладал Брион, у него нет шансов выжить. А Морган — единственный человек, который может помочь ему достичь этого могущества.

— Могущество Бриона не спасло его самого.

— Нет, но оно может спасти Келсона.

— Я этого не вижу,— сказала Джехана. Ее голос изменился.— Я вижу только, что Морган — это единственный человек, который может испортить моего сына, разрушить его душу. И я вижу, что дьявольское влияние Моргана развратило и погубило Бриона, эта проклятая магия Дерини пачкала все, к чему Морган притрагивался. И я не хочу спокойно наблюдать, как то же самое может произойти и с моим сыном.

— Джехана, ради любви к Всевышнему... — начал Нигель.

Джехана повернулась к нему в холодной ярости, в ее глазах горел фанатичный огонь, какой он видел у нее впервые в жизни.

— Не призывай бога к этому делу, Нигель! Ты не имеешь права называть его имя! Защищая Моргана, ты способствуешь распространению ереси Дерини. И я должна предположить, дорогой братец, что твоя собственная душа находится в опасности, так как ты чересчур близок с этим человеком! — она резко отвернулась от него.

Нигель закусил губу и заставил себя погасить гнев. Разговор на эту тему и сегодня протекает так же, как всегда, разве что религиозный вопрос особенно сильно задел самые чувствительные струны в душе Джеханы. Он с самого начала знал, что аргументы ни к чему не приведут, результат был очевиден. Может быть, грубый напор будет лучшей тактикой в данном случае?

— Я не буду спорить с вами на теологические темы,— сказал он упрямо,— но кое-что о Брионе вы должны знать, прежде чем приговорите его душу к аду, приготовленному для заподозренных и уличенных в ереси. Во-первых, могущество Бриона было его собственное, а не полученное откуда-то извне: от Дерини или и чего-нибудь другого. То, чем владел Брион, передается в нашем роду по мужской линии со времен Камбера и Восстановления. Конечно, Морган помог Бриону осознать свое могущество и научиться им пользоваться. Но могущество Бриона родилось вместе с ним, оно дается от рождения каждому ребенку мужского пола в роду Халданов, как оно родилось во мне, в моем сыне и в Келсоне.

— Чепуха,— упрямо отрезала Джехана.— Такое могущество не может передаваться по наследству.

— Я не говорил, что оно возникает само по себе,— передается только способность к нему. Одновременно владеть могуществом несколько человек из рода Халданов не могут — сейчас очередь Келсона.

— Нет, я этого не позволю!

— А почему вы не хотите, чтобы решил сам Келсон?

— Потому что Келсон еще ребенок,— сказала нетерпеливо Джехана.— Он сам не знает, что для него хорошо, а что плохо.

— Келсон — король, и будет коронован завтра в соборе Святого Георгия. Вы собираетесь лишить его права носить корону после коронации, Джехана?

— Кто посмеет забрать ее у него?

Нигель засмеялся.

— Не я, Джехана. Ведь вы думаете именно это. Я вполне доволен своим положением герцога Картмора. Этого же хотел и Брион.

— А если бы ты не был доволен своим положением герцога Картмора, тогда что? Чего хотел бы Брион в этом случае?

Нигель опять засмеялся.

— Думаю, вы не поняли. Брион был мой брат и мой король. Если бы я не принял титула герцога Картмора, я не имел бы никакого титула, вы же знаете. Брион как старший сын получил в наследство все, и даже если бы меня не связывала любовь к брату, меня связала бы клятва, данная моему королю. Я поклялся не нарушать мир в королевстве. Я любил Бриона и как короля, и как брата, Джехана.

— Я тоже любила его,— сказала Джехана, защищаясь.

— Вы выбрали странный способ доказательства своей любви.

— Я могу любить человека, но ненавидеть его дела.

— Можете? Мы с вами по-разному понимаем любовь, Джехана. По моему мнению, это не просто какое-то туманное чувство к другому человеку. Тот, кто любит, понимает предмет своей любви полностью, со всеми его достоинствами и с тем, что он вовсе не одобряет. Но вы на это не способны, не так ли? Потому что в противном случае вы бы с самого начала признали, что он маг и что могущество ему дано для того, чтобы он поддерживал мир и процветание в этой стране, которую он так любил,— он повернулся и взглянул ей в лицо.—

Если вы подумаете, то не припомните ни одного случая, чтобы он когда-нибудь использовал свою магию для достижения какой-то недостойной цели. То же самое можно сказать и о Моргане. Никогда, ни разу за все годы, что они были вместе, их могущество не использовалось ни на что, кроме процветания государства. Когда Брион убил Марлука, например, Джехана, я был с ним и с Морганом. Неужели вы сомневаетесь, что они совершили правое дело? Подумайте, что было бы сейчас с нами, если бы победил Марлук?

Джехана нервно ломала пальцы, перебирая в голове прошлые годы.

— Брион никогда не говорил об этом со мной.

— Он знал ваши чувства к Моргану. Но даже несмотря на это я знаю, что он пытался, и не однажды,— он повернул ее к себе лицом.— Неужели вы не помните тех моментов, когда он упоминал о своем королевском могуществе? Это ведь не просто легенды, придуманные для того, чтобы доказать право на власть.

— Ну, а почему нет? — упрямо спросила она.— Ведь то же самое при всех королевских дворах. Все короли объявляют, что их право на власть от Бога.

Нигель в страшном возбуждении всплеснул руками.

— Джехана, вы меня не слушаете? Вы не слышали ни одного слова из того, что я сказал. Я пытаюсь вдолбить в вас, что даже если вам отвратительно могущество Дерини в Моргане — вы и не пытаетесь это скрыть, оно не имеет никакого отношения к могуществу Бриона. Могущество Бриона его собственное!

Наступила тишина, потом Джехана посмотрела на него. Ее лицо было холодно и неподвижно.

— Я не верю тебе. Потому что если бы поверила, то вынуждена была бы признать, что Брион не был человеком в обычном смысле этого слова, что он получил свое могущество откуда-то извне и каким-то путем, который недоступен человеку. А это не так. Он мог быть развращен при жизни твоим драгоценным Морганом, но сам Брион был без этой заразы. Он был человеком.

— Джехана...

— Нет! Брион был обычным нормальным человеком. И несмотря на всю проклятую заразу Дерини, он умер нормальной смертью, предавался нормальным удоволь-

ствиям, не накликаая на себя божий гнев, исповедуя черное искусство Моргана.

— Нормальной смертью? — Нигель нацелился на эту фразу, как орел намышь. — Нормальной смертью? Расскажи мне об этом, Джехана. Что ты увидела нормального в том, как умер Брион?

Джехана застыла, ее лицо стало мертвенно-бледным.

— Что ты имеешь в виду? — прошептала она, как бы предчувствуя что-то ужасное. — Это сердце. Его сердце остановилось.

Нигель медленно кивнул.

— От этого умирают почти все, не правда ли?

— Что ты имеешь в виду? — вскрикнула Джехана.

Нигель сложил руки на груди и осторожно посмотрел на нее. Возможно, это как раз то, чего он добивался. Очевидно, Джехана даже не рассматривала такую возможность, возможность того, что смерть Бриона вызвана не обычными причинами. Он мысленно одернул себя, чтобы сдержаться и не обрушиться на нее все сразу. И начал медленно, осторожно:

— Скажите, Джехана, разве нормально, что Брион, будучи в расцвете сил, умер от сердечного приступа? Вспомните, ведь ему было всего тридцать девять, а в нашей семье мужчины живут долго.

— Но врачи сказали...

— Его врачи мало сведущи в таких делах, Джехана.

Она хотела возразить, но он остановил ее, подняв руку.

— Вы ничего не спрашиваете о лорде Ралсоне и о Колине. Разве вы не знали, что Келсон послал их за Морганом?

— Против моей... — она опустила глаза. — А что случилось?

— Возле Валорета они попали в западню. Все были убиты, кроме Моргана и молодого лорда Дерри.

Она прижала руку к губам, чтобы скрыть выражение ужаса. Глаза Нигеля сузились.

— Морган уверен, что тот или те, кто организовал нападение, совершил убийство Бриона.

— Убийство! — воскликнула Джехана. — Ты пытаешься доказать мне, что кто-то убил Бриона и замаскировал убийство так, чтобы можно было приписать смерть сердечному приступу?

— А вам не приходит в голову, что это Та, Которая в Тени начала свою борьбу за власть? Она знает, что не смогла бы устоять против Бриона, но не против Келсона — он же еще мальчик. И если она помешает Моргану помочь мальчику обрести могущество Бриона, то Келсон не будет для нее препятствием. Ведь благодаря вам Келсон совсем новичок в таких делах. У мальчика-человека нет ни единого шанса выстоять в борьбе с чистокровным колдуном Дерини.

— Ты сошел с ума,— прошептала Джехана. Ее белое лицо стало еще бледнее и выделялось ослепительным пятном на фоне траурной одежды.

— Это твое глубокое беспокойство внушает тебе такое заблуждение.

— Это не заблуждение, Джехана.

— Вон отсюда! Вон, или я вызову охрану. Если это не заблуждение, то, значит, злонамеренная попытка разрушить сплоченность Совета. А это граничит с изменой, брат моего мужа! А теперь — вон.

— Отлично,— сказал Нигель, отступая назад и слегка кланяясь.— Я знал, что вы не будете слушать и не захотите понять, но я должен был попытаться. Во всяком случае, когда все случится, вы не сможете сказать, что я вас не предупредил,— он повернулся и направился к двери.— Я подожду вас, чтобы сопровождать в Совет. Вы же не захотите заставлять ждать палачей?

Когда он вышел из комнаты, Джехана вздохнула с облегчением и попыталась унять дрожь в пальцах. Теперь, после того, как она выслушала рассказ Нигеля, она еще более утвердилась в своем решении выполнить задуманное. Келсон должен править как простой смертный. Теперь, если она не допустит Келсона на Совет и не позволит ему открыто выступить против нее...

Она решительно дернула шнур звонка, вызывая слугу. Келсона следует отослать сейчас же. Нельзя терять времени...

Келсон уселся поудобнее на своем камне. Солнце скрылось за облако, и холодный влажный воздух сада сгустился вокруг них.

— Значит, ты сам не осматривал труп? — спросил Морган. Его лицо становилось все угрюмее по мере рассказа Келсона.

Келсон покачал головой.

— Нет. Тело оставалось выставленным для прощания всего два дня, и около него постоянно дежурили трое охранников, которые не подпускали никого ближе чем на двадцать футов, даже меня. И когда я спросил мать, почему такая охрана и зачем так спешат с похоронами, она не ответила. Она только сказала, что так надо и что потом я сам пойму. Теперь я начинаю думать, что она торопилась похоронить его до твоего приезда, чтобы ты не успел на похороны. Она знала, что это причинит тебе боль.

— Не буду спорить, — согласился Морган. — Но, думаю, здесь были и другие соображения. Возможно, несмотря ни на что, она все же подозревала, как все действительно произошло на охоте, хотя не решалась себе в этом признаться. И, следовательно, никто не мог быть допущен близко к телу. И, вероятно, поэтому тебе не разрешили вызвать Дункана, пока не стало слишком поздно. В мое отсутствие он, пожалуй, единственный человек, который мог с уверенностью сказать, замешана здесь магия или нет.

— Ты думаешь, она знает, что отец Дункан обучал меня?

— О, я уверен, что знает. Но она не знает, чему он тебя обучал...

Келсон засмеялся.

— Это был бы для нее еще один повод для беспокойства.

— Без сомнения, — согласился Морган. — Но есть еще кое-что, что следует принять во внимание, Келсон. Это только предположение, и я не хотел бы спрашивать об этом, но нет ли хоть доли вероятности, что твоя мать каким-то образом замешана в это?

— Мать? — Келсон резко выпрямился. — Неужели ты думаешь...

— Я не знаю. Но сейчас есть только три человека, которым я могу полностью довериться: двое из них сейчас сидят здесь, а третий — не Джехана. Если она как-то замешана, сама не зная того, то ситуация в целом становится более сложной, чем мы думаем.

— Я... я не знаю, что сказать,— пробормотал Келсон.— Она была очень...

— Келсон, не двигайся!

— Что?

— Ни слова и не двигайся... — прошептал Морган, его рука медленно протянулась к мечу.— Здесь огромное, очень ядовитое многоголовое создание, всего в двух дюймах от твоей правой руки. Если ты двинешься, оно убьет тебя.

Меч тихо прошелестел, выходя из ножен. Морган потихоньку переместил вес на одно колено и осторожно занес лезвие. Келсон сидел неподвижно, полностью доверяясь Моргану. Только глаза выдавали волнение, то перебегая с лица Моргана на лезвие меча, то пытаясь осторожно заглянуть вбок так, чтобы голова не шевельнулась.

Сверкнув, как молния, лезвие опустилось, и тут же женский крик разорвал тишину.

В одно мгновение Келсон вскочил на ноги, и узкий стилет уже был в его руке. Но при одном взгляде на извивающееся страшилище он замер и смотрел, как меч Моргана опускался раз за разом на это адово создание.

У Келсона создалось впечатление, что он видит ярко-оранжевое бородавчатое тело размером с голову человека, покрытое голубыми пятнами. Многочисленные ноги яростно отбивались от ударов меча Моргана, две пары клешней злобно скрежетали.

Затем чудовище превратилось в груды красной и оранжевой плоти, и уже невозможно было сказать, что же это было на самом деле.

Морган ткнул его в последний раз кончиком меча, и Келсон, наконец, вспомнил о пронзительном женском крике. Он стряхнул с себя оцепенение, охватившее его при виде чудовища, и вдруг увидел больше дюжины охранников, бегущих к ним через сад. За ними бежала женщина в черном. Они окружили Моргана и принца. Морган, тяжело дыша, приготовился к бою.

— Бросьте оружие, сэр! — скомандовал капитан. Женщина, чьи крики созвали охранников, наполовину укрылась за капитаном. Ее глаза были полны ужаса. Она кричала в истерике, указывая на Моргана:

— Я видела! Я видела! Он хотел убить принца Келсона! Он околдовал его и был уже готов зарубить мечом, когда я крикнула.

— Я сказал, бросьте оружие! — повторил капитан, делая угрожающий жест. — Сэр, пожалуйста, отойдите. Мы позаботимся о принце!

Морган не шевельнулся и не бросил оружия. Келсон вышел вперед, спиной заслонив Моргана.

— Все в порядке, капитан, — сказал он спокойно, махнув рукой. Охранники замерли, увидев, что он стоит совершенно открытый для меча Моргана. — Леди Эльвира, это вовсе не то, что вы подумали. Вы просто ничего не поняли.

— Не поняла! — взвизгнула женщина. — Ваше Высочество, вы, должно быть, все еще околдованы. Он же чуть не убил вас, когда вы сидели. Только потому, что я закричала в самый решительный момент, он промахнулся...

— Мадам... — голос Моргана был спокоен и холоден. Он врезался в царящее здесь смятение, как нож. — Во что я хотел ударить, в то и ударил. И ни один глупый женский крик не заставит меня промахнуться! — величественным жестом он воткнул меч в мягкую землю, и тот стоял там, покачиваясь и подтверждая его слова.

Обескураженные охранники опустили свое оружие во время этого разговора и затем, по приказу капитана, вложили его в ножны.

— Сэр, простите, но все выглядело, как...

— Я знаю, как это выглядело, — сказал Келсон нетерпеливо. — Не надо извинений. Ты и твои люди хотели меня защитить. Но, как вы можете убедиться сами, — он отступил в сторону, чтобы останки того, кто мог бы стать его убийцей, были видны всем, — генералу Моргану было кого убивать — что это за дьявол, Морган?

Морган вытащил из земли свой меч и вложил его в ножны. Затем он подошел ближе к отвратительному пятну на траве.

Охранники тоже стали подходить, хотя и старались остаться на расстоянии от человека в черном. Они слышали, что Келсон упомянул имя Моргана, и им вовсе не хотелось проверять правдивость слухов, которые ходили в народе.

— Это стенрект, принц,— ответил Морган, трогая труп носком сапога.— И если бы мой первый удар не попал в цель,— он посмотрел на женщину,— и чудовище укусило бы тебя, то вторым ударом пришлось бы отрубить тебе руку. Против укуса стенректа нет противоядий.

Солдаты беспокойно зашевелились, и некоторые из них отошли подальше. Как говорили, стенрект — это сверхестественное мифическое существо, созданное в момент сотворения мира из огня и едкой серы. Из всех существ, реальных и воображаемых, не было более ужасного. И хотя никто из них не видел раньше стенректа — и если бы их спросили, они сказали бы, что такое существо не живет в реальном мире, но все они знали легенды о нем и о его смертельных укусах. Никто не сомневался, что их принц был очень близок к страшной мучительной смерти.

Капитан, наконец, оправился от шока, в который поверг его вид стенректа во плоти, и осознал, что человек, убивший его,— сам генерал Морган, тоже легендарная личность. И капитан с ужасом понял, что оскорбил могущественного лорда Дерини. А это более опасно, чем столкнуться со стенректом, если хоть доля слухов справедлива.

Нервно поклонившись, он обратился к Моргану:

— Примите мои извинения, Ваша Милость. Если бы я знал, что Его Величество находится под защитой вашего меча, я не спешил бы сюда со своими. Ваша репутация известна всем, она идет впереди вас,— он знаком приказал своим людям удалиться.

Морган поклонился в ответ, скрывая улыбку.

— Ничего, капитан, я понимаю ваше положение.

Капитан смущенно откашлялся и обратился теперь уже к Келсону:

— Приношу извинения еще раз, сэр. И разрешите мне сопровождать леди Эльвиру в ее покои.

— Конечно, капитан,— сказал Келсон, глядя на леди.— Если, конечно, леди не пожелает остаться и подольше посмотреть на стенректа.

Женщина побледнела и отступила в ужасе, трясая головой.

— О нет, Ваше Высочество! Я не хотела ничего плохого. Я просто не узнала Его Милость издали, я... — она в замешательстве замолчала.

— Ваша преданность и усердие замечены, леди Эльвира,— Келсон жестом разрешил им удалиться.

Леди отвесила низкий поклон и, ухватившись за руку капитана, быстро засемила прочь. Когда они уже поворачивали за угол, она бросила через плечо любопытный взгляд назад. Нетрудно было представить, что будет предметом их беседы с капитаном.

Когда они исчезли, Морган хмыкнул:

— Ваши придворные и солдаты, кажется, следят за вами, мой принц.

Келсон фыркнул.

— У леди Эльвиры чересчур богатое воображение. Ее уже предупреждали относительно этого. А что касается охраны, то они настолько бдительны, что готовы арестовать все, что движется.

— Меня больше беспокоит стенрект,— усмехнулся Морган.

Келсон кивнул:

— Это действительно он? Я всегда считал, что это только сказки, чтобы пугать людей.

— Нет, они вполне реальны, да ты и сам видел. Я только очень удивлен, как же он мог оказаться здесь, в саду? Ведь они ночные существа, и требуется большая сила, чтобы вызвать такого на дневной свет. Чарисса, конечно, могла бы, но я не вижу в этом смысла.

— Значит, ты думаешь, что меня не собирались убивать?

— Думаю, хотели напугать, а не убивать,— сказал Морган. Он осмотрелся, а затем взял Келсона под руку и повел его к дальним воротам.— По-моему, здесь не место для того, чтобы без помех обсуждать ситуацию. После нашего небольшого приключения гораздо лучше находиться под защитой четырех стен и крыши. Теперь, когда совершенно покушение на твою жизнь, серьезно оно или нет...

Келсон открыл ворота и пропустил Моргана.

— Куда мы собираемся идти?

— К Дункану,— Морган направился к внутреннему дворику.— Добрый Отец сможет найти кое-что, чтобы обезопасить тебя.

— Значит, у тебя есть ключи к могуществу отца Дункана? — воскликнул Келсон. — Почему ты не сказал об этом раньше? Ты не говорил, а я боялся спросить.

— Я хотел посмотреть, как ты сам будешь заботиться о себе, — улыбнулся Морган.

— О-о-о! Ваше Высочество! — раздался молодой женский голос. — Это вы?

Морган остановился, как вкопанный, и ждал. Келсон повернулся и воскликнул:

— Не может быть!

— Келсон, — сквозь зубы пробормотал Морган, — если ты скажешь, что это опять впечатлительная леди Эльвира, я...

— Очень жаль, но придется тебя разочаровать, — прошептал Келсон, стараясь сохранить строгое лицо. — На этот раз легкомысленная и сверхвозбудимая леди Эстер, — он сложил руки на груди. — В чем дело, леди Эстер?

Морган повернулся как раз тогда, когда молоденькая пухленькая девушка, запыхавшись, подбежала к ним и поклонилась.

— О, Ваше Высочество, — зашебетала она. — Королева-мать послала меня найти вас. Она вас искала везде, а вы же знаете, она не любит, когда вы остаетесь один. Это очень опасно!

— Ты слышишь, Морган, — сказал Келсон, глядя на друга, — это опасно.

— Да? — Морган поднял бровь. — А я не заметил.

Как только леди Эстер попыталась вмешаться в их разговор, Келсон повернулся к ней.

— Дорогая леди Эстер, будьте так добры, сообщите моей матушке, что я в совершенной безопасности с моим другом лордом Морганом.

Глаза леди Эстер округлились, как будто она только что узнала того, кто был с Келсоном, пухленькая ручка прижалась к губкам, чтобы скрыть восклицание «О!».

Она снова поклонилась и прошептала:

— Я не узнала вас, Ваша Милость.

Морган нахмурился и повернулся к Келсону.

— Черт возьми, Келсон, неужели я так изменился? Сегодня это уже двадцатый человек, который не узнает меня. Какой прок в известности, если меня никто не знает?

— Может быть потому, что ты надел рога черта?

— Хм, да, наверное. Скажите мне, леди Эстер, вы и вашего короля не узнали?

— Прошу прощения, Ваша Милость, я не понимаю. Морган вздохнул и сложил руки на груди.

— Леди Эстер,— продолжал он терпеливо.— Мне кажется, вы находитесь при дворе достаточно долго и у вас было время научиться, как обращаться к вашему королю. Ваше теперешнее появление никоим образом нельзя считать образцом этикета. В будущем вы должны думать о том, что следует выказывать большее почтение. Вам ясно?

— Да, Ваша Милость,— прошептала она, проглатывая комок в горле.

Келсон посмотрел на Моргана, как бы спрашивая, закончил ли он, и Морган еле заметно кивнул. Келсон повернулся к нервничающей леди Эстер:

— Ну, что же? Ведь вам есть еще что сказать кроме того, что моя мать беспокоится обо мне?

Леди Эстер опять поклонилась.

— Она приказала сказать вам, что Совет начинается прямо сейчас, Ваше Высочество. Она просит, чтобы вы немедленно явились.

— Морган? — Келсон взглянул на генерала.

— Позже, мой принц. Мы должны сделать одно дело, не требующее отлагательства. Леди Эстер, передайте королеве, что Его Высочество задержится.

— А также то, что я в полной безопасности,— добавил Келсон.— Можете идти.

Когда леди, поклонившись, удалилась, Келсон вздохнул.

— Видишь, как? Совершенно бесполезно убеждать мать, что я уже не ребенок. За мной следят все, от дворян до слуг! — он хмыкнул.— Я буду с тобой в безопасности, Морган?

Морган засмеялся.

— От убийц — да. Только не проси меня отбиваться от леди. Сегодня мне больше не выдержать.

Келсон радостно засмеялся.

— А! Значит, есть такое, чего ты боишься, Морган! Вот уж не думал, что ты когда-нибудь признаешься в этом.

— Если ты кому-нибудь расскажешь, я отрекусь от своих слов! — твердо пообещал Морган. — Пошли скорее. Нам надо найти Дункана.

Как только Джехана, опираясь на руку Нигеля, появилась в комнате Совета, разговоры прекратились. Люди, сидевшие вокруг длинного полированного стола, встали все как один. Они ждали, пока Нигель отведет королеву на место и сам не займет свое место на противоположной стороне стола. Все заметили, что ни королева, ни Нигель не смотрели друг на друга, хотя это не было неожиданностью ни для кого. Все в этой комнате знали, что их мнения по вопросу, который будет сегодня рассматриваться, не совпадают.

Сегодняшнее заседание Совета обещало быть необычным, так как ни одна из сторон не собиралась уступать без борьбы.

Необычным было и отсутствие Келсона.

Джехана беспокойно осмотрелась, занимая место возле пустого трона Бриона. Она вспомнила счастливые времена, когда Брион был жив и они вместе входили в эту комнату, и их встречали улыбками, потому что вокруг были друзья.

Тогда она не чувствовала себя одинокой. Тогда отделанные темными деревянными панелями стены и высокие сводчатые потолки не были такими угрюмыми. Но дело даже не в комнате. Ее и сейчас заливал солнечный свет, беспрепятственно вливаясь через огромные окна, занимающие всю стену. А если кому-то недоставало дневного света, то по всей длине стола стояли канделябры со свечами. И все же огромная комната казалась темной, и ее атмосфера подавляла Джехану. Возможно, это потому, что собралось так много людей в черных траурных одеждах.

Джехана следила, как по толстой свече медленно сползает капля желтого воска. Ее пальцы сами собой нащупали зазубрину на столе — след удара кинжала Бриона, когда он на одном из заседаний Совета старался убедить его членов в правильности своего решения. Она с трудом заставила себя сначала окинуть взглядом стол, а затем поднять глаза на бледные вопрошающие лица

людей, уже занявших свои места и вопросительно смотрящих на нее.

Все места были сегодня заполнены, за исключением мест Бриона, Келсона и погибшего лорда Ралсона.

Она с беспокойством отметила, что кто-то занял место Моргана между креслами Бриона и лорда Ралсона. И хотя полной уверенности у нее не было, ей показалось, что место Моргана занял молодой человек с непослушной копной каштановых волос — молодой лорд Дерри, помощник Моргана. Несомненно, это Нигель дал ему разрешение заменить Моргана на заседании Совета.

Пусть, подумала она, продолжая осматривать сидящих за столом людей. Если юный лорд Марчер думает, что имеет право голоса вместо отсутствующего Моргана, она быстро поставит его на место. Она не допустит, чтобы приверженцы Моргана или Нигеля сорвали это заседание Совета.

Она поочередно перевела взгляд на Нигеля, который не смотрел на нее, на Брана Кориса, на Яна, который, как всегда, имел самодовольный вид, на лорда Роджера, на епископа Арлиана и на Эвана. Королева приветливо кивнула архиепископу Корригану, сидящему слева от нее, а потом взглянула на дюка Джареда и его сына Кевина.

Их она не приветствовала. Рядом с Нигелем сидели двое Мак Лейнов, которые были самыми верными приверженцами Моргана в Совете. Ей не хотелось бы видеть их здесь сегодня.

Она повернулась к Эвану:

— Лорд Эван,— голос ее был ясен и спокоен.— Не откроете ли вы заседание Совета? Нам до полудня предстоит обсудить и решить важные вопросы, и мне кажется, что не стоит больше ждать.

Прежде чем Эван успел подняться, вскочил Нигель и жестом попросил того снова сесть.

— Прошу прощения, Ваше Величество, но Его Королевское Высочество попросили меня отложить начало заседания, так как его задержали важные, не терпящие отлагательства дела. Он хотел бы присутствовать на заседании Совета, когда на его рассмотрение будут выдвинуты обвинения против Моргана.

Джехана не обратила внимания на эту просьбу и повернулась к лорду Эвану.

- Мой лорд, пожалуйста.
- Я жду ответа,— сказал Нигель.
- Лорд Эван, продолжайте.

Лорд Эван неуверенно поднялся, посмотрел на Нигеля, на пустое кресло Келсона и беспокойно откашлялся.

— Ваше Величество, если вы настаиваете, я, конечно, открою заседание Совета в отсутствие принца Келсона. Но если его Королевское Высочество хотят присутствовать, то дворцовый этикет обязывает...

— На этом заседании дворцовый этикет можно не соблюдать, мой лорд Эван,— резко оборвала его Джехана.— Принцу Келсону было объявлено о заседании Совета полчаса назад. Он счел возможным не явиться и, значит, не считает его достаточно важным. У него, оказывается, есть другие дела, более важные, чем заседание в Совете лордов. Я могу только просить прощения за его безответственное поведение и надеяться, что со временем он станет мудрее. А сегодня у нас заседание Регентского Совета, и его присутствие на нем совершенно не обязательно. Есть еще вопросы?

Началась оживленная дискуссия, которая велась шепотом, а Нигель уселся на свое место, осознав, что сделал все, что мог. Джехана просто проигнорировала отсутствие Келсона. Это было плохое начало для заседания, оно не предвещало в дальнейшем ничего хорошего.

Эван беспомощно осмотрел собравшихся лордов, нервно кашлянул и поклонился королеве.

— Вопросы нет, Ваше Величество,— сказал он без всякого выражения.— Если все обстоит так как сказали вы, я не вижу причин откладывать заседание... Как главный Лорд-маршал Королевского Совета Гвинеда я объявляю сегодняшнее заседание Регентского Совета открытым. Пусть справедливость и милосердие диктуют выносимые нами приговоры.

Едва он уселся на место, как по комнате пронесся шепот, который прекратился, когда поднялась королева.

— Мои лорды,— начала она. Ее лицо было бледным на фоне траурных одеяний.— Мне было мучительно трудно прийти сегодня сюда, к вам. Мучительно потому, что мне приходится признать здесь, перед вами, что мой муж и господин не был так безупречен, непо-

грешим, как я думала о нем, так как мой господин Брион однажды совершил ошибку: он возвысил человека, который был и есть предатель и еретик, даже сейчас он плетет интриги против законного наследника Бриона. Вот почему принц Келсон сегодня не с нами.

Ее взгляд обежал напряженные лица лордов, в зеленой глубине глаз появилась туманная дымка.

— Этот человек вам хорошо известен, мои лорды! Это, конечно, герцог Корвин, Лорд-генерал Аларик Энтони Морган — Дерини!

ГЛАВА IV

«И я дам ему утреннюю звезду».
Апокалипсис, 2. 28.

Рассеянно глядя, как пузырящаяся вода наполняет мраморный бассейн, монсеньор Дункан Мак Лейн сидел в задумчивости. Его мысли перескакивали с одного предмета на другой.

Времени уже оставалось мало. Аларик должен был быть здесь уже давно, несколько часов назад. Его очень беспокоило, что с Морганом не было связи вот уже несколько месяцев. Возможно, Морган еще не приехал. А может быть, до него не дошли вести о кончине Бриона, хотя они разнеслись по всем Одиннадцати Королевствам.

Когда вода дошла до края бассейна, Дункан вдруг поднял голову и застыл, вслушиваясь.

Идет Аларикт, и с ним молодой принц. Ощущение их приближения, которое он уловил каким-то шестым чувством, было безошибочным.

Дункан быстро подошел к открытой двери западного портала, поправив сутану быстрым привычным движением, а затем вышел на солнечный свет и приставил руку ко лбу, защитив глаза от яркого света.

Вдали, на фоне серой стены, он увидел ярко-красную одежду Келсона. Рядом с ним двигалась темная фигура. Длинные ноги этих двоих быстро сокращали пространство, разделяющее их и Дункана. Когда они подошли к ступеням, Дункан ощутил какую-то эманацию, всегда

исходившую от его кузена. Он с облегчением вздохнул и вышел приветствовать их.

— Клянусь Святыми Георгием и Камбером, вы пришли вовремя,— сказал он, затаскивая Моргана и принца в тень.— Почему вы задержались? Я беспокоился.

— Потом объясню,— Морган внимательно осмотрел внутренность храма. — За нами наблюдали?

Дункан кивнул:

— Думаю, да. Здесь в базилике был поставлен по приказу королевы охранник с момента похорон Бриона. Но не думаю, что они подозревают меня. Я исповедник Келсона, и они могли только предполагать, что вы придете сюда в первую очередь.

Морган повернулся к Дункану и Келсону и вздохнул.

— Надеюсь, вы правы. Потому что если бы они подозревали вас в чем-нибудь, мы все были бы уже мертвы.

— Давайте тогда соблюдать конспирацию,— сказал Дункан. Он захватил сосуд и повел их в боковой ход храма.— Если нас остановят, то вы пришли сюда на исповедь и для получения отпущения грехов. Не думаю, что они вмешаются в это святое дело.

— Верно.

Пока они медленно шли по храму, Морган рассматривал прихожан, стараясь не выглядеть чересчур заинтересованным. Дункан был прав относительно королевских охранников. Они были здесь, и не один, а, по крайней мере, трое или четверо в толпе молящихся. И судя по взглядам, которые они бросали на него, вовсе не набожность и благочестие приводили их сюда, к Святому Хилари, в течение всей последней недели.

Они все трое остановились перед главным алтарем, чтобы с почтением поклониться, и Морган постарался изобразить на лице соответствующее выражение, которое должно было ввести в заблуждение наблюдателей. И, очевидно, он в этом преуспел, так как никто не сделал попытки задержать их, когда они вышли в боковую дверь.

Они прошли в личный кабинет Дункана. С характерным звуком щелкнул засов — Морган запер дверь.

Дункан прошел вглубь, а Морган, остановившись на пороге, осмотрел знакомую обстановку кабинета.

В небольшой комнате, размером двенадцать на пятнадцать футов, стояли вдоль стен невысокие стеллажи с книгами, а над ними висели роскошные гобелены, на которых изображались сцены охоты и придворной жизни. На дальней стене кабинета, против двери, скрытое пурпурным бархатом, свисающим от потолка до пола, находилось окно. Четвертую стену — ту, где была дверь, занимал огромный камин из серого камня. Он не был ничем украшен, за исключением двух старинных подсвечников с желтыми толстыми свечами в них и маленькой иконы с изображением Святого Хилари, покровителя храма.

Справа от окна, в углу, стояло распятие, вырезанное из слоновой кости. По обе стороны от него горели две лампадки, сделанные из рубина. Стол черного полированного дерева перед окном весь был завален старыми документами и книгами.

В центре комнаты расположился огромный круглый стол, выполненный из мореного дуба, с ножками, вырезанными в виде лап хищного зверя. У стола друг против друга стояли два стула с высокими спинками. Несколько таких же стульев стояли у камина. Каменный пол покрывал громадный ковер, оберегающий ноги от холода и влажности.

Морган предложил один из стульев Келсону и взял другой для себя. Дункан, поставив пустой сосуд на стол, подошел к окну и начал раздвигать тяжелый занавес.

— Разумно ли это? — усомнился Морган.

Дункан посмотрел сквозь стекло янтарного цвета и затем повернулся к Моргану.

— Думаю, это вполне безопасно, — ответил, он. — Сквозь стекло при дневном свете нельзя увидеть, что делается здесь, в комнате, да и стекло искажает, — он вернулся к столу и сел на свое место. — А мы сможем видеть тех, кто идет сюда. Это очень важно, нам нужно еще примерно полчаса, если я правильно рассчитал.

— Так быстро? — спросил Морган, доставая маленький замшевый мешочек. — У нас совсем не осталось времени.

Быстро осмотрев мешочек, он стал развязывать кожаный шнурок.

— Мне нужен свет, Дункан, если вы не возражаете. А кроме того, не наберете ли вы святой воды? Святые отцы предпочитают никому не перепоручать это дело.

Дункан насмешливо фыркнул, но взял со стола большой канделябр и поставил его перед Морганом, а затем снова сел на место.

— Кузен, вы же знаете, что все мои помощники сейчас в соборе, готовятся к завтрашней коронации Келсона,— он улыбнулся.— И я думаю, вам известно, где находится архиепископ в настоящее время. Я получил специальное разрешение остаться здесь, чтобы служить Келсону, и я действительно собираюсь служить ему, хотя и не так, как думает архиепископ.

Он и Морган понимающе улыбнулись друг другу, а Келсон прижался к локтю Моргана, почти выворачивая себе шею, чтобы увидеть, что же находится в мешочке, все еще завязанном. Морган улыбнулся Келсону, закончив, наконец, возиться с узлами. Он засунул внутрь руку в перчатке и вынул что-то, что полыхнуло малиново-золотым огнем. Морган положил его себе на ладонь.

У Келсона вырвался возглас удивления — он узнал что это такое, когда Морган протянул к нему руку.

— Ты знаешь это кольцо, мой принц? Не прикасайся к нему: ты пока не защищен.

Келсон тихо выдохнул и отдернул руку. В его глазах зажегся благоговейный трепещущийся огонек.

— Это кольцо Огня, символ могущества моего отца. Где ты его взял?

— Брион передал его мне на хранение, когда я уезжал в Кардосу,— ответил Морган, поворачивая руку, чтобы полюбоваться игрой камней.

— Можно мне? — спросил Дункан, доставая шелковый платок из рукава и протягивая руку к кольцу.

Обернув шелком пальцы, Дункан осторожно взял кольцо из протянутой руки Моргана и поднес ближе к огню. Он поворачивал его — и яркие лучи, отраженные гранями, падали на трех мужчин и на обитые гобеленами стены.

Дункан внимательно рассмотрел кольцо и положил в центр стола, оставив лежать в складках белого шелка.

— Это подлинный камень,— сказал он с облегчением,— я ощущаю остатки могущества в нем. Печать у тебя?

Морган кивнул и стал снимать перчатки.

— Боюсь, что возвращаться придется вам одному, Дункан. Я не могу приблизиться к алтарю, когда вокруг кишат шпионы Джеханы,— он снял с пальца кольцо с печаткой.

Келсон наклонился, чтобы рассмотреть его.

— Зеленый Грифон — это старый герб Корвина, да, Морган?

— Верно,— согласился Морган.— Брион сделал его очень давно. И так как это герб моей матери, он решил, что это наиболее подходящая вещь, чтобы использовать ее в качестве ключа к своему могуществу.

— Он обратился к Дункану:

— Я настрою его на вас. Вы готовы?

— А он... — Дункан кивком головы показал на Келсона.

Морган посмотрел на мальчика, а потом снова на кузена, и легкая улыбка промелькнула по его лицу.

— Думаю, все будет нормально. Он пока ничего не подозревает, но все равно скоро узнает обо всем. Полагаю, он сохранит нашу тайну.

— Ну, хорошо,— Дункан кивнул, а затем с улыбкой обратился к Келсону: — В этом нет ничего таинственного, Келсон. Этот Грифон, если его определенным образом активизировать, откроет потайную камеру в алтаре. Много лет тому назад твой отец настроил его на Аларика, чтобы, когда придет время, он мог передать то, что лежит в тайнике, тебе. Ты видишь, Грифон светится, когда Аларик держит его. Это происходит потому, что Грифон настроен на него. Если же им попытается воспользоваться тот, кто не настроен на него,— ты или я, например, он не сработает,— он повернулся к Моргану, хотя продолжал говорить для Келсона.— Должен добавить, что только некоторые из людей могут быть настроены на него, в том числе я и Аларик.

Прежде чем смысл этих слов мог быть понят Келсоном, Морган положил Грифона между собой и Дунканом.

— Ты готов?

Дункан кивнул, и они оба начали концентрироваться на Грифоне, лежащем в центре стола.

Онемев от изумления, Келсон наблюдал, как они сначала всматривались в кольцо, а затем медленно закрыли глаза. Наступила тишина, в которой слышалось только хриплое дыхание Келсона. Рука Дункана медленно потянулась к кольцу и когда она приблизилась к нему, между ними проскочила искра. Все еще не открывая глаз, Дункан взял кольцо в руку. Затем они оба открыли глаза. Грифон светился в руке Дункана.

— Он светится,— прошептал Келсон. Его слова были скорее вопросом, чем утверждением.

— Конечно,— ответил Дункан.— Возьми его в руки и посмотри сам.

Келсон осторожно протянул руку и слегка вздрогнул, когда кольцо опустилось на ладонь: прикосновение вызвало ощущение холода, хотя кольцо было не холоднее человеческого тела. Он взглянул на Грифона и быстро положил кольцо на стол.

— Он не светится! Я что-то сделал с ним?

Дункан щелкнул пальцами и засмеялся.

— Нет, я просто забыл! Ты же не настроен на него,— он снова взял кольцо и поднес его к глазам Келсона. Мальчик увидел слабое свечение и радостно улыбнулся.

Дункан встал на ноги, подбросил кольцо в воздух, ловко подхватил его на лету.

— Я скоро вернусь.

Келсон с благоговейным трепетом смотрел вслед уходящему священнику, а затем повернулся к Моргану.

— Морган, я не ослышался? Дункан — Дерини? Вы же родственники по матери, а не по отцу.

— И по отцу, и по матери. Мы дальние родственники и по отцовской линии. К тому же, наши матери — сестры. Конечно, это должно храниться в тайне: кровь Дерини в жилах Дункана помешает его продвижению по церковной служебной лестнице. Есть еще среди нас те, кто помнит жестокие преследования и избиения Дерини сто лет назад. Память о тех годах жива и сегодня.

— Но ты-то не боишься, что люди знают, что ты Дерини,— сказал Келсон.

— Я исключение, как ты знаешь, мой принц,— ответил Морган.— Для большинства считается Дерини означает отказ от будущего. Поэтому многие из наших скрывают свое происхождение и не желают показывать свое могущество и использовать его даже для добрых дел,— он печально склонил голову.— Тут возникает основной конфликт: с одной стороны, желание использовать свои прирожденные способности, а с другой,— риск подвергнуться обвинениям со стороны церкви и государства.

— И ты сделал свой выбор,— сказал Келсон.

— Да. Я с самого начала решил использовать свой дар открыто и послал к черту все предосторожности и страх. И мне чрезвычайно повезло, что твой отец взял меня под свою защиту и покровительствовал до тех пор, пока я не стал способен заботиться о себе сам,— он взглянул на руку.— Хотя мне помогает только половина моей крови — та, что принадлежит Дерини.

— А Дункан? — спокойно спросил Келсон.

Морган засмеялся.

— Дункан избрал другой путь. Он стал священником.

Дункан остановился у двери, чтобы заглянуть в глазок и посмотреть, что происходит в храме. Интересно, подумал он, предполагали ли строители храма, что этот глазок будет использоваться для шпионажа. Наверняка, они не имели этого в виду, когда устанавливали глазок, но Дункан решил, что они не будут возражать, если он посмотрит, чтобы оценить обстановку.

Он видел почти весь храм — от задних рядов кресел до передних, от левого придела до правого. И то, что он увидел, подтвердило его опасения: его задача не так проста, как он в душе надеялся.

Королевские охранники, вместе с теми двумя, что следили за ним в течение двух последних недель, были здесь. Они были членами личной охраны королевы и наверняка подозревали его в чем-то и следили за ним, хотя он был уверен, что не сделал никаких ошибок и не возбудил в них подозрения. В их глазах он должен был оставаться личным духовником Келсона и кузеном Моргана. Но кто их знает...

Он поправил шелковый шарф вокруг шеи. Раз в храме столько королевских ищеек, нельзя просто войти, открыть потайной ящик в алтаре и достать оттуда его содержимое. Они будут следить за ним как только он войдет в храм. Надо что-то придумать.

Дункан снова принял к глазку, и в его голове складывался план действий.

Отлично. Пусть они следят. Если королевские охранники хотят усложнить ему задачу, он сделает то же самое. Он не постесняется использовать священный обряд, чтобы замаскировать свои намерения. А если у него и не получится, то он как-никак, священник высокого ранга и может с достоинством отступить. Если имеешь дело с такими людьми, как эти, их можно напугать, особенно если воспользоваться угрозой отлучить их от церкви и предать анафеме.

Глубоко вздохнув, чтобы собраться с силами, Дункан открыл дверь и вошел. Как он и предполагал, один из шпионов покинул свое место и поспешил поближе к нему.

Отлично, подумал Дункан, неспешно склоняясь в глубоком благочестивом поклоне, чтобы дать ему возможность подойти поближе. Он один. Посмотрим, что он будет делать.

Поднимаясь с колен, Дункан прислушался к звуку приближающихся шагов. Его рука скользнула к поясу и достала из кошелька ключ от дарохранительницы. Затем, почувствовав, что человек совсем рядом, он позволил ключу выпасть из пальцев. Точно рассчитанная попытка подхватить ключ отбросила его еще дальше, и он заскакал по мраморным ступеням прямо к ногам удивленного охранника.

Дункан обратил на шпиона невинные голубые глаза, смущение отразилось на его лице. Опустив глаза, он стал сходить вниз по ступеням. Поведение священника настолько обезоружило охранника, что к тому времени, когда Дункан приблизился к нему, солдат наклонился и поднял ключ, сам не осознавая, что делает. С неловкой улыбкой он опустил ключ в ладонь Дункана.

— Благодарю тебя, сын мой,— проговорил Дункан профессиональным тоном священника.

Солдат нервно кивнул, но уходить не собирался.

— Вы что-то хотите? — спросил Дункан.

Солдат переминался с ноги на ногу.

— Монсеньор, мне бы хотелось спросить вас — генерал Морган с вами?

— Вы хотите сказать, в моем кабинете? — спросил терпеливо Дункан. Его простодушие было неподражаемым!

Солдат снова кивнул.

— Генерал Морган пришел ко мне как кающийся блудный сын, — сказал мягко Дункан. — Он хотел получить отпущение грехов. И принц Келсон тоже. В этом есть что-нибудь плохое?

Объяснение Дункана повергло шпиона в изумление. Очевидно, мысль о том, что Моргану, этому святотатцу и неверному, могут быть свойственны такие человеческие мотивы, никогда не приходила ему в голову. Это было вовсе не то, что он предполагал услышать. А кто смел, кто имел право вмешиваться в дело спасения души человека, особенно такой души, которая в этом очень нуждается, как у Моргана?

Все подозрения охранника рассеялись перед таким обыкновенным, таким святым поступком, он склонил голову, поклонился в пояс и пошел прочь. Дункан направился к главному алтарю, а охранник присоединился к своим коллегам и истово перекрестился.

Дункан поднялся к алтарю. Он знал, что за ним наблюдают и что человек, с которым он говорил, сообщает остальным об их беседе, хотя со стороны казалось, что они погружены в молитву. Он, однако, был уверен, что они не станут вмешиваться в его действия, если он не будет делать ничего противоречащего обычному порядку действий. Конечно, кто-нибудь из них помчится сообщить королеве о местонахождении Моргана и Келсона, но тут уж он ничего не мог поделать.

Дункан склонился перед дарохранительницей, а затем осторожно раздвинул занавеси зеленого шелка перед золотыми дверцами. Пока его правая рука открывала замок дверцы, левая сжимала кольцо с Грифоном. И затем, когда он одной рукой достал покрытый тканью кубок, совсем просто оказалось коснуться волшебным кольцом камня в алтаре.

При этом прикосновении перед Дунканом в алтаре бесшумно открылся небольшой ящик, в котором лежала

плоская черная коробочка. Стараясь сделать все быстро, он взял еще два кубка и освободил один из них, переложив его содержимое в другой. Плоская коробочка уже переместилась в пустой кубок, и Дункан закрыл его зеленым шелком.

После этого он поставил на место два кубка и, запирая дверцу ключом, другой рукой закрыл потайной ящик. Взял кубок, закрытый зеленым шелком, поклонился и покинул священное место. Вся операция заняла не более двух минут.

Закрыв за собой двери, Дункан приник к глазку. Как он и предполагал, один из охранников был уже у выхода из храма: несомненно, чтобы поскорее доложить обо всем королеве. Но, по всей видимости, особых подозрений он не возбудил. Никто из оставшихся не поинтересовался, куда же пошел Дункан, все остались на своих местах.

Дункан сунул коробочку в свой кошелек, оставил пустой кубок, вернулся в кабинет и запер за собой дверь.

— Ну? — спросил Морган, когда Дункан достал коробочку и положил на стол.

— Все нормально, — ответил Дункан. Он отдал кольцо с Грифоном Моргану и сел на место. — К Джехане уже отправился посланец, чтобы доложить, где вы.

Морган пожал плечами.

— Этого следовало ожидать. Давайте посмотрим, что же здесь, — от взял коробочку.

— Она тоже открывается с помощью Грифона? — спросил Келсон, придвигаясь со стулом поближе к Моргану и к коробочке. — Посмотри, на крышке тоже изображен Грифон.

Морган прикоснулся кольцом к Грифону, и крышка с музыкальным звуком открылась. Внутри оказались свернутый в несколько раз кусок пергамента и маленькая коробочка, завернутая в красный бархат и запечатанная печатью с золотым львом.

Дункан взял пергамент, а Морган достал коробочку и внимательно осмотрел ее.

— Здесь совсем другая печать, Дункан, — сказал он и положил коробочку на стол рядом с кольцом. — А там инструкция?

— Похоже на то,— ответил Дункан, разглаживая измятый пергамент и поднося его к огню. Давай прочтем.

Как Сыну перейти на этот путь?
Представитель Бесконечности должен направить
Темного Защитника руку, чтобы пролить кровь,
Которая осветит Глаз Рома в ночи.

Эта же кровь должна напоить Кольцо Огня.
Но осторожно, чтобы не возбудить Гнев Дьявола.
Если рука слишком быстро сорвет пояс девственности,
Только возмездие будет ждать.

И теперь, когда Глаз Рома увидит свет,
Освободите Малинового Льва в ночи
Непреклонной зловещей рукой.
Зубы Льва вонзятся в плоть, и появится Могущество.

Итак, Глаз, Огонь и Лев утолят свою страсть.
Утолится непримиримая вражда со злом.
Знак Защитника закрепит Могущество,
И никакие силы не смогут воспрепятствовать моей воле!

Морган откинулся на спинку стула и присвистнул:

— Это написал Брион?

— Да, почерк его,— ответил Дункан, бросив пергамент на стол и постукивая по нему пальцем.— Посмотри сам.

Морган наклонился к столу и стал внимательно рассматривать пергамент, запоминая строчки, а затем со вздохом откинулся на спинку стула.

— Мы знали, что ритуал могущества Бриона очень сложен и непонятен... Если он хоть немного думал над тем, как его передать, то понять его будет трудно.

Келсон, который следил за разговором широко раскрыв глаза, больше не мог выдержать:

— Ты думаешь, что это еще не ритуал?

— Ритуал изменяется каждый раз, с каждым наследником,— кивнул Дункан.— Это предосторожность, чтобы могущество не попало в чужие руки. В противном случае кто-то теоретически мог бы изучить порядок действий, собрать все предметы, необходимые для ритуала, и обрести могущество. Короче говоря, ритуал должен быть таким, чтобы могущество передавалось только законному наследнику.

— О,— голос Келсона был тих и неуверен.— Тогда как можно понять все это и начать ритуал? — он осторожно поднял пергамент, как будто это было живое существо, которое могло укусить его, посмотрел на него с подозрением, а затем снова бросил на стол.

— Аларик? — спросил Дункан.

— Давай ты. В таких случаях ты больше понимаешь, чем я.

Откашлявшись, Дункан снова придвинул к себе пергамент и осмотрел его, а затем поднял взгляд на Келсона.

— Хорошо. Со стихами следует поступить так: надо разбить их на компоненты — основные элементы ритуала. В нашем случае мы имеем два трио и одну кварту. Три человека: Сын, Представитель Бесконечности и Темный Защитник — ты, я и Аларик. Они названы в первом четверостишии, и они представляют собой человеческие элементы.

— Неплохо, кузен,— сказал Морган, прищелкнув пальцами и улыбнувшись Дункану.

Дункан многозначительно поднял бровь.

— Три человека,— сказал Келсон, нетерпеливо подтолкнув Дункана.— А дальше?

Дункан кивнул:

— Также мы видим в стихах три предмета: Глаз Рома, Кольцо Огня и Малиновый Лев. Это наши...

— Подожди,— Морган резко выпрямился на стуле.— Я только что подумал об одной ужасной возможности. Келсон, где Глаз Рома?

Келсон побледнел.

— Я не знаю, Морган. Скажи мне, что это, и, может быть, я скажу тебе, где он.

Дункан взглянул на Моргана.

— Это темный рубин размером с мой ноготь. Брион носил его всегда в правом ухе. Ты должен был его видеть.

Келсон вспомнил, и на его лице отразился страх.

— О, святой отец, если это действительно так, то его похоронили вместе с отцом. Я не знал, что камень так важен.

Морган сжал губы и в молчании водил ногтем по Золотому Льву на коробочке, а затем вопросительно посмотрел на Дункана.

— Вскроем гробницу?

— У нас нет выбора.

— Вскроем гробницу? — с ужасом переспросил Келсон. — Но вы не можете! Морган, вы не можете!

— Боюсь, что это необходимо, — ответил спокойно Дункан. — Нам нужен Глаз Рома, в противном случае ритуал бесполезен, — он опустил глаза. — Это в любом случае хорошая идея. Если Чарисса действительно приложила руку к смерти Бриона, а у нас есть все основания так думать, тогда... тогда есть возможность, что он не полностью свободен.

Глаза Келсона расширились еще больше, и вся краска отхлынула от его лица.

— Вы имеете в виду, что его душа...

— Где он погребен? — резко спросил Морган, оборвав Келсона и переводя разговор, пока ужас полностью не овладел мальчиком. — Мы должны составить план действий, которого необходимо будет придерживаться, когда мы разделимся.

— Он в королевской усыпальнице под собором, — ответил Дункан. — Насколько я знаю, там круглосуточно дежурят четыре стражника. У них приказ никого не пускать в ворота. Так что гробницу невозможно даже издалека увидеть.

Глаза Моргана сузились. Он поигрывал кольцом, вертя его в пальцах.

— Четыре стражника? Ночью их наверняка меньше, как ты считаешь? После того как ворота храма запираются, нет нужды в сильной охране. Я думаю, мы справимся с этим.

Келсон с изумлением смотрел на Моргана. Краска постепенно возвращалась на его лицо.

— Морган, ты действительно собираешься открыть гроб? — спросил он, задыхаясь.

Ответ Моргана был прерван шумом, донесшимся со двора. Дункан вскочил, выглянул в окно и стал поспешно задергивать занавес.

Морган быстро подошел к нему и заглянул через небольшую щель, оставленную Дунканом.

— Кто это? Ты можешь сказать?

— Архиепископ Лорис, — ответил Дункан. — И по числу людей, его сопровождающих, невозможно понять,

то ли он просто приехал в город, то ли он прибыл за тобой.

— Он за мной. Посмотри, как он расставляет людей. Он знает, что мы здесь. Через минуту мы будем окружены.

Келсон тоже подошел к окну. На лице его появилась тревога.

— Что нам теперь делать?

— Мне остается только отдаться им самому,— сказал Морган, пожав плечами.

— Отдаться самому, Морган? Нет! — воскликнул Келсон.

— Правильно, Морган! — поддержал Дункан и повел мальчика к столу.— Если Аларик уклонится от вызова в Совет — твой Совет! — он преступит законы, которые поклялся соблюдать как лорд Совета,— Дункан усадил мальчика.— А если ты пренебрежешь своими обязанностями как глава этого Совета, ты сделаешь то же самое.

— Но это еще не мой Совет,— возразил Келсон.— Это Совет матери. Она пытается убить Моргана.

— Нет, это твой Совет, Келсон. Но ты должен напомнить им об этом. А кроме того, до вечера мы все равно не сможем ничего сделать. И чем дольше ты будешь оставаться в Совете, тем меньше у них шансов строить против нас козни, так как они будут на виду у тебя, ты будешь знать, где они и что делают,— он положил все предметы ритуала в потайной ящик в стене и закрыл его.— Здесь они будут в безопасности до вечера.

Но Келсон еще сопротивлялся.

— Предположим, они признают Моргана виновным. А может быть, уже признали. Я же не смогу встать и подписать ему приговор.

— Если так случится, то тебе придется,— сказал Морган, похлопывая его по плечу.— Но помни, я еще не осужден, и даже не разоружен. Дерини обладают достаточно мощными силами, чтобы защитить себя.

— Но, Морган...

— Не спорь, мой принц,— сказал Морган и мягко, но настойчиво повел его к двери.— Ты должен верить, что я знаю, что делаю.

— Надеюсь, это так,— кивнул Келсон, соглашаясь.

Дункан отодвинул засов и открыл дверь.

— Ну, до вечера, Аларик.

— Если что случится, я сообщу,— кивнул Морган.

— Я и сам все узнаю,— улыбнулся Дункан.— С Богом, кузен.

Морган с благодарностью кивнул и повел смятенного Келсона к двери. Когда они прошли по коридору и вышли во двор, то услышали ободряющее благословение Дункана и звук закрывающейся двери. Моргану было приятно сознавать, что он может рассчитывать на Дункана.

Как только они вышли во двор, их немедленно окружили солдаты с мечами, готовыми к нападению, но как только Келсон был узан, мечи опустились. Морган старался держать руки подальше от рукояти своего меча, так чтобы они были видны всем. Случайный удар меча, нанесенный невыдержанным солдатом, мог навсегда положить конец всем надеждам Келсона, да и его жизни тоже, не говоря уж о жизни самого Моргана. Он заметил, что Келсон подошел поближе к нему, бледный, но решительный, когда увидел, что к ним едет архиепископ Лорис.

Архиепископ Лорис еще не сменил дорожные одежды, его черный плащ был измят и пропылен, но даже и в таком виде он производил впечатление.

Хотя Морган ненавидел человека, ответственного за гонения и избиение Дерини на севере, он должен был признать, что Лорис относится к тем редким людям, которые как будто свыше получают власть и могущество, которые как будто самим провидением предназначены для вершения великих дел — как добрых, так и злых.

В блестящих голубых глазах светился огонь религиозного фанатизма, тонкие серые волосы образовывали нимб вокруг гордо посаженной головы. Левая рука сжимала свиток пергамента, скрепленный несколькими печатями из красного и зеленого воска. В правой руке сверкала аметистовая печать высшего духовного лорда.

Он слегка поклонился Келсону и сделал движение, как будто хотел протянуть руку для поцелуя, но принц подчеркнуто пренебрежительно не обратил на него внимания. Лорис опустил руку и посмотрел на Моргана, но ему руки не протянул.

— Ваше Королевское Высочество,— сказал он, все еще глядя на генерала,— надеюсь, в полном здравии?

— Я отлично чувствовал себя, пока вы не прибыли сюда, архиепископ,— резко ответил Келсон.— Что вам угодно?

Лорис снова поклонился и полностью переключил внимание на Келсона.

— Если бы вы присутствовали на заседании Совета, как предписывает вам долг, вы бы не задали этого вопроса, Ваше Высочество,— ответил Лорис.— Но сейчас не время говорить об этом. У меня ордер на арест его милости Лорда-генерала Аларика Энтони Моргана, дюка Корвина. Я думаю, что он с вами, Ваше Высочество.

Морган лениво улыбнулся и сложил руки на груди.

— Полагаю, это более чем очевидно, милорд. Если у вас ко мне дело, можете обращаться непосредственно ко мне. Не делайте вид, что меня здесь нет, только потому, что вам хочется, чтобы меня не было.

Лорис повернулся к Моргану. В его глазах сверкнула ярость.

— Генерал Морган. Я имею приказ королевы и ее лордов доставить вас немедленно на заседание Совета, чтобы ответить на обвинения, выдвинутые против вас.

— Вижу,— спокойно сказал Морган.— А какие обвинения, милорд?

— Ересь и измена королю,— величественно изрек Лорис.— Вы отрицаете их?

— Конечно,— ответил Морган. Он потянулся к свитку, но тут же застыл на месте, так как дюжина мечей устремилась к его горлу. Он улыбнулся. — Могу я прочесть ордер, милорд?

Лорис дал сигнал, и его люди опустили мечи. Морган взял ордер, протянутый ему Лорисом, и быстро просмотрел, держа пергамент так, чтобы Келсон тоже смог прочесть через его плечо. Затем он снова скатал свиток и протянул Лорису.

— Я считаю ваш ордер на арест всего лишь просьбой явиться,— сказал он спокойно.— С приведенными фактами и их интерпретацией можно поспорить. Я, конечно же, не признаю обвинения,— он отстегнул от пояса свой меч,— однако вызов на заседание составлен правильно, и я добровольно отдаю себя во власть Совета.

Он протянул меч удивленному архиепископу, а затем вытянул вперед руки.

— Вы желаете связать меня, милорд? Или достаточно будет моего слова?

Лорис испуганно отпрянул, левая рука стиснула нагрудный крест.

— Морган, если это штучки Дерини,— прошипел он,— я предупреждаю вас...

— Никаких штучек, милорд,— заявил Морган, держа руки ладонями вверх. — Я даже отдам вам свое личное оружие в доказательство доброй воли.

Он шевельнул левой рукой, и в ней появился узкий стилет. Раньше чем Лорис и его люди успели шевельнуться, он через плечо подал его Келсону рукояткой вперед.— Мой принц?

Не говоря ни слова Келсон взял кинжал и прицепил его к поясу. Лорис, наконец, опомнился.

— Смотрите, Морган! Если вы думаете, что это шутка или игра, то вы ошибаетесь.

— Архиепископ,— оборвал его Келсон.— Я не буду слушать угроз ни от вас, ни от него. Генерал Морган продемонстрировал свою добрую волю, теперь ваша очередь. Этот кинжал ведь мог найти не мою руку, а вашу грудь.

Лорис уселся в седле поудобнее.

— Он бы не осмелился.

Келсон пожал плечами.

— Это вы так думаете. Но давайте кончать с этим фарсом. У меня есть более важные дела.

— Такие, как общение с этим последователем дьявола, Ваше Высочество? — прошипел Лорис.

— Ваш лексикон оставляет желать лучшего, архиепископ,— ответил Келсон.

Лорис постарался взять себя в руки, сделав глубокий вдох.

— Перед тем как выдать ордер на арест, в Совете выполнены все процедуры, предусмотренные законом, Ваше Высочество. Я думаю, что в этот раз у него мало шансов избежать наказания.

— Слова, милорд,— сказал Морган.

Лорис сжимал и разжимал кулаки, а затем подозревал двоих из своего окружения.

— Свяжите его.

Солдаты подошли к Моргану, заломили ему руки за спину и связали. Лорис обратился к Келсону:

— Ваше Высочество, я понимаю, что вы пребывали в сильном напряжении все последнее время, и я предлагаю забыть те слова, которыми мы только что обменялись. И если вы желаете сейчас вернуться в свои покои и отдохнуть, я уверен, что Совет проявит понимание в силу этого обстоятельства.

— Какого обстоятельства, архиепископ? — Келсон вспыхнул. — Неужели вы думаете, что я покину Моргана на вашу милость или милость моей матери? Я полагаю, будущий король Гвинедда обязан присутствовать на заседаниях Совета, на которых решаются вопросы чрезвычайной важности, не так ли, архиепископ?

Глаза Лориса сверкнули, но он понял, что спорить глупо, и ему пришлось, наконец, признать, что мальчик, стоящий перед ним, действительно будущий король Гвинедда, каковы бы ни были его мысли и идеи.

Лорис низко поклонился, но в его глазах был вызов и неповиновение.

— Как пожелаете, Ваше Высочество.

ГЛАВА V

Когда Келсон с Морганом прибыли в Совет, там стоял ужасный шум и гвалт. Джехана дала разрешение присутствовать на Совете нескольким дюжинам советников Бриона, и сейчас все они были здесь в ожидании последнего столкновения с Морганом. Стулья для них, поставленные за креслами постоянных членов Совета, оказались не занятыми, так как те, для кого они были предназначены, расселись по всей комнате и неистово спорили, стараясь перекричать друг друга. Темой всех разговоров был могущественный лорд Дерини, и хотя никто из этих людей не имел права голоса, тем не менее они обсуждали, что же следует сделать с опальным генералом, какому наказанию подвергнуть. Разные чувства возбуждал лорд Аларик в людях, только равнодушными он никого не оставил.

Во главе стола спокойно сидела Джехана, стараясь казаться уверенней, чем была.

Время от времени она смотрела вниз, на свои бледные руки, лежащие на коленях, и вертела золотой обруч на левой руке.

Она старалась не обращать внимания на слова и просьбы епископа Арлиана, сидящего справа от нее, из опыта зная, что молодой прелат может быть чрезвычайно убедителен в своих речах, особенно когда дело касается того, в чем он заинтересован. Он уже ясно дал понять во время предварительного голосования, где лежат его симпатии. Да, здесь было несколько приверженцев и сторонников Моргана, упрямых и неистовых в своем пристрастии.

Как только Келсон вошел в зал заседаний в сопровождении Лориса и стражников, все разговоры прекратились. Те, кто не были на ногах, почтительно поднялись и кланялись Келсону, когда тот проходил, а остальные спешно занимали свои места. Келсон сел за стол рядом со своим дядей Нигелем, а Лорис медленно прошел к Джехане.

Но ни Келсон, ни Лорис не приковали к себе сегодня всеобщего внимания. Когда Морган вошел в комнату в окружении четырех людей Лориса, все взоры обратились к нему и сопровождали его, пока он проходил по комнате. Едва лишь стало видно, что он связан, вспыхнули разговоры и шепот. Лорды обменялись подозрительными взглядами, когда Моргана посадили справа и чуть позади кресла Келсона. Лицо Келсона было угрюмым.

Все заняли свои места. Лорис поклонился королеве и положил перед ней на стол свиток. Восковые печати, скрепляющие шнуры, стукнули о стол — это был единственный звук в притихшей комнате, где только что стоял гвалт, как на городском базаре.

— Я выполнил поручение Совета и доставил арестованного, как вы приказали, королева, — сказал Лорис. Он повернулся к помощнику и взял меч Моргана. — Я передаю меч арестованного как доказательство того, что он сдался и прибыл сюда под моим конвоем...

— Архиепископ! — голос Келсона, как гром, раздался в комнате.

Лорис застыл, а затем медленно повернулся к Келсону, и их глаза встретились. Келсон встал.

— Вы принесете меч мне, архиепископ,— сказал Келсон повелительным тоном,— Морган мой пленник.

В голосе Келсона звучало столько уверенности, что он всем напомнил голос Бриона. Лорис дернулся, чтобы повиноваться, но сразу опомнился и нервно откашлялся.

— Ваше Величество? — он повернулся к Джехане, ожидая от нее поддержки.

Джехана в упор смотрела на сына.

— Келсон, если ты думаешь...

— Архиепископ принесет меч мне, мать,— оборвал ее Келсон.— По законам и обычаям это мое право. Я глава Совета, пусть только по названию.

— Пусть так,— ответила Джехана. В ее глазах был гнев.— Но это не спасет его, ты же знаешь.

— Увидим,— ответил Келсон и сел на свое место.

Лорис сделал несколько шагов и с легким поклоном положил меч Моргана на стол перед Келсоном. Когда он вернулся на свое место между Джеханой и архиепископом Корриганом, Келсон искоса взглянул на Моргана.

Морган, с тех пор как вошел в зал заседаний, не произнес ни слова, но с интересом и одобрением слушал выступление Келсона. Его лицо оставалось бесстрастным. Члены Совета сидели молча, откинувшись на спинки кресел. Они ждали следующего шага Келсона. Эти люди, облеченные правом вершить правосудие, нелегко поддавались словам, поколебать их было трудно. Однако законным путем одержать победу было невозможно, а теперь лорды могли использовать только законные пути.

Морган ощутил кожаный шнур, удерживающий его руки за спиной, и пожал плечами. Интересно, сможет ли Келсон извлечь что-нибудь полезное из этой ситуации.

Келсон осмотрел комнату с нескрываемым недовольством и щелкнул пальцами, как это делал Брион, когда ему что-то не нравилось. Его глаза испытующе останавливались поочередно на лицах лордов и затем вернулись к лицу матери, сидящей против него.

— Нигель,— сказал он, не отрывая глаз от матери.— Я уверен, что вы передали мою просьбу задержать начало заседания Совета, пока я не найду возможности прийти. Может быть, вы плохо объяснили?

Нигель тоже смотрел через стол на Джехану. Он был уверен, что Келсон знал, что он пытался задержать начало Совета, и понимал, что слова Келсона сейчас были на руку лордам, сидящим за столом.

Он холодно ответил:

— Я информировал Совет, что вы просили о задержке его. Но здесь нашлись лица, проигнорировавшие вашу просьбу. Ее Величество, королева, сообщила нам, что вы заняты важными делами, которые неизвестно сколько времени продлятся. Она настаивала, чтобы мы начинали, не дожидаясь вас.

Джехана опустила глаза, а Келсон нахмурился.

— Это правда, мать?

— Конечно, правда,— выкрикнула Джехана, вскочив на ноги.— Необходимо сделать то, что должно было быть сделанным много лет назад. Совет провел голосование, и победил здравый смысл, твой драгоценный Морган признан предателем пятью голосами против четырех.

Келсон хотел было разразиться горячей тирадой, но затем холодно решил лучше обдумать тактику поведения. Он ощущал за собой Моргана.

Когда тот чуть пошевелился, его плащ задел колено Келсона. Он заставил себя расслабиться и снова оглядел всех членов Совета.

— Ну, что ж, мои лорды,— сказал он ровным голосом.— Похоже, что любые мои слова не изменят вашего мнения в этом вопросе.

Уголкем глаза он заметил, что Джехана села на свое место с торжествующим видом, и продолжил:

— Но я хотел бы просить об одной милости, прежде чем подтвердить ваше решение. Я требую повторения голосования,— его глаза продолжали сканировать лица членов Совета, в них был вызов.— Как я понял, вы сомневаетесь в верности Моргана Короне и Государству. Я хотел бы посмотреть, кто из вас и верит в эту гнусную ложь, и поддерживает ее.

Лорд Роджер беспокойно встал и обратился к Келсону:

— Вы в чем-то сомневаетесь, Ваше Величество?

— Нет,— коротко ответил Келсон.— Но я все же хочу убедиться, что ваш вердикт вынесен законным путем. Ну, джентельмены, мы теряем драгоценное время.

Что вы скажете? Морган — предатель или еретик? Нигель.

Нигель встал:

— Лорд Аларик невиновен, Ваше Высочество.

— Благодарю, дядя,— Келсон кивнул, и Нигель сел на свое место.— А вы, лорд Бран?

— Виновен, Ваше Высочество.

— Лорд Ян?

— Виновен, Ваше Высочество.

— Лорд Роджер?

— Виновен, Ваше Высочество.

Келсон нахмурился.

— Мой лорд, епископ Арлиан, что вы скажете?

— Он невиновен, Ваше Высочество,— уверенно ответил Арлиан, игнорируя взгляды Корригана и Лориса, устремленные на него через стол.

Эван не мог поднять взгляд на Келсона. Он всегда недолюбливал Моргана, но Брион умер при нем, и если слухи правдивы...

— Ну, Эван?

После долгих колебаний пришел ответ:

— Виновен, Ваше Высочество.

Келсон с участием кивнул и, перескочив взглядом мать, обратился с вопросом к архиепископу Корригану. Сомнений в ответе прелата у него не было.

— Лорд архиепископ?

Корриган уверенно встретил взгляд Келсона.

— Виновен, Ваше Высочество. А мы еще не начали рассматривать его грехи Дерини!

— Простого слова «виновен» недостаточно,— резко сказал Келсон.— Здесь судят не его принадлежность к расе Дерини. Судят человека. И, я должен добавить, человека, который много сделал для Гвинета.

— Кто много сделал для Гвинета? — съязвил Корриган.

— Хватит, архиепископ! — оборвал его Келсон, а затем перевел глаза на Мак Лейнов, и его взгляд потеплел при виде нескольких дружеских лиц.— Дюк Джаред?

— Невиновен, сэр,— ответил Дюк.

— А лорд Кевин?

— Невиновен, Ваше Высочество.

Келсон кивнул, мысленно подсчитывая голоса.

— Я уверен, что лорд Дерри тоже проголосовал за Моргана, так что пять против пяти,— он посмотрел на мать.— По-моему, подозрения не подтвердились, мать.

Джехана взорвалась.

— Лорду Дерри не разрешили голосовать, Келсон. Он не член Совета.

Глаза Келсона сузились, и в них загорелся опасный огонек. В душах некоторых членов Совета шевельнулся холодок: в мальчике они узнали Халдана, вызывающего страх и уважение. Неужели он пойдет по стопам своего отца? Это означает, что присутствующих ждут большие неприятности. Келсон медленно кивнул.

— Хорошо. Я настаивал, чтобы лорд Дерри голосовал за Моргана в его отсутствие, но раз уж Морган здесь, он сам может проголосовать. Я думаю, за что он отдаст свой голос — всем понятно.

— Морган не может голосовать,— сказала Джехана.— Он под следствием.

— Но он остается членом Совета до тех пор, пока его не осудят, мать. Пока он не будет официально лишен всех своих званий и прерогатив, вы не можете лишить его права голоса, особенно после того, как ему не позволили высказаться в свою защиту.

Джехана вскочила на ноги. Ее лицо горело от гнева.

— А если вы не можете лишить его права голоса, то не можете лишить и меня! И раз вы явились на Совет и приняли на себя руководство им, то я теперь свободна. А я скажу, что он виновен во всем, в чем его обвиняют. И тогда у нас будет шесть против пяти. Ваш драгоценный Морган будет осужден, Келсон! Что вы на это скажете?

Оглушенный, Келсон опустился в кресло. Его лицо побелело, как будто на него обрушилась непомерная тяжесть слов матери. Он не хотел видеть высокую фигуру, как статуя возвышающуюся справа от него. Он не мог заставить себя встретить взгляд этих серых глаз и признаться в поражении. В отчаянии он снова стал рассматривать лица членов Совета. И вдруг его взгляд упал на пустое место рядом с лордом Дерри — лорд Ралсон! И тут же в его голове стал вырисовываться неясный план.

Он заставил свои глаза бродить по комнате бесцельно, с отсутствующим выражением. В них не должно

мелькнуть ничего такого, что дало бы возможность его врагам понять, что у него созрел план. Он еще не слышал, чтобы колокол пробил три раза, и, пока он этого не услышит, надо тянуть время, тянуть сколько можно.

Он скрестил руки на груди и изобразил на лице смущение и покорность.

— Мои лорды,— начал он, стараясь, чтобы в его голосе слышалось утомление.— Кажется, мы проиграли,— он сделал жест, показывающий, что в это «мы» он включает и Моргана, и Нигеля.— Я прошу вашей милости еще в одном вопросе, прежде чем произнесу приговор. Я прошу, чтобы все обвинения против генерала Моргана были зачитаны. Есть возражения? — Джехана с трудом сдержала улыбку торжества и снова села.

— Конечно, нет, Келсон,— она подняла свиток и протянула его Эвану.— Лорд Эван, прочтите полный список обвинений против него.

— Его милости лорду Аларику Энтони Моргану, дюку Корвина, Лорду-генералу. От королевы и лордов Регентского Совета Гвинеда. Ваша Милость, вы вызываетесь перед Королевским Советом Гвинеда, чтобы ответить на обвинения в деяниях, которые вы совершили против Короны. А именно, вы...

Пока Эван читал список обвинений, Келсон, наконец, рискнул взглянуть на Моргана. Он удивлялся, почему за все время Морган не сделал ни одной попытки выступить в свою защиту, но затем понял, что любая защита, даже самая искусная, была бы сегодня бессмысленной, учитывая настроение членов Совета. Морган не мог бы сказать ничего, что могло бы убедить их в его невиновности.

Сейчас его голова была опущена, глаза прикрыты длинными ресницами. Келсон видел, что генерал понимает свое положение. И он, вероятно, сейчас строит всякие фантастические планы бегства, собирает свое могущество Дерини, чтобы обрести свободу — свободу, которую он должен получить любой ценой, если хочет помочь своему юному королю. Конечно, он не знает, что у Келсона есть план.

Внезапно Келсон понял, что его план может сорваться. Ведь если Морган начнет раньше, чем начнет

Келсон, а Келсон не мог начать до того, как пробьет колокол, то все надежды на законное решение вопроса рухнут.

Осторожно Келсон подвинул ногу так, чтобы она была на расстоянии нескольких дюймов от ноги Моргана. Затем, когда Эван был уже близок к завершению чтения, Келсон заворочался на своем месте и легонько толкнул ногу Моргана.

Морган взглянул на мальчика, увидел почти незаметный кивок головы и моргнул в знак согласия. У мальчика был план. Он должен дать ему попытаться.

— ...Передо мной сегодня, Джехана Регина милостью божьей,— голос Эвана затих, и он сел на место. И тут же, как только он сел, зазвонили, отбивая время, колокола храма.

Один, два, три, четыре.

Келсон считал удары и мысленно стукнул себя, услышав четвертый. Четыре пополудни. Он ждал трех, а три давно уже было. Он давно уже мог действовать, а не ждать.

Келсон встал, все еще стараясь, чтобы по его лицу невозможно было прочесть, что же он намерен делать.

— Мои лорды, Ваше Величество,— начал он официально, слегка поклонившись матери.— Мы прослушали обвинение против нашего генерала,— он заметил, что на лице Джеханы вспыхнуло подозрение при слове «мы» — она поняла, что это значит.

Келсон указал рукой на Моргана и продолжал:

— Мы также слышали пожелания, нет — требования членов Совета. Но нам кажется, что следует сделать еще кое-что, прежде чем вынести суждение по этому делу.

Среди членов Совета пронесся недоуменный шепот, и Келсон заметил на лице матери плохо скрытое удивление и ожидание чего-то неприятного для нее.

— Так уж получилось,— продолжал Келсон тем же размеренным повествовательным тоном,— что мы лишились нашего хорошего и преданного слуги — лорда Ралсона Эверинга,— он указал жестом на пустое кресло Ралсона и перекрестился. Весь Совет слушал его внимательно, с любопытством ожидая, куда он клонит.— И мы решили,— продолжал Келсон,— назначить нового члена Совета, чтобы заменить его.

— Вы не можете сделать этого! — закричала Джехана, вскакивая на ноги.

— Мы знаем, что лорда Ралсона, обладавшего многими достоинствами, заменить трудно и даже невозможно, но мы также уверены, что лорд Дерри тоже достоин этого почетного поста. Син лорд Дерри.

Члены Совета были потрясены таким поворотом событий. Келсон знаком приказал Дерри подняться. Юноша посмотрел на Моргана, как бы прося совета, но Морган был удивлен не меньше остальных.

Келсон поднял руку, требуя тишины, и, не дождавшись ее, стукнул по столу рукояткой меча Моргана. Джехана вызывающе встала на другом конце стола, пытаясь перекричать шум в комнате.

— Келсон, вы не можете сделать этого! — наконец прокричала она, дождавшись относительного спокойствия.— У вас нет права! Вы знаете, что не можете назначить нового члена Совета без одобрения регентов. Вы еще не достигли совершеннолетия!

В глазах Келсона воцарился холод. Они стали серо-стальными. И когда он взглянул на лордов, в комнате установилась гробовая тишина.

— Лорды Совета, моя драгоценная мать, вероятно забыла, что ровно четырнадцать лет и один час назад в другой комнате этого самого дворца она принесла в мир сына: Келсона Синила Энтони Халдана. Когда она исполнила свою миссию и врачи передали ей в руки сына, колокол пробил три часа пополудни.

Лицо Джеханы стало пепельно-бледным. Она рухнула в кресло, медленно кивая головой. Ее глаза бесцельно блуждали по комнате, ничего не видя.

— Да и вы, мои лорды! Перенесение коронации на завтра вместо сегодняшнего дня послужило причиной вашей забывчивости. Как вам известно, по законам Гвинеда король не может быть коронован, пока не достигнет совершеннолетия. А так как мое совершеннолетие должно было наступить сегодня в три часа, коронация была отложена на завтра, но в королевские права я вступил сегодня. Я — король!

Никто не двинулся с места и не произнес ни слова, пока Келсон не закончил свою речь. Они просто смотрели, ошарашенные, как Келсон подозвал Дерри к

себе. И когда тот подошел с поклоном, Келсон поднял меч Моргана рукоятью вверх и держал его перед Дерри.

— Син лорд Дерри, клянешься ли ты на этом кресте, что будешь всегда честен, справедлив и предан на Королевском Совете?

Дерри упал на одно колено и положил руку на рукоять меча.

— Торжественно клянусь, монсеньер.

Келсон склонил меч, Дерри поцеловал его и поднялся на ноги.

— А что вы скажете по поводу того дела, которое рассматривается сейчас, мой лорд Дерри? — спросил Келсон.— Виновен Морган или нет?

Дерри торжествующе посмотрел на Моргана, а затем на Келсона. Голос его был ясен и тверд:

— Лорд Аларик невиновен, Ваше Величество.

— Невиновен,— повторил Келсон, с удовольствием произнося это слово, смакуя его.— Это приводит нас при подсчете голосов к шести против шести,— он посмотрел на мать, которая все еще не могла оправиться от неожиданного удара.— И, следовательно, я объявляю лорда Аларика Энтони Моргана, дюка Корвина и Лорда-генерала королевских армий, невиновным в тех грехах, в которых его пытались обвинить здесь. Если кто-нибудь послезавтра пожелает возобновить расследование и сможет представить неопровержимые доказательства, я готов рассмотреть их. А сейчас заседание Совета закрывается.

После этих слов он снял с пояса кинжал Моргана и разрезал стягивающие генерала веревки. Затем, вернув Моргану меч, он поклонился Совету и вышел из комнаты. Морган и Дерри вышли за ним следом.

Как только дверь за ними закрылась, тишина, царившая там, взорвалась шумом, спорами, криками. Не вызывало сомнений, что все проделанное Келсоном было законно, но это был совершенно неожиданный удар. И все соглашались с тем, что этот удар был нанесен в лучших традициях Бриона, искусно и в самый неожиданный момент. Происшедшее вызывало смешанные эмоции: и восхищение ловким ходом Келсона, и досаду от того, что им не удалось избавиться от Моргана.

Но для Джеханы дело, обещавшее поначалу уверенную победу над ненавистным Дерини, превратилось в сокрушительное поражение.

Ее ногти, впившиеся в ладони, оставили в них полукруглые выемки. Она была в отчаянии.

Морган был свободен.

И, хуже того, Келсон перед лицом Совета боролся с ней не бессильными детскими угрозами, а разумными решительными действиями. Это было открытием для Джеханы, к которому она не была готова, и это беспокоило ее гораздо больше, чем освобождение Моргана. Если бы Келсон выказал нерешительность, сомнения при защите Моргана, она могла бы надеяться, что еще есть возможность повлиять на него. Но теперь, когда Келсон стал королем, настоящим королем, а не просто титулованным, — как теперь освободить его от дьявольского влияния Моргана? Ее мальчик — какая неожиданность! — вырос и стал мужчиной — королем.

Ян смотрел на все происходящее с интересом. Трудно было извлечь какие-то конкретные выводы из хаоса, возникшего после эффектного выступления и ухода Келсона, однако совершенно очевидно, что Келсон приобрел себе не одного сторонника из числа лордов, которые раньше были его противниками. Даже в криках Роджера и Брана Кориса слышалась немалая доля уважения. Хотя Ян был вынужден признать поражение в этом столкновении с Келсоном и гордым полукровкой Дерини, он не собирался объявлять открытую войну.

По правде говоря, он и не предполагал выиграть этот раунд. По тому, с каким спокойствием вошел Морган в зал заседаний, было ясно, что у него есть план. Морган никогда бы не позволил себя арестовать, если бы у него была хоть тень сомнения в том, что ему удастся освободиться в любой момент, когда он пожелает.

Однако он не думал, что все заседание прошло по сценарию, задуманному генералом. Он был почти убежден, что все это дело рук Келсона, основанное на простом и удачном стечении обстоятельств. Действительно, вряд ли можно было серьезно надеяться, что выступление Келсона завершится победой и Морган окажется на свободе.

В том, что Келсон действовал не по заранее задуманному плану, сомневаться не приходилось. И это следовало принять во внимание. Келсона уже нельзя недооценивать, сбрасывать со счета. Ну, а сейчас нужно многое сделать. Раз Морган опять на свободе, совсем не вредно продолжить распространение слухов, чернящих это имя. Да и Чариссу нужно поскорее информировать о внезапном повороте событий на нынешнем заседании Совета.

Оставив Брана Кориса и Роджера, Ян незаметно выскользнул из зала заседаний и направился к казармам. Его ждала работа, много работы, так что терять время на споры не имело смысла.

Морган в восторге хлопнул в ладоши, когда он, Келсон и Дерри спешили через внутренний дворик к королевским покоям.

— Келсон, ты был великолепен! — сказал он, обняв мальчика за плечи. — Ты все сделал в лучших традициях Бриона. Ты даже меня удивил.

— Правда? — спросил Келсон. Он явно наслаждался успехом. На его лице играла улыбка, он все время оглядывался, идут ли они за ним, а сам почти вприпрыжку забегал вперед и снова останавливался, поджидая их. Часовые, которые встречались им на пути, с любопытством смотрели на них, но, насколько Морган мог заметить, никто не следил за ними.

— Я не знаю, что чувствовал ты, — продолжал мальчик, — но я все время ужасно боялся. А когда часы пробили четыре вместо трех, у меня чуть не остановилось сердце.

— Радуйся, что не случилось обратное, — фыркнул Морган. — Представь, что было бы, если бы колокол пробил вместо трех два раза.

Келсон засмеялся.

— Я думал об этом.

— И еще, — продолжал Морган. — Я не хочу умалить значение того, что ты назначил лорда Дерри новым членом Совета, но они могли воспротивиться участию нового голоса в голосовании, так как оно было проведено до твоего совершеннолетия. Ты просто задавил их.

— Знаю,— ответил Келсон.— Но ничего. Я полагаю, никто из них не сможет сказать, что я действовал незаконным путем.

— Рискованная штука,— сказал Морган.— И все же, должен сказать, во всем этом было много возбуждающего, а это мне по вкусу. Жить в риске — хорошо, но...

— А если вы спросите меня, милорд,— вмешался Дерри,— то я скажу, что по мне лучше было бы поменьше риска. Мне было бы спокойнее заранее знать, что все кончится хорошо.

Келсон засмеялся. Они уже поднимались по лестнице в его покои.

— Вообще-то я согласен с Дерри. Я не ощущаю никакой уверенности в благополучном исходе,— он искоса посмотрел на Моргана.— А ты не думаешь, что нам следует послать сообщение отцу Дункану? Ты же обещал дать ему знать обо всем, что случится.

— Верно,— кивнул Морган.— Дерри, не можешь ли ты сходить в храм Святого Хилари и рассказать Дункану о том, что случилось? — он улыбнулся и продолжал: — Ты скажи ему, что все хорошо и мы собираемся немного соснуть до назначенного времени.

— Хорошо, милорд,— сказал Дерри.— Мне возвращаться обратно, когда я выполню поручение?

Морган кивнул.

— Но отдохни тоже. Я хочу, чтобы ты командовал охраной у покоев Келсона всю ночь, если, конечно, у тебя нет других планов. Я знаю, что тебе можно доверять.

— Слушаю и повинуюсь, милорд,— ответил Дерри с улыбкой.— А вы постарайтесь остаться живыми, пока я не вернусь и не возьму на себя вашу охрану.

Морган только улыбнулся и кивнул ему головой. Дерри тут же исчез.

Ян уже почти достиг того места, куда направлялся. Он находился в самом сердце дворца. Проходя бесчисленные лестницы, извилистые коридоры, он по-кошачьи неслышно и мягко ступал по холодным каменным плитам пола. В его глазах горел опасный огонек, когда он проходил мимо часовых, но те его не останавливали: Яна здесь знали.

Наконец, немного не дойдя по поворота в узкий коридор, он остановился, положил руку на рукоять меча и стал дюйм за дюймом, прислушиваясь и оглядываясь, осторожно продвигаться вперед, пока не дошел до самого поворота.

Отлично. Часовой на месте, как и следовало ожидать. Улыбнувшись про себя, он завернул за угол и неслышными шагами приблизился к часовому, который не замечал Яна, пока тот не подошел совсем близко. Их разделяло не более двух футов — только тогда часовой увидел его.

— Милорд! Что-нибудь случилось?

— Нет, конечно, нет,— невинно приподняв одну бровь, ответил Ян.— А почему ты так решил?

Часовой успокоился и улыбнулся.

— Милорд, меня поразило ваше появление здесь. Ведь сюда почти никто не приходит, пока что-нибудь не случится.

Ян засмеялся. Он поднял руку и перед глазами часового появился его палец.

— Как твое имя, часовой?

Глаза часового против его воли следили за движениями пальца, и он отсутствующим тоном сказал:

— Майкл де Форест, милорд.

— Майкл де Форест,— кивнул Ян, медленно водя пальцем перед лицом часового.

— Ты видишь мой палец, Майкл?

— Да-а, милорд,— пробормотал Майкл. Его глаза были прикованы к пальцу Яна и были не в силах оторваться от него.— Милорд, я... что вы делаете?

— Ты только следи за моим пальцем, Майкл,— прошептал Ян. Его голос был тих, но в нем появилась угроза.— Ты следи... и ты уснешь.

Как только он произнес слово «уснешь», его палец легонько коснулся лба часового, глаза Майкла закрылись. Ян, произнеся какую-то фразу, которая еще углубила состояние транса, спокойно подошел к часовому, взял у него из рук копье и прислонил его к стене.

Оглядевшись вокруг, чтобы убедиться, что за это время никто поблизости не появился, он подтащил Майкла к стене и тоже прислонил к ней, затем положил свои пальцы на его виски и закрыл глаза.

Постепенно из головы Яна стало исходить бледно-голубое излучение, постепенно распространяясь на его тело, ноги, руки, а затем оно перекинулось и на часового. Как только свет коснулся головы часового, тот содрогнулся, как будто сделал последнее усилие, чтобы освободиться от темных чар, связавших его, а затем расслабился, когда сияние охватило все его тело. Теперь, когда они оба оказались в голубом фосфоресцирующем сиянии, Ян заговорил:

— Чарисса?

Сначала была тишина, разрываемая лишь дыханием двух мужчин — легким Яна и тяжелым прерывистым Майкла, затем губы часового дрогнули.

— Чарисса, ты слышишь меня?

— Слышу,— ответил Майкл шепотом.

Ян улыбнулся и заговорил спокойно, не отрывая глаз.

— Хорошо. Сожалею, но у меня для тебя плохие новости, дорогая. Наш замысел в Совете провалился. Келсон объявил себя совершеннолетним, на место Ралсона назначил нового члена и затем, как король, отменил результаты предыдущего голосования. Я ничего не мог поделать. А попытка со стенректором тоже не удалась, как тебе, наверное, уже известно.

— Я слышала, он умер,— прозвучал голос часового.— А что теперь с Морганом?

— Не знаю,— поджал Ян губы.— Он и Келсон ушли в покои Келсона на ночь. И наш юный принц, вероятно, не желает, чтобы что-нибудь приключилось с его любимчиком. Пока они не ждут никакой беды, а я тем временем планирую проделать несколько фокусов, на которые им придется тратить драгоценное время и энергию вплоть до завтрашнего утра. Согласна?

— Очень хорошо,— прошептал часовой.

— Неужели тебе не хочется спросить, что же я задумал? — поинтересовался Ян.

Впервые в этом бесстрастном голосе появился какой-то намек на эмоцию.

— А тебе бы очень хотелось этого, да? — даже сквозь чужой голос, произносивший слова Чариссы, пробился сарказм.— Это для тебя возможность похвастаться своим умом? — затем наступила пауза.— Ни к чему. Если ты что-то задумал, лучше закончить сеанс связи прежде, чем ты выдохнешься и истощишь этого

субъекта до состояния, когда он не сможет восстановиться.

— Как желаешь, моя девочка,— засмеялся Ян,— хотя вряд ли ты беспокоишься о нашем медиуме. У меня относительно него свои соображения. Хорошей охоты, Чарисса.

— И тебе,— последовал ответ.

После этого свечение, в котором находились Ян и часовой, исчезло. Ян опустил руки и через некоторое время смог открыть глаза. Часовой уже уверенно стоял у стены, но глаза его все еще были закрыты. Ян осмотрелся, затем взял часового за руку и не выпуская его из-под контроля, повел на пост.

— Милорд,— мямлил Майкл, тряся головой в попытках освободить ее от тумана,— что случилось? Что вы...

— Ничего особенного, Майкл,— ответил Ян, доставая из-за голенища сапога узкий кинжал.— Ты ничего не почувствуешь.

Как только Майкл уловил блеск стали, он собрал последние остатки сил и забился, вырываясь из рук Яна. Но бесполезно. Его сопротивление было слишком слабым и потихоньку угасло. Он безвольно стоял там, где поставил его Ян, и завороченно смотрел на приближающуюся сталь.

Со спокойствием хирурга Ян откинул ворот кольчуги и приложил острие кинжала к груди, чуть левее середины, а затем легким движением вонзил кинжал точно меж ребер, чтобы поразить сердце.

Едва лишь Ян выдернул кинжал, глаза часового закатились, помутнели и он со сдавленным стоном опустился на пол. Кровь алым фонтаном хлынула из раны, пропитывая одежду и на полу стала быстро растекаться лужа крови, все увеличиваясь в размерах. Но сердце все еще продолжало биться, раненные легкие с хрипом вдыхали и выдыхали воздух, продлевая мучительную агонию.

Ян нахмурился и наклонился над умирающим. Это убийство не назовешь чистым, Морган не допустил бы такой оплошности, а хуже всего то, что теперь ему придется прикончить человека на земле.

Он задумчиво прикусил губу, рассматривая раненого, затем вновь вонзил в старую рану кинжал и провернул

его. На этот раз, когда он выдернул клинок, сердце не билось. Человек был мертв.

Удовлетворенно хмыкнув, Ян вытер кинжал о плащ убитого и повернул на бок, стараясь не задеть лужу крови под ним, потом взял его руку в свою, окунул пальцы мертвого в кровь и на чистой каменной стене над головой убитого начертил грубый рисунок — изображение Грифона.

Ян постоял, обзревая свою работу, кивнул с удовлетворением и вложил кинжал обратно в голенище сапога, затем тщательно осмотрел себя в поисках каких-нибудь следов содеянного. После этого он положил копье рядом с трупом, в последний раз окинул всю сцену взглядом и повернулся, чтобы уйти отсюда.

Теперь, когда солдаты наткнутся на труп своего товарища, не было сомнений в том, что они подумают. Хладнокровного убийства на фоне всех остальных обвинений против генерала Моргана должно быть достаточно, чтобы поднять людей на восстание против него. А Ян был убежден, что труп будет сегодня же обнаружен.

А если и Келсон падет в предстоящем мятеже? Ян пожал плечами. Ну что же, значит, ему не повезет...

ГЛАВА VI

Когда звук колоколов, отбивающих вечерню, замер, Морган внезапно проснулся. Его встревожило, что он проспал гораздо дольше, чем планировал, кроме того, он замерз. Огонь в очаге совсем погас, в золе виднелись только отдельные точки углей. А посмотрев налево, он увидел, что двери балкона открыты и что надвигается шторм. Неудивительно, что в комнате холодно.

С легким стоном он поднялся с глубокого кресла с высокой спинкой, которое служило ему постелью в течение последних трех часов, и вышел на балкон. На улице, несмотря на тяжелый, насыщенный энергией приближающейся бури воздух, было спокойно, хотя и слишком темно для такого раннего часа. Несомненно,

еще до полуночи пойдет дождь, а может быть, и снег — этого всегда следует ожидать, если ночью предстоит много работы.

Осторожно он закрыл стеклянные двери балкона, на мгновение застыл, прижавшись лбом к стеклу и закрыв глаза.

Он так устал. Боже, как он устал! Тупая боль в костях после недельной скачки, да еще сегодняшнее напряжение — это нельзя излечить несколькими часами сна. А впереди так много дел и так мало времени! И сейчас, без промедления, нужно спуститься в библиотеку Бриона и поискать там кое-что, что должно облегчить предстоящую сегодня работу.

Вряд ли он что-нибудь найдет: Брион был очень осторожен и не оставлял ничего важного там, где на это мог наткнуться любой, хотя все же надо посмотреть, но прежде всего следует убедиться, что с Келсоном все в порядке.

Он оглянулся на закрытые двери, собрал все свои силы и приложил левую руку к глазам, сконцентрировавшись на том, что слабость должна покинуть его тело. Это сработало как обычно, он почувствовал прилив сил, но, однако, понимал, что такое состояние долго не продлится. Рано или поздно надо как следует поспать, иначе он будет ни на что не годен. Может быть, даже сегодня ночью, когда они все закончат.

Морган задернул тяжелые голубые шторы на стеклянных дверях, вернулся к очагу и подложил дров. Когда огонь разгорелся и дал достаточно света, Морган прошелся по комнате и, наконец, обнаружил то, что искал.

У стены он увидел свою черную сумку, которую принес сюда Дерри после заседания Совета. Морган подтащил ее к огню и поспешно расстегнул ремень, ощупывая пальцами гладкую поверхность хорошо выделанной кожи.

Ага!

Он нащупал на дне сумки знакомый кошелек, тщательно сработанный из красной кожи, и почувствовал радость от того, что его содержимое никуда не исчезло. Морган бросил кошелек в кресло и направился к гардеробу Келсона в поисках какой-нибудь одежды: ему было холодно, к тому же предстояло ходить по дворцу

в такую плохую погоду. Так что он решил одеться потеплее. Наконец, он выбрал голубой шерстяной плащ с отделанными мехом воротом и рукавами. Надев его, он обнаружил, что рукава спускались чуть ниже локтей, а полы едва доставали до колен, в остальном же плащ вполне подходил ему, и он решил, что сойдет и так.

Взяв со стола канделябр с толстой желтой свечей, он зажег ее от очага и, прихватив красный кошелек, подошел к постели Келсона.

Келсон спал беспокойно. Он лежал на животе, почти поперек кровати, уткнувшись лицом в локоть левой руки. Одежда сбилась, и Морган осторожно накрыл им обнаженные ноги мальчика. Поставив канделябр, он опустил на колени возле постели, открыл кошелек и высыпал его содержимое на пол.

Это были восемь кубиков — «охраняющие», как их называли профессиональные маги: четыре белых и четыре черных, каждый не больше мизинца. Он аккуратно расположил кубики в определенном порядке: четыре белых в центре — в форме квадрата, а по углам четыре черных, но так, чтобы они не касались белых. Затем, начав с белого кубика в левом верхнем углу, он начал прикасаться к ним поочередно, тихо выговаривая слова, которые означали их положение в этой системе защиты.

— Прима,— первый белый куб начал светиться.

— Секунда,— он коснулся правого верхнего куба, и тот тоже окутался молочным сиянием.

— Терция. Кварта,— остальные белые кубики зажглись, образовав единый белый квадрат, испускающий прозрачный свет.

Затем черные:

— Квинта, Секста, Септима, Октава,— черные кубики зажглись темно-зеленым светом.

Теперь самое главное: надо соединить белые и черные кубики в единое целое — магическую конструкцию, которая защитит спящего Келсона от любой опасности, от всего, что может принести ему вред. Морган протянул руки ладонями вниз над кубиками, а затем поднял первый. Он очень осторожно коснулся им его черного соседа — Квинты.

— Примус! — послышался мягкий щелчок, и кубики срослись в одно целое. Они стали светиться серебряно-белым светом.

Морган нервно облизнул губы и, подняв Секунду, соединил его с Секстой.

— Секундус! — опять щелчок и серебряное свечение.

Он глубоко вздохнул и медленно выдохнул, собирая силы для следующего шага. Процедура отнимала много сил, которые и так были на исходе, но у него не было другого выбора, если он хотел осмотреть библиотеку. Келсона нельзя оставлять без защиты.

Он поднял Терию и коснулся им Септимы.

— Терциус!

Когда пара засветилась, Келсон заворочался и с удивлением открыл глаза.

— Что... Морган, что ты делаешь? — он приподнялся на локтях, наклонился над кубиками, а затем уставился на Моргана.

Морган поднял бровь и, задумчиво подперев подбородок рукой, сообщил:

— Я думал, ты спишь.

Мальчик посмотрел на него, как будто не был уверен, что проснулся. Он потихоньку протянул руку к кубикам.

— Не трогай! — скомандовал Морган, отталкивая руку Келсона. — Подожди!

С глубоким вздохом он соединил вместе последнюю пару:

— Квартус!

Затем положил соединенную пару к остальным трем и снова вздохнул.

— Ну, а теперь, — сказал он, глядя на Келсона, — почему ты проснулся?

Келсон перекатился к краю кровати и сел.

— Я слышал, как ты бубнишь что-то по-латыни у меня над ухом. А что это такое? — он с любопытством смотрел на светящиеся кубики.

— Это компоненты Главного Охранения, — сказал Морган, поднимаясь на ноги. — Мне нужно уйти ненадолго, и я не хочу оставлять тебя без защиты. Когда выставлены эти охраняющие кубики, только я могу их снять. Ты будешь в полной безопасности с ними.

Он положил по кубику у каждого из углов кровати.

— Подожди,— сказал Келсон, поднимаясь с постели.— Куда ты? Я пойду с тобой.

— Ничего подобного,— ответил Морган, толкая мальчика на подушку.— Ты будешь спать, а я пойду в библиотеку твоего отца поискать ключи к ритуалу. Поверь, если бы было можно, я бы тоже спал. Тебе нужно как следует отдохнуть перед сегодняшней ночью.

— Но я мог бы тебе помочь,— слабо запротестовал Келсон, удивившись, что он снова лежит.— Да мне больше и не заснуть.

— Ну, это-то я устрою,— засмеялся Морган и положил руку на лоб мальчика.— Ты только расслабься, расслабься и мечтай. Забудь об опасностях. Забудь о страхах. И расслабься. Спи. Мечтай о чем-нибудь хорошем. Спи глубоко, мой принц, спи в безопасности.

Пока он говорил, ресницы мальчика затрепетали, дыхание стало ровным и глубоким. Он погрузился в сон. Морган засмеялся, погладил спутанные черные волосы. Затем он напрягся и протянул руку к кубикам-охранителям.

— Примус, Секундус, Терциус, Квартус — Фиат люкс!

Мгновенно в кубиках возникла новая жизнь: вокруг спящего Келсона запульсировал кокон, как бы сотканный из туманного свечения. Морган удовлетворенно кивнул и направился к двери.

— Ну, а теперь за какими-нибудь сведениями.

Проведя в библиотеке полчаса, Морган не нашел ничего интересного. Он просматривал каждую книгу в коллекции Бриона, каждый манускрипт на полке — все бесполезно.

Найти бы хоть что-нибудь: отмеченное предложение в книге, указание на то, как составлены ритуальные стихи, любой намек, позволяющий приблизиться к решению проблемы!

Конечно, они могли справиться с задачей и без посторонней помощи, но времени слишком мало, а Морган хотел быть уверен в успехе на сто процентов.

Ритуал должен быть совершен. Иначе Келсон погибнет. И Морган и Дункан вместе с ним.

Если бы он мог припомнить привычки Бриона, его любимые книги, то, вероятно, искать было бы легче. Он знал: что-нибудь должно быть, Брион не мог не оставить след, так как наверняка знал, что его друг будет искать указания. Может быть, ключ заключен в самих стихах?

Морган устало сел за стол Бриона, положил голову на руки. Он должен найти ключ. Ключ, который наверняка оставлен Брионом.

Его глаза уже в который раз осматривали комнату, и вдруг взгляд его упал на печать с зеленым Грифоном на левом мизинце. Однажды он читал, как один из лордов Дерини использовал такое кольцо как фокус для глубокой концентрации — техника Тируна, названная по имени Риса Тируна, который впервые ввел ее в арсенал магии Дерини. Морган пробовал это много раз, правда, для других целей, и у него получалось. Может быть, получится и сейчас?

Сфокусировав все внимание на кольце, Морган начал концентрироваться, освобождать разум от разных мыслей, тревог, забот, отключаться от внешних звуков, видений, ощущений. Глаза его медленно закрылись, дыхание замедлилось, стало менее глубоким. Напряженные пальцы расслабились.

Полностью очистив свой разум, он создал в мыслях образ Бриона и постарался проникнуть в него, чтобы найти то, чего так страстно жаждал.

Внезапно изображение Бриона замелькало и пропало. Вместо него внутренним взором Моргана завладел мрак, в котором непрерывно вращались какие-то неясные тени.

Постепенно сформировалось неустойчивое изображение человеческого лица, окруженного чем-то вроде черного капюшона, — лица странного, хотя и хорошо знакомого. Но через мгновение все пропало. Ничего не осталось. Только ошеломленный молодой человек сидел за столом в библиотеке с закрытыми глазами и в дурацкой позе.

Морган открыл глаза и быстро осмотрелся — в библиотеке никого не было.

Хадаса! Изображение было совершенно реальным! Он никогда не достигал такого эффекта. Но он не мог припомнить, где же видел то странное лицо.

Он рассеянно побрел к шкафу с любимыми книгами Бриона и наугад вытащил одну из них.

— Жития Святых Тальбота,— прочитал он.

Он с тоской перелистывал страницы, пока не попал на место, отмеченное полоской пергамента, на котором было что-то написано, несомненно рукой Бриона. Но то, что он увидел на заложённой странице книги, заставило его забыть о надписи на пергаменте: там в красках был изображен портрет человека, чье лицо он только что видел в своем видении! Затаив дыхание, он наклонился поближе и прочел слова под портретом: «Святой Камбер Кулди. Отец Магии Дерини».

Морган нервно оглянулся вокруг, опустив книгу. Сомнений не было — хоть это и невозможно, но он видел именно это лицо, когда находился в транс.

Абсурд. Он не верил в святых или, по крайней мере, считал, что не верил. А кроме того, Камбер умер почти двести лет назад, что толку от его святости?

Но почему же Камбер явился к нему сейчас? Может быть, Брион когда-нибудь сказал что-нибудь такое об этом святом, что запало в память Моргану и оставалось там все эти годы, ни чем не проявляя себя, пока не пришло время, пока цепь событий не привела к тому, что Камбер возник в его сознании? Вопрос: что же он знает о Камбере Кулди? Ответ: совсем немного. До этого дня знать что-нибудь о нем казалась Моргану совершенно бесполезным.

Раздраженный, он понял, что надо узнать о нем подробнее. Морган взял толстый том, придвинулся ближе к свече, рассеянно сунув в карман кусок пергамента. Он прочел:

«Святой Камбер Кулди (846—905). Легендарный граф Кулди, чистокровный лорд Дерини, живший во времена царствования Дерини. Камбер открыл, что при определенных условиях некоторые люди могут воспринять полный набор способностей Дерини и приобрести их могущество. Камбер был тем, кто помог наследникам старых человеческих правителей приобрести это могущество. Позднее Камбер возглавил восстание, приведшее к крушению власти Дерини и воцарению законных правителей».

Морган нетерпеливо перевернул страницу. Все это ему известно, это из общего курса истории, а ему нужны факты, касающиеся святости Камбера или способные

объяснить то, что произошло с ним самим несколько минут назад. Он продолжал читать:

«Теперь к оккультным наукам относились терпимо, и в благодарность за то, что Камбер сделал для человечества, Совет епископов причислил его к лику святых. Но этим дело не закончилось.

Пятнадцатью годами позднее начались жестокие преследования Дерини и предметов их магии. И вскоре имя Камбера Кулди было вычеркнуто из списка святых. Большое количество ранних эдиктов Совета аннулировано, и вместе с ними эдикт о святости Камбера.

Камбера всегда чтили как отца оккультных наук и как защитника человечества. Однако вычеркнув Камбера из списка святых, Совет предал все оккультные науки анафеме. Имя Камбера стало символом зла. Каждое злодеяние, совершенное лордами Дерини во времена царствования, приписывалось ему, и народу было запрещено упоминать это имя иначе как для хулы и проклятий.

Однако ложь трудно поддерживать в течение веков, и разговоры о Камбере постепенно утихли, но распространились многочисленные слухи, подливающие масло в огонь: говорили, что Камбер не умер в 905 году, как официально утверждается, что он скрылся в убежище и ждет возможности появиться вновь и вновь рабствовать в области магии. Правда это или нет — неизвестно, да и вряд ли будет известно в ближайшем будущем. Однако достоверно известно, что еще осталось несколько высших лордов Дерини, которые находятся вне закона и занимаются магией, хотя очень маловероятно, что Камбер среди них: жить больше двухсот лет — это чудесно даже для Дерини. И все же слухи ходят, а те несколько Дерини, что еще живы, ничего не говорят ни в подтверждение их, ни в опровержение».

Закончив чтение, Морган перевернул страницу, чтобы снова посмотреть на портрет. Камбер Кулди. Теперь он был уверен, что никогда раньше не видел это лицо. И ничего подобного не читал. Иначе он вспомнил бы.

Итак, что же он узнал? И как это связать с тем, что с ним случилось? И почему это лицо кажется ему таким знакомым, хотя он уверен, что никогда прежде не видел его?

Он закрыл том и тут услышал, как сзади мягко открылась дверь библиотеки. Мгновенно развернувшись он увидел, как чья-то серая тень скользнула из коридора в комнату.

Это была женщина. И когда она повернулась, закрыв за собой дверь, он узнал в ней Чариссу!

Морган улыбнулся и откинулся в кресле, желая увидеть, как она отреагирует на его присутствие. Он наблюдал, как ее взгляд скользит по комнате, и вот она заметила свет его свечи.

— Добрый вечер, Чарисса,— сказал он мягко, не двигаясь с места.— Ты ищешь кого-то или что-то?

Чарисса вздрогнула от удивления и, осторожно обогнув стол, встала перед Морганом. Морган кивнул в знак приветствия, когда она вступила в освещенное пространство, но она не ответила.

— Что ты здесь делаешь? — голос Чариссы был низким, почти хриплым.

Морган лениво встал и сделал вид, что потягивается, с трудом подавляя зевок.

— Я искал чего-нибудь почитать, если ты действительно хочешь знать. Несмотря на то что я очень устал от твоих козней, на которые ты не скупилась последние несколько дней, я обнаружил, что не могу уснуть. Разве это не странно?

— Очень странно,— ответила она осторожно. От ее неуверенности не осталось и следа.— Но почему ты думаешь, что я — причина твоей бессонницы?

Морган сделал протестующий жест рукой.

— О нет, не бессонницы, моя дорогая — усталости. Я уверен, что ты замешана в распространении грязных слухов обо мне, в том, что ты настроила Совет против меня, устроила западню по дороге сюда. Кроме того, я подозреваю, что ты приложила руку и к смерти Бриона, хотя конечно, пока не могу доказать этого.

Глаза Чариссы сузились. Она внимательно смотрела на него, пытаясь понять, сильно ли он блефует.

— Я думаю, тебе предстоит трудное время, пока ты будешь собирать доказательства моей вины дорогой Морган. И полагаю, что в конце концов ты обнаружишь, что все эти грехи приписывают тебе.

Морган пожал плечами.

— А что касается твоего заявления о моей причастности к смерти Бриона,— продолжала Чарисса,— так это абсурд. Все знают, что он умер от сердечного приступа.

— Я этого не знаю,— сказал Морган.— Я ничего этого не знаю. Но я знаю, что одному человеку из его свиты дали флягу вина утром, во время охоты. Очень странно, но он сказал, что вино ему дала женщина — прекрасная, со светлыми волосами. И из этой фляги пили только Брион и Колин.

— Ну так что? — спросила Чарисса.— Ты обвиняешь меня в том, что я отравила Бриона? Давай, давай. Ты мог бы придумать что-нибудь получше.

— Я и придумал. Мне посчастливилось узнать, что ты разработала затуманивающий разум наркотик — марашу — несколько лет назад, и этот препарат действует только на тех, в ком течет кровь Дерини.

— Но, Морган, ты ведь можешь заблуждаться.

— Да? Ты знала, что Бриона можно поразить таким путем, что он, будучи смертным человеком, не мог определить присутствия наркотика в себе, пока не стало слишком поздно,— он встал и с высоты своего роста угрожающе посмотрел на нее.— Почему ты не вызвала его на честный бой, Чарисса? Ты должна была победить. Он ведь всего лишь простой смертный.

— И рисковать своей репутацией, своим могуществом в этой вовсе не необходимой битве с человеком, с простым смертным?

— Но ты собираешься вступить в поединок с человеком завтра?

Она улыбнулась медленно, лениво.

— Да, но это другое дело. Я не могу проиграть Келсону. Он всего лишь мальчик и не имеет могущества своего отца. Да и ты не будешь иметь возможности помочь ему, как ты сделал пятнадцать лет назад в битве Бриона с моим отцом.

— Не будь слишком самоуверенной,— возразил Морган.— В нем много от своего отца. И, кроме того, здесь я, и на этот раз я прослежу, чтобы завтра ты не прибегла к вероломству и предательству.

— Что ты говоришь, Морган! Неужели ты думаешь напугать меня? Я загляну к твоему драгоценному принцу даже раньше — сегодня вечером.

Морган насторожился.

— Сейчас он в полной безопасности, никакие темные силы не смогут пробить мою защиту.

— Возможно, это правда,— согласилась она.— Ты устанавливаешь очень сильную защиту. Даже я поражена твоим искусством. Я всегда считала, что полукровка Дерини не способен на такое.

Морган с трудом сдержал гнев.

— Я утверждаю, что с этим Халданом у тебя ничего не получится.

— О, это звучит как вызов, мой маленький Морган,— промурлыкала Чарисса.— Даже как наглость. Ну что же, завтра начнется битва сил, а может быть, уже сегодня ночью,— она посмотрела на свои ногти.— Предупреждаю тебя, пощады не будет,— ее глаза сузились.— Я заставлю тебя заплатить за то, что ты сделал с моим отцом. И я сделаю это, уничтожив всех, кого ты любишь. Медленно, одного за другим. И ты, милый Морган, не сможешь сделать ничего, чтобы помешать мне.

Морган долго молчал, глядя на эту замечательно прекрасную и такую насквозь пропитанную злом женщину в сером.

— Посмотрим,— наконец прошептал он.— Еще посмотрим...

Когда он медленно шел к двери, следя за каждым движением ее ресниц, шевелением складок одежды, она томно улыбнулась.

— Помни мои слова, Морган,— никакой пощады. И еще: присматривай за принцем. Может быть, ты ему вскоре понадобишься.

Морган открыл дверь и вышел. Когда дверь за ним закрылась, Чарисса подошла туда, где он только что сидел, и взяла книгу, которую он читал.

Она перелистала страницы.

— «Жития Святых...»

Что же здесь могло привлечь внимание Моргана?

Она нахмурилась. Морган не зря смотрел ее, у него были причины, в этом она была уверена. Но какие?

Книга не дала ей ответа. Это не укладывалось в рамки действий Моргана, которые она могла предвидеть, и это ее беспокоило.

Чарисса не любила, когда что-нибудь идет не так, как ей хотелось бы.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА VII

Подойдя к покоем Келсона, Морган почувствовал, как сердце затопила волна страха. А что если Чарисса не лгала? Вдруг она нашла способ проникнуть сквозь защитные барьеры? А может быть, Келсон уже убит!

Сегодня охраной командовал Дерри, именно он неслышно появился рядом с Морганом, едва лишь тот подошел к двери.

— Что-нибудь случилось, милорд?

— Пока не знаю,— тихо откликнулся Морган и знаком приказал стражникам отойти в сторону.— Пока меня не было, вы никого не видели?

— Нет, сэр. Я перекрыл здесь все крыло,— он посмотрел на Моргана и взялся за ручку двери.— Мне войти с вами, милорд?

— Не обязательно,— Морган покачал головой.

Он осторожно открыл дверь — ровно настолько, чтобы пройти в образовавшуюся щель,— и тотчас же, прижимаясь к ней спиной, закрыл ее за собой, а сам в это время старался рассмотреть в темноте комнаты, жив ли Келсон.

Ему не было нужды беспокоиться: никакие силы не могут проникнуть сквозь защиту, он же сам хвастался. Приблизившись, он отчетливо различил спящего Келсона внутри защитного светящегося поля, окружающего кровать мальчика, ощутил, как глубок не потревоженный сон.

Он не стал будить его: мальчик жив — и это все, что ему нужно сейчас. Он сел в кресло у огня,

пошевелил поленья красивым прутиком. Когда огонь разгорелся, он встал и потянулся.

Вскоре пробьют часы, и им надо будет двигаться в путь. Морган не хотел торопиться. Спешка ведет к невнимательности и неосторожности, а это сейчас роскошь, которую они не могут позволить себе.

Он скинул с себя шерстяную накидку, бросил ее на кресло и снова надел свой темный тяжелый плащ — послышался металлический звук защелкивающихся застежек. Затем Морган подошел к постели принца и встал на колени. Толстая свеча на полу все еще горела, бросая желтый свет на спящего мальчика. Морган с удовольствием посмотрел на установленные им охраняющие кубики: они хорошо послужили ему сегодня, теперь ими нельзя будет пользоваться несколько недель, пока они не перезарядятся, но это ничего. Он использовал их не часто, только когда возникала острая нужда. А теперь он не оставит Келсона одного ни на минуту вплоть до завтрашней коронации.

Встав, он протянул руки ладонями вверх над спящим мальчиком и начал шептать контрзаклинания, медленно поворачивая руки ладонями вниз. Свечение медленно угасало, и, когда он закончил, кубики погасли и теперь были всего лишь обычными кубиками: четыре белых и четыре черных, зачем-то поставленных попарно по углам кровати.

Морган начал убирать кубики, и тут Келсон открыл глаза и осмотрелся.

— Я, должно быть, очень крепко заснул,— сказал он, поднимаясь на локте.— Уже пора?

Морган засмеялся и сложил кубики в красный кошелек.

— Почти,— ответил он, подняв канделябр и вернувшись к огню.— Ты хорошо спал?

— Думаю, что хорошо,— Келсон встал, протер глаза и подошел к Моргану.— Мне хотелось бы узнать, как ты сделал это.

— Что сделал, мой принц? — рассеянно спросил Морган, вытягиваясь в кресле у огня.

— Усыпил меня, конечно,— ответил мальчик. Он уселся на шкуру, брошенную перед огнем, и стал надевать сапоги.— Я действительно хотел пойти с тобой,

но, когда ты коснулся моего лба, почувствовал, что не могу открыть глаза.

Морган засмеялся и потрепал его по голове.

— Ты просто устал, мой принц,— сказал он.

Келсон кончил возиться с сапогами и полез в шкаф за какой-нибудь теплой одеждой. На улице стало холодно, слышно было, как свистит ледяной ветер за балконными дверями.

Наконец, Келсон нашел малиновый плащ на меховой подкладке с капюшоном и натянул его на себя, взял в руки меч, поданный Морганом, и прицепил его к поясу. Морган вложил свой меч в ножны.

— Ты готов, мой принц?

Келсон кивнул и первым направился к двери.

— Не сюда,— Морган подтолкнул мальчика обратно к огню.

Келсон удивился, но подчинился и смотрел, как Морган отмерил точное расстояние от очага по стене, а затем нарисовал в воздухе пальцем какую-то странную фигуру. Часть стены с легким шумом исчезла, и перед ними открылась темная лестница, спускающаяся вниз. оттуда дохнуло холодным ночным воздухом. Келсон ахнул от изумления.

— Откуда она здесь взялась?

— Думаю, ее кто-то построил,— сказал Морган. Он взял свечу и жестом показал Келсону, что тот может идти.— Ты действительно не знал об этой лестнице?

Мальчик кивнул головой. Морган протянул ему руку и ввел в темный коридор. Дверь за ними с мягким звуком закрылась, и теперь их шаги гулко отдавались в темноте.

Келсон старался держаться поближе к Моргану, когда они спускались по темным ступенькам. В этом холоде и мраке слабенький кружок желтого света их свечи не придавал ему уверенности. Он боялся даже заговорить, пока они не добрались до площадки, и даже здесь его голос был тихим и робким.

— Здесь много таких потайных ходов, Морган? — спросил мальчик, когда они свернули в сторону и уперлись в стену. Они остановились, и Морган передал свечу Келсону.

— Достаточно, чтобы пройти незамеченными в любое место дворца, если, конечно, знаешь, как идти. Будь

готов погасить свечу. Мы дошли до конца. Теперь нам осталось пересечь площадь перед собором.

Морган нажал скрытую кнопку, и на уровне их глаз обозначился прямоугольник. Заглянув в это отверстие, он снова нажал кнопку.

— Все в порядке. Погаси свечу и положи ее на пол справа от себя.

Келсон повиновался, и вокруг них воцарился мрак. Послышался мягкий звук — и Келсон почувствовал, как лица коснулся холодный ветер. Постепенно его глаза привыкли к темноте, и он увидел перед собой во мраке чуть более светлое прямоугольное отверстие. Морган взял его за руку и повел вперед, на улицу. Выход закрылся за ними. Здесь, на площади, бесновался холодный ветер, расшвыривая колючую морось, пробивая насквозь их теплую одежду. Келсон натянул на голову капюшон и прижался к стене, в тень, рядом с Морганом.

Площадь была почти пустыня. В ночном небе высилась темная громада собора, оттуда, сквозь завывания ветра, доносился слабый звон колоколов, возвещавших о конце службы. Через площадь спешили из собора последние горожане. Тут и там были видны солдаты, шедшие по двое и по трое. Они тоже спешили, стараясь побыстрее добраться до места, где могли бы укрыться от холода и мрака.

Келсон с Морганом, укрывшись в тени, ждали почти пять минут, пока площадь совсем не опустела. Затем Морган взял Келсона за руку и повел вдоль стен, по краю площади, к собору. Приблизившись, они снова задержались и ждали, по мнению Келсона, невозможно долго, почти вечность, а затем, наконец, незаметно проскользнули в одну из боковых дверей собора. Там было тихо и пусто, как и надеялся Морган. Мрак только слегка рассеивался слабым светом нескольких свечей, бросающих красные и желтые блики на каменные плиты пола и цветные стекла окон.

В алтаре горела единственная лампа. Она создавала таинственный розовый полумрак в этом святом месте. Когда они тихо двинулись в боковой придел, из тени алтаря им навстречу выступила закутанная в темное фигура.

— Все в порядке? — прошептал Дункан, вводя их в свой кабинет и закрывая дверь.

— Ничего достойного упоминания, — ответил Морган. Он подошел к закрытому шторами окну и внимательно осмотрел улицу. Затем, вернувшись, сел за стол в центре комнаты. Келсон тоже уселся и, полный страха, посмотрел на двух своих спутников. Дункан не стал садиться. Наоборот, он взял со стула плащ и накинул его на плечи.

— Вы займитесь тут пока сами, я покину вас на некоторое время. Нам придется воспользоваться старым Путем Перехода, чтобы перебраться отсюда в собор. Он остался еще с тех времен, когда магия Дерини была вполне почтенным занятием, — Дункан некоторое время возился с застегками плаща и, наконец, одолел их. — Я хочу проверить выход, прежде чем мы трое отправимся вместе. И поскольку пока нам неслыханно везет, наверняка кто-нибудь окажется в ризнице, когда мы там появимся. Результат будет не совсем приятным.

Он прошел в угол комнаты и коснулся в определенном порядке нескольких скрытых кнопок. Открылась секция стены размером четыре на шесть футов — как раз чтобы пройти человеку.

Махнув рукой на прощание, Дункан вошел в образовавшуюся в стене нишу и исчез.

Келсон раскрыл рот от удивления.

— Как он сделал это, Морган? Клянусь, я не спускал с него глаз. И что это за Путь Перехода?

Морган улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

— Келсон, ты сейчас был свидетелем демонстрации старого, почти забытого искусства — Перехода. Ты увидишь, когда побольше узнаешь о нем, что наш Дункан обладает многими замечательными талантами. Он очень ловко разрешил тот конфликт, о котором мы говорили раньше: он объявил, что его могущество — это богом данный дар, чтобы делать добро людям.

— И поэтому он стал священником?

Морган пожал плечами:

— По-своему, Дункан очень верующий человек.

Дункан оказался в ризнице собора Святого Георгия. Он обошел комнату. Здесь не было другого света, кроме того, что давали две небольшие лампы в дальнем углу.

И, насколько он мог судить в результате беглого осмотра, здесь не было никого.

Он уже хотел вздохнуть с облегчением и вернуться за Морганом и Келсоном, чтобы привести их сюда, как вдруг услышал звук в тени у двери. Чей-то голос спросил:

— Кто здесь?

Дункан медленно повернулся к источнику звука, недоумевая, кто бы это мог быть. Постепенно его глаза привыкли к темноте и различили возле двери сутулую фигуру человека в темной одежде.

— Я думал, что все ушли на ночь,— продолжал голос. Незнакомец зажег тонкую свечу и поднял ее вверх.— О, это вы, монсеньер Мак Лейн? Я брат Джером, ризничий. Вы помните меня?

Дункан с облегчением вздохнул и выпрямился. Слава богу! Это брат Джером. Старый монах был полуслеп и совсем дряхл. И даже если он что-либо и увидел в таком тусклом свете, ему все равно никто не поверит. Дункан подошел к брату Джерому с ласковой улыбкой на лице.

— Брат Джером, ты меня удивил,— сказал он мягко.— Почему ты тут бродишь ночью?

— Да, я даже напугал вас,— фыркнул старик.— Когда я вас окликнул, вы чуть не выскочили из себя! — и он опять фыркнул, но уже тихо, и Дункан подумал, не знает ли он больше, чем говорит, или его уже совсем поразил маразм.

— Ты меня очень удивил, брат Джером,— повторил Дункан.— Я был уверен, что я здесь один. Мне надо было еще раз проверить, все ли готово к завтрашней коронации. Весь день я был очень занят: Его Величество вызывал меня.

Брат Джером проковылял в специальное помещение, где хранилась торжественная одежда, и похлопал по шкафу.

— Вам не стоит беспокоиться, монсеньер. Я все храню в порядке уже в течение сорока пяти лет. Это уже далеко не первый король, которого будут короновать при мне. Наш молодой принц будет хорошим королем, если переживет эту ночь.

Дункан мгновенно напрягся, его руки сами потянулись к груди.

— Что ты имеешь в виду: «переживет эту ночь»?

— О, неужели вы не знаете разных слухов? Говорят, что по улицам Ремута в эту ночь будут рыскать темные силы в поисках юного принца — Господь, защити его, — Джером истово перекрестился. — Говорят, магия Дерини ведет их к нему.

— Магия Дерини? — переспросил Дункан. — Кто сказал тебе это, брат Джером? Все лорды Дерини сейчас находятся в дружбе с Халданами.

— Не все Дерини, милорд, — возразил старый монах. — Говорят, что дух мертвого колдуна Дерини, которого отец принца, упокой, Господь, его душу, убил в том ужасном поединке много лет назад, что он вернулся, чтобы отомстить. И говорят, что дочь колдуна Чарисса — Темная Леди Севера — хочет убить нашего принца и сесть на трон в Гвинеде. А другие говорят, что все темные и злые силы объединились, чтобы уничтожить принца, стереть с лица земли наше государство за то, что мы не платим им выкуп. Но я думаю, и много таких, кто согласен со мной, что это все Морган, в ком, наконец, победила его кровь Дерини. Поверьте мне, Морган — вот за кем надо смотреть и смотреть!

Дункан принужденно засмеялся, хотя его очень обеспокоило все услышанное. И пусть вся эта старческая болтовня была дикой смесью старых сказаний и легенд, которыми увлекались наиболее суеверные и фанатичные из горожан, какая-то доля истины во всем этом была. Чарисса была замешана здесь, и дух ее отца тоже, если принять во внимание, что дух родителей возрождается в детях. Он не сомневался также и в том, что силы тьмы собрались и готовы двинуться на мир, как только падет могущество Гвинеда. А что касается рассказов про Аларика, то он уже их слышал. Часть этих слухов была чистейшей чепухой. И уж в этом-то он должен постараться переубедить брата Джерома.

Он подошел поближе к монаху:

— Брат Джером, ты же не веришь во всю эту чепуху относительно Моргана?

— А почему? Ведь все это правда.

Дункан неодобрительно покачал головой.

— Нет. Думаю, что тебя ввели в заблуждение. Я могу сказать с уверенностью, что лорд Аларик вовсе не

таков, как ты думаешь. Я видел его сегодня, и, поверь мне, он заботится только о принце, все интересы принца в его сердце.

Глаза Джерома сузились.

— Вы можете это доказать?

— Могу, если нарушу клятву священника,— спокойно ответил Дункан.

На лице Джерома мелькнуло понимание.

— Ах да. Вы же его исповедник,— он помолчал, размышляя.— Но можете ли вы быть уверенны, что он говорит вам правду?

— Конечно могу,— засмеялся Дункан.— Ведь я его давно знаю, брат.

Джером пожал плечами:

— Ну что же, вам лучше знать. Но слухи-то ходят? А дыма без огня не бывает. Во всяком случае, эту проблему мы тут не разрешим. Если вы не возражаете, я пойду. Охранники выпустят вас, когда вы захотите уйти.

Он потихоньку заковылял к двери. Дункан взял свечу, которую зажег монах, и пошел проводить его до выхода.

— Хорошо, брат Джером. Впрочем, подожди.

— Да? — старый монах задержался у двери, его рука уже легла на ручку.

— Ты видишь эту свечу, брат Джером?

Глаза Джерома устремились на огонь и остановились на нем.

— Да,— прошептал он.

Голос Дункана стал тихим, мягким, а глаза засветились изнутри.

— Ты лучше возьми эту свечу с собой, Джером, потому что там темно, а здесь не было никого, кроме тебя, так что тебе не нужно оставлять здесь горящую свечу. Она же может сжечь собор. А это ужасно, правда?

— Да,— прошептал Джером.

— А ты здесь никого не видел, верно, Джером? Сегодня вечером здесь, в ризнице, никого не было, кроме тебя. Ты ни с кем не говорил. Ты понял?

Старый монах кивнул и Дункан отпустил его руку.

— Тебе лучше идти, Джером. Все будет так, как должно быть. Ты выполнил свой долг. И ты меня не видел здесь сегодня вечером. Иди.

Не говоря ни слова, Джером повернулся, открыл дверь, спокойно вышел и закрыл ее за собой. Теперь он никому не скажет о том, что случилось здесь сегодня вечером.

Дункан кивнул и вернулся на то место, где он появился в результате Перехода. Он немного постоял, чтобы собраться с мыслями,— и снова оказался в своем кабинете.

Как только Дункан появился в нише кабинета, Келсон вскочил и подбежал к нему.

— Все хорошо, отец Дункан? Вас так долго не было, что мы боялись, не произошло ли что-то ужасное.

Морган тоже подошел к нише.

— Келсон очень переволновался, Дункан. Почему ты задержался? Что-нибудь случилось?

— Не совсем,— ответил Дункан, качая головой.— Я просто встретил старого знакомого: в ризнице был брат Джером. Он проверял, все ли готово. Не думаю, что он заметил мое появление. А кроме того, он слишком стар и дряхл и вряд ли может сообразить, что я очутился там каким-нибудь неестественным образом. У него очень любопытные взгляды на события. Напомните мне, чтобы я рассказал вам об этом как-нибудь.

Дункан снова вошел в нишу для Перехода и пригласил туда Келсона и Моргана. Там было тесно, и они с трудом разместились. Морган и Дункан обняли Келсона за плечи.

— Готовы? — спросил Дункан.

Морган кивнул:

— Келсон, я хочу, чтобы ты сейчас расслабился и полностью освободил свой мозг. Пока еще ты не можешь самостоятельно перемещаться, и поэтому мы просто перетащим тебя, как мешок с помидорами.

— Хорошо,— ответил Келсон.

Дункан взглянул на Келсона, внезапно осознав, что тот говорит как король, дающий согласие, хотя его и не спрашивали о том, согласен ли он, его просто поставили перед фактом. Дункан подумал, заметил ли это Аларик.

Келсон закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать, пытаясь представить полнейшую темноту, отрешиться от

всех тревог. Он почувствовал, как рука Моргана стиснула ему плечо, а сразу затем его затопила головокружительная легкость, сопровождаемая бунтом возмущенного желудка. Келсон открыл глаза. Они были в темноте — и уже не в кабинете.

Дункан внимательно осмотрелся. Ризница была такой же, какой он ее оставил. Пустынно, темно. Он жестом пригласил Моргана и Келсона пройти, а сам подошел к двери и выглянул. В храме тоже никого не было.

Морган заглянул через его плечо и показал на гробницу.

— Обойдем вокруг? — почти беззвучно спросил он.

Дункан кивнул и показал на противоположный край гробницы, где был вход в королевскую усыпальницу.

— Я пойду справа, вы идите слева.

Морган кивнул в знак согласия, и они втроем пошли вдоль гробницы — туда, где был вход. Когда они почти достигли цели, Дункан скользнул вправо и растаял в темноте. Келсон застыл на месте совсем рядом со входом, а Морган продолжал приближаться к еле видимому в темноте охраннику.

Морган крался, как приведение, перемещаясь от одной тени к другой, с каждым шагом все ближе подходя к стражу королевской гробницы. Наконец, он оказался всего в нескольких ярдах от ничего не подозревающего человека. Осторожно, чтобы не произвести ни малейшего шума и не спугнуть солдата, Морган подобрался еще ближе, протянул руки к шее охранника, затем легко прикоснулся к ней пальцами.

При этом прикосновении солдат застыл, потом расслабился, глаза его закатились, они ничего не видели, не запоминали, Морган смотрел на него несколько секунд и, убедившись, что тот в полном трансе, поманил Келсона. Вскоре подошел и Дункан. Келсон с восхищением смотрел на них.

— Ну как? — тихо спросил Морган.

— Он ничего не помнит, — кивнул Дункан.

— Идем, — сказал Морган и направился к воротам в гробницу.

Ворота были массивные. Они представляли собой могучий барьер, отделяющий царство живых от царства мертвых, — барьер, не позволяющий ни войти в гробницу, ни выйти из нее. Ворота имели восемь футов

в высоту и были сделаны из толстых медных прутьев, скрепленных золотыми кольцами.

Морган быстро пробежал пальцами по решетке, одновременно глядя внутрь гробницы, в конце короткого коридора стоял простой алтарь, предназначенный для тех, кто приходит оплакивать короля. Далее коридор поворачивал налево, уходя в самую гробницу. Здесь, на повороте, были установлены свечи, бросающие свой свет на полированный мраморный пол и на алтарь. Сразу за поворотом стояла сама гробница — цель сегодняшней экспедиции.

Морган ощупал пальцами замок, а потом опустился на колени, чтобы осмотреть его повнимательнее, Дункан ушел проверить, в каком состоянии охранник, а Келсон вертелся возле Моргана, стараясь заглянуть ему через плечо.

— Ты сможешь открыть замок? — прошептал мальчик, нервно оглядываясь вокруг.

Морган прижал палец к губам, заставляя его замолчать, а затем его чувствительные пальцы продолжали трудиться над замком. Он весь ушел в изучение сложнейшего механизма замка. Келсон затаил дыхание, и тут послышался мягкий щелчок, затем другой. Прежде полуприкрытые, глаза Моргана теперь открылись, и он осторожно надавил на ворота. Они легко распахнулись. Морган, раскрыв ворота, встал и оглянулся, чтобы посмотреть, не идет ли Дункан, и вдруг он застыл, положив руку на плечо Келсона.

— Добрый вечер, Роджер, — сказал он спокойно. Его пальцы крепко стиснули плечо мальчика, когда тот встрепенулся в тревоге.

Роджер стоял в угрожающей позе у самого входа в склеп. Ярость и ненависть были написаны на его лице. Он не верил своим глазам. От его темно-зеленого бархатного плаща, казалось, исходило какое-то зловещее сияние, по лицу и волосам переливались странные блики. Свет факелов на стенах еще усиливал жуткое впечатление.

— Ты? — тихо прошепел Роджер, но в тишине храма этот голос был страшен. — Какого дьявола ты тут делаешь?

Морган пожал плечами.

— Я не мог уснуть, Роджер. И Келсон тоже. Так что мы решили пойти и навестить Бриона. Я ведь не видел его почти три месяца и подумал, что надо прочесть пару молитв над его гробом. Не хочешь ли присоединиться к нам?

Глаза Роджера сузились, и рука потянулась к мечу.

— Как ты можешь! — шипел он, выдавливая каждое слово сквозь тонкие крепко сжатые губы. — Как ты можешь! После того как ты одурачил сегодня весь Совет, после того как ты распространил ложь проклятых Дерини на всю страну, ты осмелился нагло привести Его Величество сюда, в это святое место, только дьявол знает с какой целью. Я...

Когда Роджер начал вынимать меч из ножен, глаза Моргана сверкнули: позади Роджера легко шевельнулась какая-то тень. Морган отступил на шаг назад, стараясь выиграть время. И вот уже освобожденный от ножен меч Роджера блеснул в свете факелов. ...В этот миг пальцы Дункана легко коснулись его шеи.

При этом прикосновении Роджер застыл на мгновение, а затем расслабился и начал сползать на пол. Когда он был уже на полу, Морган подхватил меч, чтобы тот при падении не лягнул о каменные плиты, а Дункан приподнял безвольное тело и, подтащив к стене, посадил там.

— Что он здесь делал? — выдохнул Келсон, с неприязнью глядя на Роджера. — Вы думаете, что это Она послала его?

Морган прошел через ворота к королевской гробнице и поманил их за собой.

— Ты имеешь в виду Чариссу или мать? Скорее всего, он сегодня на дежурстве и проверял посты. Тревожиться нам нечего. И он, и охранник ничего не вспомнят. Пошли.

Пройдя немного, они оказались за фамильным алтарем, в усыпальнице Халданов.

Склеп был огромен. Высота потолков равнялась двум человеческим ростам. Громадные камни фундамента собора образовывали внутренние стены. И в этих стенах, прямо в камнях были вырублены ниши по размеру гробов. В нишах покоились останки далеких предков Келсона. Они были завернуты в истлевшие ткани, пустые глазницы смотрели в каменный потолок. Далее лежали короли и

королевы Гвинеды, правившие последние четыреста лет. Каждый следующий гроб был роскошнее предыдущего. Под каждой нишей были выбиты имя и годы правления того, кто лежал в нем. Слева стоял новый гроб, освещенный большим количеством зажженных свечей, двумя рядами окруживших его. Келсон остановился и долго смотрел на него, а затем повел Моргана и Дункана туда, где лежал его отец. Когда они приблизились, Морган остановил их, а сам пошел вперед. Дункан и Келсон молча смотрели на него.

Морган постоял безмолвно перед усыпальницей, а затем медленно положил руку на крышку саркофага. Жизнь Бриона была коротка, он много сделал добра, на большее ему не хватило времени. Почему? Почему ему пришлось умереть?

«Ты был отцом и братом мне,— печально думал Морган.— Если бы я был с тобой в тот день, я или разделил бы с тобой твою судьбу, или не допустил бы твоей гибели. А теперь, когда тебя нет...»

Он взял себя в руки, жестом подозвал к себе Дункана и Келсона. Когда-то между ними и Брионом была дружба, даже любовь. Возможно, это все повторится и в будущем. Но теперь он должен все взять в свои руки.

Осторожно он и Дункан подняли крышку саркофага, слегка повернув ее, чтобы сломать печать, затем подвинули ее вперед примерно на фут, пока не открылся квадратный ярд внутренней части саркофага. Внутри лежало холодное, неподвижное тело, завернутое в саван.

Морган подождал, пока Келсон не поднесет поближе свечу, а затем чуткими мальцами отвернул шелковый саван, закрывавший лицо.

То, что он увидел, поразило его душу, ледяной рукой стиснуло сердце, ознобом прокатилось по телу. Он смотрел в саркофаг, не веря своим глазам. Келсон наклонился поближе со своей свечой и, взглянув, сдавленным голосом проговорил:

— О Боже!

Ошеломленный Дункан еле нашел в себе силы перекреститься дрожащей рукой.

В саркофаге лежал не Брион!

Не веря своим глазам, Морган наклонился над телом, чтобы внимательно рассмотреть его. Однако было и так ясно, что это не Брион. Лицо, которое он открыл, принадлежало старику, бородатому и седому. Возможно, это какой-нибудь из давно умерших королей, но не Брион.

Потрясенный Морган опять закрыл лицо шелком, оперся обеими руками о край саркофага и склонил голову в раздумьи. Он все еще не мог поверить тому, что увидел.

— Ну что же,— сказал он ровным невыразительным голосом.— Увиденное нами невероятно, но, тем не менее, это факт. Келсон, ты уверен, что твой отец погребен именно здесь?

Келсон медленно кивнул:

— Я видел, как тело укладывали сюда. Это точно то самое место.

Дункан сложил руки на груди, задумавшись. Затем он потер рукой лоб:

— Приходится признать, что перед нами не Брион. Кто-нибудь из вас узнает этого человека?

Его спутники отрицательно покачали головами.

— Ну что ж, отлично,— продолжал размышлять он вслух.— Давайте попытаемся взглянуть на это под другим углом. Дано: Келсон видел, что тело укладывали именно в этот саркофаг, но то, что увидели мы,— не останки Бриона. Дано: охранники стоят на посту у склепа с момента погребения. Гипотеза: следует признать, учитывая все это, что тело из склепа невозможно вынести так, чтобы кто-нибудь не заметил. Вам это о чем-нибудь говорит?

Морган кивнул.

— Я вижу, куда ты гнешь. Возможное заключение: тело Бриона наверняка еще здесь, но спрятано — в другой саркофаг, в одну из ниш, возможно. Надо найти его.

Келсон внимательно следил за беседой, но теперь беспокойно задвигался.

— Я не хочу выглядеть пессимистом, но давайте предположим, что тело вынесли отсюда. Ведь если мы вошли сюда незамеченными, то же самое мог сделать и кто-нибудь другой.

— Он прав,— вздохнул Дункан, без особой надежды склоняясь над следующим саркофагом.— Если здесь замешана Чарисса, она вполне могла проделать такое.

Морган задумчиво поджал губы, а затем покачал головой.

— Нет, не думаю, что здесь приложила руку Чарисса: у нее нет причин предполагать, что тело Бриона очень нужно нам, мы и сами не знали об этом до сегодняшнего дня. Но Джехана — другое дело. Она так обеспокоена моей связью с Брионом, что вполне могла спрятать тело, чтобы я не мог влиять на него после его смерти. Должен сказать, она меня очень переоценивает.

— Значит, ты думаешь, что тело все еще где-то здесь, в склепе? — спросил Дункан.

— Я думаю, мы должны это проверить,— ответил Морган.— Другого выхода у нас нет. Так что предлагаю начать поиски.

Дункан кивнул в знак согласия. Тогда Морган вынул одну из свечей из канделябра, принесенного Келсоном, и подал ее мальчику. Дункан выбрал другую и взялся осматривать остальные саркофаги по этой стороне склепа. Келсон пошел проверять стенные ниши, а Морган, еще раз взглянув на завернутое в шелк тело в саркофаге Бриона и взяв с собой свечу, пошел по другой стороне склепа.

Занятие не доставляло ему удовольствия. Морган открывал крышки одну за другой и находил только истлевшие кости и сгнившие остатки одежды. Он был уверен, что Дункану и Келсону, медленно передвигающимся вдоль противоположной стены, дается это не легче.

Взгляд на мальчика подтвердил его мысли. Тот осматривал ниши одну за другой, сжимая свечу в потной ладони, двигаясь нервно, глаза его боязливо бегали по сторонам при каждом шорохе, при каждом мигании свечи.

Морган сдвинул следующую крышку саркофага. Он с горечью сознавал, что Келсону приходится делать самую

неприятную часть работы — заглядывать в открытые ниши. Но выбора не было: у Келсона не хватило бы силы сдвигать тяжелые крышки.

Один взгляд внутрь саркофага убедил его, что там опять не Брион, и он снова задвинул крышку. Они проверили ужек почти треть всех саркофагов, и надежда, что они что-нибудь обнаружат, быстро слабела.

Может быть, действительно кто-нибудь унес тело отсюда? Где же еще его можно спрятать, если не в этих саркофагах? А вдруг здесь и в самом деле была Чарисса? Но откуда она могла знать, что тело Бриона понадобится им? Или она просто хотела напакостить? А может быть, ответ лежит где-то на поверхности — более простой, чем он думает? Действительно, может быть, тело Бриона вовсе не убирала из саркофага?

Туманное подозрение превратилось в твердое убеждение. Он бегом вернулся к саркофагу и отдернул шелковое покрывало.

— Дункан! Келсон! — позвал он, пристально глядя на лицо мертвеца.— Идите сюда! Мне кажется, я знаю, где Брион!

Дункан и мальчик быстро подошли к нему.

— Что ты говоришь? — удивился Дункан.

— Я думаю, что он у нас под носом,— ответил Морган, не отводя глаз от трупа.— Его никто не убирал. Он еще здесь.

— Но это же не... — начал Келсон.

— Подожди, Келсон,— прервал его Дункан. Его скептицизм постепенно таял.— Ты думаешь, здесь сбавывает иллюзия, перемена облика?

— Посмотри сам,— кивнул Морган.— Я уверен, что это Брион.

Дункан нахмурился, вставил свечу обратно в канделябр и вытер руки о штаны.

Держа ладони в полудюйме от тела, он водил над ним руками, глаза его были полузакрыты. Через некоторое время он выпрямился, открыл глаза, опустил руки, глубоко вздохнул.

— Ну? — спросил Морган.— Что ты думаешь?

— Ты прав,— кивнул Дункан.— Это иллюзия. Здесь Брион. Перемена облика проделана мастерски,— он покачал головой.— Я уверен, что иллюзию можно устранить. Ты будешь снимать заклинание или я?

Морган опять посмотрел на тело.

— Давай ты. Думаю, заклинание быстрее поддастся священнику.

Дункан глубоко вдохнул, затем выдохнул, и положил руку на лоб мертвеца. Через несколько секунд глаза Дункана закрылись, дыхание стало более частым и хриплым.

Келсон, который слушал разговор лордов Дерини с благоговейным трепетом, хотя и мало что понимал, искоса взглянул на Моргана, а затем, с содроганием, — на священника. Ему не нравилось то, что здесь происходит, и он хотел бы, чтобы все скорее закончилось.

Дыхание Дункана становилось все чаще и чаще, капли пота покрыли лоб и руки, несмотря на пронизывающий холод склепа. Мальчик и Морган смотрели, как черты лица под руками Дункана начали колебаться, подергиваться дымкой прямо у них на глазах. Наконец, Дункан ахнул, застыл, и в то же время лицо незнакомца превратилось в знакомое лицо Бриона. Дункан, резко отдернув руки, отступил назад — бледный, усталый, измученный.

— С тобой все нормально? — спросил Морган, спеша поддержать своего родственника.

Дункан слабо кивнул, стараясь успокоить дыхание.

— Ужасно... ужасно, Аларик, — пробормотал Дункан. — Он... он не был полностью свободен, его связывали очень крепкие узы. И когда я его освободил, я почувствовал, что он в этот момент умер. Это... это невозможно передать словами...

Судорога сотрясла тело Дункана, и Морган подставил ему плечо для опоры. Между ними мирно покоилось тело Бриона, его серые глаза были закрыты навсегда, губы расслаблены, жесткие суровые черты лица смягчились. Смерть стерла выражение властности, которое не сходило с его лица при жизни.

Морган опустил на колени перед ним и снял Глаз Рома, который сверкал в правом ухе Бриона. Он долго всматривался в глубину камня, а затем убрал его в свой кошелек.

Потрясенный всем увиденным, онемевший от ужаса, Келсон, наконец, пришел в себя и шевельнулся. Он наклонился и коснулся руки своего отца, сдержанное

рыдание сорвалось с его губ, но он овладел собой и умоляюще посмотрел на Дункана.

— Он теперь полностью свободен, отец Дункан? — прошептал мальчик, страстно желая услышать утвердительный ответ. — Ведь она больше не может повредить ему?

Дункан покачал головой.

— Он свободен, мой принц. Даю тебе слово. И никто ему больше не сможет сделать ничего дурного.

Келсон снова взглянул на своего отца и продолжал тихим шепотом:

— Может быть, мы поступаем неправильно, забирая Глаз Рома и ничего не оставляя взамен? Может быть, мы... — он неуверенно замолчал.

Дункан кивнул:

— Вот это подойдет? — он опустил руку в карман ряссы и достал маленькое золотое распятие.

Келсон радостно улыбнулся, взял распятие и вложил его в руки отца.

— Благодарю вас, — прошептал он. Его глаза были полны непрошенных слез. — Я думаю, что ему это тоже понравилось бы.

Мальчик, сторбившись, отошел в сторону, его плечи содрогались от сдерживаемых рыданий. Морган посмотрел на кузена и вопросительно поднял бровь. Дункан кивнул, а затем перекрестил тело Бриона. Они с Морганом поставили крышку на место, Дункан погасил свечи и поставил канделябр на место, откуда они его взяли, а потом все трое вышли из склепа и миновали ворота.

Когда ворота закрылись за ними и послышался легкий щелчок замка, Дункан осторожно подошел к тому месту, где они оставили Роджера, и легко коснулся его лба. Тотчас же Роджер встал, все еще оставаясь, однако, под контролем. Дункан вложил его меч в ножны и легким прикосновением приказал отправиться туда, куда он направлялся до встречи с ними, а сам присоединился к своим друзьям. Пора было возвращаться в кабинет.

Дункан открыл шкаф, куда он спрятал Кольцо Огня и другие предметы ритуала, и перенес их на стол, занимающий центр комнаты. Он усадил за стол Келсона и сам сел рядом, а Морган подошел к столу, стоящему

у окна, и стал там копаться, пока не нашел то, что искал,— футляр с хирургическими инструментами. Вернувшись к столу, за которым его ждали Дункан и Келсон, он открыл футляр и высыпал инструменты на стол, затем вынул кошелек и достал оттуда Глаз Рома.

Келсон с любопытством смотрел на Моргана.

— Что ты собираешься с ними делать? — он указал подбородком на инструменты.

— Хочу проткнуть тебе ухо,— бодро ответил Морган. Он открыл бутылочку с бледно-зеленой жидкостью и смочил ею тряпочку, взял Глаз Рома, аккуратно протер его со всех сторон, особое внимание уделив золотому стерженьку, которым тот был вдет в ухо Бриона.

— Дункан, прочти мне два первых четверостишия ритуальных стихов. Я хочу убедиться, что делаю все правильно,— он взял серебряную иглу и тщательно ее протирал, пока Дункан читал стихи.

Выслушав, Морган кивнул и положил иглу на стол, на чистый лоскуток ткани.

— Хорошо. Следи за мной, а я проткну ухо Келсону,— и капля крови даст жизнь Глазу Рома. Затем мы коснемся этой крови Кольцом Огня, но будь осторожен, не бери кольцо голыми руками.

Дункан поднялся и встал за креслом Келсона.

— Хорошо. Что я должен делать?

Морган подвинулся ближе к Келсону и взял другой лоскуток ткани, снова смочив его зеленоватой жидкостью.

— Ты только придержи ему голову, чтобы он не мог двинуть ею,— при этом он улыбнулся Келсону, желая подбодрить его.— Мы же не хотим, чтобы в его ухе образовалась дыра с палец величиной.

Келсон слабо улыбнулся, но ничего не сказал. Он взял в руку Кольцо Огня, стараясь не прикоснуться обнаженной кожей к металлу или камню. Гранатово-красные камни сверкнули из белого шелка, отразив темный блеск Глаза Рома, лежащего на столе перед ним.

Холодные руки Дункана обхватили голову мальчика, а Морган протер правое ухо зеленоватой жидкостью. Келсону стало холодно. Потянулась пауза: он понял, что Морган направляет иглу, затем раздался слабый щелчок — это игла проколола кожу, войдя в мочку уха,

а затем второй — игла вышла с другой стороны. Боли не было.

Морган выдохнул и наклонился, чтобы посмотреть на свою работу. Прокол был хороший, игла прошла там, где надо. Легким движением Морган выдернул иглу и вытер ухо второй раз. На входном и выходном отверстиях появились две капельки крови. Он поднял Глаз Рома и коснулся камнем одной из капелек, а затем опустил его так, чтобы Келсону было видно.

Они смотрели все трое. Темный камень в оправе постепенно изменялся. Если раньше рубин был дымчатым и холодным, то теперь он потеплел и в нем загорелся внутренний огонь. Морган вспомнил, что таким он всегда был в ухе Бриона.

Как только Глаз Рома закончил свое неожиданное преобразование, Морган коснулся им Кольца Огня, который держал Келсон. В полном соответствии со своим названием кольцо начало разгораться глубоким гранатовым светом, каждый из камней в кольце излучал сияние.

Морган вздохнул, снова вытер ухо Келсона и вставил туда Глаз Рома. Огромный рубин как будто вобрал в себя всю кровь. Он горел в ухе Келсона — первое требование ритуала выполнено. Вот он — первый признак прихода могущества!

Дункан взял светящееся Кольцо Огня из рук Келсона и осторожно завернул его в шелковую ткань, до завтрашней коронации оно не понадобится. Возвратившись к столу, он увидел, что Келсон рассматривает коробочку с Малиновым Львом на крышке.

Морган разложил пергамент со стихами на столе и внимательно читал третье четверостишие.

— Так мы откроем коробочку, Морган? — спросил мальчик, осторожно вертя ее в руках и прислушиваясь: ему показалось, что там, внутри, раздаются какие-то таинственные звуки.

Мальчик поднес коробочку поближе к уху, и вдруг она издала громкий музыкальный звук, который тут же прекратился, едва удивленный Келсон опустил руку.

Дункан подошел ближе, а потом заговорил:

— Попробуй еще раз, Келсон.

— Что?

— Поверти ее в руках.

Келсон повторил все движения, но на этот раз более осторожно и не поднося близко к голове. Морган заметил это.

— Поднеси ее к Глазу Рома, Келсон,— предложил он.

Келсон поднес, и коробочка опять зазвучала.

— Теперь дотронься до Глаза Рома,— приказал Морган.

Келсон повиновался, и тут же раздался мягкий музыкальный щелчок — это приоткрылась крышка коробочки. Келсон опустил коробочку и открыл крышку полностью. Там лежал Малиновый Лев. Все трое смотрели на него с трепетом. Малиновый Лев не был в действительности малиновым. Просто какой-то хранитель королевских драгоценностей в древности перепутал номер в каталоге. Хранитель давно ушел из этого мира, а его ошибка осталась. В действительности это был герб Халданов: Золотой Лев, стоящий на задних лапах, фоном для него служила малиновая эмаль. Эта массивная брошь размером с человеческий кулак, с тяжелой застежкой на тыльной стороне, была произведением искусства древних искуснейших ювелиров Конкардина.

Келсон осторожно поднял брошь, вынув ее из футляра черного бархата. Дункан сел за стол и разложил пергамент со стихами перед собой:

И теперь, когда Глаз Рома увидит свет,
Освободите Малинового Льва в ночи
Непреклонной зловещей рукой.
Зубы Льва вонзятся в плоть, и появится Могущество.

Келсон вертел брошь туда-сюда и затем взял ее в левую руку.

— Непреклонной зловещей рукой... это я понимаю, но... — он положил брошь на стол.— Посмотри, Морган, Гвинедский Лев стоит на задних лапах. Он смотрит на нас.

Морган был озадачен:

— Ну и что?

— Разве ты не видишь? — продолжал Келсон.— У него же нет зубов, их не видно. Гвинедский Лев — и без зубов!

Морган нахмурился и поднял брошь.

— Нет зубов? Но это невозможно. Если нет зубов, нет ритуала. А если нет ритуала...

Келсон осторожно коснулся броши, а затем его невидящий взгляд остановился на полированном столе. Моргану не было необходимости заканчивать фразу, так как Келсон знал ответ.

И смысл его был ужасен, он вызвал холодную дрожь во всем теле Келсона. Существовал только один вариант оканчания фразы:

«Если нет ритуала, он должен погибнуть».

ГЛАВА IX

У Гвинедского Льва нет зубов! Малиновый Лев без зубов!

Дункан наклонился над брошью, взял ее в руки и стал вертеть, внимательно рассматривая.

Где-то — он не мог припомнить где именно, возможно, в каких-нибудь древних трудах по высшей магии, которые он читал много лет назад — ему встречались упоминания о подобных вещах: о двойном смысле, игре слов, странных терминах, непонятных для непосвященных... Ну, конечно!

Перевернув брошь, он легонько потрогал пальцами иглу застежки.

— Да. Всегда возникают барьеры, препятствия, для преодоления которых требуется мужество.

Келсон встал, на его лице отразилось сознание того, что он тоже понял смысл ритуальных стихов.

— Зубы Льва — это застежка? — прошептал он.

— Да.

Келсон встал и пробежал пальцами вдоль трехдюймовой золотой иглы. Он с трудом спросил:

— И вот этим нужно проткнуть мне руку?

Дункан бесстрастно кивнул:

— Это единственный путь, Келсон, все что было раньше, — только подготовка. И сделать это должен ты сам, в одиночестве. Мы можем проложить путь для тебя,

охранять тебя сейчас и впоследствии. Но это ты должен сделать сам. Понимаешь?

Келсон помолчал, а потом кивнул:

— Понимаю,— спокойно сказал он.— Я сделаю все, что нужно,— его голос прервался.— Я... мне бы хотелось немного подумать, если, конечно, есть время...

Он смотрел на Дункана огромными испуганными серыми глазами, снова превратившись в мальчика, и Дункан кивнул.

— Конечно, мой принц,— мягко ответил священник, поднимаясь и приглашая Моргана следовать за ним.— У тебя столько времени на размышления, сколько тебе надо. Аларик, помоги мне одеться для церемонии.

Выйдя из комнаты, Дункан закрыл за собой дверь, и они, тихо ступая по коридору, вскоре попали в темную ризницу. Дункан удостоверился, что здесь никого нет, зажег свечу и прислонился к шкафу с одеждой.

— Мне не требуется никакой помощи, Аларик,— наконец сказал он.— Мальчику нужно несколько минут, чтобы собраться с силами. Надеюсь, мы все делаем верно.

Морган ходил взад-вперед, нервно сжимая и разжимая руки.

— Я тоже. Но на душе у меня все тревожнее. Я не говорил тебе, что случилось перед тем, как ~~мы~~ пришли сюда?

Дункан посмотрел на него.

— Сначала,— продолжал Морган, не дав ответить Дункану,— я хочу спросить тебя: где ты думаешь закончить это дело с брошью? В кабинете?

— В секретной часовне за кабинетом,— ответил осторожно Дункан.— Почему ты спрашиваешь?

Морган поджал губы.

— Это часовня Святого Камбера?

Дункан кивнул.

— Святой Камбер является патроном магии Дерини, ты же знаешь. Но какое это имеет отношение к тому, что случилось? Давай, говори.

— Хорошо,— Морган глубоко вздохнул, как будто не зная, продолжать ли ему.— Дункан, поверишь ли ты, если я скажу, что мне явилось видение?

— Продолжай,— ответил Дункан, внимательно слушая его.

Морган снова вздохнул.

— Прежде чем идти сюда, я оставил спящего Келсона под защитой, а сам пошел вниз, в библиотеку Бриона, чтобы покопаться в книгах и бумагах. Я надеялся найти какие-нибудь ключи, которые помогли бы нам расшифровать ритуальные стихи, а может быть, даже какие-нибудь заметки, сделанные Брионом, когда он готовил эти стихи. Долгое время я не мог найти ничего и решил использовать технику Тируна, надеясь, что мне удастся воспринять остаточную энергию, которая подскажет какую-нибудь полезную идею. Я использовал Грифона для концентрации,— он махнул рукой, стараясь подыскать нужные слова.— Помню, что мои глаза закрылись и внезапно в окружающем мраке я увидел лицо высокого мужчины в рясе. И в то же время я отчетливо ощутил исходящее от него убеждение, настойчивое убеждение. Я открыл глаза — но видение исчезло. В комнате никого не было.

— А дальше? — спросил Дункан. Он сосредоточенно слушал и размышлял. Морган смотрел в пол.

— Я решил еще раз просмотреть книги, просто так, на всякий случай. Первый том, который попался мне в руки, был «Жития Святых Тальбота». Старая книга, и она открылась в моих руках — о Боже! Я же совсем забыл!

Дункан с интересом смотрел, как Морган начал яростно копать в карманах.

— Это место в книге было заложено кусочком пергамента,— продолжал возбужденно Морган.— Я так удивился, найдя его в книге, что сунул в карман не читая. А, вот он!

Он нашел пергамент во внутреннем кармане туники и поднял его с торжеством. Тот не был даже развернут. Пальцы Моргана дрожали от возбуждения. Дункан спокойно подошел к нему, взял пергамент и приблизился к свече.

— А что же было в книге, что показалось тебе важнее, чем это? — спросил Дункан, разглаживая пергамент и поднося его к свету.

— Это был человек, которого я видел в видении,— рассеянно сказал Морган, стараясь заглянуть через плечо Дункана в пергамент.— И самое удивительное — то, что раздел книги был посвящен Святому Камберу.

— Святому Камберу? — удивился Дункан.— Ты видел Святого Камбера?

Морган кивнул и с нетерпением потянулся к бумаге.

— Да, да. Ну что там?

Дункан вернулся к обрывку пергамента в своей руке. Морган смотрел через его плечо. На одной стороне было полное имя Бриона, написанное знакомым почерком самого Бриона. Эти круглые буквы нельзя было не узнать. Морган возбужденно дышал прямо в ухо Дункану. Дункан перевернул листок. Его рука задрожала, когда он прочел то, что там было написано: — Святой Камбер Кулди, защити нас от зла! — прошептал Морган, повторяя слова, которые Дункан произнес про себя.— Боже, Дункан, неужели у меня действительно было видение?

Дункан угрюмо покачал головой и отдал листок Моргану.

— Не знаю,— прошептал он, бессознательно вытирая вспотевшие ладони о рясу.— Аларик, я... это совершенно по-новому освещает то, что мы делаем. Мне надо подумать немного.

Отвернувшись от Моргана, Дункан закрыл лицо руками, чтобы успокоиться, а затем заставил себя размышлять.

Теперь он потерял уверенность. И как священник, и как Дерини, он очень хорошо знал, как узка и непрочна граница между Добром и Злом. Как Дерини, он не сомневался, что Камбер Кулди был спасителем народа в темные времена после захвата власти Дерини. Ведь это Камбер открыл, что могущество Дерини при определенных обстоятельствах может быть передано человеку. И именно это помогло покончить с Царствованием Ужаса Дерини почти двести лет назад, именно это позволило людям типа Бриона Халдана выступить против сил Зла и сокрушить мрачное могущество Марлука. Но одно имя Камбера Кулди приводило в ужас ту часть его существа, которая принадлежала церкви. И хотя лорд Дерини был действительно причислен к лику святых после смерти, или исчезновения, это решение давно уже было аннулировано могущественной церковью — той самой церковью, которая объявила всю магию Дерини запретным злом. Его охватило непреодолимое желание перекреститься, чтобы защитить себя

от этого проклятого имени, но он овладел собой. Святой Камбер Кулди или демон, но его, несомненно, чтит Брион Халдан. И если Брион, сделавший так много добра для своего народа, обращается с просьбой о защите не к Богу, а к Камберу Кулди, то это свидетельствует в пользу Камбера.

А что касается видения Аларика, он подумает и составит свое мнение позднее. Дункан не был склонен верить в то, что это было видение. Да, иногда случаются очень странные вещи...

Он снова повернулся к Моргану. На его лице застыло виноватое выражение.

— Ну? — выжидательно спросил Морган. Он старался не мешать течению мыслей своего кузена.

Дункан виновато пожал плечами:

— Со мной все нормально. Опять во мне воевали Дерини и священник, — он слабо улыбнулся и кратко пересказал Моргану, что он пережил в себе. Морган криво усмехнулся:

— Ясно. Но мне бы хотелось иметь побольше уверенности в том, что мы делаем. Иногда мне кажется, что мы блуждаем в потемках.

— И мне тоже, — согласился Дункан. — Но нам ничего не остается, как продолжать. Если Келсон встретится с Чариссой, не имея могущества Бриона, какова бы ни была его природа, он погибнет. Это неоспоримо. А с другой стороны, сам процесс передачи могущества может убить его. Если мы сделаем ошибку или уже сделали, нам остается только взять и отнести его к Чариссе со словами: «Вот и мы, миледи. Возьми его. Мы хотим, чтобы ты вечно правила Гвинедом».

Он повернулся, достал из шкафа тяжелый шарф и накинул себе на плечи.

— Но все же, — добавил он, обернувшись к Моргану, — мы не узнаем ничего, пока не попытаемся, верно? — он взял свечу, заслонив пламя ладонью. — Ты готов?

Морган согласно кивнул.

— Тогда идем, — сказал Дункан. Он задул пламя и пропустил Моргана в дверь ризницы. — Как все нелепо! Я, священник и колдун-еретик Дерини, помогаю лорду Дерини передать запретное могущество смертному королю Гвинеда. Должно быть, я сошел с ума!

Келсон сидел в кабинете. Руки его были сложены на коленях, немигающий взгляд устремлен на колеблющуюся пламя свечи. Позади свечи на столе лежал футляр, а в нем на подушке из черного бархата сиял Малиновый Лев, отбрасывая легкие золотые блики огня на лицо и руки мальчика.

Но не свеча и не Лев беспокоили Келсона в данный момент. Он с тревогой думал о том, что все его будущее и даже сама жизнь зависят сейчас от его поведения в ближайшие полчаса.

Эти мысли были неприятны, но неизбежны. Страх — это такая вещь, которой надо смотреть в лицо, и только тогда его можно преодолеть, только тогда он исчезнет, растает. Брион вдавливал это ему в голову с тех пор, как он помнит себя. Он должен сделать то, что требуется от него. Келсон расцепил руки, стиснул пальцы и позволил образу Моргана возникнуть в пламени свечи.

Морган бы не боялся, окажись он в таком положении. Келсон был уверен, что какова бы ни была опасность, мудрый и могущественный лорд Дерини не позволил бы даже тени страха завладеть собой.

И отец Дункан — он бы тоже не боялся. Ведь помимо того, что он Дерини, он — человек Бога, священник. Имея на своей стороне могущество Дерини и могущество Бога, можно быть уверенным, что никакое Зло не посмеет высунуть голову.

И эти два человека защищают его. Что же ему может повредить в таком случае? Вот разве что он позволит страху овладеть им... Келсон положил подбородок на сложенные руки и внимательно взгляделся в брешь. Да, в том, что ему предстоит сделать, нет ничего трудного. Он перевернул брешь и положил ее так, чтобы видеть иглу, затем снова оперся подбородком на руки.

Нет, это не должно быть слишком больно, ведь он уже не раз в своей жизни царапался, получал на охоте небольшие раны. Они наверняка гораздо болезненнее, чем укол трехдюймовой тонкой золотой иглы.

Он не знал, что с ним будет после того, как он совершит то, что требуется. Как ему было известно из прочитанных книг, случится может все что угодно. Но ритуал изобрел его отец, который хотел передать ему могущество. Келсон был уверен, что ничего плохого не

случится. Брион заботился о нем, нет — любил его,— в этом мальчик не сомневался.

Келсон мысленно поздравил себя с такой превосходной логикой, и тут открылась дверь кабинета — вошли Морган с Дунканом. Их лица были уверенны и спокойны. Это для него, подумал Келсон, безошибочно улавливая напряжение за их спокойными лицами, хотя они пытались вселить в него уверенность, так как знали, что он нервничает.

Келсон выпрямился и небрежно улыбнулся, чтобы показать им, что он больше не боится.

Дункан, захватив свечу со стола, улыбнулся и потрепал его по плечу, проходя мимо. Морган посмотрел, как Дункан встает на колени перед алтарем, затем взял со стола брошь и бутылочку с зеленоватой жидкостью и спокойно обратился к Келсону:

— Дункан все приготовил, мой принц. Ты готов?

Келсон кивнул и поднялся.

— Я готов.

Дункан протянул руку за распятие и нажал несколько потайных кнопок. Потянуло сквозняком, так что висевший рядом гобелен прогнулся внутрь. Дункан, поднявшись с колен, отодвинул гобелен в сторону, и стало видно, что часть стены исчезла, образовав проход, в который Дункан и пригласил войти Келсона и Моргана.

Часовня была очень маленькая, вдвое меньше, чем кабинет. Когда створки закрылись за ними и Дункан отошел в другой конец комнатки, чтобы и там зажечь свечи, Келсон и Морган увидели, что боковые стены и потолок расписаны фресками, на которых изображались сцены из жизни различных святых. В живописи преобладала золотая краска, отражающая то небольшое количество света, которое было в часовне, и создающая впечатление, что фрески светятся изнутри, сами по себе. На темно-голубой стене за маленьким алтарем было нарисовано множество серебряных звездочек. С потолка на тонких шнурах свисало черное полированное распятие. Казалось, оно парит в небесах над алтарем. Дункан зажег несколько свечей у алтаря, и их свет играл на черных полированных поверхностях.

Свет лампы, висящей на цепи слева от алтаря, бросал на распятие малиновые блики.

Келсон и Морган заняли места в центре часовни, а Дункан склонился в глубоком поклоне перед алтарем.

Морган положил брошь и бутылочку на пол перед собой, затем, отстегнув меч, положил его рядом и подал Келсону знак сделать то же самое. Морган не думал, что это действительно необходимо, но традиция требовала, чтобы входящий в Дом Бога был безоружен. Вероятно, где-то когда-то в этом были смысл и необходимость.

Когда Келсон опустил свой меч на каменный пол, Дункан закончил молитву и присоединился к ним.

— Я думаю, что можно начинать,— тихо сказал он, опускаясь на колено перед мальчиком и Морганом.— Аларик, ты подготовил брошь?.. — он жестом указал на бутылочку.— Ну, а теперь, Келсон, я начну читать короткие молитвы, а вы с Морганом будете отвечать мне. Затем я подойду сюда и благословлю тебя. После этого я вернусь к алтарю и скажу: «Боже, пусть все свершится по твоей воле». Это сигнал для тебя.

Морган протер иглу жидкостью и закрыл ее тканью, чтобы защитить от пыли.

— А я? — спросил он, взяв левую руку Келсона и протирая ее жидкостью. — Что делать мне?

Дункан покачал головой.

— Ничего, и что бы ни случилось, не касайся его и не пытайся поддержать, пока все не закончится. Мы здесь имеем дело с энергией фантастической силы, и если ты вмешаешься, она может убить его.

— Понял,— ответил Морган.

— Хорошо. Есть вопросы, Келсон?

— Нет, отец.

— Хорошо.

Дункан поднялся, глядя на Келсона некоторое время, и затем поклонился. А потом повернулся и пошел к алтарю.

Келсон широко раскрытыми глазами смотрел, как Дункан встал на колени, поцеловал алтарь и приготовился вознести молитву.

— *Dominus vobiscum. At cum spiritus tuor. Orsus...*

Губы Дункана шевелились в молитве. Морган украдкой бросил взгляд на Келсона: мальчик стоял на коленях и казался совсем спокойным, таким ужасно молодым и уязвимым. Морган не боялся за себя. Он

был уверен, что он и Дункан сумеют защитить себя от любого зла, которое может быть вызвано тем, что они собираются сделать. Но Келсон, обыкновенный мальчик, человек, без всякой защиты...

Возможно, для тревоги и нет оснований, а может быть, Глаз Рома, сверкающий в ухе мальчика, сможет как-то защитить его, если возникнет необходимость. Но все же... Келсон так молод, так доверчив... Морган был рад, что мальчик ничего не знает о сомнениях, которые одолевали его и Дункана час назад. То, что мальчик должен был сделать сейчас, требовало полнейшей уверенности. Не должно остаться даже тени сомнения. Переведя взгляд на алтарь, Морган увидел, что Дункан уже заканчивает чтение молитв. Он низко склонился перед алтарем и повернулся к ним.

— *Per omnia seculorum,*— нараспев произнес он.

— *Amen,*— торжественно ответили Морган и Келсон.

Дункан повернулся к столу и встал перед коленопреклоненным Келсоном. Положив обе руки ему на голову, он заговорил снова. Голос его был тих, но в тишине комнаты все слова были хорошо слышны:

— Келсон Синил Рис Энтони Халдан. Хотя сети ада окружают тебя, хотя смертельные ловушки расставлены вокруг тебя, ты не должен бояться. Крылья Бога закроют тебя, под ними ты будешь в безопасности,— он перекрестил голову мальчика.— *In nomine Patris at filii at spiritus sancti, amen.*

Когда мальчик поднял голову, Дункан взял из рук Моргана брошь, снял защитную тряпочку с иглы и вложил брошь в правую руку Келсона.

— *Dominus fiat voluntas tua!*

Пора.

Рука Келсона дрожала, когда он приложил острие иглы к левой ладони. Он колебался, но только мгновение, мысленно готовя себя к той боли, которая ожидала его.

Затем вонзил иглу в ладонь.

Боль! Обжигающий огонь! Дикая боль!

Внезапно его раненная рука стала отдельным страдающим живым существом, передающим в его мозг страшную боль, которая вонзалась в него, как клочья пламени свирепого костра, как ослепительный свет

солнца впивается в незащищенные глаза. Боль пронизывала его руку, как удар меча. Холод. Жар. Острая игла бесконечно долго находила себе путь меж связками, мышцами, костями ладони. И, наконец, он увидел, как на наружной стороне ладони показался конец иглы, теперь уже темного цвета. Непроизвольный стон вырвался из его горла. Брошь держалась на его ладони, как будто приросла к ней. Он согнулся вдвое, мыча от боли, крепко зажмурившись,, так как боль, взрывающаяся внутри головы, причиняла невыносимые мучения.

Морган изо всех сил старался сдержать себя и не кинуться на помощь принцу. На лице мальчика было написано страдание, все его тело пронизывала боль. Никогда он не выглядел таким беспомощным, таким беззащитным.

Дункан тоже смотрел на мальчика, жестким взглядом напомнив Моргану, чтобы тот не смел вмешиваться.

Стоящий на коленях Келсон опустился на пятки, прижимая раненную руку к груди. От него, поначалу слабо, стал исходить призрачный бледно-золотой свет. Сияние постепенно усиливалось, и вдруг мальчик застыл и перестал стонать. Мужчины смотрели не дыша. Глаза молодого короля широко раскрылись, они смотрели куда-то в неведомое, видели то, что только он мог видеть.

Ярость... боль... карусель световых линий... боль пульсирует... холодная дрожь, от чего? Боль проходит... теперь лучше... что-то холодное в руке... Смотри!.. Разноцветные линии кружатся... лица... светлое... темное... свет угасает... лица... становится темнее... вращающийся... мрак... Отец!.. Мрак!.. Отец... мрак...

— Отец... мрак...

Внезапно тело мальчика мягко опустилось на пол. Свет, окутывающий его, погас.

— Келсон! — крикнул Морган. Он быстро повернул лицо мальчика к свету и старался найти пульс.— Келсон, что с тобой?

Дункан тоже встал на колени перед неподвижным мальчиком. Пальцы Моргана наконец нащупали пульс, который с каждым ударом становится сильнее. Морган приподнял веко и обнаружил, что мальчик на свет реагирует. Пульс становился все сильнее.

— Десница Господа сильно ударила его,— прошептал священник, перекрестившись.— Но он не умрет, он будет жить.

Дункан взял левую руку мальчика, осторожно вынул брошь и замотал руку шелковым платком.

— Ты думаешь, все получилось? — осторожно спросил Морган, поднимая голову и плечи мальчика и плотно укутывая его в малиновый плащ.

Дункан кивнул, а затем поднялся и снял свой плащ.

— Думаю, да. Еще рано судить окончательно, но признаки того, что все происходит нормально, были,— он коснулся губами шарфа и, положив его на алтарь, направился к потайной двери.— Одно можно сказать сейчас с уверенностью: он приобрел нечто большее, чем просто дырку в руке. Когда он очнется, надо будет его расспросить.

Когда Дункан отворил дверь, Морган поднял Келсона, к которому еще не вернулось сознание, на руки и плотнее закутал его в плащ. Дункан поднял мечи с пола, еще раз обошел часовню, а затем отодвинул гобелен, чтобы войти в кабинет. Немного погодя он и Морган уже шли по тайным коридорам в апартаменты Келсона.

— Не могу понять, как они могли пройти так, что мы их не видели!

Говорящий зажег свечу у постели Келсона, а затем обернулся к двум своим товарищам.

— Я был уверен, что ты следишь, Лоуренс.

Лоуренс, откинув плащ, вложил меч в ножны и снял капюшон.

— Не могу этого объяснить, милорд. Я не видел, чтобы кто-нибудь входил или выходил отсюда с тех пор, как принц и Его Милость вошли сюда,— он подошел к камину, потрогал угли носком сапога, а затем подбросил несколько поленьев.

— А если бы вы спросили меня,— сказал третий, тоже опустив меч,— то я сказал бы, что рад, что их здесь нет. Мне не нравится это дело — убивать лорда Аларика. Ведь мы же ему присягали,— он осторожно присел на край королевской постели и недоверчиво ее

ощупал, но жесткий взгляд Лоуренса заставил его торопливо подняться.

— Может быть, здесь есть другой выход? — предположил Лоуренс, подозрительно осматривая комнату со своего удобного наблюдательного пункта у камина. — Рассказывают какие-то слухи о секретных ходах. Может, они ушли отсюда по такому ходу?

Эдгар, первый из говорящих, нахмурился, обдумывая такую возможность. Хотя он и происходил из дворян и был вассалом Моргана, сообразительность не была его отличительной чертой. Его знали как хорошего бойца, но там, где требовалось подумать, лучше было обойтись без него. Наконец, он кивнул головой и вытащил меч из ножен. — Это вполне возможно. И если так, они могут вернуться в любую минуту.

Он начал обыскивать комнату, тыча мечом во все подозрительные щели. Третий человек осторожно подошел к камину.

— Ты действительно думаешь, что лорд Аларик поработил нашего молодого короля, как все говорят? Плохо, что он убил солдата короля, но еще хуже, что он угрожает жизни самого короля, это уже совсем дурное дело.

— И то и другое преступления он совершил, потому что у него греховная натура! — сделал вывод Эдгар, который ходил по комнате взад-вперед, как посаженный в клетку зверь. — Он не может...

— Тихо! — внезапно сказал Лоуренс, подняв вверх руку. — Мне кажется, я что-то слышу.

— Гарольд, встань здесь, — приказал Эдгар, показав третьему место у стены, слева от камина.

От этой стены исходили слабые звуки, похожие на осторожные шаги. Они быстро погасили свечи и отступили в тень, держа оружие наготове.

Стена, слегка качнувшись с легким шорохом, скользнула вбок. В образовавшемся отверстии блеснул слабый свет, и оттуда появился Морган, несущий на руках принца, а за ним Дункан. Как только эти двое вошли в комнату, они почувствовали присутствие чужих, скрывающихся в тени.

— Вы, демоны, — прошипел Эдгар из темноты, — что вы сделали с Его Величеством?

Три человека ступили в круг, освещенный свечами, и с ненавистью смотрели на Моргана и Дункана: оружие наготове, лица скрыты под капюшонами темных плащей, на головах стальные шлемы.

— Вам нечего ответить, монстры? — в ярости Эдгар поднял меч. — Становитесь и защищайтесь!

ГЛАВА X

Эти слова побудили Моргана и Дункана к действиям. Дункан поставил свечу на пол и подал Моргану его меч. Морган, успевший положить бесчувственного Келсона у своих ног, теперь быстрым, как молния, движением выхватил меч из ножен, Дункан же обнажил меч Келсона и тоже приготовился к борьбе.

Немедленно самый младший из троих нападающих сделал выпад и прижал Дункана к стене. Остальные двое одновременно напали на Моргана. Один из них был вооружен шпагой, другой — тяжелым широким двуручным мечом, и их удары обрушились на меч Моргана как удары молота на наковальню.

Отразив первый бешеный натиск, Морган стал действовать аккуратнее, более методично, больше думая о том, чтобы защитить недвижимого Келсона, лежащего у его ног, чем поразить нападающих. Узкий стилет, появившийся в его левой руке, годился лишь на то, чтобы отражать удары шпаги, но, конечно же, совсем не мог защитить от ударов тяжелого меча, которые градом сыпались на Моргана. Кроме того, он чувствовал себя связанным, не зная, кто на них напал, и в то же время не мог оставить Келсона совершенно без защиты. Морган посмотрел в сторону и понял, что от Дункана помощи ждать не приходится.

Зажатый в углу, Дункан буквально лицом к лицу столкнулся с проблемами. Меч Келсона был легче и короче того, к которому он привык, поэтому ему приходилось трудно. Ему пришлось драться непривычным оружием против противника, превосходящего его силой, весом, боевым опытом. Но в искусстве Дункан ему не

уступал. Сын дворянина, воспитанный в лучших боевых традициях, он прошел хорошую школу фехтования, но не любил это искусство. Он имел оружие только для того, чтобы защищать себя, а не убивать. Люди редко обнажают оружие против священника, особенно такого высокого сана, как у него. Не утраченный натиском, Дункан продолжал обороняться, выжидая удобный момент, и дождался.

Его противник, чувствуя свое преимущество, уверился в несомненной своей победе, стал менее осторожен, менее быстр в движениях, и это стоило ему жизни.

Меч Дункана стремительно метнулся вперед и пронзил сердце солдата. Тот рухнул на пол с выражением удивления на лице и спокойно умер.

Бросив окровавленный меч Келсона на пол, Дункан посмотрел, как дела у Моргана, стараясь решить, кого из двух его соперников следует вывести из борьбы. Выбрать это было несложно. Моргану становилось все труднее отражать удары широкого двуручного меча, и один из них скоро может оказаться роковым.

Неслышно приблизившись к обладателю меча сзади, Дункан протянул вперед руки ладонями вместе, а затем медленно развел их в стороны. При этом в воздухе появился шар зеленого огня, который, как живой, направился к затылку солдата. Когда он коснулся его плеча, вспыхнула дуга зеленого пламени.

Человек вскрикнул и рухнул на пол. Это настолько поразило последнего из оставшихся солдат, что он потерял всякую способность защищаться, и Морган обезоружил его и прижал к стене.

За дверями покоев послышался шум. Охранники, поняв, что их товарищи проиграли бой, прибыли на помощь и стали стучать в дверь и кричать. Стук и грохот становились все более настойчивыми.

— Сэр! — послышался сквозь шум чей-то голос. — Сэр, у вас все нормально? Что случилось, генерал Морган? Откройте дверь, иначе мы взломаем ее.

Морган повелительно указал на пленника острием своего меча, а сам бросился к двери. Дункан кивнул. Прежде чем пленник успел опомниться, Дункан уже был возле него и дотронулся до его лба, произнеся что-то тихим голосом. Глаза человека потеряли всякое

выражение, руки опустились, и он больше не сопротивлялся. Дункан прошептал, глядя ему в глаза:

— Ты не видел меня. Ты видел только принца и Его Милость. Ты понимаешь меня?

Человек медленно кивнул.

Дункан опустил руки и пошел к двери на балкон, кивнув Моргану. Этот человек о нем забудет. Ведь объяснить его присутствие здесь в такой час было бы очень сложно.

Морган отодвинул засов на двери, его стилет скользнул в ножны. Из угла комнаты, где лежал Келсон, донесся слабый звук. Морган отступил в центр комнаты, когда дверь распахнулась и ввалились вооруженные люди.

Капитан охранников — тот же самый, что был в саду днем,— быстро осмотрел комнату, а его люди взяли под охрану пленника Моргана. Оружие капитана было наготове.

— Стойте на месте, генерал Морган, и бросьте оружие,— скомандовал он. Его меч следовал за каждым движением Моргана.— Где Его Величество?

Моргану не было необходимости оглядываться, чтобы убедиться в том, что он окружен и что врагов много. Пожав плечами, он положил меч на пол, а потом повернулся и пошел туда, где лежал Келсон. Никто не пытался остановить его, когда он встал на колени перед мальчиком.

— Как ты себя чувствуешь, мой принц? — спросил он, помогая мальчику подняться на ноги.

Келсон слабо кивнул и оперся на руку Моргана.

— Все нормально,— прошептал он, тяжело дыша и стараясь собраться с силами.

Мальчик осмотрел комнату и, увидев трупы и множество вооруженных солдат, инстинктивно понял, что правду говорить не следует: его не поймут. Глубоко вздохнув, он повернулся к капитану.

— Почему эти люди здесь, капитан?

Капитан сразу же перешел в оборону:

— Не знаю, сэр. Очевидно, они напали на наружную охрану. Там трое убитых и по меньшей мере четверо тяжело ранены.

Келсон кивнул. Кое-что начало проясняться.

— Ясно. И кто же напал на нас, Морган?

Морган подошел к пленнику, который все еще стоял у стены и сдернул с него шлем. На него глянуло хмурое лицо.

— Лорд Эдгар Мателъвэйт! — воскликнул Келсон.

— Это один из ваших вассалов, генерал Морган? — спросил капитан, вновь вскипая и поднимая меч.

Морган, почувствовав угрожающие нотки в его голосе, предупредительно держал руки на виду, когда повернулся к нему для ответа.

— Да, капитан, это мой человек, — он повернулся к Эдгару. — Не хочешь ли ты рассказать нам, что все это значит, Эдгар? У тебя должны быть веские причины, если ты решился изменить своему королю.

Эдгар смутился, а затем виновато посмотрел на Моргана.

— Мы только выполняли приказ, Ваша Милость.

— Чей приказ, Эдгар?

Эдгар поежился:

— В... ваш приказ, милорд.

— Мой приказ...

— Морган приказал вам убить короля! — негодуя воскликнул капитан. Его меч устремился к горлу Моргана.

— Достаточно! — приказал Келсон, он схватив руку капитана и оттолкнув ее в сторону. — Лорд Эдгар, расскажите поподробнее.

Эдгар переминался с ноги на ногу, а затем рухнул на колени, склонил голову и протянул руки, моля о пощаде.

— Пожалуйста, сэр, простите меня! — закричал он. — Я не хотел делать этого, и никто из нас тоже. Лорд Аларик — он заставил нас. Он... он имеет власть над людьми. Он может сделать с ними, что хочет. Он...

— Стоп! — рывкнул Келсон, в его глазах зажегся огонь.

— Сэр, — заговорил капитан, стараясь приблизиться к Моргану. — Позвольте мне арестовать его, пожалуйста. Вы теперь сами убедились, что все, что говорят о нем, правда: он убийца, монстр...

— Этот человек лжет, — сказал Келсон, устремив холодные глаза Халданов на капитана. — Морган не предатель!

— Сэр, клянусь вам... — начал Эдгар. Его взгляд стал диким, умоляющим.

— Тихо!

В комнате стало тихо. Тишина нарушалась только хриплым дыханием Эдгара. Принц взглянул на Моргана, ожидая какого-нибудь знака, но тот едва заметно кивнул головой, предоставляя Келсону самому выпутываться из создавшегося положения. Что бы сейчас ни сказал Морган, что бы ни сделал, это только осложнило бы дело. Келсон посмотрел на Эдгара у своих ног.

— Встань.

Когда тот встал, Келсон пробежал взглядом по лицам солдат и обратился к ним:

— Вы все уверены, что лжет Морган, так? И вы думаете, что я защищаю Моргана потому, что он обманывает меня так же, как и вас. Но я, в отличие от вас, верю ему,— он снова посмотрел на Эдгара.— Морган никогда никому не приказывал убить меня, потому что дал торжественную клятву моему отцу, а генерал — человек слова,— бросив взгляд на Моргана, он продолжал: — Нет, лжет Эдгар. И теперь нужно узнать, почему и для кого. Я могу попросить Моргана допросить его. Вы все знаете, что обладающий могуществом Дерини может узнать правду. Но так как вы ему не доверяете, то будете подозревать, что это он сам подсказывает ответы и заставляет их произносить,— не глядя на Моргана, он подошел поближе к Эдгару и в наступившей тишине долго и пристально смотрел на него.— Я сын своего отца, который обладал могуществом. И я тоже знаю, когда человек лжет. И я тоже могу заставить его говорить правду! — он посмотрел прямо в глаза Эдгара.— Лорд Эдгар, смотри на меня,— приказал он.— Кто я такой?

Эдгар не мог отвести глаз от Келсона. Морган смотрел с удивлением: наверное, Дункан обучил его мысленному зрению.

— Кто я? — повторил Келсон.

— Вы принц Келсон Синил Рис Энтони Халдан, законный наследник короля Бриона,— ответил спокойным тоном Эдгар.

— А кто это? — Келсон указал на Моргана.

— Лорд-генерал Аларик Энтони Морган, мой хозяин, сэр.

— Ладно,— глаза Келсона сузились, он сосредоточился.— Лорд Эдгар, это Морган приказал тебе убить меня?

Эдгар ответил кратко, не отводя глаз:

— Нет, сэр.

Охранники беспокойно зашевелились, по комнате пронесся шепот, капитан вытаращил глаза.

— Тогда кто же, лорд Эдгар?

Глаза Эдгара расширились, как будто в нем происходила внутренняя борьба, а затем он воскликнул:

— Мы пришли сюда убивать не вас, сэр. Мы пришли убить лорда Аларика! Надо убивать таких, как он, кто губит беспомощных людей!

Он вырвался из рук охранников и бросился на Моргана, стараясь схватить за горло. Морган уклонился и, удерживая его за локти, вернул в руки охранников. Эдгар продолжал вырываться, а Келсон поднял руку, требуя тишины.

— Объясни, Эдгар,— он подошел ближе к нему.— Кто губит беспомощных людей? О ком ты говоришь?

— Морган знает,— крикнул пленник.— Спросите его, как юный Майкл де Форест нашел свою смерть на кончике кинжала, когда стоял на посту, охраняя дворец. Спросите его, как же он допустил оплошность и у юного де Фореста еще осталось достаточно сил, чтобы нарисовать кровью на стене знак убийцы — Грифон Корвина!

— Что? — ахнул капитан.

Опять по комнате пробежал шум, на этот раз уже громче. Ошеломленный Келсон повернулся к Моргану, прошептал:

— Ты знаешь, о чем он говорит?

Все разговоры вокруг прекратились. Охранники ожидали ответа Моргана. После заявления Эдгара все мечи снова были направлены на него. Морган наклонил голову.

— Попытайся прозондировать поглубже, Келсон. Я понятия не имею, о чем это он.

— Ну еще бы,— прошептал кто-то из солдат.

Келсон резко повернулся в направлении голоса, а затем снова повернулся к Эдгару, глядя ему в глаза.

— Лорд Эдгар, почему ты решил, что это правда?

Эдгар успокоился под его взглядом.

— Я видел собственными глазами. Лорд Лоуренс, Гарольд Фицмартин и я видели это.

— Убийцу или труп? — настаивал Келсон.

— Труп.

Келсон задумался и прикусил губу:

— А как вы туда попали, Эдгар?

— Мы... были...

— Продолжай, — приказал Келсон.

— Мы... нам сказали, что нужно сходить туда, — пробормотал неохотно Эдгар.

— И кто же вам это сказал? — настаивал Келсон. — Тот, кто знал об этом? Поэтому и послал вас?

— Пожалуйста, сэр, — задрожал Эдгар. — Не заставляйте меня...

— Кто велел вам идти туда? — повелительно спросил Келсон. В его глазах загорелся гнев.

— Сэр, я...

Внезапно, прежде чем кто-либо смог вмешаться, Эдгар вывернулся и выхватил кинжал у одного из охранников. И хотя Морган тут же бросился на него, понимая, что сейчас произойдет, он уже знал, что не успеет остановить его.

Когда руки Моргана коснулись его, было уже поздно: кинжал вошел глубоко в живот Эдгара. Бедняга-лорд согнулся вдвое и упал на пол, а Морган и ошеломленные охранники смотрели на тело, лежащее на полу. Капитан был в ужасе.

— Он покончил с собой, сэр, — прошептал капитан, глядя на Моргана. — Вот что темные силы делают с человеком.

— Уберите его отсюда, — приказал Келсон. — И его друзей тоже. Нас сегодня больше не беспокоить, — он повернулся, а охранники повиновались, глядя вокруг испуганными глазами.

Морган стоял и смотрел, как охранники осматривают комнату, стараясь не выказать своего недоверия к лорду Дерри. Затем Морган вышел в коридор.

Дерри, помоги ему Бог. Он должен быть где-то здесь. Если он выполнил его приказ, а Морган не имел оснований сомневаться в этом, то он должен знать, как же всего три человека смогли прорваться через целый отряд охранников. Трое мертвы и по меньшей мере

четверо тяжело ранены, сказал капитан. Если бы Дерри был среди живых!

То, что предстало его глазам в коридоре, напоминало бойню. Валялись тела, возле которых возились врачи, толпились солдаты. Мимо него санитары несли двоих. Морган взглянул на носилки, но Дерри там не обнаружил. Он стал рассматривать тех, кто еще оставался лежать здесь, пока не увидел знакомый голубой плащ у стены. Хирург, осматривающий рану, повернулся к Моргану:

— Очень сожалею, но боюсь, что для этого человека, милорд, уже ничего нельзя сделать,— он печально склонил голову.— Он умрет через несколько минут. Я лучше пойду к тем, кому могу еще помочь,— он повернулся и быстро отошел.

Морган встал на колени перед телом, отвернул край плаща, который закрывал лицо. Это был Дерри.

Когда Морган смотрел на него, касался его руки, он вспомнил слова женщины в сером: «Я хочу, чтобы ты заплатил за все... и я уничтожу всех, кого ты любишь, медленно, одного за другим...»

Первым был Брион, затем лорд Ралсон, молодой Колин из Фианы, его люди. И теперь Дерри. И он, Морган, ничего не может поделать.

Он взял холодную руку Дерри, поднял его безжизненное веко. Дерри был еще жив, но на самом краю смерти. Ужасная рана зияла в его боку. Вероятно, пробита печень и Бог знает что еще. Главная артерия тоже была задета, так как из раны толчками била алая кровь.

Морган достал платок из рукава и прижал к ране, стараясь остановить кровотечение, хотя знал, что это бесполезно. Если бы он мог сделать что-нибудь... если бы он мог вызвать какие-нибудь силы, заживляющие раны...

Внезапно он резко выпрямился, пытаясь ухватить что-то важное, мелькнувшее в голове. Когда-то давно он читал о таких силах, заживляющих раны,— силах, которыми обладали Дерини. В старые времена были даже люди, которые специально занимались этим делом. Но нет. Это же были чистокровные Дерини, хорошо обученные, имевшие в своем распоряжении все могущество Дерини, а он ведь полукровка. И времена

изменились. Теперь люди верят в чудеса, а силы Бога не так просто вызвать и направить.

И все же если есть хоть малейший шанс, что он, Морган, сможет каким-то чудом — один только Бог знает как — вызвать забытые силы из прошлого, он должен попытаться.

Положив руки на лоб Дерри, он начал концентрироваться, очищать мозг, используя в качестве фокусирующего камня своего Грифона, как уже делал раньше, когда имел видение.

Он закрыл глаза и сконцентрировался на вызове излечивающих сил, на том, что Дерри должен выздороветь. В коридоре, где он стоял на коленях, было холодно, но пот стекал с его лба и каплями падал с подбородка. Он ощущал, как теплая влага испарились, покрывала его руки.

И затем это случилось. В какое-то мгновение он ощутил, что его коснулась пара рук, что-то чужое прошло сквозь него и вдохнуло жизнь и силы в безжизненное тело, которого он касался руками.

Его глаза широко раскрылись от изумления: Дерри глубоко вздохнул. Его веки задрожали, и дыхание изменилось. Казалось, он спит глубоким сном. Удивленный, Морган убрал руки со лба юноши и потянулся за платком, закрывавшим рану. Он колебался, боясь разрушить заклинание, но затем осмелился и снял платок с раны.

Раны не было! Она исчезла, залечилась — без какого-либо шрама, отметки. Ничего! Морган смотрел, не веря своим глазам, затем поспешно снял бинт с перевязанной руки — и эта рана излечилась! Он откинулся на пятки, не в силах понять, что же произошло.

И тут позади раздался голос, который превратил его кровь в лед, — голос, от которого волосы его зашевелились:

— Отлично сделано, Морган!

ГЛАВА XI

Морган резко повернулся и принял оборонительную позу, ожидая почти наверняка увидеть лицо из своего видения.

Но тот, кто так неслышно приблизился к нему, был вовсе не седой, давно умерший Святой Камбер, а просто самодовольный Бран Корис. Из глубины коридора подходили Эван, Нигель, Ян и другие придворные и дворяне, которые поспешили сюда, прослышав о событиях, здесь происшедших. Последней подошла разгневанная Джехана в окружении своих придворных дам.

— Да, да. Отлично сделано,— продолжал Бран. Наконец ты закончил свое дело, не правда ли? Ведь теперь остался только ты один, кто знает, что же в действительности произошло по дороге в Ремут.

Морган стоял спокойно, пока те все подходили, заключив его в тесный враждебный круг. Морган старался овладеть собой, успокоиться и дать достойный ответ.

— Сожалею, что приходится разочаровывать тебя, лорд Бран,— ответил он, подозвав одного из врачей, чтобы тот позаботился о Дерри,— но он не мертв. Он просто без сознания, и даже не ранен. Не сомневаюсь, что кому-то понадобилось устроить небольшой спектакль тут,— Морган не собирался распространяться о новой своей способности, это только усилило бы страх, подозрительность, недоверие.

Джехана протолкалась через толпу, окружающую Моргана, и остановилась между лордом Эваном и, как всегда, элегантным Яном. Морган никогда прежде не видел ее такой красивой: длинные черные волосы струились по спине, поверх ночной рубашки было накинуто что-то нежное, прозрачное, светлое. Она поддерживала эту накидку у шеи тонкой бледной рукой, на пальцах которой сверкали драгоценные камни. Морган очень пожалел, что не смог наладить дружеские отношения с гордой и прекрасной королевой.

— Ваше Величество,— учтиво поклонился Морган, пытаясь избежать столкновения.— Сожалею, что вас

потревожил этот шум, особенно в такой поздний час. Но я тут ни при чем.

Лицо Джеханы было суровым, а глаза превратились в зеленый лед.

— Вы тут ни при чем? Морган, вы принимаете меня за идиотку? Вы думаете, что я не знаю об убийстве солдата в моем дворце? Полагаю, вы дадите мне объяснения, прежде чем вас арестуют и осудят за убийство.

В это время в дверях появился Келсон, усталый и измученный, но очень решительный.

— Морган дал все необходимые разъяснения мне, мать,— сказал он спокойно и подошел к Моргану.— И к тому же, не может быть никаких судов и арестов без моего приказа. Ясно?

Все, кроме Джеханы, почтительно поклонились Келсону. Мальчик окинул собравшихся решительным взглядом.

— Друзья, вы недоумеваете по поводу ночного покушения на мою жизнь. И я тоже,— он помолчал и продолжил ровным тоном: — Без сомнения, мы узнаем все подробности в свое время. Но я хочу вас предупредить: любая попытка помешать мне в следующие часы, оставшиеся до коронации, будет рассматриваться как измена. Я больше не желаю выслушивать обвинения против Моргана и сомнения в его преданности мне. Надеюсь, понятно? Если вы не будете повиноваться, вам придется узнать, что отец хорошо обучил меня быть настоящим королем Гвинеды.

Все снова почтительно поклонились, за исключением Джеханы, которая, застыв, не сводила глаз с Келсона.

— Келсон, ты мешаешь мне сделать то, что очень важно и от чего зависит твое будущее,— прошептала она.

Келсон был тверд.

— Иди в свои покои, мать. Я не хочу спорить с тобой в присутствии всего двора.

Она молчала. Келсон обратился к капитану, который закончил осмотр кабинета и теперь выстроил своих людей в коридоре:

— Капитан, я иду спать. Позаботьтесь, чтобы меня не беспокоили. Генерал Морган останется со мной.

— Слушаюсь, Ваше Величество,— сказал капитан.

— Идите все отдыхать, и ты тоже, мать,— продолжал Келсон.— Увидимся завтра утром. Нам всем нужно отдохнуть, ведь завтра не обычный день.

Повернувшись, он вошел в свои покои, Морган — за ним. Дверь за ними захлопнулась, щелкнул засов. Королева после минутного колебания все так же молча удалилась к себе. Ян в сопровождении группы придворных и лордов отправился в боковой коридор, дав знак охраннику следовать за ним.

Когда дверь закрылась за ними, Келсон в изнеможении ухватился за плащ Моргана и опустился у его ног. Морган нахмурился и поднял его, чтобы отнести в постель.

Из своего убежища на балконе появился Дункан.

— На улице очень холодно,— сказал он, дыша на руки и потирая их.— Ну, как он?

— С ним все будет хорошо,— сказал Морган, расстегивая Келсону воротник и укладывая мальчика в постель.— Это происшествие отняло у него много сил. Ты ведь сказал, что он должен спать до утра.

Дункан потрогал лоб мальчика, а затем начал разбинтовывать раненную руку.

— Хорошо, что он проснулся, иначе тебе пришлось бы очень тяжело. И объясняться с ними было бы непросто.

Дункан хмыкнул и снова забинтовал руку. Морган попытался снять комбинезон с Келсона, который, когда его пришлось приподнять, открыл глаза и спросил слабым голосом:

— Морган? Отец Дункан?

— Мы здесь, мой принц,— ответил Морган, укладывая его на подушки.

Келсон повернул голову и посмотрел на Моргана.

— Морган, как я действовал? — спросил он почти шепотом.— Боюсь, я был чересчур помпезен.

— Ты действовал великолепно. Брион гордился бы тобой.

Келсон слабо улыбнулся и устремил взгляд на потолок.

— Я видел его, Морган. И слышал его голос. Он позвал меня и затем... — мальчик повернулся к

Дункану.— Я видел все как будто через тонкий шелк... нет, в слабом лунном свете. И там был кто-то еще, отец Дункан. Человек с сияющим лицом и золотыми волосами, но это был не ты, Морган. Я помню, как испугался, но потом...

— Успокойся, мой принц,— сказал Морган, наклонившись и положив руку на лоб.— Ты должен спать и отдыхать. Спи, мой принц, я буду рядом.

Пока он говорил, веки Келсона затрепетали, а затем опустились, и его дыхание стало спокойным и глубоким. Келсон уснул. Морган улыбнулся, поправил ему волосы и помог Дункану снять с мальчика сапоги. Затем они укрыли его, чтобы защитить от ночного холода, и, оставив свечу у постели, направились к камину.

Морган прислонился к стене и задумчиво смотрел на пламя у своих ног.

— Случилось что-то странное,— произнес он, когда Дункан встал рядом. — Мне кажется, я знаю, чье лицо видел Келсон во время ритуала.

— Святого Камбера? — Дункан отступил назад и выпрямился, сложив за спиной руки.

Морган поднял голову и встретился с ним взглядом.

— Да,— сказал Морган.— И есть еще кое-что, что поразит тебя до глубины души. В бою у дверей был тяжело ранен Дерри. Он был на краю смерти, когда я нашел его. В его боку была такая дыра, что в нее можно было просунуть кулак. И я излечил его.

— Ты излечил?

— Знаю, это звучит смешно,— продолжал Морган,— но я вспомнил, что в старые времена некоторые Дерини призывали темные силы для излечения ран и болезней. И я решил попытаться, хотя надежда была очень слаба. Я не думал даже, что у меня получится. Как мог я, полукровка Дерини, вызвать эти старые силы, которые теперь не подчиняются даже чистокровным Дерини? Во всяком случае, я попытался, используя для концентрации Грифона, как уже пробовал в библиотеке. Я положил руки на лоб Дерри закрыл глаза и вдруг, совершенно неожиданно, почувствовал чье-то присутствие рядом со мной, чью-то пару рук, коснувшихся меня, чью-то силу, которая прошла через меня,— именно прошла, а не исходила от меня,— он глубоко вздохнул.— Дункан, клянусь всем, что для меня свято, я никогда раньше

не видел ничего подобного. Когда я открыл глаза, поверь мне, Дерри уже дышал нормально, как будто спал. Я обнажил раны — их не было, они исчезли без всякого следа!

Дункан смотрел на Моргана, раскрыв рот.

— Клянусь тебе, Дункан,— продолжал Морган тихо, как бы заглядывая внутрь себя,— он был излечен полностью, без шрамов и отметок. Даже рука его излечилась. Я... — его голос изменился.— Ты же специалист по чудесам, святой отец. Объясни мне, что произошло?

Дункан пришел в себя настолько, что сообразил закрыть рот. Затем он недоверчиво покачал головой.

— Не знаю. Я не могу объяснить этого, Аларик. Ты думаешь, к тебе приходил тот, из видения?

— Не знаю,— Морган оперся руками о спинку кресла и покачал головой.— Но как будто кто-то вкладывает идеи в мою голову, идеи, которые я не могу контролировать. И это хорошие идеи, которые идут нам на пользу. Может быть, Камбер Кулди помогает нам? Если принять это за истину, я готов поверить почти всему, даже самому невероятному,— он подошел к двери на балкон, откинул шторы и устремил взгляд на темное небо.— Что могут пара Дерини-полукровок знать о неведомых силах?

Дункан встал рядом с ним и тоже посмотрел на небо.

— Всему этому наверняка есть какое-нибудь обыкновенное объяснение, Аларик. И, может быть, все станет ясным, когда закончится борьба с темными силами.

— Хорошо,— кивнул Морган.— Считаю, что так, раз тебе нравится. А у меня другое мнение. Тебя ничего не беспокоит в этом ночном происшествии?

— Ты имеешь в виду нападение лорда Эдгара или обвинения против тебя?

— Ни то, ни другое,— ответил Морган.— А то, что Келсон обнаружил в себе способность видеть правду. Я хотел бы, чтобы ты обучил этому и меня. Это спасло бы меня от многих неприятностей.

— Я? — изумился Дункан.— Ты думаешь, это я учил его?

Морган опустил штору на двери и обернулся к Дункану.

— Конечно, ты. Я никогда... — он задумался. — Или, может быть, Брион обучил его?

— Исключено, — ответил Дункан. — Брион не Дерини. А только Дерини может научить человека таким вещам.

— Может быть, Келсон когда-нибудь видел, как ты делал это?

— Никогда. Я до сегодняшнего дня не показывал Келсону ничего. Вспомни, он даже не знал, кто я такой. Может быть, он видел, как такие вещи делал Брион, и сам от него научился?

— Конечно, он мог видеть. Десятки раз. Но, не имея могущества Бриона, он не мог научиться сам... Дункан, у меня возникла мысль: а что если в мальчике есть кровь Дерини?

— Не думаю. Брион был человек, в этом нет никаких сомнений. Значит, ты полагаешь, будто Брион не отец ему? Чепуха.

Морган покачал головой.

— Нет. Брион его отец, это точно. Достаточно взглянуть на мальчика, чтобы убедиться в этом. Тебе не кажется, что Джехана...

Его глаза сузились, он посмотрел на Дункана, на лице которого отразились те же чувства, что и у него.

Дункан глубоко вздохнул и покачал головой.

— Королева — Дерини? Если так, это объяснило бы многое: ее сверхчувствительность к могуществу Бриона, ее непримиримая ненависть к тебе, внешне основанная на религиозном фанатизме... Ты думаешь, она понимает?

— Может быть, и нет, — сказал задумчиво Морган. — Ты же знаешь, как опасно быть Дерини. Я уверен, что существуют много Дерини, которые решили, что гораздо безопаснее не говорить своим детям, кто они. И в мире, где гражданские и духовные законы запрещают заниматься оккультными науками, как можно узнать, что в тебе кровь Дерини? Если знать, что ты Дерини, тогда другое дело: всегда можно найти наставника, который поможет тебе развить способности, только нужно быть очень осторожным. Но если ты не знаешь, кто ты, и на все твои попытки определить свои способности смотрят косо, то в этом случае мало что можно сделать. Я не говорю, что Джехана именно в такой ситуации. Возможно, существуют тысячи Дерини, которые не знают, кто они.

— Не буду спорить,— согласился Дункан.— Если Джехана Дерини, она будет нам завтра опорой, в которой мы нуждаемся. Ведь если мы как-то нарушили ритуал, то невозможно предсказать, на что способен Келсон, если будет опираться на собственные силы.

Морган покачал головой.

— Мне не нравится, что Келсон совсем не обучен. Предполагалось, что умение придет к нему вместе с могуществом Бриона,— он помолчал.— Интересно, предполагал ли Брион, что он оставляет на нас? Я даже не знаю, ругаться мне или благословлять Бриона за это.

Дункан улыбнулся и подошел к камину:

— Разве мы приняли поручение Бриона потому, что думали, будто оно будет легким? Нет, просто потому, что любили его, любили его сына, и, наконец, потому, что были уверены в том, что это нужно.

Морган улыбнулся.

— Ну конечно, Дункан. Давай без церемоний. Думаю, наши мотивы полностью совпадают,— он стиснул руки, бессознательно поглаживая Грифона,— но ты должен признать, что появилось много новых обстоятельств: собственное могущество Келсона, Джехана — будет ли она спокойно смотреть, как гибнет ее сын? И еще — предатель во дворце.

— Предатель?

— Да, в самом дворце. И, вероятно, занимающий высокий пост. Ведь не сама же Чарисса послала Эдгара, как ты думаешь? Наверняка на нее кто-то работает.

— Ну, раз уж ты начал, скажу, что есть и еще повод для беспокойства,— сказал Дункан.— Предположим, Чарисса победит завтра. А это может случиться при неблагоприятном для нас стечении обстоятельств. Что случится с Келсоном? Что тогда случится с королевством? И что произойдет с теми, кто поддерживал Бриона и Келсона, вроде нас?

Морган поднял бровь.

— Если Чарисса победит, твоя ряса не защитит тебя. Как исповедник Келсона и мой родственник ты будешь сразу же приговорен. А твое участие в коронации только закрепит твой приговор.

— Ты боишься? — засмеялся Дункан.

— Конечно,— фыркнул Морган,— я был бы идиотом, если бы не боялся. Но я еще не достиг этого состояния.

Во всяком случае, наши разговоры не рассеют наших сомнений относительно дальнейших событий. Не знаю, как ты, а я засыпаю прямо на ногах.

— Ну что же, закончим,— согласился Дункан.— Да и мне пора идти. Если я потороплюсь, то успею вовремя и меня не хватятся. Не думаю, что мой драгоценный архиепископ похвалит меня за ночные прогулки,— он взглянул на спящего Келсона и направился к потайной двери.— По-моему, я истратил сегодня столько сил, сколько не тратил за последние десять лет.

— Это полезно для тебя. Ты должен тратить их почаще,— засмеялся Морган, открывая потайную дверь и подавая Дункану зажженную свечу.

Та половина Дункана, которая принадлежала церкви, требовала проигнорировать это замечание, но все же он не смог сдержать легкой улыбки, входя в темную пустоту тайного коридора.

— Тебе нужно еще что-нибудь? — обернулся он, задержавшись у входа.— Келсон должен спать до утра, но...

— Ты уже говорил это,— фыркнул Морган.

— Но, Аларик, ты же знаешь, что я тут ни при чем,— прошептал Дункан шутливо-серьезным тоном.— А кроме того, у тебя, думаю, уже побывало много гостей за ночь. Я слишком устал от такого количества людей.

Прежде чем Морган успел придумать ответ, Дункан повернулся и исчез в коридоре. Морган покачал головой, улыбнулся и тщательно закрыл дверь. Он смотрел на нее в течение некоторого времени отсутствующим взглядом, а затем вернулся к камину.

Это был длинный день, длинные две недели. И хотя конец был близок, он знал, что самое трудное еще впереди.

Он потер руками глаза и постарался освободить мозг от всяких мыслей. Если он хочет быть в состоянии оказать утром помощь Келсону, надо поспать.

Подтащив кресло к кровати Келсона, он отстегнул плащ и бросился на мягкие подушки. И едва его голова коснулась их, волна сна нахлынула на него, завладела им целиком и унесла с собой. Все, что он успел сделать, прежде чем сон одолел его окончательно — это скинуть сапоги и натянуть на себя плащ. Сознание уже покинуло его, но он все-таки отметил в уме, что единственный

шум в комнате — дыхание Келсона и что если тут что-либо изменится, он должен незамедлительно проснуться.

После этого он заснул.

Однако для лорда Яна Ховела ночь только началась. Открыв дверь в свои покои, он пригласил войти туда и охранника, который сопровождал его.

— Как твое имя, друг мой? — спросил он, закрывая дверь за собой.

— Джон Элсуорт, милорд,— ответил польщенный охранник.

Он не был похож на того первого стражника, которого Ян использовал в своих темных целях. Джон, низенький плотный пожилой человек, давно уже служивший в охране королевского дворца, был очень силен, именно поэтому Ян выбрал его.

Ян улыбался про себя, когда, подойдя к столу и налив себе стакан вина, повернулся к охраннику.

— Очень хорошо. А сейчас я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал.

— Слушаю, милорд.

Ян подошел к охраннику и посмотрел ему в глаза.

— Смотри на меня, Джон,— приказал он.

Глаза охранника, слегка удивленные, встретились с глазами Яна. Тот поднял палец.

— Видишь мой палец? — спросил он, медленно водя им перед носом Джона.

— Да, милорд,— ответил тот, следя глазами за пальцем.

Затем, прикоснувшись пальцем ко лбу охранника, Ян прошептал:

— Спи,— и глаза охранника закрылись.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы сконцентрироваться и установить связь со своей покровительницей. От Яна исходила эманация, и его невольный медиум отбрасывал причудливую призрачную тень на обитую гобеленами стену.

— Чарисса, ты слышишь меня?

Губы Джона зашевелились, и прозвучал ответ:

— Слышу.

Ян улыбнулся:

— Они были в гробнице, как ты и предсказывала, моя дорогая. На Келсоне уже Глаз Рома. Не думаю, что кто-нибудь заметил это, кроме меня. Я не могу сказать, успешно ли прошла передача могущества. Мальчик выглядел счeнь усталым, но этого и следовало ожидать.

Наступила пауза, затем охранник заговорил. Голос был низок и глух, но интонации явно принадлежали Чариссе.

— Хорошо, но процесс передачи еще не закончен. Он должен завершиться на коронации или каком-нибудь важном публичном собрании. Так что у нас есть еще способы воспрепятствовать им. Ты знаешь, что нужно делать в соборе?

— Конечно.

— Хорошо. И сделай так, чтобы не было сомнений в том, на кого возложить вину. Я получила еще одно предостережение от Совета Камберланцев, запрещающее мне вмешиваться. И хотя, естественно, я не собираюсь следовать ничьим указаниям, не вредно подурочить их подольше. Кроме того, поскольку Морган наполовину Дерини, вполне возможно, что Совет обвинит во всем его, если мы тщательно подготовимся и выполним задуманное.

— Это смешно,— фыркнул Ян,— что Совет дает указания дочери Марлука. Кем себя считает этот Корак?

Он уловил самодовольный смешок, и затем голос ответил:

— Не в этом дело, Ян. Ты лучше иди и делай свое дело, прежде чем вымотаешь медиума до того, что не сможешь вернуть его к жизни. Его смерть вызовет подозрения, а тебе еще не время раскрывать себя.

— Не бойся, моя девочка! — хихикнул Ян.— Пока.

— Пока,— ответил голос.

Эманация исчезла, и Ян открыл глаза, все еще держа медиума под контролем.

— Джон, ты слышишь меня?

— Да.

Ян переместил пальцы на веки Джона и легонько надавил на них.

— Ты ничего не будешь помнить о том, что произошло. Ясно? Когда я освобожу тебя, ты будешь

помнить только, что я просил проводить меня в мои покои.

Охранник еле заметно кивнул головой.

— Хорошо,— Ян сосредоточился, опустив руки.— Ты очнешься и ничего не будешь помнить.

Ян вернулся к столу и поднял стакан с вином. Джон открыл глаза и посмотрел на него:

— Что-нибудь от меня еще нужно, милорд?

Ян покачал головой и сделал глоток вина.

— Нет. Но если ты будешь так добр и постоишь у дверей на страже, я не забуду тебя. Как видно, по коридорам дворца ходят убийцы, и мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь из них оказался у моей постели.

— Хорошо, милорд,— поклонился Джон.— Я посмотрю, чтобы вас никто не потревожил.

Когда дверь за охранником закрылась, Ян поднял стакан, опустошил его и поставил на стол. Теперь за дела. И больше никаких обычных убийств. Согласен, будет противно и даже утомительно, так как там будут участвовать трое, но серьезных затруднений у него не будет.

Он немного пожалел, что сил у него хватит только на то, чтобы перенести себя лишь до собора, но ничего: как только он вернется, Чарисса даст ему новые силы взамен истраченных. В самом деле, все уже подготовлено, и небольшая прогулка для него даже полезна, она поможет ему проветриться. Ничего лучше конной прогулки в ноябре не может очистить голову человека от мыслей об убийствах и привести его в более приятное состояние духа.

Он встал в центр комнаты и плотно запахнул плащ, затем, проговорив слова заклинания, которому научила его Чарисса, нарисовал какие-то знаки в воздухе перед собой — и исчез.

Позднее, много позднее, Ян бросил поводья в лесу севернее Ремута. Он долго прислушивался, прежде чем послать свою лошадь шагом, предоставив ей самой находить дорогу в темной безлунной ночи. Пошел снег, и Ян плотнее закутался в свой плащ, продолжая путь в кромешной темноте.

Наконец он обнаружил, что едет уже вдоль каменного утеса, такого высокого, что вершины не было видно. Он проехал с полмили, когда внезапно его окликнул грубый голос:

— Эй, кто там?

— Лорд Ян. Я приехал повидаться с Ее Милостью.

Слева в темноте вспыхнул факел, находившийся в руках человека, который приближался к Яну. За его спиной Ян смог различить в свете факела с полдюжины вооруженных людей. Когда человек с факелом подошел вплотную к Яну, из темноты вышел другой человек и взял его лошадь под уздцы.

— Прошу прощения, милорд,— сказал он хриплым голосом.— Мы не ждали вас сегодня ночью.

Ян скинул капюшон, спешил и посмотрел как говорящий передал поводья другому человеку, который увел его лошадь в стойло, и, сняв перчатки, осмотрелся вокруг.

— А леди еще здесь?

— Да, милорд,— ответил капитан, трогая камень перед собой.— Но я не могу сказать, ждет ли она вас.

Часть каменной громады сдвинулась, и образовался проход, ведущий в самое сердце утеса. Ян вошел туда, сопровождаемый капитаном и несколькими охранниками.

— О, она меня ждет,— усмешку, с которой были сказаны эти слова, в темноте коридора никто не мог видеть. Он подождал, пока его глаза привыкнут к темноте, и уверенно направился по длинному коридору на тусклый свет факела вдали.

На ходу ударяя сложенными перчатками по ладони, он легко ступал по каменному полу, сопровождаемый гулким звучанием шагов да шелестом тяжелого плаща, мягко задевающего полами кожу сапог.

Да, очень странные альянсы могут образовываться, когда требуется достичь какой-то важной цели. У него и в мыслях никогда не было войти в союз с этой бешеной Чариссой, смешно было даже рассчитывать на это. А теперь дочь Марлука полностью доверяет ему и согласилась объединиться с ним для общего дела. Разве мог он мечтать всего год назад, что он, Ян Ховел, станет хозяином Корвина?

Улыбнувшись про себя, он позволил своим мечтам пойти даже несколько дальше, но тут же запретил себе

думать об этом. Когда имеешь дело с Чариссой и ей подобными, лучше отгонять от себя такие мысли. Вот когда Келсон и Морган будут мертвы и он станет настоящим хозяином Корвина, тогда можно будет подумать и о дальнейшем. А пока...

Серебряные искры весело сыпались из-под сапог, когда он спускался по гранитным ступеням. Факелы бросали на его каштановые волосы малиновые блики, цвет которых вполне соответствовал кровавым замыслам человека, так уверенно спускавшегося вниз.

Он прошел мимо поста охраны, с отработанной четкостью приветствуя стражу, и не задерживаясь, приблизился к золоченым дверям, возле которых стояли два высоких мавра. Поскольку те не сделали никаких попыток остановить его, да и вообще не двинулись с места, он миновал двери без звука и, прислонившись к ним спиной, устремил взгляд на женщину, которая расчесывала длинные белокурые волосы. Все злобные мысли покинули голову Яна, по крайней мере, в настоящий момент.

— Ну, Ян? — спросила она. Голос был низким, чуть с хрипотцой, полные губы кривились в легкой саркастической усмешке.

После крошечной паузы Ян беззаботно подошел к ней.

— Все идет как надо, моя девочка, — сказал он вкрадчиво, нежно проведя рукой по ее плечам. — А ты думала, что будет по-другому?

Налив вина из хрустального графина, он осушил бокал и снова наполнил его, чтобы отнести на низенький столик, стоящий у огромной широкой кровати.

— Ты же так умен, у тебя все получается, как ты хочешь, Ян, — не преминула поддеть его Чарисса.

Ян отстегнул застежку тяжелого плаща и бросил его на скамью, снял пояс с мечом и положил на пол, а сам опустился на постель.

— Значит, завтра не будет никаких проблем, Ян? — спросила Чарисса. Она положила серебряный гребень на туалетный столик и поднялась, поправив складки тончайшего пеньюара, так что он образовал вокруг нее мягкое ажурное облако.

— Думаю, что нет, — засмеялся Ян, встав на одно колено и подняв бокал с вином. — Келсон отдал приказ не беспокоить его до завтрашнего утра. Если он до утра

куда-нибудь пойдет, нам немедленно сообщат об этом. Я оставил человека за ним следить,— его темные глаза жадно следили за каждым движением ее прекрасного тела, когда она шла к нему. Прозрачная ткань скорее обнажала ее, чем закрывала.

— Значит, он отдал приказ, чтобы его не беспокоили до утра? — она дотронулась тонкими пальцами до его плеча и улыбнулась.— Полагаю, я тоже должна отдать такой приказ.

ГЛАВА XII

Ранним утром тишину нарушили удары в дверь. Морган мгновенно проснулся и открыл глаза. Яркий свет в комнате означал, что уже настало время вставать. Быстро оценив свое состояние, Морган отметил, что короткий сон хорошо восстановил его силы. Что бы ни случилось, он был готов встретить это.

Поднявшись на ноги, он подошел к двери, осторожно положив одну руку на засов, а другой сжимая рукоять стилета, и тихо спросил:

— Кто там?

— Родри, Ваша Милость,— ответил голос.— Королевские слуги хотят знать, когда Его Величество будет готов принять ванну и одеться. Ведь времени уже много.

Морган вернул стилет в ножны и открыл дверь. За дверью стоял полный седовласый человек, одетый в темно-красный бархат. Увидев Моргана, он почтительно поклонился.

— Ваша Милость?

— Что, уже пора? — спокойно спросил Морган.

— Конечно, Ваша Милость. Я должен был бы разбудить вас раньше, но я решил дать вам обоим поспать. Процессия начнется примерно через час.

— Благодарю, лорд Родри,— засмеялся Морган.— Передайте слугам Келсона, что он скоро будет. А также посмотрите, если сможете найти его, как дела у моего помощника лорда Дерри. Сам не могу сделать этого, а ведь если я пойду на коронацию в таком виде, все,

несомненно, будут считать меня именно тем негодяем, каким изображает меня молва.

Он пробежал рукой по щетинистому подбородку, а лорд Родри улыбнулся. Он и Морган были давнишними друзьями, еще с тех самых пор, как Морган впервые появился при дворе короля Бриона в качестве пажа. Родри уже тогда состоял при королевском гардеробе, и маленький золотоволосый паж раз и навсегда похитил сердце Родри, и он до сих пор обожал того мальчика в этом мужчине. Он посмотрел в глаза Моргану:

— У Вашей Милости есть еще поручения для меня?

Морган покачал головой и вдруг щелкнул пальцами, вспомнив еще кое-что важное.

— Да. Пошлите за монсеньором Мак Лейном. Келсон хочет увидеть его перед тем, как пойдет в собор.

— Да, Ваша Милость.

Когда Морган запер за ним дверь на засов, он вдруг понял, что в комнате холодно, и босиком прошлепал по полу к камину. Там он расшевелил угли и положил новые поленья. Убедившись, что огонь разгорелся, он пошел к балконной двери, ступая босыми ногами по каменным плитам пола. Приплясывая от холода, он откинул тяжелые шторы, и солнечный свет хлынул в комнату. И тут Морган ощутил, что за ним подсматривают. Он повернулся и улыбнулся Келсону, затем подошел к нему и сел рядом.

— Доброе утро, мой принц. Как ты себя чувствуешь?

Келсон сел в постели и завернулся в одеяло.

— Я замерз и голоден. Сколько времени?

Морган засмеялся, пощупал лоб мальчика и начал снимать бинт с его руки.

— Еще не так поздно, как ты думаешь, мой принц. Твое тело чешется и требует воды для умывания, и ты хорошо знаешь, что до коронации тебе есть запрещается.

Келсон в отчаянии снова бросился в постель, но тут же сел, чтобы посмотреть на руку, которую разбинтовывал Морган. Кроме слабых розовых пятен на обеих сторонах руки ничего не осталось, никаких признаков вчерашнего испытания. Морган сгибал и растирал руку, и Келсон был удивлен, не почувствовав ни малейших признаков боли, которой со страхом ожидал. Он с тревогой посмотрел на Моргана, когда тот отпустил руку и стал складывать повязку.

— Все нормально?

Морган похлопал мальчика по плечу.

— Ты можешь даже играть на скрипке.

Келсон засмеялся и приготовился прыгнуть с постели.

— Значит, нет причин оставаться в постели?

— Совершенно.

Морган взял с кровати одежды Келсона и, поднявшись, придерживал их, помогая Келсону. Принц быстро оделся и, поспешив к камину, бросился на меховую шкуру перед ним, чтобы согреться.

— Хорошо,— он разгладил растрепанные волосы,— что дальше?

Морган подошел к нему и пошевелил дрова.

— Прежде всего — ванна. Она уже ждет тебя, а затем я пришлю слуг, чтобы они помогли тебе быстро облачиться для церемонии.

Келсон поморщил нос:

— Зачем это? Я могу одеться и сам.

— Перед коронацией короля должны одевать слуги,— засмеялся Морган, протянув мальчику руку и помогая ему подняться на ноги.— Такова традиция. А кроме того, тебе не следует забивать мозги сложностями обращения этой странной одеждой, которая предназначена для коронации. Тебе уже пора думать об обязанностях короля! — он подтолкнул мальчика к двери, ведущей в гардеробную, но Келсон остановился и с подозрением оглянулся на Моргана.— Значит, меня будут одевать слуги? И сколько их?

— О, я думаю, человек шесть,— ответил Морган с невинным выражением лица.

— Шесть! — негодуяще воскликнул Келсон.— Морган, мне не нужно шесть слуг для одевания!

— Это восстание? — спросил Морган, не сумев спрятать улыбку.

Он знал, как Келсон относится к личным слугам, да и сам не терпел их, но временами этого избежать нельзя. И выражение лица Келсона ясно говорило, что он осознает этот факт, однако на нем отчетливо читалось и то, что Келсон еще не сказал последнего слова.

Отворив дверь в соседнюю комнату, мальчик повернулся и взглянул на Моргана с шутливым негодованием.

— Я все же думаю,— сказал он величественно,— что ты все это устроил умышленно.

— Да, я все это устроил умышленно, чтобы сделать тебя королем,— терпение Моргана начало иссякать.— А теперь быстро туда!

Он сделал вид, что хочет схватить мальчика, но тот, быстро проشمгнув в дверь, все же успел, прежде чем она закрылась за ним, высунуть голову и показать язык.

Морган воздел глаза к небу, будто взывая к святому, который руководит капризами принцев — наследников престола. Вся зрелость принца, которую он проявлял ночью, вдруг исчезла полностью. Оставалось только надеяться, что он не собирается быть таким весь день.

Прежде чем он обдумал порядок дальнейших действий, послышался стук в дверь.

— Кто там?

— Дерри, милорд,— ответил знакомый голос.

Морган быстро подошел к двери и откинул засов, чтобы впустить Дерри. Вместе с ним вошли двое слуг, которые несли горячую воду, полотенца и одежду. Сам Дерри выглядел посвежевшим и отдохнувшим в своей хрустящей от крахмала новой одежде.

— Рад видеть тебя полностью здоровым,— заметил Морган.

— Да. Странная вещь, не правда ли, милорд? — сухо ответил Дерри.— Я и не думал, что вы...

— Потом, Дерри,— прервал его Морган.— Сейчас мне нужно другое, я чувствую необходимость в горячей ванне.

— Слушаю, милорд,— ответил Дерри, делая знак слугам, сопровождающим его: — Прошу следовать за мной. Я покажу вам, как нужно все сделать, чтобы это понравилось Его Милости.

Морган покачал головой и хмыкнул, видя, что Дерри все взял в свои руки. Затем он последовал за ними. В конце концов, не может же он появиться на коронации как легендарный Дикий Человек из Торента. А разговор и объяснение с Дерри может подождать более подходящего времени.

В это же самое время в другом месте дворца другой человек готовился к своему делу — тот, чей день начался несколькими часами раньше. Из рук дьявольской женщины он на крыльях заклинания Дерини перенесся сюда, чтобы завершить свое дело и вернуться.

Он скрывался в нише одного из главных коридоров, поджидая того, кто ему был нужен. Мимо прошла большая группа пажей и слуг в ливреях, которые несли бело-золотые одежды, наверняка для Келсона. Но это были не те, кого он ждал.

Когда процессия проходила мимо, он сделал вид, что чистит плащ, но стоило им пройти, как он возобновил наблюдение.

После десяти минут ожидания и трехкратного повторения возни с плащом появились, наконец, те, кого он ждал. Он узнал, их: двое королевских слуг, которые несли блестящий черный бархатный плащ и деревянный ларец для драгоценностей.

Ян все рассчитал великолепно: он вышел из своего убежища как раз тогда, когда они поровнялись с ним. При этом, будто бы по неловкости, он сбил с ног одного из них, как и намеревался. Затем Ян, сердечно извиняясь, помог слуге подняться, а также помог ему собрать все драгоценности, выпавшие из ларца.

Слуге не могло прийти в голову проверить содержимое ларца после столкновения, он не мог даже вообразить, что великий лорд Ян может подменить Чемпиона Короля — символ королевского двора.

В покоях Келсона Морган в последний раз осмотрел себя в ручное зеркало, пока Дерри вытирал остатки мыльной пены с его подбородка и ушей. После ванны и бритья он почувствовал себя совсем другим человеком, особенно приятным было ощущение нового камзола и чистых штанов. Он уже много месяцев был лишен этого ощущения, а теперь оно вновь позволило ему оценить преимущество благородного происхождения. Когда Дерри отпускал слуг, помогавших ему, в комнату вошел Дункан, сделав предостерегающий жест, чтобы Дерри молчал о его появлении. Скользнув за спину Моргана, он, подметив Дерри, начал чистить одежду Моргана.

— Отлично, отлично! Блудный сын желает облагородить свой облик!

Морган резко повернулся, схватившись за меч, но тут же расслабился и улыбнулся, узнав Дункана. Движением руки он отослал Дерри заниматься своими делами, а сам уселся в кресло. Дункан прошел к камину.

— Не советую тебе в следующий раз так подбираться ко мне,— сказал Морган.— Если бы здесь не было Дерри, я бы отрубил тебе голову раньше, чем понял бы, что это ты.

Дункан засмеялся и сел на ручку кресла.

— Но ты же вовремя узнал меня,— сказал он спокойно.— Ночь прошла без событий после моего ухода, не так ли?

— А что еще могло случиться? — кивнул Морган.

— Как что? А землетрясение, наводнение или тысячи других вещей? — пожал плечами Дункан.— И все-таки у меня для тебя есть сюрприз.

— Ты уверен, что удивишь меня? — с сомнением спросил Морган.— После всего того, что случилось за последние сутки, я, ручаюсь, готов ко всему.

— О, это небольшой сюрприз,— ответил Дункан с улыбкой. Он полез в карман, достал оттуда что-то небольшое, завернутое в бархат, и опустил в руки Моргана.— Келсон попросил меня передать это тебе. Кажется, он хочет, чтобы ты был его Чемпионом.

— Его Чемпионом? — воскликнул Морган, в изумлении глядя на Дункана.— Почему ты так решил?

— Прежде всего, Келсон говорил мне кое-что, чего не сказал тебе,— сказал Дункан, невинным взглядом глядя в потолок.— А потом, кому же быть Чемпионом, как не тебе, старая боевая лошадь. Не мне же?

Морган засмеялся и покачал головой, а затем развернул бархат. Там лежало массивное кольцо с печаткой из оникса, на поверхности которого был вытравлен Золотой Лев Гвинеда. Морган с восхищением посмотрел на него, а затем, подышав на камень и потеряв его о бархат, надел кольцо на правый указательный палец и вытянул обе руки вперед, ладонями вниз. Лев Гвинеда и Грифон Корвина сверкали на свету золотым и зеленым.

— Я действительно не ожидал этого,— наконец произнес Морган, опустив руки.— Я до сих пор не понимаю, как это он сделал, ведь пост Чемпиона — наследственный пост.

Он снова посмотрел на кольцо, как бы не в силах поверить в это, а затем легонько покачал головой.

Дункан засмеялся и осмотрел комнату.

— А где же Келсон?

— В ванной,— ответил Морган, поднимая один сапог и принимаясь его чистить.— Он немного зол, что сегодня столько слуг помогают ему одеваться. Он никак не хотел понять, почему не может одеться сам. Я ответил, что это одно из неудобств, которое испытывают короли, и что ему придется примириться с этим. И, кажется, такой ответ удовлетворил его.

Дункан поднял другой сапог Моргана и засмеялся.

— Когда он увидит, сколько ему надо всего одевать сегодня, то будет рад такому количеству слуг. Сколько раз я был благодарен и за одного-то человека, который помогал мне одеваться для важных церемоний,— он вздохнул.— Там столько пуговиц, шнурков, завязочек...

Морган отобрал у него свой сапог и фыркнул:

— Ха! Да ведь тебе это нравится! — он начал энергично натирать сапог.— Но все же: никаких происшествий за ночь не было?

— Никаких,— ответил Дункан, глядя, как Морган натягивает сапоги. Затем расправил кольчугу: Морган всунул туда голову и руки и расправил ее кольца на груди и плечах поверх новой шелковой рубашки. Поверх кольчуги он надел алый шелковый камзол и начал зашнуровывать его на груди.

Дункан помог ему зашнуровать рукава, а затем подал бархатный камзол, отделанный золотым шитьем и жемчугом. Морган присвистнул при виде такого великолепия, но надел его без всяких замечаний. Подвернув рукава верхнего камзола так, чтобы были видны алые рукава нижнего, шелкового, он поднял руки вверх, пока Дункан обматывал его талию широким малиновым поясом. Затем взял свой меч в широких кожаных ножнах и прикрепил его к кольцу, спрятанному в поясе.

Дункан отступил назад, чтобы оценить его вид. Осмотрев Моргана долгим придиричивым взглядом, он покачал головой и поднял брови в шутливом отчаянии:

— Я уверен, что ты будешь самым красивым Чемпионом еще очень долго! Мимо тебя просто невозможно пройти!

— Ты совершенно прав,— согласился Морган, приняв горделивую позу.

— И ты будешь самым хвастливым Чемпионом,— продолжал кузен.

— Ну-ну.

Дункан погрозил пальцем.

— Аларик, не забывай! Я твой духовный отец и говорю с тобой так для твоей же пользы.

Дальше выдерживать этот шутливый тон было невозможно, и Морган первый расхохотался от всей души, беспомощно уронив руки. Почти сразу же взорвался смехом и Дункан, упав в кресло и не в силах больше сдерживать себя.

В дверь просунул голову слуга в красной ливрее. На его лице было написано неодобрение, так как он слышал взрывы хохота, даже находясь за дверью. Он обратился к лордам весьма холодным тоном:

— Что-нибудь случилось, Ваша Милость?

Морган с трудом сдержал смех и движением руки отослал его прочь. Затем, отсмеявшись, он крикнул:

— А что, Его Величество еще не готов? Монсеньор Мак Лейн уже скоро отправится в собор.

— Я готов,— сказал Келсон, входя в комнату.

Морган с удивлением вытянулся во весь рост, а Дункан вскочил на ноги. Оба с трудом верили, что этот юноша в бело-золотых одеждах — тот самый испуганный мальчик, которого так недавно им пришлось видеть стоящим перед ними на коленях.

Весь в шелке, он стоял перед ними, как молодой ангел. Кремовая белизна одежд оттенялась причудливой игрой золота и рубинов. Сверху на нем был накинут плащ цвета слоновой кости, отделанный золотыми и серебряными украшениями. В руках он держал пару чистейших перчаток и золотые шпory. Голова была обнажена, как и полагается некоронованному монарху.

— Я вижу, что ты уже уведомлен о своем новом титуле,— сказал он, глядя с одобрением на роскошную одежду Моргана и подавая ему шпory.— Это тоже для тебя.

Морган встал на колени и склонил голову.

— Мой принц, у меня нет слов.

— Чепуха,— ответил Келсон.— Ты лучше развязывай свой язык, когда у меня возникнет нужда в этом.

Келсон поднял Моргана, а затем повернулся к слуге, который ждал в дверях.

— Жиль, подайте остальные регалии генерала Моргана.

Слуга кивнул и, повернувшись, сделал кому-то знак. Вошли еще трое слуг. Двое несли регалии, за которыми охотился Ян рано утром в коридоре, а третий нес широкую красную кожаную перевязь для меча, отделанную по краям золотом. Вся троица встала в ряд, ожидая приказаний.

Келсон повернулся к Моргану:

— Как Чемпиону короля тебе полагается носить несколько знаков отличия,— сказал он с легкой улыбкой на лице.— Ты не будешь возражать, если мои слуги помогут тебе одеться, пока я буду беседовать с отцом Дунканом?

Когда трое слуг со всеми регалиями окружили Моргана, Келсон дал знак Дункану следовать за ним. Оба вышли на балкон и закрыли за собой дверь. Через стекло они могли видеть, как слуги суетятся вокруг встревоженного Моргана. Немного понаблюдав за этим, Келсон повернулся к Дункану:

— Как вы думаете, отец Дункан, он не очень на меня сердится?

Дункан засмеялся и покачал головой:

— Сомневаюсь, мой принц. Он был слишком горд той честью, которую ты ему оказал, так что он не сможет сердиться долго.

Келсон засмеялся и посмотрел на город, облокотившись на каменные перила балкона. Холодный ветер трепал его волосы, но плащ даже не колыхнулся: он был слишком тяжел для такого ветра. Над головой по небу неслись облака, угрожая заслонить солнце, воздух внезапно стал сырым. Келсон скрестил руки на груди, посмотрел вниз и тихо спросил:

— Отец, что делает человека королем?

Дункан задумчиво облокотился на перила рядом с мальчиком.

— Я не думаю, чтобы кто-нибудь тебе на это ответил, сын мой. Вполне возможно, что короли не

очень отличаются от простых людей. Конечно, за исключением того, что на них лежит большая ответственность. Я думаю, тебя этот вопрос не должен беспокоить.

— Но некоторые короли необычные люди, отец,— спокойно сказал Келсон.— И к ним предъявляются повышенные требования. А предположим, король обнаруживает, что он самый обычный человек. Что же ему тогда делать, когда...

— Ты не обычный человек, Келсон,— сказал спокойно Дункан,— и ты будешь не обычным королем. Не сомневайся в этом. И никогда не забывай этого.

Келсон долго обдумывал ответ, а затем повернулся и упал на колени к ногам священника.

— Отец, дайте мне благословение,— прошептал он, опустив голову.— Необычный или обычный, но я боюсь. Я вовсе не чувствую себя королем.

Морган стоял злой, пока королевские слуги суетились вокруг него, хотя и старался сохранить спокойствие и принимать все с достоинством, так как знал, что Келсон может видеть его с балкона. Но он еле сдерживался, слуги выводили его из себя.

Двое из них стояли на коленях у его ног и прикрепляли шпоры к сапогам, затем им вздумалось наводить глянец на его и без того чистые сапоги. Тот, кого звали Жиль, снял меч Моргана и передал одному из слуг, сам же взял красную перевязь и надел ее на Моргана. Когда он прицепил к ней меч, Морган облегченно вздохнул: ведь без него он чувствовал себя голым, а узкий стилет, который оставался у него, был бы бесполезен, если бы кто-нибудь из этих слуг решил освободить мир еще от одного Дерини.

Когда Морган поправил поудобнее рукоять меча, Жиль подошел к деревянному ларцу и достал оттуда цепь темного золота со знаком. Однако Моргану уже надоели эти церемонии, он взял цепь из рук Жили и сам повесил ее себе на шею, не позволив никому помочь себе. Чем скорее он пройдет через все это, тем лучше.

Двое слуг, стоящих у его ног на коленях, в последний раз провели чем-то мягким по сверкающим сапогам, затем поднялись и, по меньшей мере в третий раз,

принялись поправлять рукава камзола. В завершение всего они подвели его к огромному зеркалу, которое держал Жиль, и накинули на него роскошный плащ черного бархата, с воротником из черно-бурой лисы, отделанный малиновым шелком.

Морган с изумлением поднял брови, впервые в жизни увидев себя в такой роскошной одежде. Слуги снова засуетились, поправляя цепь так, чтобы она не цепляла воротник. Морган вынужден был признать, что впечатление он производил очень сильное.

Он повернулся, чтобы полюбоваться в зеркале своим профилем, как вдруг раздался сильный стук в дверь. Рука Моргана скользнула к мечу, а слуги замерли, разинув рты. Стук прекратился, но тут же возобновился с новой силой.

— Аларик! Аларик! Ты еще здесь? Мне нужно поговорить с тобой! — это был голос Нигеля.

Морган в четыре прыжка подскочил к двери, откинул засов. Как только дверь открылась, в комнату ввалился Нигель и запер дверь за собой. Он был сильно взволнован.

— Где Келсон? — спросил он, обшаривая комнату взглядом и отходя от двери. — А вы, — приказал он слугам, — все прочь!

Когда слуги выбежали, Морган быстро подошел к балконной двери и, постучав по стеклу, увидел, что Дункан оглянулся и понял, что их зовут. Рядом с Морганом уже стоял, кивая, Нигель. Когда Келсон поднялся на ноги, Морган открыл дверь и впустил их.

— В чем дело, дядя? — с тревогой спросил Келсон. Он увидел суровое лицо Нигеля и почувствовал, что сейчас услышит что-то весьма важное.

Нигель прикусил губу и нахмурился. Как сказать мальчику о том, что он видел? И еще хуже: как сказать так, чтобы это не прозвучало обвинением?

— Келсон, — начал он, не глядя никому в глаза, — мне нужно сказать тебе кое-что такое, что трудно произнести...

— Ближе к делу, — прервал его Морган.

Нигель кивнул, с трудом переводя дыхание, затем продолжил:

— Ладно. Кто-то прошлой ночью взломал гробницу Бриона.

Келсон быстро взглянул на Дункана и Моргана, а потом снова на Нигеля.

— Продолжай.

Нигель бросил короткий взгляд на Келсона, а затем опустил глаза в легком недоумении, так как мальчик вовсе не был удивлен новостью. Может ли быть...

— Кто-то взломал гробницу и открыл саркофаг,— осторожно продолжил Нигель.— Воры содрали с мертвого все драгоценности и одежду,— его голос сорвался,— а затем бросили его голым лежать на каменном полу,— его голос уже перешел на шепот.— Два охранника были найдены на своих постах с перерезанными горлами без всяких следов борьбы. И Роджер — Роджер лежал мертвым у самой гробницы с кинжалом в руке, с ужасным выражением на лице, как будто он боролся с преступниками.

Лицо Келсона побелело, и он схватился за руку Дункана для поддержки. Дункан тоже побелел, а Морган смотрел в пол.

— Ты хочешь спросить, не мы ли это сделали? — спокойно спросил Морган.

— Вы? — голос Нигеля сорвался.— Боже, я знаю, что вы тут ни при чем, Аларик,— он смотрел вниз, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя себя все более неуверенно.— Но вы же знаете, что скажут люди?

— Что в этом повинен проклятый Дерини,— с горечью ответил Дункан.— И будет почти невозможно доказать обратное, потому что мы были там ночью.

— Я знаю,— Нигель медленно кивнул.

— Ты знаешь? — переспросил Дункан.

Нигель вздохнул, и его плечи безнадежно опустились:

— Да. И боюсь, на этот раз в деле замешан не один Аларик. Когда я сказал, что нашли мертвого Роджера с рукой на рукояти кинжала, я не упомянул, что было у него в другой руке.

Все трое старались не пропустить ни звука:

— В ней было золотое распятие — твое, Дункан!

ГЛАВА XIII

«Золотое распятие — твое, Дункан!»

У священника перехватило дыхание. Спасения от обвинения не было, так как распятие принадлежало ему. Он не мог отрицать этого. Все предметы, положенные в гробницу вместе с Брионом, были описаны. Теперь эта гробница ограблена, и на месте преступления найдено распятие, которого там не должно было быть. Дункан внезапно понял, что он задержал дыхание, и сделал глубокий вдох. Ситуация бесконечно осложнилась. Теперь не только бесчисленные допросы ждут его, но и сама его жизнь под угрозой. Пока только Аларик и Келсон знают о том, что в его жилах течет кровь Дерини. Он хотел бы, чтобы так оставалось и в дальнейшем, но теперь ему не избежать расспросов о его родственных связях с Алариком. Он мало что мог сказать в объяснение своего участия в ночной вылазке.

Он откашлялся, решив наконец, что должен кое-что сообщить Нигелю. Он был уверен, во всяком случае, что сможет обязать принца хранить его секрет, пока не наступит время, когда можно будет сказать все.

— Мы были в гробнице прошлой ночью, Нигель. И мы открывали саркофаг Бриона,— медленно начал Дункан.— Я даже не буду пытаться отрицать это,— он нервно стиснул руки.— Когда мы ушли, гробница была закрыта, а Роджер и охранники были живы. Нет нужды говорить, что мы не виноваты в их гибели.

Нигель неодобрительно покачал головой.

— Но зачем, Дункан? Зачем вы открывали гробницу? Вот этого я не могу понять.

— Мы подверглись бы большой опасности, если бы не открыли ее,— вмешался Морган.— Для ритуала, составленного Брионом, требовалось кое-что, оказавшееся погребенным с ним по ошибке. Нам надо было это достать, другого выхода не было, потому и пришлось открыть гробницу,— он посмотрел на свои руки, на которых сверкали два кольца.— И хорошо, что мы решились на это: Брион был под заклинанием, его облик изменен и душа связана. Мы смогли разрушить заклинание и освободить его.

— О мой Бог! — прошептал Нигель. — А вы уверены, что не сделали ничего другого?

— Нет, — продолжал Морган. — Мы взяли то, за чем пришли: Глаз Рома. Келсон не хотел брать его просто так, и Дункан дал ему свое распятие, чтобы мальчик оставил его отцу взамен. Мы не предполагали, что кто-то вскроет гробницу после нашего ухода.

— И все же так случилось, — прошептал Нигель, качая головой. — Бедный Брион, несчастный Келсон. Вас будут обвинять во всем, несмотря на то, что вы мне рассказали. Аларик, что ты собираешься предпринять?

Прежде чем Морган смог ответить, раздался стук в дверь, и Нигель встревоженно поднял голову.

— О Боже! Это, наверное, Джехана! И она уже узнала о распятии. Лучше впустите ее сюда, пока она не выломала дверь!

Келсон, раньше чем кто-нибудь успел сдвинуться с места, подошел к двери и открыл засов. Как они и предполагали, в комнату влетела разгневанная Джехана. Но Келсон моментально запер за ней дверь, не дав возможности войти сопровождающим. Джехана была в такой ярости, что даже не заметила этого. Она сразу набросилась на Моргана и Дункана, обрушив на них поток брани:

— Как вы посмели! — разбрызгивала она слова. — Как вы посмели так поступить с ним! И вы, отец Дункан! — она повернулась к священнику. — Вы называете себя человеком Бога. Убийцы не имеют права на такое имя!

Она вытянула левую руку. На ладони лежало позолоченное распятие Дункана, теперь имеющее темный кровавый оттенок, она повертела им перед лицом священника.

— Что вы можете сказать? — потребовала она, не поднимая голоса выше того свистящего шепота, с которого начала. — Я требую от вас разумных объяснений!

Так как Дункан молчал, она повернулась к Моргану, чтобы продолжить обвинения, и тут заметила в ухе Келсона Глаз Рома. Она замерла, не в силах поверить своим глазам, а затем в холодном гневе переключилась на Келсона.

— Ты чудовище! — закричала она. — Ты порождение мрака! Ты осквернил гробницу своего отца, ты убил, чтобы получить могущество! О, Келсон, посмотри, куда эта грязная магия Дерини привела тебя!

Келсон молчал, потрясенный. Как она могла подумать о нем такое? Как она могла связать все эти жуткие события в соборе с именами его и Моргана?

— Джехана, — спокойно обратился к ней Морган. — Ты ошибаешься. Мы были...

Джехана повернулась к нему. Гнев выплескивался из нее.

— Я не желаю слушать об этом, — закричала она. — Ты гнусный дьявол! Сначала ты развратил моего мужа, возможно, даже привел его к смерти, а теперь ты собираешься сделать то же самое с моим единственным сыном. И Роджер — бедный, ни в чем не повинный Роджер! — его зверски убили, когда он охранял останки своего короля от поругания... — ее голос сорвался. — Ну, теперь тебе придется все делать самому, Дерини, потому что я не собираюсь оказывать во всех твоих делах ни малейшей поддержки. А что касается тебя, Келсон, то я желала бы, чтобы ты никогда не родился!

— Мать! — Келсон стал белым.

— Не называй меня так, — сказала она, отворачиваясь от него и направляясь к двери. — Я не желаю иметь с тобой ничего общего. Пусть Морган ведет тебя на коронацию. Я не хочу видеть, как трон Гвинеды узурпирует...

Она зарыдала, спрятав лицо в ладони и повернувшись спиной к ним. Келсон хотел подойти к ней и попытаться успокоить, но Морган остановил его взглядом. Если есть хоть малейший шанс получить поддержку Джеханы, надо попытаться использовать его, пусть даже и при таких обстоятельствах. Настало время разыграть козырную карту.

— Джехана, — позвал он мягко.

— Оставьте меня! — вскрикнула она.

Морган подошел к ней и стал тихо убеждать:

— Ну, хорошо, Джехана. Сейчас нам надо кое-что рассмотреть, а времени совсем нет. Келсон невиновен в том, в чем ты его обвиняешь.

— Прибереги свою ложь Дерини для кого-нибудь другого, Морган,— ответила она, вытирая глаза и порываясь уйти.

Морган встал перед ней, прислонившись спиной к дверям и глядя ей прямо в глаза.

— Ложь Дерини, Джехана? — спросил он спокойно.— Не слишком ли часто ты используешь это слово, как ты считаешь? Тебе бы не следовало этого делать.

Джехана застыла. Ее лицо выразило замешательство.

— Что ты имеешь в виду?

— Не делай невинное лицо. Ты знаешь, о чем я говорю. Я только удивляюсь, что не догадался об этом раньше. Тогда бы мне стало понятно твое поведение все эти годы.

— О чем ты говоришь? — потребовала Джехана, прямо на глазах вновь обретая утраченную было уверенность.

— Конечно, о твоей крови Дерини,— ответил Морган.— Скажи, откуда она у тебя: со стороны матери или со стороны отца? А может быть, обоих?

— Моя кровь Дери... Морган, ты сошел с ума,— прошептала она. Глаза ее наполнились страхом, который выдавал ее смятение.

Морган медленно улыбнулся:

— Да нет, я в полном рассудке. Келсон проявил некоторые способности Дерини, а мы знаем, что это не со стороны Бриона.

Джехана изобразила смех:

— Это самая смехотворная вещь, какую мне приходилось слышать. Все знают мое отношение к Дерини.

— Самые непримиримые гонители Дерини — это сами Дерини, Джехана, или же имеющие примесь крови Дерини. Те, кто изучает такие явления, говорят, что тут срабатывает комплекс вины. Так случается, когда люди поколениями скрывают свое «я», подавляя свою сущность, отрицают свою истинную природу.

— Нет! — закричала Джехана.— Это неправда! Если бы было так, я бы знала!

— А может быть, ты всегда знала?

— Нет! Никогда...

— Ты можешь это доказать? — спросил Морган.— Ты знаешь, что способ есть?

— Что? — Джахана отшатнулась от него.

Морган взял ее за руку и притянул к себе.

— Позволь мне провести сеанс Мысленного Видения, Джахана. Позволь мне прояснить этот вопрос раз и навсегда.

В ее глазах застыл ужас, она старалась вырваться от него.

— Нет! Нет, пожалуйста!

Морган не отпускал ее.

— Тогда давай договоримся, Джахана.

— О чем? — прошептала она.

— Я думаю, мы оба знаем, что обнаружил бы я при этом сеансе Мысленного Видения,— спокойно сказал Морган.— Однако, так и быть, сохраним свою маленькую иллюзию подольше, но при одном условии.

— Какое?

— Ты пойдешь на коронацию и поддержишь Келсона. А кроме того, ты не будешь делать попыток вмешиваться во все, что будет сегодня происходить. Согласна?

— Это ультиматум? — часть мужества вернулась к ней.

— Если хочешь,— ответил Морган спокойно.— Ну, так что? Я провожу сеанс, или ты сотрудничаешь с нами, по крайней мере, сегодня?

Джахана отвела взгляд от Моргана и посмотрела на Келсона. Угроза Моргана была сильна и опасна, а так как Джахана подозревала, что ее происхождение не так уж чисто, и не сбрасывала со счета вероятности примеси крови Дерини в своих жилах, угроза была еще страшнее. Она не была готова признать этот факт. И, следовательно, коронация — меньшее из двух зол. Она подняла голову, стараясь не встретиться глазами с Морганом.

— Хорошо,— ее голос был тих, но в тишине комнате звучал отчетливо.

— Что хорошо? — настаивал Морган.

— Хорошо. Я пойду на коронацию,— сказала она неохотно.

— И будешь вести себя хорошо? Не будешь устраивать сцен? Обещаю тебе, Джахана, все разрешится

к твоему удовлетворению. Ты не будешь разочарована. Доверься нам.

— Довериться тебе? — прошептала она. — Хорошо, сейчас у меня нет выбора, — она опустила глаза. — Я не буду делать сцен.

Морган кивнул и отпустил ее.

— Благодарю тебя, Джехана.

— Не благодари меня, Морган, — прошептала она, открывая дверь. — Помни, что я действовала по принуждению, против своей воли. Меня тошнит от того, что должно произойти. Теперь, если позволите, я пойду. Встретимся позднее, на церемонии.

По сигналу Моргана Нигель встал и пошел проводить Джехану. Морган, мягко закрыв дверь за ними, после короткой паузы повернулся к Келсону и Дункану и вздохнул.

— Да, теперь нам придется действовать так, как будут диктовать события. Никаких приготовлений мы уже не успеем сделать. Сожалею, что пришлось быть таким грубым с твоей матерью, Келсон, но это было необходимо.

— А что, действительно, во мне может быть кровь Дерини? — спросил мальчик. — Почему это пришло тебе в голову? Или это просто уловка, чтобы заставить мать сотрудничать с нами?

Морган пожал плечами и повел их к выходу.

— Не могу сказать с полной уверенностью, Келсон, но есть надежный способ проверить это: использовать Мысленное Видение. Однако сейчас не стоит тратить энергию на простое удовлетворение любопытства. Нам много еще предстоит сделать сегодня, чтобы тебе передалось могущество Бриона.

— Понимаю, — согласился Келсон.

— Хорошо. Тогда начнем церемонию, — заключил Морган. — Дункан?

— Я готов, — ответил священник.

— Мой принц?

Келсон глубоко вздохнул.

— Давай начнем, — сказал он.

Чарисса подняла голову от кристалла, в который она сосредоточенно смотрела.

— Значит, маленькая королева — Дерини,— прошептала она.— Ян, ты не можешь прекратить ходить взад-вперед? Это меня раздражает.

Ян, остановившись, поклонился в сторону Чариссы:

— Прошу прощения, моя девочка,— согласился он добродушно,— но ты же знаешь, как ненавистно мне ожидание. Долгие месяцы я старался приблизить этот день.

— Я помню об этом,— сказала Чарисса, поправляя сапфировую корону на белокурых волосах.— Если ты будешь достаточно терпеливым, тебя ждет награда.

Ян кивнул и поднял кубок с вином.

— Благодарю тебя, моя любовь. А что Джехана? Неужели она Дерини?

— Если и да, я сокрошу ее,— пренебрежительно пожала плечами Чарисса.— Меньше всего меня сейчас беспокоят необученные Дерини от неизвестных родителей, да еще отказывающиеся признать свое происхождение.

Ян встал и, прицепив свой меч, взял в руки плащ.

— Хорошо, тогда я пошел. Процессия уже формируется. Ты уверена, что я не должен открывать себя до последней минуты?

Чарисса улыбнулась.

— Тебе нельзя появляться одновременно со мной,— сказала она.— Но если я позову тебя помочь мне открыто, то ты должен будешь уничтожить Моргана, чего бы это ни стоило. Ясно?

— Абсолютно, любимая,— сказал Ян, подмигнув. Он на мгновение задержался в дверях: — Увидимся в соборе.

Когда дверь за ним закрылась, Чарисса снова обратилась к кристаллу, лежащему на столике перед ней. В нем она видела все, что видел Морган: двойник ее кристалла подменял собой большой камень генеральского знака отличия. Перед ней мелькнул Келсон в карете слева от Моргана, а затем она стала смотреть вперед, между ушами черного коня, на котором ехал Морган: Скоро они будут в соборе. Пора и ей собираться.

Морган опустил поводья у собора Святого Георгия и осмотрелся вокруг, как делал не раз в продолжении всей этой медленной поездки. Впереди остановилась открытая карета Келсона. До этого места, где начала формироваться новая процессия, его сопровождали три епископа и два архиепископа.

Архиепископы Корриган и Лорис были угрюмы: Морган предположил, что им уже известно об осквернении гробницы. Но епископ Арлиан, только он один, тепло улыбнулся молодому королю. Дункан стоял позади архиепископов, стараясь быть рядом с Келсоном, чтобы оказывать ему моральную поддержку, не попадаясь в то же время на глаза своим начальникам. Морган спрыгнул с лошади и улыбнулся Дункану, одновременно знаком подзывая Дерри, который обозревал толпу. Тот поспешил к нему.

— Что-нибудь случилось? — спросил Дерри.

— Пока нет, — ответил Морган, кивнув в направлении Келсона и архиепископов. — Ты заметил что-нибудь необычное?

— Никаких признаков Чариссы, если вы это имеете в виду, милорд, — сказал Дерри. — Толпа, однако, ведет себя странно. Как будто они знают: что-то должно случиться.

— Они не ошибаются, — ответил Морган. — Что-то случится, — он оглядел здания и повернулся к Дерри. — Ты видишь часовую башню рядом с собором? Я хочу, чтобы ты забрался туда и посмотрел вокруг. Она наверняка приведет с собой отряд, так что не появится внезапно, и ты сможешь предупредить нас по крайней мере за пять минут до ее появления в соборе.

— Верно, — кивнул Дерри. — А когда она примерно появится, как вы полагаете?

— Возможно, через час, — прикинул Морган. — Насколько я знаю Чариссу, она дождется начала коронации, а уж потом вмешается. Она знает, что нам известно о ее предстоящем нападении, так что будет выжидать, надеясь, что долгое ожидание увеличит наш страх.

Дерри исчез, направившись на свой наблюдательный пункт, а Морган направился к Дункану, протискиваясь

сквозь толпу служителей и тоже стараясь не попадаться на глаза Корригану и Лорису.

— Что случилось? — тихо спросил он, приблизившись к кузену.

Дункан поднял брови:

— Друг мой, ты просто не поверишь. Корриган был так разгневан поруганием гробницы, что угрожал отменить коронацию. А затем вступил Лорис, угрожая арестовать тебя, повесить меня, а Келсона отдать под суд по обвинению в ереси.

— Боже, ну и что дальше? — прошептал Морган, у которого перехватило дыхание.

— Не беспокойся,— ответил Дункан,— Келсон поставил их на место. Он пригрозил им отстранением от власти и лишением всех прав. Тебе следовало бы посмотреть на Корригана в тот момент. Одна мысль о том, что Арлиан и другие епископы будут править Ремутом и другими провинциями, заставила его проглотить язык.

Морган вздохнул с облегчением.

— Ты думаешь, от них не будет больших неприятностей? Не хватало нам сегодня еще и религиозных расправ.

Дункан покачал головой.

— Думаю, что нет. Они, конечно, будут за спиной болтать об ереси, святотатстве и так далее. И, я могу поспорить, им вовсе не по душе мое участие в церемонии. Но они ничего не могут поделать из страха лишиться всех своих постов, даже Лорис с его фанатизмом.

— Надеюсь, ты прав,— сказал Морган.— Думаю, тебе следует держаться подальше от них, пока мы не прибудем на место.

— Разве что при помощи всяких уловок. Мне и самому хочется избежать беседы с ними.

Алтарный мальчик в красной рясе и белой накидке подбежал к Дункану и потянул его за рукав. Дункан поспешил на свое место в процессии. Тут же появился паж с Государственным Мечом и указал, где должен встать Морган. Когда мимо проходил Келсон, Морган послал ему ободряющую улыбку, но мальчик был так взволнован, что не заметил этого. Лорис и Корриган, вышагивающие рядом с ним, сурово посмотрели на

Моргана, однако Арлиан, шедший следом, кивнул ему, как бы говоря, чтобы тот не волновался.

Черт бы побрал этих архиепископов! Они не имеют права так обращаться с мальчиком. Он и так слишком много перенес за эти дни — больше, чем нужно для четырнадцатилетнего мальчика, а два злобных и враждебных архиепископа ничего не делают, чтобы успокоить и подбодрить его.

Вероятно, кто-то подал сигнал, так как хор мальчиков во главе колонны запел, колонна двинулась: впереди хор, а за ним группа алтарных мальчиков с тщательно вымытыми лицами, в белоснежных накидках на ярко-красных рясах. Они держали высокие свечи в сверкающих серебряных подсвечниках.

Затем шел мальчик постарше, размахивая кадильницей на толстой золотой цепи, а за ним — священнослужитель, который нес тяжелый позолоченный крест архиепископа Ремутского. За крестом шествовал сам архиепископ в роскошных бело-золотых одеждах с большим распятием в руках. Украшенная драгоценными камнями митра делала его на несколько футов выше. Лицо под митрой было угрюмым и сосредоточенным.

Далее шел Келсон, над которым четверо дворян в алых одеждах держали золотой навес. Рядом, с митрами епископств на головах, шли архиепископ Лорис и епископ Арлиан в таких же бело-золотых одеждах, как и у Корригана. За ними шли четверо других епископов.

Следом, занимая почетное место королевского исповедника, Дункан нес Кольцо Огня на маленьком серебряном резном подносе. Кольцо и поднос отбрасывали яркие блики на его белоснежную накидку, надетую поверх рясы, и на его сосредоточенное торжественное лицо. Морган шагал, неся перед собой в ножнах Государственный Меч. А за ним шел бледный и торжественный Нигель, держа в руках Государственную Корону на бархатной подушке. Далее в два ряда шествовали Джехана и Эван, дюк Джаред и лорд Мак Лейн, лорд Ховел и лорд Бран Корис, а также другие дворяне, которым оказали честь быть включенными в процессию. Многие, конечно, и понятия не имели о том, какое грозное напряжение таится под поверхностью всего происходящего.

Головная часть процессии уже достигла главного алтаря в соборе, а Келсон все не мог унять смятения, не мог справиться с бешено мелькающими мыслями. Он выбросил из головы ссору с архиепископами Корриганом и Лорисом как не заслуживающую внимания сейчас, когда есть более важные поводы для беспокойства. Все его мысли вертелись вокруг ужасной Чариссы, и хотя он пока не видел никаких признаков ее появления, он не сомневался, что она появится до завершения церемонии.

Он встал на колени справа от алтаря и попытался молиться, пока остальная часть процессии вливалась в собор и занимала свои места, но все было бесполезно. Ему никак не удавалось сосредоточиться на словах молитвы, которую произносили его губы, и он поминутно поглядывал в разные стороны сквозь пальцы, прикрывающие его глаза.

Где же она?

Келсон подумал, как выглядело бы все, не будь угрозы нападения Той, Которая в Тени, но, вслушавшись в свои ощущения, понял, что даже при благоприятных условиях ему было бы трудно полностью отдаться молитве. Мальчик почувствовал себя виноватым в том, что не может справиться с собой. Как только церемония начнется, твердо пообещал он себе, он постарается взять себя в руки.

Когда хор закончил песнопение и все заняли свои места, Арлиан и Лорис подошли к нему и встали с двух сторон. Пора, подумал Келсон. Глубоко вздохнув, он перекрестился, поднял голову и позволил двум прелатам помочь ему встать на ноги. Когда они повернулись лицом к народу, перед ними, подняв правую руку, встал архиепископ.

— Лорды! — вознесся голос Корригана, чистый и уверенный. — Я привел вам Келсона, вашего короля. Будете ли вы подчиняться ему и служить ему?

— Храни Бог нашего короля! — пришло из толпы.

Поклонившись толпе, Корриган жестом показал на алтарь. Лорис и Арлиан повели теперь уже признанного народом Келсона по алтарным ступеням. Все одновременно поклонились, и затем уже только Келсон с Корриганом поднялись на три верхние ступеньки алтаря. Корриган положил правую руку Келсона на Святое

Писание, сверху положил свою левую руку и начал читать клятву коронации.

— Мой лорд Келсон, согласен ли ты принести клятву коронации?

— Я согласен,— ответил Келсон и выпрямился во весь рост.

— Келсон Синил Рис Энтони Халдан, перед Богом и людьми неоспоримый наследник нашего обожаемого короля Бриона, торжественно обещаешь ли и клянешься ли в том, что будешь хранить мир в Гвинеде и управлять своими подданными в соответствии с древними законами и обычаями?

— Торжественно обещаю.

— Будешь ли ты всеми своими силами служить Закону, Справедливости и Милосердию?

— Буду,— Келсон окинул взглядом собравшихся.

— Обещаешь ли ты, что Зло и Несправедливость будут караться тобой, а Законы Добра всячески поддерживаться и укрепляться?

— Обещаю.

Корриган положил текст торжественной клятвы на алтарь. Келсон опять осмотрелся и, заметив ободряющий взгляд Моргана, почувствовал, что уверенность возвращается к нему. С бьющимся сердцем он поставил свою подпись под клятвой: «Келсонус Рекс», затем взял документ в левую руку и поднял вверх. Правая рука оставалась на Святом Писании.

— Все, в чем я клялся, я обещаю выполнять, да поможет мне Бог.

Он передал документ в руки ожидающего священника, а потом позволил отвести себя на свое место к алтарю. Когда он опять опустился на колени, то заметил справа от себя какое-то движение. Взглянув туда, он увидел, как Дерри бесцеремонно проталкивается сквозь толпу к Моргану и, приблизившись, о чем-то тихо ему говорит. Голос архиепископа разносился по всему собору в традиционной молитве в честь нового короля, а король старался расслышать, что же Дерри сказал лорду Моргану. Он в отчаянии прикусил себе губу, так как ничего не мог разобрать, однако смысл был достаточно ясен. Бросив встревоженный взгляд на Дункана, он по его виду понял, что же сказал Дерри: явилась Чарисса. Дерри заметил ее приближение с

башни. До столкновения им осталось примерно минут десять.

Молитва во славу короля закончилась, а Келсон не слышал из нее ни слова. Два прелата снова повели его к алтарю — на этот раз для того, чтобы освятить.

Хор начал петь следующий гимн, а Келсон распросерся перед алтарем на коврике. Длинное покрывало цвета слоновой кости закрывало его целиком, за исключением головы и кончиков сапог. Вокруг него все священники встали на колени, их губы шевелились в молитве.

Келсон стиснул руки и молился о силе, чувствуя, как холодный ужас стискивает его затылок. Он старался внушить себе, что сможет устоять против всего, что бы ни выбрала на сей раз Та, Которая в Тени, чтобы сокрушить полноправного короля Гвинеда.

Гимн закончился, и прелаты подняли Келсона на ноги, накинув на него покрывало. Затем четыре дворянина с навесом пошли на место, а Келсон снова опустился на колени перед алтарем, чтобы получить помазание, что сделает его настоящим королем Гвинеда.

Морган с гордостью смотрел на Келсона, пытаясь не думать о той, что сейчас приближается к собору. Когда все закончилось и хор запел следующий гимн, Морган услышал шум снаружи. Напрягшись, когда посторонние звуки смешались со звуками литургии, он ясно услышал холодный стук копыт по булыжной мостовой.

Келсон поднялся, чтобы принять символы власти. Священники закрепили на его плечах алуку, украшенную драгоценностями мантию, символически коснулись его сапог золотыми шпорами. Архиепископ Корриган принял Кольцо Огня от Дункана, прошептал над ним благословение, подержал его в поднятой руке и затем надел на левый палец Келсона. После этого он повел Келсона к Государственному Мечу. Это был тот самый момент, которого ждал Морган: Кольцо Огня уже на руке Келсона, но оно не сможет вызвать к жизни магию, пока ритуал не будет закреплен знаком Защитника. Подойдя к Келсону, он вынул из ножен Большой Меч и вложил его в руки Корригана, с беспокойством наблюдая, как архиепископ произносит над Мечом молитвы, чтобы он служил только праведным делам. Наконец Корриган передал Меч Келсону, и тот,

поцеловав Меч, вернул его Моргану. Во время передачи Меча Келсон легонько коснулся Кольца с Грифоном и теперь застыл в полнейшем разочаровании, потому что, коснувшись его, он не ощутил прилива сил, могущества — всего того, что было ему предсказано в ритуальных стихах Бриона. Со страдальческим выражением лица он пытался поймать взгляд Моргана, и Морган, в свою очередь, тоже испытал сосущее неприятное чувство, которое родилось где-то внутри него и поднялось до самого горла. Где-то что-то они сделали не так. Очевидно, Грифон Моргана вовсе не был знаком Защитника!

На улице перед собором послышался громкий шум, и кругом зашептались, чего-то ожидая со страхом. Когда Корриган, не замечая ничего постороннего и продолжая церемонию передачи символов власти, поднял украшенный драгоценностями скипетр Гвинеда, двери собора с треском распахнулись, и в собор ворвался со свистом ледяной ветер.

Морган, еще только поворачивая голову назад, не сомневался в том, кого он увидит. И не был разочарован.

В распахнутых дверях застыл силуэт Чариссы — Герцогини Толана, Леди Серебряных Туманов, Той, Которая в Тени. Ее окутывало что-то бледно-серое и голубое, клубящееся вокруг нее живым туманом, создавая зловещее сияние.

ГЛАВА XIV

Келсон даже не шевельнулся, когда двери чуть не сорвались с петель, хотя его подмывало повернуть голову и посмотреть. Но когда грохот разорвал тишину, он понял, что если удовлетворит свое любопытство, то потеряет самообладание. Он никогда не видел Чариссу и не знал, что испытывает при виде ее.

Остаться на коленях спиной к врагу не рекомендовалось — это ему было известно. Ведь, оставаясь в таком положении, он мог позволить врагу вплотную

приблизиться к нему, и при других обстоятельствах он не допустил бы такой оплошности. Но теперь не в его власти что-либо изменить. Это была ситуация, где теория пасует перед практикой. Келсон не мог придумать, что же следует сделать, когда он встанет и повернется.

У него было время подумать. Если он собирается блефовать, а это, кажется, неизбежно, то надо просто остаться в живых. Он, конечно, не допускал, что застынет от ужаса при виде ее, но никогда нельзя искушать судьбу. Так всегда учил его отец.

Он слышал шаги в церкви и знал, что противник приближается, и не один. Рука Моргана, стоящего справа от него, потянулась к мечу. Скосив глаза влево, он увидел, что Дункан показывает знаками архиепископу, чтобы тот продолжал церемонию.

Келсон одобрил это решение. Дункан прав. Чем дальше пойдет церемония, тем сильнее законные права Келсона на престол и тем больше у него шансов найти выход из этого сложнейшего и опасного положения.

Архиепископ Корриган взял Корону Гвинета с бархатной подушки и поднял ее над головой Келсона. Шаги раздавались уже совсем близко, и Келсон увидел, как глаза Корригана посмотрели через его голову, как он нервно облизнул губы, когда начал церемонию возложения короны. Он увидел, как побелело лицо Джеханы, когда зловещие звуки шагов замерли вблизи.

— Благослови, о Боже, мы молим тебя... — начал Корриган.

— Стой! — скомандовал низкий женский голос.

Корриган застыл с короной над головой Келсона. Затем корона медленно опустилась. Архиепископ, виновато посмотрев на Келсона, бросил взгляд поверх его головы и отступил назад. Послышался звон стали по ступеням, и снова тишина. Осторожно Келсон поднялся с колен, чтобы взглянуть в лицо пришедшим.

За спиной женщины, в проходе, выстроились вооруженные люди. Их было человек тридцать: некоторые были в черной одежде подданных Чариссы, другие — в обычной боевой одежде. Справа и слева от Чариссы стояли два мавра: руки бесстрастно сложены на груди, лица темны и угрюмы под черными бархатными шляпами.

Но внимание Келсона снова и снова возвращалось к Чариссе, потому что она была совсем не похожа на ту, какой он ее себе представлял.

Он не мог даже предположить, что женщина может быть так прекрасна!

Было очевидно, что Чарисса ожидала такой реакции, рассчитывала на нее. Она хотела, чтобы ее появление поразило воображение. Одежды из серо-голубого шелка стекали с высокого, отделанного жемчугом воротника, облегающего шею цвета слоновой кости. Их не скрывал накиннутый поверх теплый плащ из темно-серого бархата и чернобурых лисиц. Высокую прическу из длинных белокурых волос венчала маленькая сапфировая корона. Тончайшая голубая вуаль, накинутаая сверху, обрамляла лицо и смягчала его жестокое решительное выражение. И это выражение ее лица привело Келсона в чувство, заставило переоценить первое впечатление. Хотя уложенные волосы лишь казались тяжелой золотой короной, закутанной в тончайшую голубую вуаль, это, тем не менее, был вызов. Без сомнения, это был символ того, что еще до захода солнца она надеется возложить на себя другую, настоящую корону.

Приветливо кивнув Келсону, когда их глаза встретились, она многозначительно показала на боевую перчатку, брошенную ею и теперь лежащую между ними на ступенях. От Келсона не ускользнула эта многозначительность, и внезапно он рассердился. Он знал, что должен удержать эту женщину действий, по крайней мере, до тех пор, пока не найдет способ бороться с ней.

— Что тебе нужно в Доме Господа? — спокойно спросил он. План начал понемногу вырисовываться. Его серые глаза загорелись огнем, как у старого Бриона. Казалось, негодование вдвое увеличило его возраст.

Чарисса в удивлении подняла одну бровь, а затем шутовски поклонилась. Мальчик напомнил ей Бриона, каким тот был двадцать лет назад. Он показался ей удивительно зрелым для своего возраста. Что ж, жаль, что ему не придется жить дальше.

— Что я хочу? — спросила она вкрадчиво. — Твоей смерти, Келсон. Ты же сам об этом знаешь. Или твой Чемпион не предупредил тебя об этом?

Она с мягкой улыбкой повернулась к Моргану, а затем снова к Келсону. Келсон не был обескуражен.

— Такие слова не приветствуются здесь, так же как и ты сама,— ответил он холодно.— Веди себя прилично, а то наше терпение лопнет. Вооруженные бродяги тоже не приветствуются в Доме Господа.

Чарисса беззаботно рассмеялась.

— Хвастливые слова, мой благородный принц,— она снова показала на перчатку.— К несчастью, ты не можешь так просто отделаться от меня, я оспариваю у тебя право на правление Гвинедом. И, согласишься, я не могу покинуть этот дом, пока мое требование не будет удовлетворено.

Взгляд Келсона пробежал по рядам вооруженных людей за Чариссой, а затем снова вернулся к ней. Он понял, что Чарисса пытается вызвать его на дуэль магии. Но он также знал, что без могущества своего отца неминуемо проиграет. К счастью, существовал способ оттянуть дуэль и сохранить свою честь. Тем временем, возможно, он соберется с мыслями и подготовится к решительному поединку, который обязательно состоится.

Он снова посмотрел на людей Чариссы и принял решение:

— Хорошо. Как король Гвинеды я принимаю вызов. А по древним обычаям наш Чемпион должен драться с твоим в том месте и в такое время, какие будут назначены при дальнейших переговорах. Согласна? — он был уверен, что Морган легко побьет любого воина из окружения Чариссы.

Искорка гнева сверкнула на лице Чариссы, но только на одно мгновение, она быстро скрыла свое недовольство. Чарисса надеялась оставить Моргана в живых подольше, чтобы он дольше страдал, видя как на его глазах погибают его друзья и близкие. Однако это несущественно. Ее больше тревожило, что Ян может проиграть бой этому полукровке Дерини. Она снова посмотрела на перчатку, а затем кивнула:

— Хорошо сыграно, Келсон. Но ты отсрочил нашу дуэль всего лишь минут на пять, так как я все равно вызову тебя персонально.

— Нет, если мой Чемпион устоит! — оборвал ее Келсон.

— Ну, это можно легко исправить,— продолжала Чарисса.— Прежде всего договоримся о времени и месте дуэли без всяких дальнейших разговоров. Время и

место — здесь и сейчас. У тебя нет выбора. Далее, я не хочу доверять свою судьбу тем, кто стоит за мной. Мой Чемпион, который будет защищать меня, стоит вон там, — она показала на правый ряд дворян.

Ян вышел вперед с презрительной улыбкой на лице и подошел к Чариссе. Его рука легко легла на рукоять меча, когда он взглядом смерил расстояние, отделяющее его от Келсона.

Келсон был поражен, что в рядах его дворянства нашелся предатель. А он-то всегда считал молодого графа своим преданным приверженцем! Да, это объясняло многие происшествия, которые случились во дворце после приезда Моргана. Занимая такое высокое положение, Ян мог без труда и без риска подстроить всякие каверзы: подослать стенекта, убить охранника, устроить резню и осквернить гробницу.

И подумав обо всем, он понял, что именно Ян затевал разговоры относительно Моргана: о его предательстве, о его происхождении... Эти нескончаемые пересуды, злые намеки — ну, конечно, да и в мотивах нет ничего загадочного: каждый знает, что его Истмарт граничит с Корвином Моргана.

Однако на лице Келсона не отразилось ничего, только глаза его сузились, когда он обратился к Яну. Голос был тих и угрожающ:

— И ты рискнешь обнажить оружие против меня, Ян? И здесь, в этом доме?

— Да. И в тысяче таких домов тоже, — ответил Ян. Сталь с тихим шелестом выскользнула из ножен. Ян вежливо поклонился. — Ну, а теперь, — он взмахнул мечом, — ваш Чемпион выйдет на бой? Или я должен подойти и зарубить его там, где он стоит?

Морган по-кошачьи выскользнул вперед, на ходу вынимая свой меч.

— Побереги свои слова до того момента, когда ты победишь, предатель! — крикнул он, подцепил перчатку концом меча и швырнул ее к ногам Чариссы. — Я принимаю твой вызов во имя Келсона, короля Гвинеда!

— Не будь так уверен в себе, — сказал Ян, направляясь к нему.

Люди Чариссы подались назад, чтобы освободить пространство для поединка. Ян внимательно следил за Морганом. Кончик меча Моргана почти лениво описывал

круги в воздухе, а Ян внимательно следил за соперником.

Морган тоже изучал противника, его серые глаза фиксировали каждое перемещение, каждое еле заметное движение смертоносного меча Яна. Он никогда прежде не скрещивал с ним оружия, но, очевидно, граф был искусен в этом деле, хотя и не часто показывал его на людях. Все это заставляло Моргана постоянно держаться наготове.

Морган не боялся дуэли. Он был великолепным фехтовальщиком и знал это. Он никогда в жизни не уклонялся от боя, но сейчас выжидал, не зная, насколько искусен Ян, и теперь маневрировал, чтобы оценить искусство того, с кем имеет дело. Он должен выйти победителем ради Келсона, не важно как. Какова бы ни была цена победы, он согласен заплатить ее.

Они кружили уже достаточно долго. Со свирепым выдохом Ян ринулся в атаку, намереваясь пробить защиту Чемпиона Келсона в первые же секунды боя. Но Моргана ему не удалось одурачить: парируя удары, тот с легкостью уходил от них и сам перешел в контратаку, но затем остановил ее, когда понял, что это будет нелегкий бой.

Терпеливо Морган плел вокруг себя сверкающую сеть из стали, легко отражая все новые и новые атаки Яна, а сам в это время изучал его технику. Внезапно он увидел то, что искал, и тут же нанес контратакующий удар. Его лезвие распорол роскошный бархатный камзол Яна и поразило правое плечо. Кровь окрасила камзол, и граф отскочил назад.

Яна взбесил этот удар. Хотя и скрывая этот факт, он всегда считал себя непревзойденным фехтовальщиком. И его вовсе не устраивало, что в этом первом бою на публике он получил удар-рану, пусть даже небольшую. Он этого не потерпит!

Он снова бросился в бой, и теперь в его действиях было больше злобы, чем разума. Морган же только того и добивался. Наконец Ян дал Моргану шанс, которого тот дожидался: открыл себя слева больше, чем следовало. Морган нанес удар. И, парируя его, Ян в то же время открыл себя справа, и тогда лезвие меча Моргана вошло ему глубоко в бок.

Когда меч выпал из рук Яна и кровь отхлынула от его лица, Морган опустил свой меч и отступил назад. Ян шатался некоторое время, в его блуждающем взоре читались удивление и страх. Наконец он опустился на пол.

Морган с презрением покачал головой, вытер окровавленный меч о его золотой плащ, а затем повернулся и спокойно пошел к Чариссе, не выпуская меч из рук.

Глаза Чариссы горели гневом, когда Морган приближался к ней, но она знала, что Морган не может видеть того, что видит она: движение человека на полу сзади него.

— Ну, так кто теперь правитель Гвинеда? — крикнул Морган, приставив лезвие к ее горлу.

Позади него Чарриса видела движение руки, видела блеск любимого кинжала Яна, когда он вырвался из его ладони. Ее пальцы уже двигались в быстром заклинании когда кто-то крикнул:

— Морган!

Морган, резко обернувшись, успел заметить кинжал в воздухе и рванулся в сторону, чтобы уклониться от удара. Но когда он начал движение, золотая цепь, висевшая на нем, как будто ожила. Она обвилась вокруг его шеи и стала душить его. Морган оступился. Лезвие погрузилось в его плечо, меч выпал из руки со звоном, ударившись о мраморные плиты пола.

Когда он опустился на колено, Дункан и двое священников бросились ему на помощь. Морган с трудом сорвал цепь с шеи здоровой рукой и швырнул ее в сторону Чариссы. Он сморщился от боли, когда Дункан и священники подняли его и уложили на ступени. Чарисса захохотала.

— Ну, так кто же теперь правитель Гвинеда, мой дорогой друг? — сквозь смех проговорила она, подходя к Яну, который все еще корчился на полу. — Я думала, ты достаточно опытен, чтобы никогда не повернуться спиной к раненному врагу.

Келсон, Нигель и остальные друзья окружили раненного Моргана.

Чарисса посмотрела на Яна и шевельнула его носком сапога. Ян издал негромкий стон, и Чарисса наклонилась, чтобы посмотреть в его глаза.

— Хорошо сделано, Ян,— прошептала она.— Жаль, что тебя не будет здесь и ты не увидишь, чем закончится наш маленький заговор. Твоя рана чересчур серьезна, и я не могу тратить время и силы на то, чтобы спасти тебя.

Ян сморщился от боли, пытаясь протестовать:

— Чарисса, ты же обещала! Ты говорила, что я буду править Корвином, что мы будем...

— Очень сожалею, мой дорогой, но тебе не повезло. Действительно жаль. Ты был хорош во многих отношениях.

— Чарисса, пожалуйста...

Чарисса приложила пальцы к губам:

— Ты же знаешь, я терпеть не могу жалоб и нытья. Я не могу тебе помочь — и все тут. Мне жаль тебя, Ян, хотя ты и думал со временем победить меня.

Ян снова пытался заговорить. Глаза его наполнились ужасом, так как он понял, что Чарисса знает о его тайных намерениях. Чарисса сотворила пальцами новые пассы — и через несколько секунд Ян стал задыхаться, пальцами судорожно цепляясь за плащ, а затем, дернувшись, спокойно вытянулся. Жизнь покинула его. Чарисса поднялась на ноги.

— Ну, Келсон,— сказала она насмешливо,— кажется, эта дуэль ничего не решила. Мой Чемпион мертв, а твой так тяжело ранен, что жизнь его в опасности. Я снова должна вызвать тебя, если хочу получить удовлетворение.

Морган резко повернул голову при этих словах и сморщился, так как движение причинило ему сильную боль. Сдержанный стон вырвался у него, когда Дункан, опустившись рядом, исследовал рану чуткими пальцами. Морган сделал знак Келсону, чтобы тот наклонился к нему. Келсон, с трудом перекинув край своего роскошного плаща на руку, встал на колени рядом с Морганом. В его глазах были тревога и сочувствие.

— Келсон,— пробормотал Морган сквозь сжатые зубы, еле сдерживая стон, когда Дункан выдернул кинжал из раны и стал ее перевязывать,— Келсон, будь осторожен. Она попытается обмануть тебя. Твоя единственная надежда сейчас — это выиграть время и попытаться

найти ключ к своему могуществу. Я уверен, что он спрятан где-то здесь. И мы просто просмотрели его.

— Я попытаюсь, Аларик,— сказал Келсон.

— Мне бы хотелось, чтобы наша помощь тебе оказалась существеннее, мой принц,— продолжал Морган.

Он откинулся назад, наполовину потеряв сознание, и Келсон наклонился к нему, успокаивающим жестом дотрагиваясь до его руки:

— Не беспокойся.

Келсон встал, расправил свою алую мантию. Возвращаясь на свое место, он чувствовал, что все глаза устремлены на него. Епископы и архиепископы освободили ему дорогу, очищая пространство вокруг него для битвы, которая должна сейчас начаться.

Он осмотрелся, и взгляд его охватил все сразу: напряжение на лицах в толпе, угрозу, исходящую от вооруженных людей, стоящих позади Чариссы, ободряющие глаза Нигеля, стоящего рядом с матерью, и, наконец, Джехану — бледную и напряженную в зловещей тишине, охватившей церковь; руки Джеханы прижаты к бокам, глаза лихорадочно блестят.

— Ну, Келсон? — в тишине раздался низкий голос Чариссы, многократно отражаясь от сводов потолка и толстых стен.— Ты, кажется, колеблешься, мой драгоценный принц? В чем же дело? — ее чувственные губы скривились в презрительной усмешке.

Келсон спокойно встретил ее взгляд.

— Будет лучше всего, если ты уйдешь отсюда, Чарисса,— сказал он.— Мой Чемпион жив, и он победил твоего.

Чарисса издевательски расхохоталась и покачала головой.

— Боюсь, все не так просто, Келсон. Или ты не понимаешь? — я снова вызываю тебя на смертельный бой — здесь и прямо сейчас, на поединок магий — то, что я хотела с самого начала. Тебе от этого не уйти. Твой отец должен был объяснить тебе то, о чем я говорю.

Келсон слегка смутился, но его лицо ничего не выразило.

— Мой отец по необходимости должен был убивать, Чарисса. Должен признать, что я в таких делах опыта

не имею. Но за прошедшие недели было уже достаточно убийств. Я не хотел бы добавлять тебя к этому списку.

— А,— одобрительно сказала Чарисса,— сын Льва полон отваги, как и его отец,— она медленно улыбнулась.— Но я думаю, что сходство на этом и заканчивается. Мой юный принц говорит хвастливые слова. Можно подумать, что за его бравадой стоит могущество,— ее ледяной взгляд смерил его с головы до ног.— Но все мы знаем, что могущество Бриона умерло вместе с ним в полях Кандор Ри.

Келсон обрел почву под ногами.

— Умерло ли оно, Чарисса?

Чарисса пожала плечами.

— Значит, ты считаешь, что оно умерло? — продолжал Келсон.— Мой отец победил твоего и лишил его могущества. Разумно предположить, что если у меня могущество Бриона, то я знаю и тайну твоего. А в этом случае тебя ждет судьба твоего отца.

— Если у тебя есть могущество,— согласилась Чарисса.— Но я убила Бриона. И я думаю, что это все меняет, не правда ли?

Джехана не могла больше сдерживать себя.

— Нет! — закричала она, врываясь в пространство между сыном и колдуньей Дерини.

— Нет, ты не можешь! Не Келсон! Не Келсон!

Она стояла между ними и смотрела на Чариссу.

Та, помолчав некоторое время, рассмеялась ей в лицо.

— Ах, моя бедная Джехана,— проворковала она.— Теперь уже слишком поздно, моя дорогая. Впрочем, это стало поздно много лет тому назад, когда ты решила отказаться от лучшей части своего существа и стать только человеком. Теперь ты ни на что не можешь повлиять. Отойди в сторону.

Джехана выпрямилась во весь рост, ее зеленые глаза потемнели и стали излучать странный свет.

— Ты не уничтожишь моего сына, Чарисса,— прошептала она ледяным тоном.— Пусть я попаду во врата ада, но ты не получишь его, Бог свидетель.

Когда Чарисса разразилась презрительным смехом, Джехана стала внезапно расплываться в воздухе, ее очертания стали нечеткими, подрагивающими. Ошеломленный Келсон хотел взять ее за руку и отвести в сторону с этого опасного пути, но оказалось, что он не

может приблизиться к ней. Джехана подняла руки и вытянула их в направлении Чариссы. Длинные зеленые молнии, срываясь с ее пальцев, устремились к удивленной женщине в сером. Внезапно все нерастраченные силы чистокровной Дерини обрушились на Ту, Которая в Тени. Они направлялись только отчаянием матери, которая пыталась спасти своего единственного сына, совершенно забыв о себе.

Но могущество Джеханы не было тренированным. Давнее отречение от Дерини привело к тому, что она не только не развила, но и совершенно не научилась использовать свое могущество, управлять им. А Чарисса была именно тем, чем могла бы быть Джехана, — чистокровной колдуньей Дерини, хорошо обученной, прекрасно владеющей всем арсеналом сил, имеющихся в ее распоряжении. И Джехана даже отдаленно не предполагала, насколько они велики.

Так что Чарисса не беспокоилась. Она быстро оправилась от первоначального шока и сплела защитную сеть вокруг себя, которая могла отразить любые удары Джеханы. Затем она начала концентрировать свои силы, чтобы уничтожить эту дерзкую отщепенку Дерини, которая осмелилась на нее напасть.

Воздух между женщинами светился. Раздавались зловещие раскаты грома — это сталкивались и разжигались стужки энергии фантастической силы.

Келсон широко раскрытыми глазами смотрел на мать, осмелившуюся бросить вызов самой Чариссе. Но Дункан и Морган уже заметили западню, которую готовит колдунья. Они лихорадочно работали, чтобы отразить ту смертельную силу, которую Чарисса готовилась обрушить на своего противника.

Затем все кончилось. Джехана опустилась на пол и осталась лежать там, как ребенок на роскошном ковре. Келсон бросился к ней, но Дункан был уже рядом. Он опустился перед ней на колени, нащупывая пульс. Его губы горестно сжались, когда он обнаружил то, чего боялся.

Качая головой, он подозвал Эвана и Нигеля, чтобы отнести ее в сторону, и, когда они поднимали ее, слышно было слабое потрескивание остаточной энергии. Дункан помог мальчику встать на ноги. Тот с немым

вопросом обратил к нему широко раскрытые глаза, но Дункан в ответ отрицательно показал головой.

— Она не мертва,— прошептал он так, чтобы никто, кроме Келсона, не мог расслышать.— Аларик и я смогли отразить самый сильный удар,— он посмотрел в ту сторону, где лежал Морган, а затем его взгляд обратился на Джехану.— Она находится в трансе, который управляется Чариссой. С ней будет все хорошо, если снять заклинание. Но дело в том, что только Чарисса может освободить ее — по собственной воле или своей смертью. Первое вряд ли возможно. Так что надо попытаться сделать второе. Теперь у тебя появилось еще одна цель для борьбы.

Келсон угрюмо кивнул. Он обдумывал то, что узнал за прошедшие несколько минут. Он же наполовину Дерини! Неожиданное вступление в борьбу Джеханы показало ему, что он тоже может кое-что сделать. Ведь он же обучался применять эти силы, управлять ими. И теперь, если использовать те принципы, которым он обучен... И могущество Бриона... оно ведь тоже должно проявиться. Они все, вероятно, что-то просмотрели, может быть, даже в стихах. Печать Моргана — вовсе не знак Защитника. Значит, Защитник — кто-то другой. А что может быть знаком Защитника?

Чарисса вернулась на свое место и показала на перчатку, валяющуюся на том самом месте, куда отшвырнул ее Морган. На ее губах играла усмешка, так как у нее уже не было сомнения, что она одержит верх. Келсон не обладает могуществом Бриона, иначе он бы использовал его, чтобы защитить мать. Мальчик не так порочен и циничен, чтобы принести в жертву мать ради своей победы. Кроме того, она была уверена, что сгусток энергии, который спас Джехану от смерти, пришел не из мозга Келсона.

Она кивнула Келсону, когда тот занял свое место на ступенях и встретился с ней взглядом.

— Ну, а теперь, Келсон, сын Бриона, ты примешь мой вызов на бой в старых и честных традициях наших предков Дерини? Или я должна ударить тебя там, где ты стоишь, превратить тебя в мученика без борьбы? — она презрительно улыбнулась.— Ну, давай, Келсон. Ты был полон гордых слов совсем недавно. Давай, или я назову тебя трусом и хвастуном!

Мозг Келсона бешено работал, обдумывая все, что ему было известно о магии Дерини,— каждый клочок знания, который мог извлечь из памяти. Он искал ключ. Келсон сцепил руки вместе, пальцы начали рассеянно тереть Кольцо Огня. Внезапно в памяти всплыли ритуальные стихи: «Знак Защитника закрепит могущество... Знак Защитника закрепит... Знак Защитника...»

Вдруг взгляд его упал на пол — туда, где стояла Чарисса. Он никогда раньше не замечал этого: в мраморный пол были вделаны знаки — знаки Святых, знаки ВСЕХ Святых! Может ли это быть!

Пытаясь скрыть охватившее его возбуждение, он позволил рассеянному взгляду скользить по большому кругу знаков, ища тот, о котором он даже боялся подумать. Если бы это была новая церковь, ему нечего было бы и надеяться найти его.

Но... Святой Георг... о Боже, вот он!

Знак Святого Камбера, того, кого много лет назад называли *Defensor Hominum* — Защитник Людей!

С торжеством Келсон окинул взглядом собор, лежащий перед ним. Он нашел его! Другого ответа и не могло быть! Они невольно приравнивали Защитника из первой части стихов к Защитнику из второй части и тем самым полностью нарушили весь ритуал. Но теперь...

Он уверенным взглядом посмотрел на Чариссу, долго изучая ее, прежде чем заговорить. Теперь он должен подготовить сцену для того, что ему нужно сделать.

— Ты сказала, что я боюсь драться с тобой, Чарисса,— сказал он ровным тоном.— Ты признала убийство Бриона. Из-за тебя тот, кого я уважаю как отца, лежит тяжело раненный. И ты почти убила мою мать, которая в отчаянной попытке пыталась предотвратить наше столкновение. Время пустых разговоров кончилось,— он был собран и спокоен.— И прошло время пощады и милости, которую я хотел предложить тебе, несмотря ни на что. А теперь я тебя предупреж-

даю, Чарисса. Я принимаю твой вызов и согласен драться с тобой, хотя делаю это в доме Бога с большой неохотой. Но ты принуждаешь меня, и я не обещаю тебе никакой пощады. Тебя ждет возмездие.

Чарисса покачала головой.

— Та, Которая в Тени не нуждается в твоей милости, Келсон. Твои слова всего лишь блеф и похвальба, они вызывают у меня только смех. Спускайся вниз, если ты не трус, жду тебя.

Келсон с ненавистью посмотрел на нее, а затем оглянулся на Моргана и Дункана, слегка кивнув им. Его рука потянулась к горлу, чтобы отстегнуть тяжелую мантию. Нигель, который был рядом, принял ее, испытывая одновременно беспокойство и надежду при виде такой уверенности в Келсоне. Келсон бросил ободряющий взгляд на дядю и стал медленно спускаться по ступеням. Нигель, держа мантию в руке, присоединился к Моргану и Дункану.

Пока Келсон спускался, Чарисса отошла в дальний конец собора, примерно на сорок футов, и ждала, когда тот поднимет перчатку.

Келсон медленно спускался, тщательно продумав все свои перемещения, в результате которых он должен был приблизиться к знаку Камбера как можно скорее и не привлекая к этому внимания. Уголкем глаза он видел свою цель, которая находилась футов на двадцать впереди и немного левее. Подняв перчатку пошел к Чариссе, немного отклоняясь влево — так, чтобы его путь пролегал через знак. Затем, перед тем как ступить на него, он бросил перчатку вперед и вправо. Когда она упала на мраморный пол, он ступил на знак.

Морган и Дункан смотрели на эту сцену с растущим беспокойством, так как мальчик вел игру, которая могла иметь ужасные последствия. Они не знали, что он задумал, но в том, что Келсон действовал по плану, не сомневались. Он дал им понять это взглядом, перед тем, как начать спуск по лестнице. Когда же он приблизился к знаку, они решили, что здравый смысл покинул мальчика.

Чарисса сосредоточенно посмотрела на перчатку, и та влетела ей в руку. Чарисса швырнула перчатку своим охранникам, затем поклонилась и на несколько шагов

приблизилась к Келсону. Никогда еще Келсон не выглядел таким ужасно юным и одиноким.

— Ты готов начать, мой лорд Келсон? — сказала Чарисса старую ритуальную фразу.

Келсон кивнул:

— Я готов, моя леди Чарисса.

Чарисса засмеялась и, отступив назад на несколько шагов, подняла руки, шепча заклинание. Мгновенно за ее спиной возник полукруг голубого огня — четкая линия сапфирового цвета, которая наполовину охватила круг знаков Святых.

Она опустила руки и отступила на несколько шагов, сделав жест в сторону Келсона.

Келсон глубоко вздохнул. Наступила решающая часть испытания. Если он не сможет ответить на заклинание Чариссы, значит, он проиграл, значит, он не обладает могуществом. А ступив на знак, он ничего не почувствовал. Вероятно, он и не узнает, получил ли могущество, пока не попробует его в деле.

Произнеся про себя молитву Святому, на знаке которого он стоял, Келсон поднял руки над головой, полностью копируя движения Чариссы.

И странные, незнакомые слова сами пришли к нему, сорвались с его губ, слова, которых раньше он никогда не слышал, низкая песня, которая сформировала малиновое пламя. Оно само вытянулось в линию, а затем перешло в полукруг. Две арки сошлись вместе, образовав полный круг, наполовину голубой, наполовину малиновый. В этом круге стояли двое.

Келсон с трудом сдержал довольную улыбку. Он опустил руки и ощутил, как внутри него переливаются силы, теснятся мириады заклинаний, которыми он мог управлять. Он был полон таким могуществом, о котором не мог даже мечтать.

Вокруг все вздохнули с облегчением, поняв, что он в самом деле обладает могуществом Халданов.

Но это было еще не все. Где-то в глубине своего разума Келсон чувствовал присутствие двух других — Моргана и Дункана: они посылали ему поздравления, одобрение. Все это мелькнуло в нем и исчезло.

Он позволил себе послать легкую сардоническую улыбку Чариссе. Она подняла бровь, удивляясь, что он смог ответить на ее заклинание, затем раскинула руки

и приготовилась к следующему песнопению, а Келсон сосредоточился, слушая ее и готовя ответ. Это был язык, который он понимал, и ответ пришел к нему сам собой.

Голос Чариссы был низким, но чистым и отчетливо разносился в тишине храма.

Во имя земли и воды, огня и воздуха.
Я призвала силы и сотворила этот круг.
Я очистила его. Пусть все остерегаются.
Через него не пройдет ничто живое.

Когда Чарисса закончила стих, Нигель дернул за рукав Дункана:

— Дункан! Знает ли Келсон, что она делает? Если он закончит заклинание и сомкнет круг...

— Знаю,— прошептал угрюмо Дункан.— Если он это сделает, круг не разомкнется, пока кто-нибудь из них двоих не умрет. Таков закон всех древних дуэлей Дерини.

— Но...

— Отчасти так лучше и для безопасности зрителей, Нигель,— добавил Морган слабым голосом.— Без этого круга заклинание может выйти из-под контроля. Они ведь будут использовать гигантское количество энергии из разных источников. Не могу гарантировать, что вам все это понравится.

— Во всяком случае, мы знаем, что Келсон теперь владеет могуществом Бриона,— добавил Дункан, видя, что Келсон распростер руки так же, как делала Чарисса.— Ведь его этому никогда не обучали.

Голос Келсона был низок, в нем звучала уверенность. Он ответил на заклинание Чариссы:

Внутри подвешены время и пространство.
Отсюда ничто не может выйти.
Или сюда войти. Круг кончится,
Когда один из двух будет свободен.

Когда Келсон закончил, там, где соединялись две арки, вспыхнуло фиолетовое пламя, теперь подчеркивающее неразрываемый круг диаметром сорок футов, внутри которого замерли две фигуры. Как будто по заранее условленному сигналу, эти двое разошлись по противоположным сторонам круга. За спиной каждого из

них оставалось пять футов пространства, а их разделяло расстояние в тридцать футов. Чарисса быстро пробежала взглядом по окружности, затем поклонилась. Ее голос прозвучал гулко в пространстве, ограниченном магическим кругом.

— Мой лорд Келсон, как Вызываемый ты имеешь право на привилегию — на первый удар. Воспользуешься ли ты этим правом или предоставишь его Вызываемому?

Келсон поклонился в ответ:

— Моя леди Чарисса, как Вызываемый я действительно имею право нанести первый удар, однако, перед лицом такой красоты, как твоя, я отказываюсь от этого права. Первый удар твой.

Чарисса улыбнулась и поклонилась. Нигель опять толкнул Дункана:

— Какого дьявола он это делает? — раздался его хриплый шепот. — Он не должен предоставлять ей никаких преимуществ, у нее и так их достаточно.

— Так надо, — прошептал Дункан. — Келсон согласился бороться по правилам, а одно из них гласит, что мужчина должен уступить право первого удара женщине. Не беспокойся. Первые заклинания только проверочные.

В дальнем конце круга Чарисса выставила руки перед собой ладонями вниз. Бормоча что-то неразборчивое, она медленно развела их в стороны. В воздухе перед ней вспыхнуло голубое пламя в виде небольшой сферы, которая стала быстро разрастаться, ее границы непрерывно изменялись. Вскоре формообразование достигло размеров человека и стало напоминать человеческую фигуру. Затем, когда текучее пламя успокоилось, явился голубой воин в голубой кольчуге со сверкающим мечом в одной руке и голубым щитом в другой. Он медленно осмотрелся и, заметив Келсона, приготовил свое выкованное из голубого огня оружие, наклонил голову и стал приближаться к молодому королю.

Келсон колебался всего мгновение. Правой рукой он выхватил из сжатой в кулак левой руки светящийся огненно-малиновый меч. Как только голубой воин приблизился достаточно близко, из левой руки Келсона вырвалась молния, отразившая удар голубого меча, а малиновый меч Келсона отрубил голову воина. Тот рухнул на пол с гулким звуком. Затем голем Чариссы,

так же как и оружие Келсона, исчезли, лишь клочья голубого тумана еще висели в воздухе некоторое время.

В толпе послышались одобрительные возгласы в честь юного короля, и снова все замерло в напряженной тишине, когда гибкие пальцы Чариссы задвигались, помогая творить новое заклинание. Еще до того как она начала песнопение, темный туман за клубился вокруг нее, постепенно обретая форму дракона.

Дракон растет,
Сила прибывает,
Все побеждает,
Чувства ослепляет.

Прежде чем она успела начать вторую часть, Келсон начал петь контрзаклинание, и туман стал рассеиваться.

Дракон исчезает.
Сила убывает.
Чувства спокойны.
Завоеватель побежден.

Глаза Чариссы угрожающе потемнели, но она ничего не сказала. Она была уверена в легкой победе, но, очевидно, мальчик знает много больше, чем она рассчитывала. Исход битвы по-прежнему не вызывал в ней сомнений: не может же начинающий, только что обретя могущество, победить чистокровного колдуна Дерини, который тренировался в использовании своих сил годами. Но ей следует увеличить мощь ударов. Терпеливо, чтобы не истощить свои жизненные силы, она начала серию ритуальных заклинаний, предназначенных для определения слабых точек противника. Это несколько затянет поединок, но в благополучном исходе она нисколько не сомневалась.

Заклинания метались внутри круга: атака и контратака, выпад и парирование. Все взоры были прикованы к этому состязанию. Люди Чариссы оставались бесстрастными. Долго находясь у нее в подчинении, они теперь беспокоились только о том, чтобы дуэль не слишком затянулась. Только с полдюжины людей Мооров смотрели на происходящее с заметным интересом: они тоже занимались магией и теперь хотели увидеть и услышать новые заклинания.

Однако среди тех, кто смотрел, были и такие, в головах которых бродили мрачные мысли. Нигель смотрел на дуэль с ужасом, боясь того, что может случиться, но не в силах отвести взгляд. Морган поднял голову и тронул здоровой рукой колено Дункана.

— Дункан...

Дункан с участием посмотрел на него, так как Морган стал еще бледнее, чем раньше. Боль прорезала на его лице глубокие морщины.

— Что случилось? Тебе очень больно?

Морган стиснул зубы и с трудом проговорил:

— Я потерял много крови, Дункан, и чувствую, как силы покидают меня. Та энергия, которую мы использовали для спасения Джехану, опустошила меня.

Дункан кивнул:

— Что мне надо сделать? Чем я могу помочь тебе?

Морган, морщась, старался устроиться поудобнее на жестких ступенях, каждое движение, причиняло ему боль.

— Ты помнишь, я рассказывал тебе об излечении Дерри прошлой ночью? Я хочу попытаться проделать это еще раз — излечить себя,— он поднял левую руку, чтобы видеть Грифона.— Мне кажется, я знаю, как все делать, но ты должен помочь. Поддержи меня, усиль мои мысли, но не вмешивайся сам. Я говорю так потому, что, похоже, проникаю в области, которые...

Дункан слабо улыбнулся:

— Ты хочешь сказать, что имеешь дело с запрещенными силами, с ересью, Аларик?

— Возможно,— прошептал тот.

Он посмотрел на круг, где происходила дуэль, одобрительно улыбнулся, когда Келсон лихо расправился с каким-то монстром, извлеченным Чариссой из самых недр ада, а затем обратился к своему кольцу и начал концентрироваться. Его глаза заблестели, когда он вошел в первую фазу трансa. Как только он погрузился достаточно глубоко, Дункан тоже стал всматриваться в камень. Он легко вошел туда и позволил своим мыслям слиться с мыслями кузена, позволил себе плыть по течению мыслей Морганa, делясь с ним силой. Нигель, сидящий совсем рядом с ними, даже не замечал, что происходит с его соседями.

Для Келсона время растянулось до бесконечности. Все его успешные схватки со зверями и жуткими существами, реальными и мифическими, миновали, проплыли в сознании, как кошмарные, давно забытые сны. Драконы всех мастей и размеров, грифоны, извергающие огонь, стенректы, подобные тому, которого он видел в саду,— ряд был нескончаемым. Даже сейчас Чарисса творила какой-то новый ужас, который он должен отразить и сокрушить.

Он выпрямился и заставил себя сосредоточиться, внезапно поняв, что последнее заклинание, которое готовит Чарисса,— это уже серьезно, это уже не те проверочные заклинания, что были раньше. Когда ее пальцы пришли в движение, создавая серию новых странных пассов, Келсон почувствовал, что это заклинание темнее и непонятнее всех предыдущих. Он изо всех сил старался уловить смысл ее песнопения.

Порождение Дагона, дорогой Бэль,
Услышь мой зов, исходящий отсюда.
Дитя Грома, услышь мой приказ.
Приди: я призываю тебя.

Порази этого юного принца.
Окутай его облаком огня.
Помоги мне завоевать узурпированную
Власть, которая Чариссе принадлежит
По праву.

Чудовище стояло, часто мигая от яркого света, к которому оно, очевидно, не привыкло. Келсон ударил кулаком по ладони, когда понял, что у него под рукой нет нужного заклинания. Мрачные предчувствия охватили его. Когда чудовище оправилось и начало передвигаться по кругу, приближаясь к нему, Келсон быстро произнес несколько заклинаний, но без всякого успеха.

Вызывающе завывая и рывкая, чудовище медленно надвигалось, извергая голубой дым и пламя, глаза его горели свирепым красным огнем.

Когда оно, ревя, прошло уже половину пути, Келсон запаниковал.

ГЛАВА XVI

Чудовище неуклонно приближалось, и тут к Келсону пришло контрзаклинание. Отступив на несколько шагов, он начал его петь, голос становился все крепче и сильнее, а паника стала сменяться уверенностью.

Лорд Света, Сверкающее чудо,
Помоги мне, если ты слышишь меня,
Услышь мольбу своего слуги,
Сражающегося здесь за свой народ.

Дай мне силы, чтобы сокрушить демона.
Прогони его в глубины Ада.
Очисти круг от зла,
Которое творит Чарисса.

Закончив пение, Келсон поднял обе руки вверх и затем решительно указал на точку в нескольких футах перед собой.

Как раз в этот момент солнце вынырнуло из-за облаков. Его лучи проникли сквозь высокие витражи собора, создав сверкающее многоцветное пятно на полу в том месте, куда указали руки Келсона. Юный король стоял на месте, а приблизившееся чудовище, попав в этот бассейн света, начало извиваться, извергая пламя и дым. Оно рычало от гнева и боли, корчась у самых ног Келсона, но было не в силах выбраться из пятна света и броситься на принца.

Вскоре все было кончено, чудовище растаяло, оставив после себя клочья голубого вонючего дыма.

А на полу все так же играли золотые и алые пятна света, солнечного света.

Келсон опустил руку, на которой победно сверкнуло Кольцо Огня. А солнце воспользовалось моментом и снова скрылось за облаками. Тихий вздох облегчения пронесся по собору. Келсон поднял глаза на Чариссу, и, сделав несколько шагов вперед, чтобы обратиться к ней, благоговейно отметил, что на месте, где погибло чудовище, находился знак Святого Камбера.

Он мысленно послал благодарность чему-то или кому-то, кто помогает ему.

Его глаза светились уверенностью в победе, когда он пел новое заклинание.

Когда он закончил, в соборе стало темно. И через открытые двери в конце прохода он видел, что небеса действительно потемнели, хотя был полдень.

Чарисса с трудом проглотила комок, подступивший к горлу. Впервые за все время на ее лице отразилось волнение и неуверенность. Она боялась предстоящего испытания, но отступить было некуда. Ее пальцы зашевелились, и, творя новое заклинание, она запела.

С последним словом песнопения над каждой половинкой круга за клубился туман — голубой и красный, а над Келсоном и Чариссой образовалась полусфера. Там, где встречались два цвета, в темноте мерцала фиолетовая граница — единственный свет в соборе, кроме свечей и вечно горящих лампад.

Двое противоборствующих замерли на своих местах, а фиолетовая граница начала смещаться то в одном, то в другом направлении — в соответствии с тем, кто пересиливал в данный момент, но затем она начала неотвратно сдвигаться в сторону Чариссы.

По мере того, как полусфера медленно меняла цвет, когда малиновый вытеснял голубой, на лице Чариссы выражение страха сменялось ужасом. Граница между силами ее и Келсона неуклонно передвигалась к ней. Ее глаза становились все больше и испуганнее. Она была вынуждена отступать, так как границы ее могущества непрерывно сокращались, пока не уперлась спиной в поверхность барьера, дальше путь был закрыт. Наконец малиновый цвет полностью поглотил ее. Она издала долгий крик, полный боли и ярости, медленно затухающий по мере того, как она становилась все меньше и меньше.

Потом она исчезла совсем. В тот же миг магический круг, малиновое излучение, полусфера тоже пропали. И единственное, что осталось, — это молодой король, стоящий в своих сверкающих бело-золотых одеждах на знаке давно забытого Святого. Он был слишком потрясен победой, чтобы услышать радостный вопль, которым взорвалась толпа. Народ, который наблюдал за поединком и надеялся на победу своего короля, ликовал.

На улице все еще царила темнота, но мрак понемногу стал рассеиваться.

Под торжествующие крики Морган открыл глаза и улыбнулся. Потянувшись левой рукой к правому плечу, он обнаружил, что оно зажало. Пока Морган с удивлением смотрел на дело своих рук, Дункан тоже открыл глаза и, еще не очень понимая происходящее, помог Моргану подняться на ноги.

Морган, приблизившись к замершему на месте Келсону, мягко дотронулся до его плеча. Это прикосновение вернуло Келсона к действительности, и он с удивлением посмотрел на Моргана.

— Морган! Но ты же...

— После, мой принц,— прошептал Морган и показал на рукоплещущую толпу. Он засмеялся.— Нужно ведь завершить церемонию коронации.

Он взял Келсона за руку и повел наверх по ступеням, туда, где все еще стоял, словно в столбняке, оцепеневший от всего увиденного архиепископ. Когда стихли приветственные крики, вперед выступил Нигель, держа королевскую мантию. Он гордо возложил ее на плечи юного короля, бережно расправив каждую складку. И Джехана, освободившаяся от заклинания со смертью Чариссы, поднялась со своего места и с непонятной грустью и тихой нежностью смотрела на сына.

Келсон, заметив ее взгляд, вырвался из рук тех, кто его окружал, легко сбежал по ступеням и нерешительно остановился возле нее. Затем он опустился на колени у ее ног.

— Ты очень рисковала ради меня,— прошептал он, боясь дотронуться до нее.— Можешь ли ты простить мне, что я действовал против твоего желания?

Всклипнув, Джехана наклонилась, взяла его руку, сжала в своих и порывисто прижала к губам:

— Пожалуйста, не спрашивай меня об этом сейчас,— прошептала она. Ее слезы увлажнили руку Келсона.— Только позволь мне радоваться, что ты жив.

Келсон гладил ее руки, едва сдерживая слезы. Затем встал, улыбнулся ей и, отойдя на несколько шагов, низко поклонился, повернулся и пошел к алтарю, где его ждали.

Там он опустился на колени. Все, кроме епископов и архиепископов, тоже упали на колени. Архиепископ Корриган, архиепископ Лорис и епископ Арлиан подняли

корону Гвинеда, читая каноническую формулу коронации.

— Молим тебя, Господи, благослови эту корону. И освяти слугу своего Келсона, на голову которого ты ее возлагаешь. Во имя отца и сына и Святого Духа, во веки веков. Амэн.

Так видели и слышали люди.

Но для тех, в ком текла кровь Дерини, это выглядело совсем по-другому. Они видели, что корону поддерживает четвертый — высокий блондин в сверкающих золотых одеждах древнего высшего лорда Дерини. И для тех, в ком текла кровь Дерини, на знакомую формулу коронации накладывалась другая. Сверкающий золотом незнакомец использовал древнюю формулу Дерини, которая предполагала другое предназначение для отважного юного короля:

— Келсон Синил Рис Энтони Халдан, я короную тебя от имени Всемогущего, который знает все, и от имени того, кого называли Защитником Человечества. Келсон Халдан, ты будешь королем для людей и для Дерини. Живи и процветай, король Гвинеда!

Когда корона коснулась головы Келсона, видение Дерини исчезло. Морган и остальные начали облачать его в другие одежды, соответствующие его королевскому сану.

Пока они ждали, когда прелаты закончат, Морган повернулся к Дункану и прошептал:

— Ты видел?

Дункан еле заметно кивнул.

— Ты знаешь, кто это был? — спросил Морган.

Дункан покосился на него и снова вернулся к процедуре облачения. Прелаты уже приносили присягу. Скоро церемония должна была завершиться.

— Догадываюсь, — прошептал Дункан. — Это был тот, кто являлся тебе в видениях?

Теперь была очередь Моргана молча кивнуть. Но он все же спросил:

— Не думаешь же ты, что это был сам Камбер?

Дункан покачал головой и нахмурился.

— Он только говорил от имени Камбера, что вносит во все еще большую тайну.

Морган вздохнул и поправил свой плащ. Если его сдвинуть чуточку в сторону, он почти совсем прикроет рваную дыру в его тунике и пятно крови на боку.

— Я рад, что это был не сам Святой Камбер,— прешептал он, начиная подниматься по ступеням, чтобы принести присягу новому королю.— Я не хочу быть предметом особой милости небес — это внесет в мою жизнь дискомфорт.

С этим он приблизился к Келсону и опустился перед ним на одно колено. Он позволил Келсону взять его за руки.

Сильный и ясный голос Моргана отчетливо звучал в соборе, когда он произносил древнюю клятву преданности и верности.

После этого Морган поднялся и тут же попал в королевские объятия. Следом другие дворяне — Нигель, Эван, лорд Джаред, Кевин Мак Лейн, Дерри — все повторили слова присяги, клянясь в верности своему новому королю. Морган, вынув из ножен, снова поднял Государственный Меч, и все знатные лорды и бароны провинций подходили и клялись в верности и преданности.

Затем начали формировать процессию для обратного шествия.

Все священники сошли вниз, собираясь в проходе. Люди Чариссы после ее поражения исчезли, растворились в толпе. И теперь все, как один, приветствовали короля.

Как только Келсон и его свита дошли до знака Святого Камбера на полу, из-за туч опять выглянуло солнце. И опять его лучи, пройдя сквозь витражи, образовали цветное пятно. Келсон остановился, и все в соборе со страхом замерли, глядя на своего молодого короля: ведь только что это пятно света принесло смерть.

Келсон поднял голову к окну и засмеялся, а затем, с улыбкой глядя на море взволнованных лиц, спокойно ступил на освещенный знак. По всему собору, до этого погруженному в гробовое молчание, прошелестел долгий вздох благоговения и восторга, так как солнечный свет не только не принес смерти, но сверкал в драгоценностях короны Келсона, дробясь на тысячи ослепительных огней.

Келсон повернулся к Моргану и Дункану, стоящим рядом, и пригласил их тоже ступить на пятно света. Они повиновались без колебаний.

Волосы Моргана вспыхнули золотом и золотом же засиял его роскошный бархатный плащ, а снежно-белая накидка Дункана заиграла многоцветной радугой.

И затем все трое пошли дальше по проходу.

Процессия двигалась по городу. В толпе звучали приветственные крики, сердечные поздравления: «Храни, Господь, короля Келсона! Долгой жизни королю!»

И король Гвинеда шел дальше на радость своему народу.

ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ ДЕРИНИ

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Март в Одиннадцати Королевствах всегда был месяцем бурь и штормов, он приносил с Великого Северного моря снег, который толстым слоем ложился на серебряные горы, вихрями кружился над высокогорными долинами востока, пока, наконец, не низвергался дождями на Великую Гвинедскую долину.

Март — самый непостоянный месяц.

Это последний оплот зимы перед наступлением весны, но он также и предвестник великого пробуждения природы, бурного расцвета той зелени, которая ежегодно затопляет всю страну.

Случалось, что март был мягким, но не часто. Сейчас же была такая весна, когда люди могли надеяться на скорое окончание зимы в этом году — такое тоже бывало. Но жители Гвинеды не особенно надеялись на раннюю весну. Они по опыту знали, что март — месяц капризный, часто жестокий, и ему ни в коем случае не следует доверять.

Март в первый год царствования короля Келсона не был исключением.

Сумерки пришли рано в Ремут — столицу государства Келсона.

Так часто бывало в марте, когда на страну с севера и востока накатывали бури.

Эта буря разразилась в полдень. Град размером с человеческий ноготь, ударивший по навесам ларьков и крышам лавок на рыночной площади, заставил торговцев поспешно искать убежища.

По истечении часа все надежды на то, что удастся спасти базарный день в столице, исчезли, и торговцы начали неохотно собирать свои товары, запирают лавки и расходиться по домам.

Над городом грохотал гром, висел острый запах озона и лил сильный дождь.

С наступлением сумерек под дождем можно было найти только тех, кого дела принудили быть на улице в такую ненастную погоду,— городских стражников на своих постах, солдат, посыльных, спешащих с поручениями, горожан, пробирающихся сквозь дождь, холод и ветер к своим теплым домашним очагам.

И теперь, когда опустилась темнота, только дождь и ветер гуляли по узким улицам Ремута, омывали черепичные крыши домов и купола соборов. Вода перехлестывала через край облицованных булыжниками сточных канав.

Колокола большого собора на севере города отзвонили положенные часы.

В каждом доме за стеклами окон, по которым ручьями стекала вода, были видны свечи, освещающие комнаты. Их пламя плясало под порывами дождя и ветра, которые проникали сквозь щели дверей.

В домах и тавернах, харчевнях и придорожных гостиницах жители города собрались за ужином у каминов, прихлебывали добрый эль, разговаривали о делах и ожидали, когда стихнет буря.

На дворец архиепископа, расположенный в северной части города, тоже обрушилась буря. В тени дворцовых стен на фоне темного неба угрюмо вырисовывалась громада собора святого Георга, вонзалась во тьму игла колокольни. Бронзовые ворота были закрыты на крепкие засовы.

Одетые в кожаные плащи стражники патрулировали вдоль границ дворцовых строений, их воротники были подняты, капюшоны нахлобучены на глаза для защиты от ветра и дождя.

Пламя факелов, укрепленных в углублениях стены, свистело и трещало, свирепый ветер завывал, пробирая до костей.

Внутри дворца в тепле и уюте находился сам архиепископ Ремута, Преподобный Патрик Корриган. Он стоял у пылающего камина, протянув к огню пухлые ладони и похлопывая ими друг о друга, чтобы согреться. Затем плотнее закутался в свою подбитую мехом мантию и направился к письменному столу в глубине комнаты.

За столом сидел другой человек, одетый в фиолетовую сутану, указывающую на его высокий сан. Он склонился над листом пергамента, лежащим перед ним.

Две свечи на столе создавали равномерное желтое освещение. С полдюжины свечей, установленных в разных частях помещения, с трудом разгоняли мрак.

Молодой секретарь со свечой в руке нагнулся над левым плечом сидящего, внимательно следя за ним, готовый по первому приказу капнуть на бумагу красный воск для печати.

Корриган встал за правым плечом читающего.

Человек за столом закончил чтение, удовлетворенно кивнул, поднял перо и начертал подпись на бумаге. Секретарь моментально капнул воск на пергамент, и человек спокойно припечатал его своим аметистовым перстнем. Он подышал на камень, потер его о бархат рукава и снова надел перстень на палец.

— Это должно подействовать на Моргана,— сказал он.

Эдмунд Лорис, архиепископ Валорета, производил сильное впечатление. Он был строен, и роскошная фиолетовая сутана великолепно сидела на нем. Вьющиеся серебряные волосы создавали эффект нимба вокруг головы, на которой ловко сидела шапочка, прикрывающая тонзуру. Однако голубые глаза его были холодными и жестокими. На смуглом ястребином лице в данный момент ничего нельзя было прочесть, кроме хищного удовлетворения, так как Лорис только что скрепил своей печатью документ, Интердикт, которым довольно большая часть Гвинедата отлучалась от церкви. Интердикт, который лишит богатое герцогство Корвин на востоке страны всех таинств святой церкви.

Это было трудное решение. Лорис и его собратья почти четыре месяца думали над ним. Ведь народ Корвина не был повинен ни в чем, что могло бы оправдать такую крайнюю меру, как Интердикт. Но, с

другой стороны, в герцогстве сложилась отвратительная ситуация, которую уже нельзя было больше терпеть, пренебрегать ею. Ее следовало искоренить.

И достопочтимые прелаты успокаивали свою совесть тем, что угроза Интердикта была направлена не против народа Корвина, а против одного человека, которого было невозможно достать каким-либо другим способом.

Господин Корвина герцог Дерини Аларик Морган — вот кто был объектом священной мести.

Морган, который постоянно применял свое нечестивое и святотатственное могущество Дерини, чтобы вмешиваться в людские дела, совращать невинных, пренебрегая церковной и светской властью.

Морган, который посвятил мальчика-короля Келсона в запретные тайны древней магии и развязал дуэль магии в священном соборе во время коронации Келсона.

Морган, который своей кровью Дерини обречен на вечные мучения в аду, если он не отречется от дьявольского наследия и не вернется для очищения в лоно святой церкви.

Морган, вокруг которого, как вокруг столпа, спланиваются все Дерини.

Архиепископ Корриган нахмурился и взял в руки документ. Его кустистые брови сдвинулись в одну линию, когда он начал перечитывать текст. Закончив чтение, Корриган нахмурился и прикусил губу, но затем решительным движением сложил документ и кинул на стол.

Секретарь ловко капнул воск.

Корриган, не колеблясь, приложил к нему свой перстень, однако, его пальцы беспокойно бегали по нагрудному кресту, когда он усаживался в кресло рядом с Лорисом.

— Эдмунд, ты уверен, что мы...

Его речь была прервана коротким взглядом Лориса, и архиепископ вспомнил, что они не одни, что секретарь рядом и ждет дальнейших указаний.

— Пока все, отец Хью. Попросите войти монсеньора Горони, пожалуйста.

Священник поклонился и вышел.

Корриган со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Ты же знаешь, что Морган никогда не допустит, чтобы Толливер отлучил его,— сказал он.— Неужели ты думаешь, что угроза Интердикта остановит его?

Формально герцог Аларик не подпадал под юрисдикцию обоих архиепископов, но они надеялись, что этот документ устранил эту досадную помеху.

Лорис щелкнул пальцами и взглянул на Корригана:

— Может, и нет,— признал он.— Но на народ подействует. Уже сейчас ходят слухи, что на севере собираются банды повстанцев, желающих свергнуть власть герцога Дерини.

— Фу! — фыркнул Корриган, поднимая перо и макая его в хрустальную чернильницу.— Что может сделать мелкая горстка повстанцев против могущества Дерини? А кроме того, народ его любит.

— Да, пока любит,— согласился Лорис. Он наблюдал, как Корриган начал старательно подписывать письмо, которое они сочинили. Со скрытой улыбкой он смотрел, как кончик языка Корригана следует за каждым росчерком пера, выводящего затейливую роспись.— Но будет ли он любить его, когда вступит в силу Интердикт?

Корриган с удовлетворением посмотрел на свою работу и энергично встряхнул серебряной песочницей над бумагой с непросохшими чернилами. Излишки песка он стряхнул на пол.

— А кроме того,— сказал Лорис, глядя на коллегу сквозь опущенные ресницы,— говорят, что Варин, лидер повстанцев, объявил себя новым мессией, чье божественное предназначение — освободить страну от засилия проклятых Дерини. Разве ты не видишь, что такое усердие нам на пользу?

Корриган задумчиво прикусил нижнюю губу и задумался.

— И мы позволим этому самозванному мессии бродить по стране и будоражить народ? Эти восставшие для меня только еретики, и ничего больше.

— Я еще не дал официальных указаний,— ответил Лорис.— Я даже не встречался с этим Варином. Но ты должен признать, что это движение может нам очень помочь, если его направить туда, куда надо. А кроме того,— Лорис улыбнулся,— может, этот Варин действительно выполняет божественное предназначение?

— Я в этом сомневаюсь,— нахмурился Корриган.— И как далеко ты собираешься зайти в этом деле?

Лорис откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди.

— Штаб повстанцев находится на холмах близ Джассы. Горони, которого мы посылаем в епископство Корвин, свяжется с повстанцами и вернется в Джассу. Затем я сам предполагаю встретиться с их предводителем.

— А до этого мы ничего предпринимать не будем?

Лорис кивнул:

— Ничего. Я не хочу, чтобы король понял, что мы что-то замыслиаем, и...

Послышался осторожный стук в дверь, и на пороге появился секретарь Корригана. С ним был ничем не примечательный человек постарше в дорожной одежде простого священника. Отец Хью поклонился и представил вновь пришедшего.

— Монсеньор Горони, Ваше Преосвященство.

Горони подошел к креслу Корригана, опустил на одно колено, поцеловал кольцо архиепископа, а затем по его жесту встал и приготовился слушать.

— Благодарю, отец Хью. Думаю, что вы сегодня больше не понадобится, — сказал Корриган, разрешая ему удалиться.

Лорис кашлянул, и Корриган взглянул на него.

— А как же то, о чем мы говорили, Патрик? Мы же решили, что того человека следует наказать?

— О, да, конечно,— пробормотал Корриган. Он покопался в сложенных на краю стола бумагах, выбрал одну и подал ее через стол Хью.— Это список вызванных на суд, который мне нужен как можно скорее. Как только подготовите официальный документ, принесите его мне на подпись.

— Хорошо, Ваше Преосвященство.

Хью взял бумагу и направился к выходу, а Корриган возобновил свою беседу с Горони.

— Это письмо епископу Толливеру. Вас ждет судно, которое доставит вас в вольный порт Конкарадин. Оттуда вы можете на купеческом судне добраться до Корвина. Так что на дорогу вам хватит трех дней.

Отец Хью де Берри, закрыв за собой дверь в кабинет архиепископа, нахмурился и пошел по длинному,

освещенному факелами коридору по направлению к канцелярии. В пустом коридоре было холодно и сыро. Хью шел, дрожа от холода, и думал, что же ему делать.

Он был личным секретарем Патрика Корригана и поэтому имел доступ к такой информации, в которую обычно не посвящали таких молодых людей. Хью обладал блестящими способностями, был честным, благородным и преданным церкви, которой в лице архиепископа он верно служил. Однако вскоре его постигло тяжкое разочарование, не в церкви, а в человеке, которому он служил. Письмо, которое он сегодня переписывал для Корригана, помогло ему в этом. Вспомнив про письмо, Хью задрожал — и на этот раз не от холода.

Гвинед в опасности. Это было очевидно с того момента, как король Брион умер в Кандор Ри. Это было очевидно после того, как его наследник — мальчик Келсон — вынужден был вступить в бой за трон с Чариссой всего через несколько недель после гибели отца. И это было очевидно с того момента, когда Моргану, покровителю мальчика, пришлось использовать свое могущество, чтобы замедлить разгорание того невидимого пожара, который мог вспыхнуть после всех этих событий. И теперь уже стало совершенно ясно, что пожар готов вспыхнуть.

Ни для кого не секрет, что тиран Дерини Венсит из Торента летом объявит войну Гвинеду. Кроме того, молодой король вынужден лицом к лицу встретиться с народными волнениями, вызванными враждебными чувствами к Дерини и разжигаемыми религиозными фанатиками. Келсон сам начал чувствовать тяжесть ситуации, когда выяснилось, что в нем течет кровь Дерини. А теперь, когда над всем Корвином нависла угроза Интердикта...

Хью прижал руку к груди, где лежало письмо Корригана. Он знал, что архиепископ не одобрит то, что он собирается совершить. Он рассвирепеет, если узнает об этом. Но дело было слишком серьезно, чтобы оно могло пройти мимо короля. Король должен быть предупрежден.

Когда Интердикт вступит в силу, Моргану придется бороться на два фронта, в то время как ситуация такова, что все его силы должны быть сосредоточены на

одном — защите короля. Интердикт роковым образом изменит планы короля и Моргана относительно подготовки к войне. И хотя Хью как священник решительно не одобрял запретное могущество Моргана, тем не менее, оно было реально и должно быть использовано для защиты Гвинеда при нападении врага.

Хью остановился у факела, немного не дойдя до дверей канцелярии, и начал рассматривать письмо, вертя его в руках. Пропустив обычные формулы вежливого обращения, стандартные для документов такого рода, он ахнул от изумления, когда прочел имя адресата.

Затем он пришел в себя и снова перечитал начало письма. Да, ошибки не было — монсеньор Дункан Говард Мак Лейн.

— Дункан! — подумал Хью. — Боже, что он сделал?

Дункан был исповедником молодого короля и товарищем Хью с самого детства. Они вместе росли, вместе ходили в школу. Что же мог совершить Дункан, что вызвало такое действие со стороны архиепископа?

Со страхом Хью начал читать письмо и ужас его все возрастал.

— ...приказываем предстать перед высшим церковным судом... дать ответ по поводу вашего участия в скандальных событиях во время коронации короля в ноябре... подозрительная деятельность, связь с еретиками...

— Боже, — подумал про себя Хью, будучи не в силах продолжать чтение, — он тоже запятнан связью с Морганом. Интересно, знает ли он об этом?

Опустив бумагу, Хью принял решение. Сначала нужно идти к королю. Об этом он думал с самого начала, так как это дело государственной важности. Но затем необходимо найти Дункана и предупредить его. Если Дункан отдаст себя на суд архиепископов, то обстоятельства сейчас таковы, что может случиться что угодно. Его могут даже отлучить от церкви.

Хью вздрогнул и перекрестился при одной мысли об этом.

Угроза отлучения для человека — это такое же жуткое наказание, как угроза Интердикта для провинции. Это значит, что преступники будут полностью отделены от церкви и лишены возможности общаться с

богобоязненными и праведными людьми. Этого с Дунканом не должно произойти.

Собравшись с духом, Хью толкнул дверь в канцелярию и спокойно подошел к столу, за которым сидел монах и затачивал перо.

— Его Преосвященству это необходимо сделать как можно скорее. Он ждет, брат Джеймс,— сказал он, положив документ на стол.— Займитесь этим, пожалуйста. А мне необходимо выполнить еще несколько поручений.

— Хорошо, отец,— сказал монах.

ГЛАВА II

— Еще оленины, сэр?

Слуга в красной ливрее стоял на коленях перед Келсоном, держа на весу тяжелое блюдо.

Келсон с улыбкой покачал головой и отодвинул свою серебряную тарелку в сторону. Ворот его малиновой туники был расстегнут, на голове не было короны. Он уже давно сбросил сапоги, предпочтя им удобные мягкие туфли. Вздыхнув, он вытянул ноги к огню.

Слуга унес оленину и начал убирать со стола.

Юный король сегодня обедал в своих покоях, деля трапезу с Дунканом и принцем Нигелем, своим дядей.

Дункан сделал глоток из серебряного кубка и аккуратно поставил его на стол.

Огонь из камина и свет факелов отражались от полированного металла посуды и создавали причудливую игру на столе и на фиолетовой сутане Дункана.

Священник взглянул на своего короля и улыбнулся. В его голубых глазах светились спокойствие, удовлетворение и безмятежность. Затем он повернулся к Нигелю, который боролся с новой бутылкой вина, пытаясь сорвать туго забитую пробку.

— Тебе помочь, Нигель?

— Только если ты сможешь расколдовать эту проклятую пробку,— хмыкнул Нигель.

— Конечно, Бенедикт,— сказал Дункан, подняв руку, чтобы сделать соответствующий знак.

Именно в этот момент пробка вылетела в сопровождении сильной струи красного вина.

Нигель вовремя отскочил в сторону, чтобы избежать купания. Келсон тоже успел вскочить с кресла и увернуться от струи вина. Однако все усилия Нигеля спасти от вина стол и ковер под ногами не увенчались успехом.

— О, святой Майкл! Ты действительно вмешался в это, Дункан? — добродушно воскликнул принц Нигель, держа забрызганную бутылку над столом, пока слуга вытирал пол. Я всегда говорил, что священникам доверять нельзя.

— Я то же самое могу сказать про принцев,— заметил Дункан, подмигивая Келсону, который еле сдерживал улыбку.

Слуга вытер кресло Келсона и бутылку, затем выжал тряпку над огнем и снова вернулся к столу.

Вино испарялось, и пламя шипело и выбрасывало зеленые языки.

Келсон, сев на свое место, помог подержать кубки и подсвечники, чтобы слуга смог протереть стол. Когда он закончил, Нигель наполнил три кубка, поставил бутылку в ведро и подвинул его поближе к огню.

Принц Нигель был красив. В свои тридцать четыре года он был таким, каким обещал стать его царствующий племянник через двадцать лет, с той же широкой улыбкой, серыми глазами Халданов, проницательным умом, который был как бы визитной карточкой мужчин из этого рода.

Как и его брат Брион, Нигель был настоящий Халдан до мозга костей. Его военное искусство и образованность были предметом восхищения во всех Одиннадцати Королевствах.

Когда Нигель сел на место и поднял кубок, он сделал бессознательное движение правой рукой, чтобы пригладить свои иссиня черные волосы. Дункан заметил это, и у него защемило сердце при виде такого знакомого жеста.

Всего несколько месяцев тому назад этот жест можно было увидеть у Бриона.

Бриона, которому Дункан в том или ином качестве служил двадцать пять лет.

Бриона, жертвы борьбы идеологий, которая теперь вновь угрожает разорить страну и ввергнуть королевство в страшную войну.

Теперь Бриона нет, и его четырнадцатилетний сын правит в королевстве с помощью могущества, унаследованного от своего великолепного отца.

А напряжение в королевстве все возрастало.

Мрачные мысли Дункана были прерваны скрипом открываемой двери.

Он взглянул и увидел, что на пороге появился юный паж в малиновой ливрее, который нес дымящуюся серебряную вазу, почти с него ростом. На плече у него висело белоснежное полотенце. Слабый запах лимона зашекотал ноздри Дункана, когда мальчик встал на колени перед королем и протянул ему вазу.

Келсон кивком поблагодарил, погрузил пальцы в теплую ароматную воду, а затем вытер руки полотенцем.

Мальчик поклонился и поднес вазу Нигелю. Однако он даже не повернул голову в сторону принца. Затем наступила очередь Дункана, и священник тоже не удостоился взгляда юного пажа короля.

Дункан с трудом сдержал улыбку, когда возвращал полотенце. Но когда мальчик вышел из комнаты, Дункан с усмешкой посмотрел на Нигеля.

— Это один из твоих учеников, Нигель? — спросил он, зная, что так оно и есть. Нигель занимался обучением пажей для королевского двора.

Нигель гордо кивнул:

— Это Пейн. Самый юный. Ему еще много надо учиться, но с новыми пажами всегда так. Сегодня у него первый официальный выход для обслуживания.

Келсон засмеялся и поднял кубок, вертя его ножку между пальцами так, что грани кубка отбрасывали яркие зайчики на его тунику и стены комнаты, обитые гобеленами.

— Я помню, как был у тебя пажом, дядя. Совсем недавно. Когда ты впервые разрешил мне обслуживать отца, я испугался до смерти. — Он откинул голову на спинку кресла и продолжал сонным голосом: — Конечно, бояться было нечего. Он оставался моим отцом, а я его сыном. И то, что я надел ливрею, ничего, в сущности,

не меняло.— Он помолчал и продолжал: — И все же, я боялся, потому что в этот момент я был не сыном своего отца. Я был только пажом, обслуживающим своего короля. А это большая разница,— он взглянул на Нигеля.— Пейн сегодня чувствовал то же самое. Хотя я знаю его всю жизнь и частенько играл с ним, он знал, что теперь я для него король, а не товарищ по играм. Интересно, все ли чувствуют то же самое?

Слуга Ричард, который расстилал королевское ложе в противоположном конце комнаты, подошел к Келсону и поклонился.

— Я вам еще нужен, сэр?

— Думаю, что нет. Дядя? Отец Дункан?

Они покачали головами, и Келсон кивнул Ричарду:

— На сегодня ты свободен, Ричард. Проверь охрану, когда пойдешь к себе. И распорядись, чтобы на улице ждала карета,— надо отвезти отца Дункана домой.

— Не стоит беспокоиться,— запротестовал священник.— Я великолепно доберусь и пешком.

— И где-нибудь по дороге замерзнешь? Нет. Эта ночь не располагает к прогулкам. Ричард, карета должна ждать отца Дункана. Ясно?

— Да, Ваше Величество.

Нигель осушил кубок и показал на дверь, которая закрылась за Ричардом.

— Прекрасный юноша,— сказал он, придвигаясь к столу, чтобы дотянуться до бутылки и налить себе еще вина.— Он вскоре будет готов к посвящению в рыцари. Один из лучших, кого я когда-либо обучал. Морган вполне согласен со мной в этом. Кому-нибудь из вас налить еще?

Он помахал бутылкой, но Келсон отрицательно покачал головой.

Дункан заглянул в свой кубок, обнаружил, что тот наполовину пуст, и подставил его под струю вина. Когда Нигель поставил бутылку на прежнее место, Дункан откинулся и стал размышлять вслух:

— Ричард Фиц Вильям. Ему сейчас около семнадцати?

— Почти восемнадцать,— поправил его Келсон.— Он единственный сын барона Фулька Фиц Вильяма. Я предполагал посвятить в рыцари его и еще дюжину

других перед началом военной кампании, которая начнется летом. Его отец будет очень рад.

Нигель кивнул, а потом спросил:

— А что слышно о Венсите из Торента? Или о Кардосе?

— За последние три месяца — ничего, — ответил Келсон. — В городе, как вам известно, сильный гарнизон, и он отрезан снегопадом. Но как только дороги очистятся от снега, Винсет нападет на город. Мы не сможем послать войска на помощь до тех пор, пока не наступит настоящая весна. А тогда будет уже поздно.

— Значит мы потеряем Кардосу, — вздохнул Нигель, задумчиво глядя в свой кубок.

А Дункан добавил:

— И все договоры прекратят действие, и начнется война.

Нигель пожал плечами и погладил кончиком пальца край кубка.

— Разве это не было ясно с самого начала? Брион знал, где опасность, и послал Аларика в Кардосу прошлым летом. Когда Брион умер, мы вызвали Аларика сюда, чтобы спасти тебя, Келсон. Я думаю, что это был хороший обмен: город на короля. А кроме того, мы пока не потеряли Кардосу.

— Но потеряем, дядя, — пробормотал Келсон, опустив глаза. — А сколько жизней мы потеряем в таком обмене, — он задумчиво рассматривал свою руку, а потом продолжил: — Я иногда думаю, стою ли я тех жизней, действительно ли моя жизнь имеет такую ценность.

Дункан наклонился к нему и успокаивающе потрепал его по руке.

— Короли всегда думают об этом, Келсон. Как только настанет день, когда ты перестанешь об этом думать, перестанешь оценивать свою жизнь, ты потеряешь право быть королем.

Юный король посмотрел на него с кривой усмешкой.

— Ты всегда знаешь, что сказать, Дункан. Однако твои слова не спасают ни людей от смерти, ни города от разорения. Они только убаюкивают совесть королей, которые должны решать, кому же жить, — он снова опустил глаза. — Прости, это прозвучало чересчур жестоко, не так ли?

Дункан не успел ничего сказать.

Его прервал стук в дверь, и на дороге появился Ричард. Его красивое лицо было напряжено. Он явно нервничал. Когда он поклонился королю, глаза его сверкнули.

— Прошу прощения, сэ, но явился священник, который настоятельно требует вашей аудиенции. Я ему сказал, что вы собираетесь спать и что ему лучше явиться завтра, но он утверждает, что должен немедленно поговорить с вами по очень важному делу.

Прежде чем Келсон успел ответить, из-за спины Ричарда вынырнул священник в темной сутане и бросился на колени перед Келсоном.

В руке короля мгновенно появился стилет, а Нигель привстал с кресла, держа наготове оружие.

Колени священника еще не успели коснуться пола, как Ричард прыгнул ему на спину, одной рукой обхватив его горло удушающим приемом, а другой рукой прижав кинжал к шейной вене. Колено Ричарда уперлось в спину человека.

Священник морщился от боли, но не вырывался, чтобы защитить себя или напасть на короля. Он закрыл глаза и раскинул в сторону руки, показывая, что у него нет оружия.

— Сэр, я не желаю причинить вам вреда,— прохрипел он, косясь на смертоносное лезвие кинжала, касающееся его шеи.— Я отец Хью де Берри, секретарь архиепископа Корригана...

— Хью! — воскликнул Дункан, с тревогой наклонившись вперед, когда узнал его. Он знаком приказал Ричарду отпустить его.— Какого дьявола? Почему ты здесь?

Хью открыл глаза, когда услышал голос Дункана, и умоляюще посмотрел на него. В его глазах смешивались страх и решимость довести дело до конца.

Ричард отпустил горло Хью и отступил назад, подчиняясь жесту Дункана, но держа кинжал в руке в полной готовности.

Нигель медленно опустился в кресло, а Келсон все еще держал стилет в руке.

— Ты знаешь этого человека, отец Дункан? — спросил он.

— Он действительно тот, кем назвался,— осторожно ответил Дункан.— Но я ничего не могу сказать относительно намерений, с которыми он явился сюда. Объясни, Хью.

Хью проглотил комок в горле, а затем посмотрел на Келсона и склонил голову.

— Я прошу прощения, сэр, но мне было нужно увидеть вас. У меня есть новость, которую я не могу доверить никому и...

Он снова посмотрел на Келсона и стал вытаскивать сложенный пергамент откуда-то из своей мокрой сутаны. Его тяжелый мокрый плащ на плечах, там, где его хлестал дождь, весь промок, а в жиденьких каштановых волосах, которые блестели от влаги, кое-где в свете факелов блестели капельки воды. Пальцы Хью дрожали, когда он протянул сложенный пергамент Келсону. Он снова опустил глаза и втянул руки в рукава, чтобы не было видно, как они дрожат.

Келсон нахмурился и вложил стилет в ножны, прежде чем развернуть пергамент.

Нигель придвинул ближе свечу, а Дункан обошел стол, чтобы иметь возможность прочесть документ через плечо Келсона.

Когда он пробежал глазами строчки, лицо его потемнело.

Подавив поднимающийся гнев, Дункан выпрямился и посмотрел на Ричарда, в его голубых глазах бушевала гроза.

— Ричард, будь любезен, подожди в коридоре. Я послежу за этим человеком,— и он взглядом указал на склоненную голову Хью.

— Хорошо, отец.

Когда дверь за ним закрылась, Дункан сел в свое кресло.

Он изучал Хью, глядя на него, сквозь стекло бокала, который вертел в руках, а затем посмотрел на Келсона, уже закончившего чтение и положившего пергамент на стол.

— Благодарю тебя за ценные сведения,— сказал Келсон, приглашая Хью подняться.— И прошу простить за грубое обращение. Надеюсь ты понимаешь, что это было необходимо.

— Конечно, сэр,— пробормотал Хью.— Вы же не могли знать, кто я и зачем пришел. Я благодарю бога, что Дункан здесь и спас меня от последствий моего вторжения.

Дункан кивнул. Его глаза налились кровью и потемнели. Было ясно, что он сейчас совсем не думал о Хью. Его рука судорожно стиснула серебряный кубок, который стоял перед ним на столе. Суставы пальцев побелели от напряжения.

Келсон снова посмотрел на документ, лежащий перед ним.

— Полагаю, что это письмо будет отправлено незамедлительно,— сказал он и получил утвердительный кивок Хью.— Отец Дункан, все это означает именно то, о чем я думаю?

— Сатана бы их обоих побрал и вверг на веки вечные в геену огненную! — пробормотал Дункан сквозь зубы.

Он вскинул голову, осознав, что говорит слишком громко. Затем покачал головой и оставил кубок в покое. Теперь тот стал овальным вместо круглого.

— Простите меня, принц,— пробормотал он и, тряхнув головой, продолжал: — Кажется, Лорис и Корриган решили наконец расправиться с Морганом. Я давно этого ждал, но никак не предполагал, что они наложат Интердикт на весь народ Корвина за действия одного человека.

— И тем не менее они собираются это сделать. Мы можем остановить их? — спросил обеспокоенный Келсон.

Дункан глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки, подавить вспыхнувший гнев.

Он медленно сказал:

— Мы должны помнить, что Лорис и Корриган видят в Аларике Моргане ключ ко всей проблеме Дерини. Он занимает самый высокий пост из всех известных Дерини в нашем королевстве, и он никогда не скрывал своего происхождения. Однако он никогда не показывал всем свое могущество. Но когда умер Брион, обстоятельства сложились так, что ему пришлось им воспользоваться, иначе бы ты погиб.

Нигель вмешался в их разговор:

— А, кроме того, для архиепископов магия — зло. И не забывайте, как Аларик дурачил их во время

коронации. Я думаю, что это одна из основных причин их теперешнего нападения на Моргана.

Келсон заерзал в кресле и стал изучать кольцо с рубином на своем пальце.

— Значит, Дерини будет объявлена война? Отец Дункан, мы не можем разводить религиозные распри перед большой войной, которая угрожает нашему государству. Как нам остановить их?

Дункан покачал головой.

— Не знаю. Я поговорю об этом с Алариком. Хью, у тебя есть еще что-нибудь для нас? Кто повезет это письмо? Да, и каким путем?

— Монсеньор Горони из приближенных Лориса,— ответил Хью. Он был изумлен тем, что видел и слышал.— Он и вооруженный эскорт на судне доберутся до Вольного порта Конкарадина, а оттуда поплывут на каком-нибудь купеческом корабле.

— Я знаю Горони,— кивнул Дункан.— А к окончательному варианту письма ничего добавлено не было? — он постучал по пергаменту наманикюренным ногтем.

Хью ответил ему:

— Ничего. Я сделал окончательную копию с этого письма,— он показал на стол,— и они при мне подписали и запечатали его. Конечно, я не знаю, что они сказали Горони, когда я ушел. И понятия не имею, что они могли сказать ему раньше.

— Ясно,— Дункан кивнул.— Есть что-нибудь еще, что мы должны знать?

Хью опустил глаза. У него было еще одно послание.

Но он слышал грубые слова Дункана как реакцию на первое письмо, и опасался, что теперь Дункан выругается покрепче.

Хью начал осторожно подбирать слова:

— Да, у меня есть еще кое-что, что вы должны знать, отец Дункан,— он замолчал в нерешительности.— И я не думал, что увижу вас здесь, но под мое перо сегодня попал еще один документ. И он уже касается вас лично.

— Меня? — Дункан посмотрел на Келсона и Нигеля.— Продолжай, ты можешь говорить здесь свободно.

Хью с трудом проглотил комок в горле и заговорил:

— Отец Дункан, Корриган обвиняет вас. Он вызывает вас на церковный суд, возможно, завтра утром, чтобы отстранить от должности...

— Что?

Дункан встал, не в силах поверить тому, что услышал. Его лицо стало мертвенно бледным.

Хью боялся поднять глаза. Он прошептал только:

— Мне очень жаль, Дункан. Вероятно, архиепископ думает, что вы как-то ответственны за то, что произошло во время коронации.

Он помолчал и посмотрел на Келсона:

— Прошу прощения, сэр. Корриган дал мне этот черновик час назад и сказал, что письмо ему нужно как можно скорее. Я отдал его одному из моих писцов, а сам пошел прямо сюда, намереваясь отыскать вас после того, как сообщу Его Величеству обо всех делах.

Наконец, он рискнул поднять глаза на Дункана:

— Дункан, неужели вы замешаны в магии? — прошептал он.

Дункан, как в трансе, пошел к камину. Глаза его расширились.

— Обвиняюсь,— все еще не веря, прошептал он, не обращая внимания на вопрос Хью.— Меня вызывают на суд.

Он посмотрел на Келсона.

— Мой король, меня завтра здесь быть не должно. Это не потому, что я испугался, ты же знаешь. Но если Корриган возьмет меня сейчас под арест...

Келсон кивнул.

— Я понимаю. Что от меня нужно?

Дункан подумал немного, посмотрел на Нигеля, а потом на Келсона.

— Пошли меня к Аларику. Его все равно нужно предупредить об угрозе Интердикта, и я буду в безопасности при его дворе. А, может быть, мне удастся склонить епископа Толливера задержать введение Интердикта.

— Я дам тебе дюжину моих лучших людей,— согласился Келсон.— Еще что-нибудь?

Дункан покачал головой, пытаясь сформулировать план действий.

— Хью, ты сказал, что Горони поедет по морю. Это путешествие займет три дня, а, может, меньше, если ветер будет сильным и они пойдут на всех парусах. Нигель, какова дорога в это время года между Ремутом и столицей Корвина?

— Ужасная. Но ты можешь опередить Горони, если будешь почаще менять лошадей в пути. А к тому же ты едешь на юг, так что погода будет лучше.

Дункан пригладил свои короткие темные волосы и кивнул.

— Хорошо. Я попытаюсь. Но, по крайней мере, я буду за пределами досягаемости Корригана, как только пересеку границу Корвина.

Дункан помолчал, потом добавил, как бы раздумывая про себя:

— Епископ Толливер когда-то был со мной в дружеских отношениях. Я сомневаюсь, что он арестует меня по одному слову Горони. А кроме того, Горони, может, и не будет знать об обвинениях против меня, даже если и прибудет туда раньше...

— Ну, хорошо, пусть так и будет,— сказал Келсон, вставая.

Затем он обратился к Хью:

— Отец, я благодарю тебя за преданность и не останусь в долгу. Но, может, тебе небезопасно возвращаться во дворец архиепископа после того, как ты раскрыл нам их карты? Я могу предложить тебе свою защиту. Или, если хочешь, поезжай вместе с отцом Дунканом.

Хью засмеялся:

— Благодарю за беспокойство, сэр, но я уверен, что смогу служить вам лучше, если вернусь к своим обязанностям. Меня еще не уличили в предательстве и, может быть, я смогу вам еще что-нибудь сообщить в дальнейшем.

— Отлично,— Келсон кивнул.— Удачи тебе, отец.

— Благодарю, сэр,— Хью поклонился.— А вы, Дункан,— он пожал Дункану руку и постарался заглянуть ему в глаза,— будьте осторожны, мой друг. Я не знаю, в чем вы провинились, да и не желаю знать, но мои молитвы всегда будут с вами.

Дункан похлопал его по плечу и кивнул. Затем Хью покинул покои короля.

Как только за ним закрылась дверь, Дункан взял со стола пергамент и стал его складывать.

Шелест пергамента был единственным звуком в комнате.

Теперь, когда у него созрел план и он уже мог управлять своими чувствами, он снова стал спокойным и невозмутимым. Дункан взглянул на Келсона, пряча письмо в карман своей сутаны.

Мальчик стоял у своего кресла, глядя невидящими глазами на дверь. Было ясно: он не замечал, что в комнате кроме него есть еще люди.

Нигель, который сидел напротив Дункана, тоже погрузился в свои мысли.

Дункан поднял свой кубок и осушил его. Он заметил погнутый край и понял, что сделал это в порыве ярости. Дункан поставил кубок на стол и посмотрел на Келсона.

— Я хочу взять это письмо с собой, если у тебя нет возражений, мой король. Аларик наверняка захочет взглянуть на него.

— Да, конечно,— ответил Келсон, придя в себя.— Дядя, ты позаботься об эскорте. И скажи Ричарду, что он тоже поедет. Отцу Дункану может понадобится надежный человек.

— Хорошо, Келсон.

Кошачьим движением Нигель поднялся из-за стола и направился к двери, мимоходом похлопав Дункана по плечу.

Когда дверь закрылась за ним, Келсон подошел к камину и, упершись лбом в сложенные руки, стал пристально смотреть в огонь.

Дункан заложил руки за спину и рассматривал пол перед собой.

Были некоторые вещи, которые они могли обсуждать только втроем: он, Аларик и Келсон, и Дункан почувствовал, что мальчик чем-то встревожен.

Однако Дункана несколько обеспокоило, что Келсон воспринял события сегодняшнего вечера чересчур спокойно, но он не мог рисковать задерживаться здесь.

Корриган мог приказать, чтобы ему вручили предписание уже сегодня. А к тому же, чем дольше он ждет, тем больше его опередит Горони со вторым письмом.

Дункан кашлянул и увидел, что при этом звуке плечи Келсона вздрогнули.

— Келсон,— сказал он,— мне пора.

— Я знаю.

— Ты не хочешь передать что-нибудь Моргану... какое-нибудь послание?

— Нет,— голос мальчика был напряженным, звенящим.— Только скажи ему... Скажи ему...

Он повернулся к Дункану. Лицо его было бледным, на нем было написано отчаяние.

Дункан в тревоге подошел к Келсону, обнял за плечи, повернул к себе и взглянул в его расширившиеся испуганные глаза.

Мальчик стоял весь сжавшийся, напряженный, пальцы стиснуты в кулаки, но не от негодования и ярости, а от страха. Его серые глаза, наполненные непрошенными слезами, не были глазами отважного юного короля, который в смертельной схватке победил и уничтожил зло, чтобы сохранить свой трон. Это были глаза ребенка, которого судьба слишком рано заставила стать взрослым и жить в этом суровом и безжалостном мире.

Дункан понял это в одно мгновение и сочувственно посмотрел на мальчика. Несмотря на то что он был королем, он был все еще четырнадцатилетним мальчиком, и в данный момент очень испуганным.

— Келсон?

— Пожалуйста, будь осторожен, отец,— прошептал Келсон. Голос его дрожал, слезы были готовы вырваться из глаз.

Повинуясь импульсу, Дункан привлек мальчика к себе, прижал его, почувствовав, как все его тело содрогается, и понял, что тот отдался очищающему и успокаивающему действию слез.

Дункан погладил Келсона по голове и ощутил, что тот расслабился, что его рыдания стали тише. Священник еще крепче прижал мальчика к себе и начал говорить мягким задушевым голосом:

— Давай поговорим, Келсон. Все это не так ужасно, если внимательно рассмотреть все обстоятельства.

— Да,— вскрикнул Келсон, уткнувшись лицом в плечо Дункана.

— Я не люблю противоречить королям, но, боюсь, что сейчас ты не прав, Келсон. Давай предположим, что случится самое худшее.

— Х-хорошо.

— Ну, отлично, тогда говори, о чем ты думаешь?

Келсон немного отстранился от Дункана, посмотрел на него снизу вверх, затем вытер глаза, повернулся к камину. Его плечи все еще обнимала рука Дункана.

— Что... — пробормотал он дрожащим голосом,— что случится, если тебя и Аларика арестуют, отец?

— Хм-м, это зависит от того, кто и когда,— ответил уклончиво Дункан, пытаясь успокоить мальчика.

— Предположим, Лорис.

Дункан подумал:

— Сначала я предстану перед духовным судом. Если они смогут что-то доказать, то они лишат меня сана, а, может, даже отлучат от церкви.

— А если они обнаружат, что ты наполовину Дерини, они убьют тебя? — настаивал мальчик.

Дункан задумчиво поднял брови.

— Они не обрадуются, если раскроют мою тайну,— сказал он.— Я бы лучше согласился на отлучение, чем на это. Вот это первая причина, почему я не хочу, чтобы меня арестовали. Это будет ужасно.

Келсон улыбнулся сквозь слезы:

— Ужасно. Да. Я согласен. А ты можешь убить их, если это случится?

— Скорее всего, нет,— ответил Дункан,— и это вторая причина, почему я не хочу попадать к ним в руки.

— А Аларик?

— Аларик? — Дункан пожал плечами.— Трудно сказать, Келсон. Кажется, Лорис просто хочет, чтобы Морган подчинился ему. Если Морган отречется от своего могущества и даст клятву никогда им не пользоваться, Лорис отменит Интердикт.

— Аларик никогда так не поступит,— горячо воскликнул Келсон.

— О, я в этом уверен,— согласился Дункан.— Тогда Интердикт обрушится на Корвин и мы будем втянуты как в политические, так и в религиозные столкновения.

Келсон удивленно посмотрел на него.

— Почему политические? Что случится?

— Так как Аларик — основная причина Интердикта, поэтому все люди Корвина откажутся идти на летнюю кампанию под его знаменами. Таким образом, ты лишишься пятой части своей армии. Аларик будет отлучен, так же, как и я. Ну, а дальнейшее ты можешь представить и сам.

— Я? Как?

— Все очень просто. Так как я и Аларик будем преданы анафеме, то мы будем как прокаженные. Любой, кто осмелится с нами общаться, тоже подвергнется наказанию. Так что перед тобой будет альтернатива. Или ты подчинишься диктату архиепископов и отречешься от меня и Аларика, потеряв тем самым лучшего генерала перед самой войной. Или же ты пошлешь к дьяволу архиепископов и примешь Аларика — тогда Интердикту подвергнется весь Гвинед.

— Они не посмеют.

— О, они посмеют. Пока твое звание короля защищало тебя, Келсон. Но боюсь, что это скоро кончится. Твоя мать предвидела это.

Келсон опустил голову, вспоминая то, что случилось неделю назад — как его мать, возможно случайно, описала все, что теперь произошло.

— Но я не понимаю, почему ты хочешь уехать так далеко, — спорил Келсон. — Почему Святой Жиль? Ты же знаешь, что от него всего несколько часов езды до Истмарта. Там через несколько месяцев начнется война.

Джехана спокойно продолжала собираться, выбирая платья из своего гардероба и передавая их своей девушке-служанке, а та складывала их в обитый кожей дорожный сундук.

Она все еще носила траур по своему мужу, так как прошло всего четыре месяца со дня смерти Бриона. Голова ее была непокрыта и каштановые волосы красно-золотым каскадом струились по спине, схваченные у шеи одной-единственной золотой заколкой.

Джехана повернулась к Келсону (Нигель предостерегающе нахмурился у нее за спиной), а затем вернулась к своему занятию.

Ее движения были спокойны и бесстрастны.

— Почему Святой Жиль? — переспросила она.— Потому что я жила там несколько месяцев много лет назад, еще до твоего рождения. Мне нужно уехать, если я хочу еще жить.

— Есть же тысячи более безопасных мест, если ты уж решила уехать,— сказал Нигель, нервно комкая край своего голубого плаща.— У нас много других забот кроме как беспокоиться о том, что на монастырь могут напасть разбойники и похитить тебя — если не хуже.

Джехана нахмурилась и покачала головой, глядя в глаза принцу.

— Дорогой Нигель, брат, как ты не можешь понять? Мне нужно уехать. И я поеду в Жанлис Меер. Если я останусь здесь и буду знать, как Келсон в любой необходимый момент может прибегнуть к своему могуществу, я буду вынуждена использовать свое, чтобы остановить его.

Она подумала и продолжала:

— Я разумом понимаю, что мне нельзя мешать ему, если я хочу, чтобы он жил. Но сердце, душа, все говорит мне, что я не должна позволять ему пользоваться его могуществом ни при каких обстоятельствах. Это могущество святотатственно, оно — страшный грех,— она повернулась к Келсону.— Если я останусь, Келсон, я буду вынуждена уничтожить тебя.

— Неужели ты сможешь сделать это, мать? — прошептал Келсон.— Неужели ты, Дерини, несмотря на то, что отреклась от своих предков, неужели ты можешь уничтожить своего сына, только за то, что он будет вынужден использовать свое могущество, которое ты же сама дала ему?

Джехана вздрогнула, как будто ее ударили.

Она отвернулась от Келсона, тяжело оперлась о стул, наклонив голову, как бы стараясь сдержать дрожь.

— Келсон,— начала она слабым, почти детским голосом.— Неужели ты не видишь, может, я и Дерини, но я не чувствую себя Дерини. Я чувствую себя человеком, я мыслю как человек. Всю свою жизнь меня учили, что Дерини — это грех, зло,— она повернулась к Келсону. Глаза ее расширились, в них был страх.— А если те люди, которых я люблю — Дерини, используют могущество Дерини, запрещенное святой

церковью, я этого не могу пережить, это разрывает меня на части. Неужели ты не видишь этого, Келсон? Я с ужасом жду того, что люди опять начнут гонения Дерини, как это уже было двести лет тому назад. Я не перенесу этого, если окажусь в самом центре событий.

— Ты уже в самом центре,— сказал Нигель,— хочешь ты этого или нет. И если случится то, чего ты боишься, то ты все равно не сможешь остаться в стороне.

— Я знаю,— прошептала она.

— Тогда почему же Святой Жиль? — сердито продолжал Нигель.— Это ведь владения архиепископа Лориса. Или ты думаешь, что он поможет тебе разрешить твой душевный разлад? Ведь этот Лорис — самый яростный гонитель Дерини на севере. Он скоро начнет действовать, Джехана. Он не сможет забыть о том, что произошло на коронации. А когда Лорис начнет свой крестовый поход против Дерини, я сомневаюсь, что даже положение Келсона сможет защитить его.

Они долго еще приводили разные доводы, но безуспешно.

— Вам меня не переубедить,— упрямо сказала Джехана.— Я сегодня уезжаю в Жанлис Меер. Я поеду к сестрам в Святой Жиль и буду там молиться, чтобы меня наставили на истинный путь. Будет так, Нигель. И пока я не узнаю, кто же я, я не смогу никому принести пользу.

— Ты мне нужна, мать,— сказал спокойно Келсон, глядя на нее нежным взглядом серых глаз.— Оставайся, пожалуйста.

— Я не могу,— прошептала Джехана, подавив рыдание.

— А если... если я прикажу как король? — звенящим голосом спросил Келсон. Жилы на его шее напряглись, так как он старался сдержать слезы.— Тогда ты останешься?

Джехана застыла на мгновение, ее глаза подернулись дымкой боли. Затем она отвернулась, плечи ее вздрагивали.

— Не спрашивай меня об этом, Келсон,— прошептала она.— Пожалуйста, не спрашивай и не заставляй отвечать.

Келсон было двинулся к ней, намереваясь уговорить ее, но Нигель прижал палец к губам, призывая молчать, и покачал головой.

Пригласив Келсона следовать за собой, он пошел к двери, открыл ее и ждал, пока Келсон неохотно выйдет из комнаты.

Они вышли медленными тяжелыми шагами, и приглушенные рыдания, которые слышались в комнате, когда они закрывали дверь, долго звучали в ушах Келсона, пока они шли по длинному коридору.

Келсон проглотил комок в горле и продолжал внимательно смотреть на огонь в камине.

— Значит, ты считаешь, что архиепископ нападет и на меня?

— Может, попозже. Пока что они решили не обращать внимания на то, что ты тоже Дерини. Но они не будут игнорировать этого, если ты пренебрежешь их Интердиктом.

— Я могу уничтожить их! — прошептал Келсон. Его глаза сузились, кулаки сжались. Он вспомнил о своем могуществе.

Дункан сказал:

— Но ты этого не сделаешь. Потому что если ты используешь свое могущество против архиепископов, независимо от того, правы они или нет, то это будет последним доказательством того, что Дерини действительно хотят уничтожить Церковь и Государство и установить новую диктатуру Дерини. Тебе любыми способами следует избегать прямого столкновения, чтобы тебя не обвинили в этом.

— Значит, Церковь загнала меня в тупик, в безвыходное положение?

— Не Церковь, мой король.

— Пусть так. Люди, которые ею управляют. Разве это не одно и то же?

Дункан покачал головой.

— Не совсем. Мы не с Церковью боремся, хотя на первый взгляд может показаться, что именно с ней. Мы боремся с идеологией, основной постулат которой: то, что необычно — грешно. Поэтому люди, родившиеся с необычными талантами и могуществом, грешны от

рождения, независимо от того, для каких целей они используют свои силы. Мы боремся с идиотской точкой зрения, что человек ответственен за случайность своего рождения. И все это потому, что какие-то люди совершили ошибку более трехсот лет назад, назвав целую расу людей другим именем. И эта раса с тех пор проклята и страдает от несправедливости, одно поколение за другим. Вот с чем мы боремся, Келсон. Корриган, Лорис, даже Венсит из Торента — все они просто пешки в этой большой игре, цель которой — доказать: человек ценен тем, что он с помощью своих способностей делает в жизни — добро или зло, независимо от того, кто он. Разве это имеет значение?

Келсон улыбнулся и опустил глаза.

— Ты говоришь совсем как Аларик. Или отец. Он часто говорил со мной так.

— Он бы гордился тобой, Келсон. Он был бы счастлив, если бы видел, каким ты стал. Если бы я имел сына... — он посмотрел на Келсона и их взгляды встретились. Затем Дункан ласково потрепал мальчика по плечу и подошел к столу.

— Мне пора, мой принц. Мы с Алариком постараемся держать тебя в курсе всех наших успехов или неудач. А ты во всем доверься Нигелю. Советуйся с ним. И не запугивай архиепископов, пока мы с Алариком подготавливаем почву.

— Не беспокойся, отец,— засмеялся Келсон.— Я не буду спешить. Я больше не боюсь.

— Да, постарайся удерживать свой темперамент Халданов,— увещающе произнес Дункан.— Через неделю увидимся в Кулди. Храни тебя Господь.

— И тебя тоже, отец,— прошептал Келсон, когда священник исчез за дверью.

ГЛАВА III

Лорд Роберт Тендаль монотонно читал счета арендаторов лорда Аларика Моргана. Закончив абзац, он поднял глаза от документа и, нахмурившись, посмотрел на своего хозяина.

Герцог смотрел через окно на пустынный луг внизу, мысли его блуждали где-то далеко. Ноги его покоились на низенькой скамеечке, обитой зеленым бархатом, а голова лежала на спинке высокого резного кресла. По выражению его лица было ясно, что он ничего не слышит.

Лорд Роберт осторожно кашлянул, но ответа не последовало. Он поджал губы и снова посмотрел на герцога, затем поднял свиток, который читал, и бросил его на пол.

Это от удара гулко отдалось в тесной комнате.

Падение свитка со стола вывело герцога из состояния полной отрешенности.

Лорд Морган встрепенулся и попытался смущенной улыбкой оправдаться за то, что его застали за таким недостойным занятием, как сон днем.

— Ваша Милость, вы же не слышали ни слова из того, что я читал,— с укором сказал Роберт.

Морган покачал головой и улыбнулся, лениво погладив лицо рукой.

— Прошу прощения, Роберт. Я просто задумался.

— Конечно.

Когда Роберт снова привел в порядок документы, Морган встал и потянулся. Он пригладил волосы, осмотрел комнату и снова сел.

— Хорошо,— он вздохнул, склонился к столу и постучал по документу согнутым пальцем.— Мы рассмотрели счета Доннераля, да? Кажется, они в полном порядке.

Роберт отодвинул на несколько дюймов свое кресло и опустил перо.

— Конечно, они в порядке, Аларик. Но мы должны были выполнить эту формальность. Ведь эти счета характеризуют часть ваших владений — и довольно большую часть, которую вы скоро потеряете, так как она пойдет в приданное леди Бронвин. И даже если вы с лордом Кевином думаете как-то договориться, то отец Кевина хочет, чтобы все было по закону.

— Но ведь не отец Кевина женится на моей сестре! — возразил Морган.

Он искоса посмотрел на Роберта, а затем позволил себе улыбнуться.

— Послушай, Робби, будь добр, дай мне отдохнуть остаток дня. Мы ведь знаем, что все счета и документы в полном порядке. И если ты не хочешь избавить меня от их просмотра, то давай хотя бы отложим на завтра.

Роберт постарался выглядеть сурово, осуждая поведение Моргана, но затем сдался и поднял руки вверх.

— Хорошо, Ваша Милость,— сказал он, собирая свитки и бумаги.— Но как ваш секретарь я должен напомнить, что до свадьбы осталось менее двух недель. И что у вас завтра приемный день, и что завтра прибудет посол Орсаля из Хорта, и что лорд Генри де Вера хочет знать, что вы намерены делать с этим Варинном де Греем, и...

— Да, Роберт, завтра, Роберт,— сказал Морган, придавая лицу самое невинное выражение и с трудом сдерживая торжествующую улыбку.— Ну, а теперь я надеюсь, что ты меня извинишь, Роберт?

Роберт воздел глаза к небесам, как бы призывая богов в свидетели тому, что он сделал все, что мог. Затем в отчаянии махнул рукой.

Морган вскочил с кресла, с шутливым почтением поклонился и выбежал в большой зал.

Роберт посмотрел ему вслед, вспоминая тощего вихрастого мальчика, который стал этим мужчиной — Герцогом Кервина, Лордом-генералом Королевских Армий, Королевским Чемпионом — и колдуном Дерини.

Роберт истово перекрестился при этой последней мысли, так как кровь Дерини в жилах Моргана была единственным, о чем он не хотел вспоминать, он, который служил семье Корвинов всю жизнь.

Корвины всегда хорошо относились к нему. Его семья, лорды Тендали, были секретарями Корвинов уже в течение двухсот лет, со времен Реставрации. Этот пост передавался по наследству. И все эти годы Корвины были честными и справедливыми правителями, несмотря на то, что они были Дерини. Объективно рассуждая, у Роберта не было к ним никаких претензий. Конечно, временами ему приходилось считаться с капризами Моргана, вроде сегодняшнего. Но это было лишь частью игры, в которую они играли. У герцога наверняка есть серьезные причины настаивать на том, чтобы не заниматься сегодня разбором документов.

Роберт забрал документы и запер их в ящик у окна.

В действительности, оно и к лучшему, что герцог отменил работу еще до полудня. Возможно, Морган совершенно забыл о том, что на сегодняшний вечер назначен большой обед. И если Роберт не отдаст необходимых распоряжений, то может случиться большой конфуз. Морган всегда старался уклониться от выполнения официальных обязанностей, если, конечно, они не были абсолютно необходимы. А то, что на обеде будет присутствовать много молодых леди, которые страстно желают стать следующей герцогиней Корвина, не улучшило бы настроения Моргана.

Тихонько посвистывая и потирая руки, Роберт направился к двери, через которую вышел Морган.

Смотреть на Моргана, который будет вертеться под атаками молодых леди сегодня вечером, будет очень интересно. Роберт едва мог дождаться вечера.

Выйдя из холла на улицу, Морган безумно окинул взглядом двор. Вдали у конюшен он увидел мальчика, бежавшего за огромным каурым жеребцом, которого Морган недавно купил у купцов из Хорта.

Конь был великолепен. Каждый его шаг равнялся трем или четырем шагам мальчика.

Взглянув налево, Морган увидел своего помощника, лорда Дерри, который горячо спорил с кузнецом Джеймсом, очевидно, пытаясь согласовать вопрос о том, как же подковать жеребца. Дерри увидел Моргана и поднял руку в знак приветствия, но свою перебранку с кузнецом не прекратил. Дерри относился к лошадям очень серьезно. Он считал себя большим знатоком их. Впрочем, он действительно знал в них толк, и поэтому не мог уступить в споре простому кузнецу.

Морган был рад, что Дерри не подошел к нему. Молодой лорд был всем хорош, но не всегда улавливал настроение своего хозяина. И хотя Морган любил Дерри, сейчас он хотел побыть один.

Поэтому он и сбежал от счетов лорда Роберта при первой же возможности. Ему нужно много обдумать, да еще ему предстоит сегодня трудный вечер.

Морган прошел к боковым воротам и вошел в сад. Там после долгой зимы все было мертво, и благодаря этому он мог побыть здесь в одиночестве.

Морган увидел человека, который чистил клетки соколов в части сада, примыкавшей к конюшням. Однако он знал, что этот человек не нарушит его одиночества.

Жиль, сокольник, был немым, однако он обладал острым слухом и зрением, которые как бы компенсировали его недостатки. Жиль предпочитал общаться с соколами, искусно подражая их посвистываниям и пощелкиваниям. Он, конечно, не нарушит уединения герцога, который решил побыть один в пустынном саду.

Морган медленно пошел по дорожке, заложив руки за спину. Он знал, почему ему сегодня так тревожно.

Во-первых, неблагоприятная политическая обстановка, развитие которой победа Келсона только замедлила, но не приостановила. Чарисса мертва и ее союзник предатель Ян тоже. Но теперь на сцену выходил гораздо более опасный и могущественный враг — Венсит из Торента. Уже поступали сообщения, что его отряды видели в северных горах.

И Кардоса — вторая проблема. Как только Венсит сможет преодолеть снежные перевалы — а это будет уже скоро — он снова нападет на город. Подойти к Кардосе с востока можно будет уже через неделю, когда сойдут снега. А вот с запада, откуда может подойти помощь, дорога с марта по май совершенно непроходима. Так что помощь сможет подоспеть только в конце мая, когда высохнут все топи и трясины. Но тогда будет уже поздно.

Морган остановился у одного из садовых прудов и посмотрел рассеянным взглядом в глубину.

Садовники уже убрали остатки льда и расчистили дно, и теперь в спокойной воде ныряли длиннохвостые золотые рыбки. Они изредка попадали в его поле зрения, лениво шевеля плавниками. Он улыбнулся, вспомнив, что может их позвать и они приплывут на зов.

Он перевел взгляд на поверхность воды и стал изучать свое отражение. С гладкой поверхности пруда на него смотрел высокий светловолосый мужчина. Большие серые глаза на овальном лице, бледном после долгой зимы. Коротко стриженные волосы отливают золотом в лучах яркого вечернего солнца. Широкий рот, полные губы, квадратный подбородок. Бакенбарды подчеркивают острые скулы.

Морган поморщился, увидев на себе короткий зеленый камзол, на котором красовался золотой грифон. Это было эффектно, но неправильно. Моргану не нравилось все это. Грифон Корвина должен быть зеленым на черном поле, а не золотым на зеленом.

А эта маленькая шпажонка, усыпанная бриллиантами, которая болталась у него на поясе! Это же пародия на боевое оружие — красивая, но совершенно бесполезная. Лорд Ратхольд, который заведовал его гардеробом, уверял, что она совершенно необходима для человека, занимающего его положение в обществе.

Морган смотрел на свое помпезное отражение в воде...

Когда он мог одеваться по собственному вкусу, он предпочитал черный бархатный камзол поверх кольчуги и кожаные штаны для верховой езды, обтягивающие ноги, а вовсе не эти яркие шелка, кружева и осыпанные драгоценностями булавки, которые, как считают многие, должен носить герцог.

И все же ему приходится делать уступки в своей одежде. Народ Корвина не видел своего герцога больше года, когда он был занят службой при дворе в Ремуте. И теперь, когда он, наконец, здесь, люди имеют право на то, чтобы видеть его в одежде, соответствующей его званию.

Но видят они далеко не все.

Они, например, не знают, что эта шпажонка — вовсе не единственное его оружие, что у него в потайных ножнах в рукаве таится грозный стилет и что его пышная одежда на сегодняшнем обеде будет скрывать тончайшую, но прочную кольчугу. Ведь показывать недоверие к гостям — это грубейшее нарушение этикета, освященного веками.

— Однако этот обед будет последним,— подумал Морган и пошел дальше.— Как только просохнут дороги, пора возвращаться в Ремут на службу короля. В этом году уже другой король. Ведь Брион умер... А последнее послание Келсона означает...

Течение его мыслей было прервано звуком шагов по гравию дорожки и, повернувшись, он увидел лорда Хилари, командира гарнизона замка.

Хилари быстро шел к нему. Его голубой плащ развевался по ветру, а круглое лицо выражало растерянность.

— Что случилось, Хилари? — спросил Морган, когда тот приблизился и отдал поспешный салют.

— Я не понимаю, Ваша Милость. Дозорные в гавани сообщают, что к нам поворачивает несколько кораблей и к вечернему приливу они будут здесь. Ваш корабль «Рафалия» — во главе флотилии и несет на себе вымпел, означающий, что на борту письмо короля. Может, это приказ о мобилизации, сэр?

— Вряд ли, — ответил Морган и отрицательно покачал головой. — Келсон бы не доверил такое важное послание транспортному кораблю. Он бы послал курьера, — Морган нахмурился. — А мне казалось, что флот был послан только до Конкарадина.

— Так им и было приказано, милорд. А они еще возвращаются на день раньше.

— Странно, — прошептал Морган, забыв, что Хилари здесь. — Ну, что же. Пошлите в порт встретить «Рафалию», когда она бросит якорь. Дайте мне знать, как только прибудет посланец короля.

— Хорошо, милорд.

Когда Хилари удалился, Морган задумчиво провел рукой по волосам и снова стал расхаживать по саду.

То, что Келсон послал письмо с кораблем, было очень странно. Он никогда так раньше не делал. Особенно в это время года, когда погода здесь, на севере, очень неустойчива.

На всем этом лежала печать чего-то зловещего, как в том сне!

Он внезапно вспомнил сон, который видел прошлой ночью и понял, что этот сон тоже был одной из причин его сегодняшнего беспокойства. Морган плохо спал, что было для него необычно, так как он мог легко заставить себя уснуть. Но в эту ночь его мучили кошмары. Странные живые жуткие существа, которые заставляли его просыпаться в холодном поту.

Он видел Келсона, который напряженно слушал кого-то, у которого Морган мог видеть только спину, и Дункана, чье лицо, обычно спокойное и бесстрастное, на сей раз было встревоженным и разгневанным, что было непохоже на его кузена.

И затем призрачное, наполовину спрятанное в капюшоне лицо, лицо человека из легенды. Лицо Камбера Кулди, бывшего святого, патрона магии Дерини.

Морган очнулся от дум и увидел, что стоит перед гротом Времени, который уже триста лет служил местом уединения герцогов Корвина.

Садовники поработали уже и здесь. Они сгребли в кучу от входа в грот старые листья и сожгли их, но внутри еще валялись обломки льда.

Повинуясь импульсу, Морган потянул на себя скрипучую дверь и вошел внутрь.

Взяв со стены у входа горящий факел, он отгреб ногами обломки льда и пошел в холодную глубину грота.

Грот Времени внутри был невелик, хотя снаружи он возвышался над уровнем сада на 20 футов. Он был сделан из огромных камней. Летом и весной эти камни зарастали густым кустарником и небольшими деревьями, между которыми росли цветы. С одной из каменных стен пещеры стекал ручеек, образуя небольшой водопад.

Внутри это строение выглядело как настоящая пещера. Стены были неотделанными, грубыми и сырыми. Когда Морган вошел туда, он почувствовал, что низкий потолок давит на него.

Слабый солнечный свет проникал сквозь маленькое зарешеченное окно в протовоположном конце пещеры и падал на черный мраморный саркофаг, который занимал большую часть пространства комнаты. Это была гробница Доминика, первого герцога Корвина. В центре пещеры стояло вырубленное из целого камня кресло, обращенное к саркофагу. На саркофаге стоял подсвечник со свечами. Но металл его потускнел за долгую зиму. Наполовину сгоревшие свечи были изъедены мышами.

Однако Морган пришел сюда не для того, чтобы почтить память своего предка. Его влекло другое.

Боковая стена пещеры была тщательно отделана. На ней изображались мозаичные портреты тех, кто покровительствовал дому Корвинов.

Морган одним взглядом окинул их: Троицу, Архангела Михаила, поражающего мечом дракона Тьмы, Святого Георгия и его дракона. Были еще и другие, но Моргана интересовал только один.

Повернувшись налево, он сделал три привычных шага, которые привели его к противоположной стене. Затем

он поднял факел, и перед ним возникло изображение Камбера Кулди, лорда Дерини Кулди, Дефенсора Хомини.

Морган так и не мог понять эти странные чувства, которые овладевали им, когда перед ним был этот святой. Он оценил этого святого совсем недавно, когда вместе с Дунканом боролся за то, чтобы сохранить Келсона на троне.

Тогда у него были Видения.

В первый раз Морган ощутил чье-то присутствие. У него возникло чувство, что его коснулись чьи-то руки и чья-то энергия потекла через него.

Но затем он увидел лицо — а, может, он просто думал, что видит его. И все это оказалось каким-то образом связанным с легендарным святым Дерини.

Святой Камбер. Камбер Кулди.

Имя, которое громко прозвучало в истории Дерини.

Камбер, который открыл в мрачные годы Царствования, что могущество Дерини можно в некоторых случаях передать человеку.

Камбер, который возглавил движение за Реставрацию и снова привел людей к власти.

За это он был канонизирован, причислен к лику святых. Благодарное человечество воздало пышные почести тому, кто покончил с ненавистной диктатурой Дерини. Но память человеческая коротка. Пришло время, когда люди забыли мучения, принятые от злых Дерини. Настали времена черной реакции, пролетевшей бурей по Одиннадцати Королевствам, времена, которых многие люди теперь стыдились и которые желали бы забыть.

Тысячи невинных Дерини пали жертвами начавшихся гонений. Приняли смерть от мечей или были убиты другими изощренными способами. Считалось, что они принимали кару за все то, что делали их отцы.

Когда гроза утихла, осталась только горстка Дерини. Некоторые из них скрывались в убежищах, другие получили покровительство у высокопоставленных лордов, которые еще не забыли, как все было на самом деле.

Естественно, что в годы реакции первой жертвой пал Камбер Кулди. Он был вычеркнут из списков Святых.

Камбер Кулди, Дефенсон Хоминум, Камбер Кулди, патрон магии Дерини.

Камбер Кулди — вот на кого смотрел сейчас Морган с нетерпеливым любопытством, пытаясь понять, какие же странные узы связывают его с давно умершим лордом Деррини.

Морган поднес факел поближе к мозаике, стараясь уловить более тонкие черты лица на примитивном изображении. Глаза смотрели прямо на него — легкий взгляд казался живым над твердым решительным подбородком. А остальная часть лица находилась в тени под монашеским капюшоном, накинутым на голову.

Однако у Моргана сложилось твердое впечатление, что у Камбера светлые волосы. Он не мог сказать, откуда оно у него. Возможно, это отголоски тех видений, что у него были.

Дрожь пробежала по его спине, когда он вспомнил видения. Был ли это действительно Камбер Кулди? Или не он?

Ну, а если не Святой Камбер, тогда кто же?...

Другой Деррини?

Никто из людей не смог бы так сильно воздействовать на него и его мозг.

А если это Деррини, то почему он не объявится и не поговорит? Ведь он знает, что должен чувствовать Морган при этих видениях.

Кажется, он помогает Моргану, но почему же тайно?

Наверное, это все-таки Святой Камбер.

Морган вздрогнул при этой мысли и перекрестился, а затем взял себя в руки. Такие размышления могут привести его бог знает куда. Он должен мыслить здраво и хладнокровно.

Внезапно он услышал какой-то шум во дворе за садом, а затем шаги бегущего по дорожкам человека.

— Морган! Морган!

Проскользнув по узкому проходу обратно, Морган вставил факел назад в отверстие в стене и вышел из грота на солнечный свет. Дерри тут же заметил его и побежал к нему прямо по газонам.

— Лорд! — кричал Дерри. Его лицо светилось от возбуждения. — Выходите во двор, посмотрите, кто здесь!

— «Рафалия» еще не в порту? — спросил Морган, направляясь к двери.

— Нет, сэр, — засмеялся Дерри, качая головой. — Вы сами увидите, идем!

Заинтригованный Морган, удивленно подняв брови, пошел за Дерри.

На лице Дерри светилась улыбка от уха до уха. А это обычно означало присутствие хорошей лошади, красивой женщины или...

— Дункан! — Морган вслух выкрикнул то, что пришло ему в голову. Он прошел через садовые ворота и во дворе увидел своего кузена.

Дункан слезал со своего огромного серого жеребца.

Его черный плащ намок и был забрызган грязью, полы дорожной сутаны обтрепаны и тоже в грязи.

Двенадцать воинов в королевских цветах, сопровождавшие его, тоже спрыгивали со своих коней. Среди них Морган узнал личного слугу Келсона, молодого Ричарда Фиц Вильяма, который держал под уздцы жеребца, когда Дункан спешил.

— Дункан! Старый проныра! — воскликнул Морган, огромными прыжками устремляясь через мощный булыжником двор, к своему кузену. — Какого дьявола ты здесь, в Короте?

— Решил заехать в гости, — ответил Дункан. Его глаза светились удовольствием, когда он и Морган обнялись, радостно приветствуя друг друга. — В Ремуте стало слишком жарко, и я решил навестить любимого кузена. Уверен, архиепископ очень рад, что избавился от меня.

— Хорошо, что он сейчас не видит тебя, — рассмеялся Морган, когда Дункан снял с коня пару седельных сумок и перебросил их себе на плечо. — Ты только посмотри на себя! Весь в грязи и пахнет от тебя, как от лошади. Пойдем, ты вымоешься. Дерри, проследи, чтобы об охране Дункана тоже позаботились. А потом пришли слуг, чтобы приготовить ванну.

— Хорошо, милорд. — Дерри поклонился и направился к воинам. — Добро пожаловать в Корот, отец Дункан.

— Благодарю, Дерри.

Дерри отправился отдавать распоряжения, а Морган и Дункан поднялись по ступеням и вошли в большой холл.

Там царила страшная суэта: шла подготовка к сегодняшнему вечеру.

Толпы слуг и служанок носились взад и вперед, расставляя столы и скамьи, развешивая гобелены, снятые раньше для чистки по случаю такого события.

Через холл туда и обратно бегала кухонная прислуга и повара, очевидно, уже вовсю занятые своим делом.

Пажи тщательно полировали металлические части кресел, стоящих вокруг главного стола.

Всей этой кутерьмой управлял лорд Роберт. Ничто не ускользало от его бдительного взора.

Когда столы были расставлены, Роберт приказал девушкам принести из кухни масло и протереть им столы, чтобы снять паутину, образовавшуюся за долгие годы. Затем он стал руководить размещением на столах роскошных канделябров из сокровищницы герцога.

Справа в холле лорд Гамильтон, сенешаль замка Корот, обдумывал план размещения музыкантов, которые будут во время обеда услаждать слух гостей.

В данный момент он горячо спорил со знаменитым трубадуром Гвидоном, которого пригласил Морган.

Когда подошли Морган с Дунканом, маленький трубадур уже был вне себя от гнева. Он приплясывал на полу, чуть не выскакивая из своего камзола. В его глазах горела ярость. Он топнул ногой и отвернулся от Гамильтона с явным отвращением.

Морган поймал его взгляд и поманил пальцем.

Трубадур бросил на Гамильтона последний негодующий взгляд, подошел к Моргану, поклонился ему и сказал:

— Ваша Милость! Я не желаю больше работать с этим человеком. Он туп, самодоволен и не имеет никакого отношения к искусству.

Морган постарался скрыть улыбку.

— Дункан, я имею честь представить тебе мастера Гвидона Пленнета. Это самый яркий талант при моем дворе. Должен добавить, что он самый искусный исполнитель баллад во всех Одинадцати Королевствах — конечно, когда он не ссорится с моими слугами. Гвидон, это мой кузен по отцу, монсеньюр Дункан Мак Лейн.

— Добро пожаловать в Корот, монсеньер! — пробормотал Гвидон, игнорируя все пылкие похвалы и последние ехидные слова Моргана. — Его Милость много

и хорошо говорил о вас. Я думаю, что пребывание здесь доставит вам удовольствие.

Дункан ответил ему с поклоном:

— Благодарю. В Ремуте о тебе много говорят. Утверждают, что ты лучший трубадур со времен Ловиллина. Я уверен, что ты с успехом подтвердишь свою репутацию.

— Гвидон будет петь сегодня вечером, если ему самому разрешат расположить музыкантов, монсеньор,— трубадур поклонился.— Но если лорд Гамильтон настаит на своей идиотской расстановке, то боюсь, что мое пение ничего, кроме головной боли, не вызовет. Так что тогда я, конечно, не буду участвовать в концерте.

Он величественно выпрямился и театральным жестом сложил руки на груди. Морган едва сдерживался, чтобы не расхохотаться.

— Отлично,— сказал он, кашлянув, чтобы подавить улыбку.— Передай Гамильтону, что я разрешил тебе сажать музыкантов по своему усмотрению. И я не желаю больше слышать о ссорах, понятно?

— Конечно, Ваша Милость!

С коротким поклоном он круто повернулся и пошел обратно со все еще сложенными на груди руками.

Когда он подошел к своему месту, лорд Гамильтон заметил его и повернулся к Моргану, прося поддержки. Но Морган просто покачал головой и жестом показал на Гвидона.

Со вздохом, который можно было услышать даже на улице, Гамильтон поклонился Моргану и оставил поле битвы своему сопернику.

Гвидон с достоинством занял его место и, надувшись, как индюк, начал распоряжаться.

— Он всегда так горяч? — спросил Дункан, оглядываясь назад, когда они с Морганом прошли через холл и стали подниматься по узкой лестнице.

— Нет, не всегда. Обычно еще хуже.

Они поднялись наверх, и подошли к тяжелой двери, в которую было вделано изображение Грифона Моргана.

Морган прикоснулся к его глазу своим перстнем, и дверь бесшумно открылась.

Они вошли в личный кабинет Моргана, его комнату магии, его святая святых.

Эта круглая комната, примерно метров тридцати в диаметре, размещалась в самой высокой башне замка. Толстые стены были сложены из грубого камня. Их прорезали окна с зелеными стеклами высотой от уровня глаз человека до потолка. По ночам, когда в комнате горели свечи, башню было видно за много миль. Семь окон светились как семь зеленых маяков в ночном небе.

Справа от двери находился большой камин с отверстием шесть на восемь футов. Над ним висело шелковое знамя с тем же изображением Грифона, что и на двери кабинета.

На камине были расставлены различные ритуальные предметы. Всю противоположную сторону занимала гобеленовая карта всех Одиннадцати Королевств. Под ней стоял огромный книжный шкаф, набитый толстыми томами.

Слева от шкафа располагался тоже огромный письменный стол с резным креслом возле него. Слева от стола — диван, покрытый черной меховой накидкой. А слева от двери — небольшой алтарь темного дерева, на котором стояло распятие.

Все это Дункан охватил взглядом в одно мгновение, а затем его внимание было привлечено к центру комнаты, где в туманном изумрудном свете, струившемся из круглого окна в потолке, стоял небольшой круглый стол.

К столу были придвинуты два удобных, обитых зеленой кожей, кресла. В центре стола находилась золотая статуэтка Грифона, в когтях которого покоился прозрачный янтарный шар диаметром в четыре дюйма.

Дункан присвистнул от удивления и подошел к столу, не отрывая взгляда от янтарного шара.

Сначала он хотел дотронуться до него, но затем изменил свои намерения и остановился, восхищенно глядя на него.

Морган подошел к нему, улыбнулся и облокотился о спинку кресла.

— Ну, как? — спросил он.

Вопрос был чисто риторическим, так как вид Дункана с полной очевидностью говорил о его реакции.

— Изумительно,— прошептал Дункан с тем благоговейным трепетом, с которым говорит знаток и любитель

искусства при виде шедевра.— Откуда у тебя такой огромный... ведь это же кристалл шираля, да?

Морган кивнул:

— Да, конечно. Его привез для меня несколько месяцев назад один торговец из Хорта Орсаля. И, должен добавить, за огромные деньги. Ну, не бойся. Притронься, если хочешь.

Дункан сел в одно из кресел, и седельные сумки, о которых он совершенно забыл, стукнулись о край стола. Он с удивлением посмотрел на них, а затем вспомнил, и на его лице появилась тревога.

Дункан положил сумки на стол и начал говорить, но Морган покачал головой.

— Сначала кристалл,— сказал он, видя беспокойство кузена.— Я не знаю, что у тебя такое, что ты считаешь самым важным, но все равно это может подождать.

Дункан прикусил губу и долго смотрел на Моргану. Затем кивнул, согласившись, и опустил сумки на пол.

Он глубоко вздохнул, сложил руки вместе, выдохнул и стал приближать ладони к шару.

Как только он расслабился, шар стал светиться.

— Великолепно,— выдохнул Дункан, опуская руки ниже, чтобы видеть поверхность шара.— С кристаллом такого размера я могу формировать изображение без всякого труда и с первой попытки.

Снова сконцентрировавшись, он устремил взор вглубь кристалла и свечение стало усиливаться.

Шар перестал быть дымчатым и сделался совершенно прозрачным, ритмично подергиваясь дымкой, как будто внутри что-то дышало, а затем в далеком тумане стало вырисовываться человеческое изображение.

Это был высокий мужчина с серебрянными волосами, в одежде архиепископа, в митре, с тяжелым нагрудным крестом, усыпанным драгоценными камнями. Он был в гневе.

— Лорис,— подумал про себя Морган, наклонившись поближе, чтобы рассмотреть изображение.— Какого дьявола он здесь появился? Вероятно, он полностью занимает мысли Дункана.

Дункан резко отдернул руки от шара, как будто тот внезапно раскалился и обжег его. Черты его лица исказились от отвращения. Когда его руки потеряли контакт с шаром, изображение стало медленно таять, и

шар постепенно приобрел первоначальный вид. Он опять стал дымчатым янтарем.

Дункан обтер руки о сутану, как бы стараясь избавиться от чего-то мерзкого и противного. Затем он с трудом овладел собой и начал говорить, глядя на свои руки.

— Теперь тебе ясно, что я приехал не просто в гости,— горько сказал он.— Я не мог этого скрыть даже от кристалла.

Морган кивнул.

— Я понял это, как только ты спрыгнул с коня,— он рассеянно посмотрел на свое кольцо с Грифоном.— Ты хочешь рассказать мне, что же произошло?

Дункан вздрогнул.

— Это непросто, Аларик. Меня... меня лишают сана...

— Лишают сана? — в голосе Моргана звучало искреннее удивление.— За что?

Дункан сделал попытку улыбнуться.

— Разве ты не догадываешься? Ахиепископ Лорис убедил архиепископа Корригана, что мое участие в коронации не ограничивалось только ролью исповедника Келсона. А это, к несчастью, правда. Может, они уже подозревают, что я наполовину Дерини. Они хотели вызвать меня для ответа в церковный суд, но нашелся верный друг, который вовремя предупредил меня. В общем, случилось то, чего мы так боялись.

Морган опустил глаза.

— Мне очень жаль, Дункан. Я же знаю, как много значит для тебя сан священника. Я... я не знаю, что сказать.

Дункан слабо улыбнулся.

— Все гораздо хуже, чем ты думаешь, мой друг. Если бы просто лишение сана, то бог с ним, я бы пережил. Я понял, что чем больше я действую как Дерини, тем меньшее значение для меня имеют мои священнические обеты и клятвы,— он сунул руку в одну из седельных сумок и достал свернутый лист пергамента, который положил на стол перед Морганом.— Это копия письма, адресованного твоему епископу Толливеру. Мой друг, который служит в канцелярии Корригана, с большим риском выкрал его для меня. Основное в этом письме то, что Лорис и Корриган

требуют от Толливера твоего отлучения от церкви, если ты не отречешься от своего могущества и не проведешь остаток дней в раскаянии и смирении. Это слова архиепископа Корригана.

— Мне отречься? — фыркнул Морган. На его лице отразилось презрение.— Они, должно быть, шутят,— он потянулся к письму, но Дункан перехватил его руку.

— Я еще не кончил, Аларик,— спокойно сказал он, глядя в глаза Моргану.— И, если ты не отречешься и пренебрежешь их приказом, они отлучат от церкви не только тебя, они отлучат и весь Корвин. Интердикт, понимаешь?

— Интердикт?

Дункан кивнул и отпустил руку Моргана.

— А это означает, что во всем Корвине церковь прекратит свою деятельность. И не будет ни служб, ни крещений, ни венчаний, ни похорон, ни отпеваний — ничего. Я не уверен, что народ Корвина хорошо отнесется к этому.

Морган стиснул зубы и взял письмо. Он начал читать, и по мере чтения в его глазах появились холод и сталь.

— Его преосвященству Ральфу Толливеру, епископу Корта... дорогой брат, до нас дошли сведения... Герцог Аларик Морган... греховная магия... против законов церкви и государства... герцог не отречется от своего запретного могущества Дерини... отлучить... Интердикт на Корвин... надемся, что вы это сделаете... Проклятие!

Яростно выругавшись, Морган скомкал письмо и швырнул его на стол.

Он сел в кресло, тяжело дыша.

— Чтоб их пожрали в аду отвратительные чудовища, чтобы им каждую ночь во сне являлись тринадцать демонов! Будь они прокляты, Дункан! Что они хотят сделать со мной?

Дункан улыбнулся:

— Ну, теперь ты успокоился?

— Нет. Ты понимаешь, что Лорис и Корриган нанесли мне удар в самое уязвимое место? Они знают, что мое влияние в Корвине основано не на том, что народ любит меня, Моргана. Если духовный суд Гвинеда предаст меня анафеме, то они знают, что я не могу просить свой народ, чтобы он лишился всех таинств святой церкви.

Дункан откинулся в кресле и выжидающе посмотрел на Моргана.

— Так что же нам делать?

Морган расправил скомканное письмо, снова просмотрел его, и опять с отвращением бросил его на стол.

— Толливер уже получил оригинал?

— Вряд ли. Монсеньор Горони отплыл на «Рафалии» два дня назад. По моим расчетам, если они верны, он должен прибыть завтра.

— Вернее, через три часа, когда начнется прилив,— возразил Морган,— Горони, должно быть, хорошо заплатил капитану, чтобы добраться поскорее.

— Есть возможность перехватить письмо?

Морган поморщился и покачал головой.

— Я не хочу рисковать. Ведь в этом случае я посягну на неприкосновенность церкви. Нет, я должен допустить Горони к Толливеру.

— Ну, а если я сначала нанесу Толливеру визит? Если я покажу Толливеру эту копию и объясню всю ситуацию, может он согласиться ничего не предпринимать несколько месяцев? А кроме того, я уверен, что ему вовсе не понравится получать приказы Лориса и Корригана. Ведь для него не секрет, что они используют его как простую пешку в своей игре против нас. Мы можем сыграть на его самолюбии. Может, он тогда задержит Интердикт? Как ты думаешь?

Морган кивнул:

— Это может получиться. Тогда иди готовься: мойся, переодевайся. И передай Дерри, чтобы приготовил для тебя свежую лошадь. Пока ты будешь одеваться, я напишу Толливеру письмо с просьбой о поддержке. Это не совсем простое дело,— он поднялся, подошел к письменному столу, разложил бумагу и пододвинул к себе чернильницу.— Каким-то образом я должен добиться нужного соотношения между моим положением герцога, верноподданическими чувствами к церкви и нашей с ним долгой дружбой. И при всем этом необходимо оттенить на второй план все связанное с Дерини. Тогда совесть Толливера не позволит ему выступить против меня.

Через четверть часа Морган уже поставил свою подпись под письмом и украсил ее затейливым росчерком, исключавшим возможность подделки. Затем он капнул на лист зеленый воск и приложил к нему свой перстень. На воске четко отпечаталось изображение Грифона.

Он мог бы сделать печать и без воска. Его кольцо Дерини могло отпечатываться прямо на бумаге, но Морган знал, что это не понравится епископу. Его преосвященство ничего не имел против Дерини, но все же существовали пределы, за которые Морган не хотел переступать. Лишь малейшее присутствие магии Дерини могло испортить все впечатление от письма.

Морган свернул пергамент и приготовился положить еще одну печать.

Тут как раз вернулся Дункан. У него на руке висел тяжелый шерстяной плащ. С ним был и Дерри.

— Готово? — спросил Дункан, подходя к столу и глядя через плечо кузена.

— Почти.

Морган капнул воск на письмо и быстро прижал к нему печать. Затем он подул на воск, чтобы тот затвердел, и подал письмо Дункану.

— Второе письмо у тебя?

— Хмм... — Дункан щелкнул пальцами. — Дерри, подай мне письмо, — и он показал на пергамент, лежащий на круглом столе.

Дерри принес письмо, и Дункан тщательно спрятал его в складках своей сутаны.

— Вам нужен эскорт, отец? — спросил Дерри.

— Как решит Морган. Лично я думаю, что чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше. Ты согласен, Морган?

— Удачи тебе, — кивнул Морган.

Дункан улыбнулся, кивнул в ответ и вышел из комнаты.

Дерри несколько мгновений смотрел ему вслед, а затем повернулся к Моргану.

Герцог не двинулся со своего места и, казалось, находился в глубокой задумчивости.

Дерри долго колебался, прежде чем прервать течение мыслей своего господина.

— Милорд?

— Да? — удивленно посмотрел Морган, как бы забыв, что Дерри еще здесь.

— Можно задать вопрос?

Морган устало улыбнулся:

— Конечно. Ты, вероятно, не можешь понять, что происходит.

Дерри засмеялся.

— Это не так уж и плохо, милорд. Но, может, я могу чем-нибудь помочь?

Морган внимательно посмотрел на него, опершись подбородком на руку, а затем кивнул:

— Возможно,— сказал он, подавшись вперед.— Дерри, ты служишь мне достаточно долго. Ты не хочешь участвовать в магии вместе со мной?

Дерри широко улыбнулся:

— Вы же знаете, сэр, что я всегда готов, сэр.

— Отлично. Подойдем к карте.

Морган отправился к вытканной на гобелене карте, висящей на стене. Он пробежал пальцами по широкой голубой полосе, пока не нашел то, что искал.

Дерри наблюдал за ним и внимательно слушал Моргана, который начал говорить:

— Так. Корот здесь. А вот устье двух рек. Вверх по Уэстерн Рийвер, которая служит нашей восточной границей с Торантом, лежит Фатан — тоговый центр Торента. По этому району проходят все торговые пути Венсита. Я хочу, чтобы ты прошел вверх по территории Торента вплоть до Фатана. Затем ты должен повернуть на запад и вдоль нашей северной границы вернуться обратно. Цель похода — собрать сведения. Меня интересует следующее: каковы военные планы Венсита в этом районе, что слышно об этом шакале Варине, а также обо всем, что касается Интердикта. Дункан посвятил тебя в это?

— Да, сэр.

— Отлично. Костюм ты выберешь сам. Полагаю, что торговец мехами или охотник не вызовут подозрений. Лишь бы в тебе не опознали воина.

— Понял, сэр.

— Хорошо. Ну, а теперь займемся магией.

Он полез к себе за ворот, достал тонкую серебряную цепочку и выпустил ее поверх своей темно-зеленой

туники. Затем он снял ее через голову, и Дерри увидел, что на цепочке болтается серебряная медаль.

Дерри наклонил голову и Морган надел цепочку ему на шею так, что медаль оказалась на груди у Дерри. Тот с любопытством посмотрел на нее.

Там было чье-то изображение, но Дерри не узнал того, кто там изображен. Надпись на ребре медали Дерри также не смог прочесть.

Морган повернул медаль лицевой стороной вперед, а затем направился к книжному шкафу.

— Отлично, теперь я попрошу помочь мне. Я хочу провести сеанс Мысленного Видения. Ты не раз был свидетелем таких сеансов. Тебе нужно расслабиться и полностью освободить мозг от всего. Не беспокойся, никаких неприятных ощущений не будет,— добавил он, увидев на лице Дерри замешательство.

Дерри поборол волнение и кивнул.

— Хорошо. Теперь смотри на мой палец и расслабься.

Морган поднял указательный палец и стал медленно водить им перед лицом Дерри.

Глаза молодого человека внимательно следили за пальцем до тех пор, пока он не коснулся переносицы.

Дерри вздрогнул. Затем медленно вздохнул и обмяк. Рука Моргана легла на его лоб.

Прошло полминуты. Ничего не происходило.

Морган протянул другую руку к медали и сжал ее в ладони, закрыв глаза.

Через минуту он выпустил медаль из руки, открыл глаза и убрал ладонь со лба Дерри.

Глаза Дерри моментально открылись. В них были и изумление, и страх.

— Вы... вы говорили со мной? — громко прошептал он. Благоговейный трепет изменил тембр его голоса.— Вы... — он с изумлением посмотрел на медаль.— Я могу использовать это для связи с вами во время моего путешествия до Фатана?

— Конечно, если это будет необходимо,— согласился Морган.— Только помни, что это трудно. Если бы ты был Деррини, то ты мог бы связаться со мной в любой момент, хоть это и потребовало бы больших затрат энергии. Но ты сможешь связываться только в определенное время, заранее условленное. Если я тебя не вызову, у тебя самого не хватит на это сил. Поэтому

важно согласовать время. Я думаю, что первый контакт у нас будет завтра, через три часа после наступления темноты. Ты уже, наверное, будешь в Фатане.

— Хорошо, милорд. И мне надо будет использовать то заклинание, которому вы обучили меня? — его голубые глаза расширились от возбуждения.

— Верно.

Дерри кивнул и стал прятать медаль под тунику. Затем он снова достал ее и стал рассматривать.

— Что это за медаль, милорд? Я не могу узнать того, кто изображен, и надпись мне непонятна.

— Я боялся, что ты спросишь об этом, — усмехнулся Морган. — Это очень старая медаль Святого Камбера, времен начала Реставрации. Она досталась мне в наследство от матери.

— Медаль Камбера? — переспросил Дерри. — А если ее кто-нибудь узнает?

— Если ты не будешь раздеваться, то ее никто не увидит и тем более не узнает, мой друг, — рассмеялся Морган. — Как ни жаль, но придется тебе в этом путешествии обойтись без женщин. Это очень важное и рискованное путешествие.

— Вы не упустите повода посмеяться, милорд, — смущенно пробормотал Дерри, пряча медаль под тунику. Затем он улыбнулся и вышел из комнаты.

Наступили сумерки, когда Дункан направил свою усталую лошадь к Короту. Ночной холод, спускающийся с гор, уже начал проникать под одежду, вызывая озноб.

Беседа с Толливером оказалась успешной только частично. Епископ согласился задержать свой ответ посланцу из Ремута до тех пор, пока он не оценит ситуацию. Кроме того, он обещал держать Моргана в курсе всех событий. То, что это все связано с Дерини, беспокоило епископа, но Дункан этого и ожидал. Епископ настоятельно предупредил Дункана, чтобы тот больше не якался с магией, если ему дороги его сан и бессмертие души.

Дункан плотнее закутался в плащ и пустил лошадь галопом, полагая, что Морган с нетерпением ждет известий. А кроме того, Дункан с воодушевлением подумал об ожидающем его грандиозном обеде. В отличие от своего кузена Дункан любил светскую жизнь, пышные

церемонии. Если он поторопится, то успеет как раз вовремя. Было еще не совсем темно.

Он скакал по дороге, не думая ни о чем другом и, завернув за следующий поворот, увидел в десяти ярдах перед собой на дороге чью-то высокую тень. В полумраке трудно было различить что-то определенное, но когда Дункан натянул поводья, чтобы не сбить этого человека, он заметил, что человек одет в сутану странствующего монаха. На голове остроконечный капюшон, а в руке посох.

Однако во всем его облике было что-то не то. В Дункане проснулся воин, и он почти инстинктивно протянул правую руку к рукояти меча. Человек повернулся к Дункану. До него уже было не более десяти футов, и тут Дункан резко осадил лошадь, так как лицо, которое смотрело на него безмятежным взором из-под серого капюшона, было тем лицом, которое он так часто видел в последние месяцы. Но никогда во плоти.

Он и Аларик сотни раз изучали это лицо, когда рылись в пыльных томах в поисках сведений о знаменитом святом Дерини. Это было лицо Камбера Кулди!

Прежде чем пораженный Дункан смог заговорить или что-то предпринять, человек церемонно поклонился и протянул вперед руку, демонстрируя свои мирные намерения.

— Приветствую тебя, Дункан из Корвина,— проговорил незнакомец.

ГЛАВА IV

Горло Дункана пересохло, и он с трудом проглотил слюну. Он был уверен, что имя, которое произнес этот человек, было известно лишь троим: ему самому, Аларику и королю Келсону.

Этот человек не мог знать, что он, Дункан, наполовину Дерини, что его мать и мать Моргана были сестрами-близнецами, чистокровными Дерини. И это

была тайна, которую Дункан ревностно хранил всю жизнь.

И вот этот человек назвал его этим именем. Откуда он мог узнать?

— Что ты имеешь в виду? — с трудом проговорил Дункан. Его голос от волнения стал на четверть октавы выше обычного. Он откашлялся. — Я Мак Лейн, из лордов Керней и Кассан.

— А еще ты Корвин по материнской линии, — мягко возразил незнакомец. — Нет никакого позора в том, что ты наполовину Дерини, Дункан.

Дункан раскрыл рот и постарался овладеть собой. Затем он нервно облизнул губы.

— Кто ты? — спросил он, держась настороже, но его рука выпустила рукоять меча, которую он судорожно сжимал до этого момента. — Что тебе надо?

Человек дружелюбно улыбнулся и покачал головой.

— А сам ты не понимаешь? — прошептал он про себя, а затем спокойно заговорил: — Тебе не следует бояться меня. Твоя тайна останется во мне. Слезь с лошади, и пройдемся немного. Я должен тебе кое-что сообщить.

Дункан колебался недолго. Чувствуя себя очень неуверенно под ясным и безмятежным взглядом незнакомца, он повиновался и соскочил с лошади.

Человек кивнул.

— То, что я скажу, тебе, Дункан следует считать предупреждением, а не угрозой. Потому что я буду говорить для твоей пользы. В следующие недели твое могущество подвергнется суровым испытаниям. Все чаще и чаще тебе придется открыто использовать магию. И, в конце концов, настанет момент, когда тебе надо будет выбирать: или признать свое происхождение Дерини и применить свою магию в борьбе, или же навсегда отречься от него и лишиться его. Я все ясно излагаю?

— Нет, — прошептал Дункан. Его глаза сузились. — Начнем с того, что я священник и мне запрещено заниматься оккультными искусствами.

— Разве? — спокойно спросил его человек.

— Конечно. Мне запрещено заниматься магией.

— Нет. Я имею в виду, разве ты священник?

Дункан почувствовал, что его щеки загорелись. Он опустил глаза.

— В соответствии с ритуалом, которым я был произведен в сан, я священник на всю жизнь и...

Человек улыбнулся.

— Я знаю, о чем говорится в клятве. Но разве ты действительно священник? А что произошло два дня назад?

Дункан в замешательстве посмотрел на него.

— Меня просто вызывают в суд. Я еще не лишен сана и не отлучен от церкви.

— И все же ты сам сказал, что отлучение тебя совершенно не волнует, что чем больше ты используешь могущество Дерини, тем менее важными представляются тебе клятвы и обеты.

Дункан ахнул, инстинктивно шагнул к человеку.

Лошадь в тревоге дернула головой.

— Откуда тебе это известно?

Человек мягко улыбнулся и взял поводья лошади, чтобы она не наступила ему на ногу в сандалии.

— Я много чего знаю.

— Мы были одни,— прошептал Дункан.— Вся моя жизнь зависит от этих слов. Кто же ты?

— В могуществе Дерини нет ничего злого, запретного, сын мой,— сказал человек. Он опустил руку и медленно пошел по дороге. Дункан смиренно склонил голову и, ведя лошадь, пошел за ним,— ...но и доброго тоже. Добро или зло таится в душе того, кто использует это могущество. Только злой разум может применить его для того, чтобы творить зло,— он повернулся и посмотрел на Дункана. Затем продолжил: — Я давно наблюдал, как ты применяешь свое могущество, и знаю, что ты используешь его правильно. У тебя нет сомнений, что творить с его помощью: добро или зло. Но у тебя есть сомнения в том, правильно ли ты поступаешь, и вправе ли ты вообще применять его.

— Но...

— Больше ни слова,— сказал человек, жестом приказывая Дункану молчать.— Теперь я должен покинуть тебя. Я только прошу, чтобы ты с этих пор рассматривал мотивы использования своего могущества с точки зрения того, о чем я тебя предупредил. На тебя может обрушиться такое, чего ты и не предполагаешь. Думай о моих словах, и свет истины озарит тебя.

Сказав это, человек исчез. Пораженный, Дункан остановился.

Исчез!

Без следа!

Он посмотрел на дорожную пыль, где только что стоял человек, но там не было никаких следов.

Даже в сгущающейся темноте он различал следы своих ног, которые тянулись по дороге, следы копыт лошади, твердо отпечатавшихся на сырой земле.

Но больше никаких следов не было.

Может, ему это все почудилось?

Нет!

Все, что он пережил, было настолько реально, настолько впечатляюще, что это не могло просто возникнуть в его мозгу. Теперь он понимал, что должен был чувствовать Аларик, когда ему являлись видения. Это было ощущение нереальности и вместе с тем прикосновение кого-то или чего-то.

Этот человек был так же реален, как то сияющее явление, поддерживающее корону Гвинед, которое он и другие Дерини видели во время коронации Келсона.

Теперь, когда он вспомнил об этом, ему показалось, что это то же самое существо. А если так...

Дункан вздрогнул, плотнее натянул плащ, вскочил на коня и вонзил ему в бока шпоры.

Он не собирался искать ответы на свои вопросы здесь, на пустынной дороге. Его кузену являлись видения в тяжелые времена — во времена кризисов. Дункан надеялся, что эта его встреча — не предзнаменование трудных дней.

До замка Корот оставалось три мили. Дункану они показались тридцатью.

В замке Корот празднества начались с заходом солнца. Как только на землю опустилась темнота, в холле начали собираться роскошно разодетые лорды и их леди.

Оживленный шум и блеск драгоценностей заполнили весь холл. Гости ждали появления своего герцога.

Лорд Роберт, верный своему слову, преобразовал угрюмый мрачный холл, сделав из него оазис света и тепла, который с успехом противостоял промозглой тьме ночи.

С потолка свисали старинные бронзовые канделябры, бросая свет сотен высоких свечей. Свет, отражаясь от граней прекрасных хрустальных и серебряных кубков, отбрасывал зайчики на стены, стол, полированную серебряную посуду, роскошную одежду гостей.

Десятки пажей и слуг скользили вдоль стола, расставляя подносы с хлебом и графины прекрасного вина из Фианы.

Лорд Роберт стоял во главе всего, поджидая своего господина, недремлющим оком наблюдая за порядком и одновременно болтая с двумя прекрасными женщинами. Приглушенная музыка служила аккомпанементом монотонному шуму разговоров, которые вели гости.

Магистр Рандольф, хирург Моргана, передвигался среди дворян, поминутно здороваясь и изредка останавливаясь, чтобы поболтать с кем-нибудь.

Его сегодняшней задачей, как и обычно в подобных случаях, было разведать настроение некоторых гостей Моргана. Потом он должен будет доложить Моргану о своих наблюдениях.

Проходя по холлу, он улавливал обрывки разговоров.

— Я не дал бы и медной монеты за этих наемников из Бремагии,— говорил один лорд другому, сопровождая глазами статного брюнета, проходящего мимо них.— Им нельзя верить.

— А как насчет женщин из Бремагии? — шепнул другой, толкая собеседника локтем и поднимая бровь.— А им можно доверять?

— А...

Эти двое обменялись понимающими взглядами и продолжали рассматривать леди, привлечшую их внимание. Они были так увлечены, что не заметили Рандольфа, с легкой улыбкой прошедшего рядом.

— В этом наш король, кажется, не понимает,— сказал какой-то юный рыцарь.— А между тем, все так просто. Келсон знает, что Венсит выступит, когда сойдет снег и дороги будут непроходимыми. Почему же он не...

— Действительно, почему? — Подумал Рандольф, проходя мимо.— Ведь все так просто. Да, этот молодой человек с легкостью решил бы любую задачу или проблему.

— И не только это,— говорила рыжеволосая леди своей подруге,— говорят, что он пробыл здесь столько

времени, чтобы только переодеться. А затем опять вскочил на лошадь и уехал, бог знает куда. Надеюсь, что к обеду-то он вернется. А ты его видела?

— Да,— вздохнула с сожалением блондинка.— Жаль, конечно, что он священник.

Магистр Рандольф в замешательстве опустил глаза, когда проходил мимо них.

За бедным отцом Дунканом придворные леди всегда охотились, почти так же, как и за его кузеном — герцогом. Это было нехорошо.

Другое дело, если бы священник поощрял их. Но он был равнодушен. Да, если добрый отец хочет покоя, то ему лучше бы задержаться, пока обед кончится.

Проходя в толпе, Рандольф заметил трех лордов, чьи поместья располагались на границе Корвина. Они были заняты тихой беседой.

Он понимал, что Моргану будет интересно, о чем они говорят. Однако Рандольф не рискнул подойти ближе. Эти люди знают, что он близок к герцогу, и, несомненно, изменят тему разговора, как только заметят его. Конечно, в том случае, если их беседа не предназначена для посторонних ушей.

Он подошел поближе и сделал вид, что слушает разговор двух старичков об охотничьих соколах.

— ...и эти парни Варина прискакали прямо на мой двор и сказали: неужели тебе придется платить налоги Его Милости. Я им ответил, что кому же приятно платить свои денежки, но ведь они нужны для армии и правительства!

Другой фыркнул:

— Хурд де Блейк рассказывал мне, что Варин приказал ему платить контрибуцию, но он послал его к Дьяволу!

Третий человек покачал головой и почесал бороду.

— И все же у этого Варина есть основания. Наш лорд наполовину Дерини и не скрывает этого. Можно предположить, что он хочет присоединиться к Венситу, когда начнется война, и восстановить царствование Дерини в Одиннадцати Королевствах. Я не хочу, чтобы мои поместья были сожжены с помощью проклятой магии Дерини, если я не признаю их еретические воззрения.

— Но ты же знаешь, что наш герцог не сделает этого,— возразил ему первый лорд.

Рандольф кивнул про себя и двинулся дальше, с удовлетворением отметив в уме, что с этой стороны нет непосредственной угрозы. Лорды только болтают о том, о чем сегодня болтают все.

Конечно, народ желает знать, каковы планы герцога сейчас, когда вот-вот начнется война и он заберет под свое знамя весь цвет Корвина, предоставив остальным самим заботиться о себе. Однако постоянные упоминания о Варине и его банде были тревожными.

За прошлый месяц Рандольф услышал о предводителе повстанцев гораздо больше, чем думал услышать. И, очевидно, положение становится скорее хуже, чем лучше. Земли Хурда де Блейка, например, находятся за тридцать миль от границы. Рандольф еще не слышал, чтобы Варин проникал так глубоко в страну. Проблема переставала быть только пограничной. Морган должен об этом узнать.

Рандольф посмотрел через зал, где были повешены шторы, из-за которых он обычно появлялся на приемах. Шторы легонько колыхались. Это был знак, что герцог сейчас появится.

Рандольф кивнул и начал пробираться в том направлении.

Морган отбросил бархатные шторы и появился на пороге. Он был доволен, что Рандольф заметил знак и уже находится на пути к нему. Сзади него опять о чем-то спорили трубадур Гвидон и лорд Гамильтон. Они говорили тихо, но их лица были свирепыми. Морган оглянулся.

— Ты наступил мне на ногу,— яростно шептал маленький трубадур, указывая на свои элегантные, начищенные до блеска туфли, на боку одной из которых виднелся пыльный след туфли Гамильтона.

Он был одет в фиолетовые и розовые цвета, так что пыль на туфле совершенно искажала всю тщательно продуманную игру цветов его костюма. Лютня Гвидона висела у него через плечо на золотом шнуре, на густых черных волосах эффектно сидела белая шляпа с кокардой. На злом лице гневно сверкали глаза.

— Прощу прощения,— прошептал Гамильтон, и, наклонившись, стал вытирать след своей туфли.

— Не прикасайся ко мне! — вскричал Гвидон, отскакивая назад на несколько шагов и упираясь руками в грудь своего противника с явным отвращением. — Ты, тупой осел, ты сделаешь только хуже.

Он сам наклонился, чтобы стереть пыль, но длинные рукава его махнули по пыльному полу так, что тоже стали грязными.

Гамильтон злорадно улыбнулся, увидев это, но заметил, что за ними наблюдает Морган и сделал виноватый вид. Он пробормотал:

— Прошу прощения, милорд. Я не хотел этого.

Прежде чем Морган смог ответить, тонкие занавеси колыхнулись, и в маленьком алькове появился Рандольф.

— Ничего особо интересного, милорд, — тихо сообщил он. — Много разговоров об этом типе Варине, но нет ничего такого, что не могло бы подождать до утра.

Морган кивнул:

— Отлично. Гвидон, если вы с Гамильтоном сможете остановиться, то мы сейчас выходим.

— Милорд, — сказал Гвидон, показывая на себя, — это же не я затеял эту ссору. Это Дуб...

— Ваша Милость, неужели из-за этого... — начал Гамильтон.

— Ну, хватит обоим. Я больше не хочу ничего слышать.

Лорд Гамильтон вышел в зал и попросил внимания. Шум в холле утих. Прозвучали три медленных гулких удара длинного церемониального жезла, и раздался голос Гамильтона:

— Его Милость, лорд Аларик Энтони Морган, Герцог Корвина, Господин Корота, Лорд-генерал Королевских армий, Чемпион Короля!

Прозвучали фанфары, и Морган вышел из-за занавесей и встал в дверном проеме. По толпе пробежал шепот, и все с почтением поклонились.

Затем, когда музыканты возобновили свою игру, Морган медленно двинулся к своему месту за столом, и вся его свита потянулась за ним.

Сегодня Морган был во всем черном. Неприятные вести, которые привез Дункан, привели его в такое состояние духа, что он не мог следовать диктату своего церемониймейстера, выбиравшего одежду для него.

Он раскидал всю приготовленную для него изумрудно-зеленую одежду, а вместо нее надел черную, и пусть думают о нем что хотят.

Облегающая, черная шелковая туника, с узкими рукавами, простой черный бархатный камзол с высоким воротом и широкими до локтя рукавами, из-под которых виднелись рукава туники, черные шелковые брюки, заправленные в голенища коротких черных сапог из тончайшей кожи. И ко всему этому несколько драгоценностей, которые Морган позволил себе сегодня надеть: на правой его руке кольцо с Грифоном — изумрудным существом, закрепленным на черной ониксовой пластине, на левой руке — кольцо Чемпиона короля — золотой Лев Гвинед на черном поле.

На голове Моргана красовалась золотая герцогская корона. Золотая корона на золотоволосой голове Лорда Дерини Корвина.

Он казался безоружным, когда шел на свое место во главе стола. Таков был этикет: правителю Корвина не было нужды опасаться своих гостей, приглашенных на обед. Но под туникой Моргана скрывалась тончайшая кольчуга, защищавшая жизненно важные органы, а в потайных ножнах — узкий стилет. И покрывало его могущества Дерини служило для него надежной защитой, где бы он ни был.

Теперь ему придется играть роль радушного хозяина, погрузиться в скуку официального обеда, в то время как он сгорал от нетерпения, поджидая Дункана, желая знать, чего тому удалось добиться.

Было уже совсем темно, когда Дункан вернулся в Корот. Его лошадь захромала, не доехав двух миль, и ему пришлось идти пешком, таща лошадь за собой. Дункан, несмотря на все свое нетерпение, старался вести ее осторожно, так как те полчаса, которые он бы выгадал, если бы торопился, могли погубить хорошую верховую лошадь Аларика. Да и не в правилах Дункана было мучить живые существа. И когда он и усталая лошадь, наконец, вошли во двор — впереди он, а за ним медленно переставляющая ноги лошадь, — двор был почти пуст.

Стражники у ворот пропустили его без слов, так как были предупреждены о его возвращении, но принять лошадь во дворе было некому.

По приглашению Моргана все слуги и пажи, в том числе и обслуживающие конюшни, сейчас стояли у дверей в холл, чтобы слышать пение Гвидона.

Наконец, Дункан нашел одного из конюших, передал лошадь и пошел через двор ко входу в главный холл.

Как он понял, проталкиваясь через толпу слуг, обед уже кончился, а представление было в самом разгаре. Гвидон сидел на второй ступеньке возвышения в противоположном конце холла. Лютя легко лежала у него в руках. Когда он запел, Дункан остановился послушать.

Трубадур действительно оправдывал свою репутацию, которую имел во всех Одиннадцати Королевствах.

Он пел медленную размеренную мелодию, рожденную в горах Картиура, страны его детства. Мелодия была полна ритма, печальных модуляций, которые были характерны для мелодий горных народов.

Чистый тенор Гвидона звенел в затихшем холле, рассказывая печальную историю двух легендарных любовников, Матурина и Левергиль, погибших во времена царствования Дерини от рук жестокого лорда Горента.

Не было ни одного сердца в холле, которого бы не тронула эта грустная история.

Когда Дункан осмотрел холл, то увидел Моргана, сидевшего на своем месте слева от возвышения, где располагался Гвидон.

Слева от Моргана находился лорд Роберт с двумя дамами, которые вождественно смотрели на слушавшего балладу Моргана.

Место справа от Моргана было свободно, Дункан решил, что он сможет пробраться туда, никого особенно не беспокоя, если будет достаточно осторожен.

Однако прежде чем он успел двинуться, Морган заметил его и покачал головой. Он сам встал и спокойно прошел к стене.

— Что случилось? — прошептал он, толкнув Дункана за колонну и оглядываясь, не подслушивают ли их.

— Что касается епископа Толливера, то все более или менее хорошо, — ответил Дункан. — Он, конечно, был не в восторге, но согласился задержать ответ Лорису

и Корригану, пока сам во всем не разберется. Он даст нам знать, когда примет решение.

— Ну что же, это лучше, чем ничего. А как он вообще? Как ты думаешь, он на нашей стороне?

Дункан пожал плечами.

— Ты же знаешь Толливера. Он плохо относится к Дерини в целом, но это как и все. Но пока, кажется, он с нами. Однако это еще не все.

— Ну?

— Я думаю, что об этом лучше говорить не здесь,— сказал Дункан, многозначительно оглядываясь.— У меня по дороге назад была одна встреча.

— Встреча... — глаза Моргана расширились от удивления.— Ты имеешь в виду, как и у меня раньше?

Дункан кивнул.

— Мы встретимся с тобой в башне.

— Да, как только я смогу сбежать,— согласился Морган.

Дункан скрылся за дверью, а Морган глубоко вздохнул, чтобы скрыть следы волнения, и спокойно направился на место. Он подумал, как долго все продлится, пока он сможет уйти отсюда.

В башне Дункан ходил взад и вперед перед очагом, сжимая руки в кулаки и разжимая их. Так он пытался успокоить расхоdivшиеся нервы. Потрясение от встречи оказалось гораздо большим, чем он думал.

Когда он только вошел в комнату и подумал о странной встрече, его как будто ударил порыв ледяного ветра. Затем это ощущение прошло и он, скинув с себя сырой дорожный плащ, встал на колени перед алтарем, чтобы прочесть молитву. Но это не помогло.

Дункан не мог заставить себя сосредоточиться на словах, которые произносил, и ему ничего не оставалось делать, кроме как встать.

Ходьба взад-вперед тоже не помогла собраться с мыслями.

Тогда он остановился у камина и вытянул руки к огню, стараясь согреться, хотя понимал, что озноб, который бил его, был запоздалой реакцией на странную встречу.

Почему?

Взяв себя в руки, Дункан подошел к письменному столу Моргана и открыл хрустальный графин с крепким красным вином, которое Морган держал здесь для таких случаев.

Налив бокал, он выпил его, а затем снова наполнил и поставил рядом с покрытым мехом диваном.

Расстегнув сутану и ослабив ворот, он улегся с бокалом вина на диван. Лежа и прихлебывая вино, он обдумывал все, что с ним случилось.

Понемногу он расслаблялся.

К тому времени, когда открылась дверь и вошел Морган, Дункан чувствовал себя уже много лучше. Ему даже не хотелось подниматься и рассказывать.

— Тебе нехорошо? — спросил Морган, подходя к дивану и сядя на краешек возле кузена.

— Да нет, теперь я полагаю, что буду жить, — сонным голосом ответил Дункан. — Совсем недавно я не был в этом уверен. Все, что случилось, очень взволновало меня.

Морган кивнул:

— Мне это знакомо. Ты не хочешь рассказывать об этом?

Дункан тяжело вздохнул.

— Он был там. Я ехал по дороге, завернул за поворот, примерно три или четыре мили отсюда, и увидел его, стоявшего на дороге. Он был одет в серую монашескую сутану, с посохом в руках — точная копия того, кого мы видели в старых исторических книгах.

— Он говорил с тобой?

— О, да! — с чувством произнес Дункан. — Так же, как мы сейчас говорим с тобой. И не только это. Он знал, кто я такой. Он назвал меня именем моей матери — Дункан из Корвина. Когда я возразил и сказал, что я Мак Лейн, он сказал, что я еще и Корвин, по матери.

— Дальше, — Морган встал, чтобы налить себе вина.

— А... затем он сказал, что приближается время тяжелых испытаний, и мне придется или признать свое могущество и начать открыто применять его, или навсегда забыть о нем. Когда я ответил, что я священник и мне запрещено использовать могущество

Дерини, он спросил, действительно ли я священник. Он знал все об отлучении и он... он знал весь наш сегодняшний разговор утром. Помнишь, я сказал, что чем больше я пользуюсь могуществом Дерини, тем меньшее значение для меня имеет мой сан. Аларик, я никогда этого никому не говорил, и я уверен, что и ты тоже. Как он мог узнать об этом?

— Он знал, о чем мы говорили сегодня утром? — изумленно спросил Морган, снова садясь на диван.

— Почти дословно. И он не проникал в мой мозг. Аларик, что мне делать?

— Я не знаю,— медленно ответил Морган.— Я не знаю, что и подумать. Со мной он никогда не был таким разговорчивым,— он потер глаза и подумал несколько мгновений.— А скажи, как ты думаешь, он был человеком? Я имею в виду, он реально был с тобой, это не игра воображения, зрительная галлюцинация?

— Он был там во плоти,— твердо сказал Дункан.— Он взял поводья и удержал лошадь, чтобы она не наступила ему на ногу,— он нахмурился.— И еще, там, где он шел, совершенно не осталось отпечатков. Когда он исчез, было достаточно светло, так что я ясно видел свои следы, а его следов не было. Ни одного.— Дункан приподнялся на локте.— Теперь я уже не знаю, Аларик. Может, я все это себе вообразил.

Морган покачал головой и поднялся.

— Нет. Ты что-то видел. Не берусь сказать, что именно, но что-то было. Я уверен в этом,— он посмотрел вниз, а затем поднял глаза.— Почему бы тебе не поспать? Ты можешь остаться здесь, если хочешь. Мне кажется, что тебе здесь удобно.

— Я не могу двинуться, даже если захочу,— усмехнулся Дункан.— До утра.

Он посмотрел вслед Моргану, пока тот не исчез за дверью. Затем опустил руку и поставил стакан на пол.

Он кого-то видел по дороге в замок. И снова подумал, кто бы это мог быть? И почему?

ГЛАВА V

Прозвучали соборные колокола. Морган с трудом сдержал зевок и заворочался в кресле, стараясь не показать ту скуку, которую он ощущал.

Он был занят тем же, чем и вчера: просматривал счета из больших шкафов.

Лорд Роберт увлеченно работал за столом. Перед ним лежала грудa бумаг.

«Лорд Роберт всегда работает с удовольствием, — подумал Морган про себя. — Это хорошо, что кому-то нравится делать эту нудную и неинтересную работу. Кажется, он совершенно не тяготится этой работой. Он может делать ее весь день напролет, просматривать эти непонятные записи, делать отметки, исправления, что-то мурлыкая про себя, когда вокруг кипит живая жизнь. Конечно, это же его работа».

Морган вздохнул и заставил себя вернуться к бумагам.

Как герцог Корвина он был обязан раз в неделю присутствовать на заседаниях суда, выслушивать дела и выносить решения.

Обычно это ему нравилось, так как приближало к людям герцогства, давало возможность прикасаться к тому, что волнует его подданных.

Но в последние несколько недель ему уже все наскучило. Долгая бездеятельность в течение почти двух месяцев, когда он был вынужден заниматься только административными делами, вконец его измучила.

Он жаждал действия. И даже ежедневные упражнения с мечом, а также выезды на охоту не могли удовлетворить, не могли избавить его от чувства дискомфорта.

Он был рад, что на следующей неделе поедет в Кулди.

Честная усталость после четырехдневной скачки будет приятной переменой той спокойной жизни, которую он вел два месяца. А еще приятнее будет увидеть старых друзей. Например, молодого короля.

Даже теперь Морган думал о нем, заботился, защищал и успокаивал перед новыми грозными со-

бытиями, которые приближаются с каждым днем. Келсон был для него как сын. Морган знал, какие тревожные мысли теснятся сейчас в голове мальчика.

С неохотой Морган снова обратился к бумагам, лежащим перед ним, и нацарапал свою подпись под одним из писем. Все, что он читал сейчас, было так тривиально по сравнению с теми проблемами, которые занимали его ум.

Вот, например, то, что он только что подписал. Это просьба некоего Гарольда Мартхама о разрешении пасти своих животных на землях другого человека. Насколько он мог припомнить, этот человек с тревогой ожидал решения суда, переживал, волновался.

Все верно, друг Гарольд, подумал про себя Морган. Если ты думаешь, что это неприятности, то подожди, пока Лорис с Корриганом наложат Интердикт. Ты еще не знаешь, какими бывают настоящие неприятности.

Пора было начинать обдумывать план действий на случай вынесения Интердикта.

Вчера утром, после того, как он проводил своих гостей, он снова послал Дункана к епископу Толливеру, чтобы узнать, о чем говорили посланцы архиепископа.

Дункан вернулся через несколько часов с вытянутым лицом и очень встревоженный, так как на этот раз епископ был очень скрытен и его прием разительно отличался от предыдущего, совершенно дружественного. Вероятно, посланцы припугнули Толливера. Во всяком случае, Дункан ничего не смог узнать.

Когда Морган положил очередной лист в кипу готовых бумаг, в дверь кто-то быстро постучал, и тут же появился Гвидон.

Маленький трубадур был в одеянии простолюдина, его лицо, покрытое пылью, одновременно отражало тревогу и усталость.

Он был очень серьезен, когда шел по полированному полу к креслу Моргана. Подойдя, он отвесил поклон.

— Ваша Милость, я могу переговорить с вами? — он посмотрел на Роберта. — Наедине?

Морган откинулся назад, положил перо и окинул Гвидона долгим испытующим взглядом.

Обычно напыщенный и помпезный Гвидон сейчас был серьезен и решителен. Губы плотно сжаты.

Во всем его облике, в его черных глазах, было что-то такое что Морган понял: причины, которые заставили Гвидона так измениться, действительно, серьезны.

Он взглянул на Роберта и жестом приказал ему удалиться, но тот нахмурился и не двинулся с места.

— Милорд, я должен протестовать. Что бы это ни было, оно может подождать. У нас осталось всего лишь несколько свитков, и когда мы закончим, то тогда...

— Извини, Роберт,— ответил Морган, глядя на Гвидона.— Позволь мне самому решать, что может ждать, а что нет. Ты можешь вернуться сюда, как только мы закончим с Гвидоном.

Роберт ничего не сказал. Он только неодобрительно нахмурился и стал собирать бумаги.

Затем он встал из-за стола, и Гвидон наблюдал за ним, пока за Робертом не закрылась дверь. Затем он подошел к окну и сел на подоконник.

— Благодарю, Ваша Милость. Не много найдется знатных лордов, которые найдут время потакать капризу простого исполнителя баллад.

— Я чувствую, что ты хочешь мне сообщить нечто более важное, чем просто баллады,— спокойно сказал Морган.— Так что же ты хотел сказать мне?

Гвидон достал лютню и начал ее настраивать, глядя отрешенным взглядом в окно и медленно говоря:

— Сегодня утром я был в городе, Ваша Милость,— сказал он, пощипывая струны.— Я собирал песни, чтобы доставить удовольствие вам чем-нибудь новеньким. Я нашел нечто новенькое, но боюсь, оно не доставит вам удовольствия. Не желаете ли послушать?

Он повернулся к Моргану и выжидающе посмотрел ему в глаза.

Морган медленно кивнул.

— Хорошо. Вот эта песня, милорд, которая, возможно, вас заинтересует, потому что она о Дерини. Я не отвечаю ни за слова, ни за мелодию, так как это не моя аранжировка, но мысль в этой песне есть.

Он снова щипнул струны, извлек несколько вступительных аккордов, а затем запел живую мелодию, которая весьма напоминала детские песенки.

Гей, гей, спроси меня:

Почему осталось так мало Дерини,

Гей, гей, спроси меня:
Почему тревожится грифон?
Дерини мало, потому что многие мертвы.
И ты, грифон, берегись,
А то мы отрежем твою зеленую голову!
Гей, гей, спроси меня еще,
Спроси еще, и увидишь,
Что я отвечу.

Когда Гвидон закончил песню, Морган откинулся на спинку кресла, сжимая кулаки. Его глаза затуманились и потемнели. Он некоторое время сидел спокойно, его серые глаза изучали певца.

Затем он проговорил тихим голосом:

— И это все или есть еще?

Трубадур пожал плечами:

— Есть и другие стихи, Ваша Милость, другие варианты. Но они все повторяют одно и то же с более или менее едким юмором. Возможно, вас больше заинтересует «Баллада о герцоге Кирала».

— Герцог Кирала?

— Да, милорд. Это негодяй в полном смысле этого слова — злой, кощунственный лжец, который предает своих подданных. К счастью, баллада оставляет некоторую надежду угнетенному народу. Я должен также добавить, что имя Кирала покажется вам знакомым, если вы прочтете его наоборот. Ну, а стихи не многим лучше, чем предыдущие.

Он опять извлек вступительные аккорды, и на сей раз мелодия была медленной, торжественной, подобной гимну.

В песне говорилось о кощунствах герцога Кирала, о том, что бог решил наказать его и в качестве карающей десницы выбрал своего верного слугу Варина, человека благородного, могущественного и мудрого.

Песня призывала весь народ подняться и сбросить иго ненавистного Дерини.

— Фу! — фыркнул с омерзением Морган, когда трубадур закончил. — В какой помойной яме ты отыскал это, Гвидон?

— В таверне, милорд, — ответил с улыбкой Гвидон. — А первую я выучил у грязного уличного певца у ворот монастыря Святого Матфея. Ну что, я доставил вам удовольствие, милорд?

— Содержание отвратительное, но хорошо, что ты принес их мне. Как ты думаешь, много таких песен ходит в городе?

Гвидон аккуратно положил свою лютню на подушку рядом с собой, оперся спиной о край окна, заложив руки за голову.

— Трудно сказать, милорд. Я ходил всего несколько часов, но слышал несколько вариантов обоих песен. Возможно, других я просто не слышал. Если милорд послушает совет простого певца баллад, то я ему скажу, нужно бороться с этими песнями с помощью других песен. Если позволите, я попытаюсь что-нибудь сочинить.

— Я не уверен, что сейчас это будет правильно,— сказал Морган.— Что ты...

Послышался осторожный стук в дверь, и Морган с беспокойством поднял голову.

— Войдите.

Роберт открыл дверь и вошел. Неодобрение было написано на его лице.

— Лорд Разер де Корби здесь и хочет видеть вас, Ваша Милость.

— А, пусти его.

Роберт отступил в сторону и небольшой отряд людей в плащах цвета морской волны вошел в комнату.

За ними появился Разер де Корби, чрезвычайный посол Орсаля из Хорга.

Морган встал и улыбнулся, когда шеренга воинов развинулась и Разер вышел вперед. Он поклонился.

— Герцог Аларик,— прогудел человек. Тембр его голоса совершенно не соответствовал его росту в пять футов.— Я приношу поздравления и приветствия от Его Величества Орсаля. Он надеется, что вы в добром здравии.

— Да, я здоров, Разер,— сказал Морган, энергично пожимая руку Разера.— А как себя чувствует старый морской лев?

Разер разразился громоподобным хохотом.

— Семья Орселей только что получила нового наследника, и сам Орсаль надеется, что вы вскоре приедете взглянуть на него,— он посмотрел на Гвидона и Роберта, а затем продолжил: — Он хочет обсудить с вами кое-какие вопросы навигации и морского права, и

надеется, что вы захватите с собой ваших военных советников.

Морган понимающе кивнул.

Он и Орсаль контролировали водный путь от Двух Рек к морю. Это был чрезвычайно важный стратегический путь, куда Венсит из Торента непременно вторгнется по побережью.

А так как Морган через несколько недель уйдет с армией, то необходимо согласовать с Орсалем вопросы обороны морского побережья Корвина в его отсутствие.

— Когда бы он хотел меня видеть, Разер? — спросил Морган, будучи уверенным, что Орсаль ждет его как можно скорее. Однако он не мог выехать до завтра, так как у него был назначен сеанс связи с Дерри.

— Поедем сегодня вместе со мной, — предложил Разер и вопросительно посмотрел на Моргана.

Морган покачал головой.

— Лучше завтра утром, — ответил он и приказал Роберту и Гвидону оставить их. — «Рафалия» в порту. Я могу отплыть с отливом. Что вы скажете?

Разер пожал плечами:

— Что я могу сказать, Аларик? Я только простой посыльный, гонец. Относительно меня все решает Орсаль. Я не знаю, согласится ли он, чтобы я задержался здесь до утра.

— Ну, ладно, — сказал Морган, хлопнув Разера по плечу товарищеским жестом. — Тогда поешьте и отдохните вместе со своими людьми, прежде чем пуститься в обратный путь. У меня гостит мой кузен Дункан, и мне хотелось бы вас с ним познакомить.

Разер поклонился.

— Я с удовольствием принимаю ваше приглашение. А вы должны обещать, что расскажете все, что слышно о молодом короле, и обо всех событиях, связанных с его коронаванием. Орсаль до сих пор переживает, что не смог присутствовать на коронации.

Позднее, когда закончились чествования Разера и подгулявший старый воин отправился домой, Моргана опять захватил в плен лорд Роберт.

Роберт заявил, что сегодня они должны покончить со всеми делами, связанными с приданным Бронвин,

поэтому они с Морганом вновь занялись необходимыми документами.

Дункан отправился в мастерскую оружейника, где заказал себе новый меч, а Гвидон пошел прочесывать город в поисках песен, враждебных Моргану.

Морган старался заставить себя слушать монотонный голос Роберта. Он напоминал себе, по крайней мере, уже в пятнадцатый раз, что все это — необходимая часть его обязанностей как герцога. Но это напоминание так же мало помогало, как и предыдущие четырнадцать. Он бы с удовольствием бросил все это и занялся чем-нибудь другим.

Роберт читал о поместье Корвод, которое за заслуги перед королем Брион передал в вечное пользование отцу Моргана, лорду Кеннету Моргану. За это Морган обязался во время войн посылать королю трех воинов в полном вооружении.

Только Роберт открыл рот, чтобы начать следующий параграф, как дверь раскрылась и на пороге появился запыхавшийся Дункан.

Он был бос и одет только в тренировочную одежду. Очевидно, он пробовал свое новое оружие в тренировочном бою. Через его плечо было перекинута грубое серое полотенце, Дункан вытирал углом полотенца лицо, пока шел через комнату к Моргану.

В левой руке он держал свернутый и запечатанный кусок пергамента.

— Только что принес гонец, — сказал он, улыбаясь, и бросил письмо на стол. — Я думаю, это письмо от Бронвин.

Дункан присел на край стола, кивнул Роберту в знак приветствия, но секретарь со вздохом отложил перо в сторону и сел прямо с выражением глубокой печали на лице.

Морган с большим удовольствием проигнорировал недовольство своего мучителя и сломал печать красного воска.

В его глазах появилась теплота, когда он прочел первые строчки письма.

Он откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

— Твой блестящий братец умеет очаровывать женщин, Дункан, — сказал Морган. — Послушай, что она пишет. Письмо очень характерное для Бронвин.

«Мой дорогой брат Аларик, я едва могу поверить, что всего через несколько дней я стану леди Бронвин Мак Лейн, графиней Керней, будущей герцогиней Кассан и, что важнее всего, женой моего обожаемого Кевина. Это кажется невероятным, но наша любовь, которая и так огромна, с каждым часом становится все больше».

Он посмотрел на Дункана и поднял бровь.

Дункан покачал головой и улыбнулся.

«Возможно, это будет мое последнее письмо до того, как мы увидимся в Кулди, но герцог Джаред требует, чтобы я писала покороче. Он и леди Маргарет завалили нас подарками, и он сказал, что сегодняшний будет самым ценным».

Кевин шлет тебе горячий привет и спрашивает, не смог бы ты одолжить на свадебные торжества трубадура Гвидона.

Кевин был потрясен его искусством прошлой зимой в Валорете, так что мне тоже очень хочется услышать его.

Передай от меня горячий привет Дункану, Дерри, лорду Роберту, и скажи им, что я буду рада видеть их гостями на моей свадьбе.

И поторопись разделить счастливейшие дни с твоей любящей сестрой Бронвин».

Дункан снова вытер потное лицо, рассмеялся, взял письмо и перечитал его.

— Ты знаешь, я никогда не верил, что Кевин станет таким домашним. Ему уже тридцать три и он все еще не женат. Я уже решил, что он будет священником вместо меня.

— Но виновата в этом вовсе не Бронвин,— засмеялся Морган.— Я думаю, что когда ей было всего десять лет, она решила, что Кевин для нее — единственный мужчина. И только суровый характер матери разделял их так долго. Мак Лейны твердолобы, но им, конечно же, не сравниться в упрямстве с полукровкой Дерри, которая решила что-то сделать.

Дункан фыркнул и пошел к двери.

— Я думаю, что мне лучше еще помучить оружейника. Нет ничего бессмысленнее, чем спорить с человеком, который думает, что его сестра — совершенство!

Усмехнувшись, Морган откинулся в кресле и положил ноги на небольшую скамеечку.

К нему вернулось хорошее настроение.

— Роберт,— сказал он, улыбаясь,— напости мне, чтобы я приказал Гвидону отправиться завтра утром в Кулди.

— Хорошо, милорд.

— И давай вернемся к бумагам. Роберт, ты слишком распустился в последние недели.

— Я, Ваша Милость? — с удивлением пробормотал Роберт, оторвавшись от бумаг, которые он просматривал.

— Да, да. Давай займемся делами. Если мы хорошо поработаем, то мы можем закончить всю эту работу к заходу солнца, и я смогу отправить их утром с Гвидоном. Не могу припомнить, чтобы я когда-нибудь так уставал.

Леди Бронвин де Морган была занята по горло.

Сейчас она со своей будущей свекровью герцогиней Маргарет выбирала одежды, которые Бронвин хотела взять с собой завтра утром в Кулди на свадебные торжества.

Одежда, которую она предназначала для самой церемонии бракосочетания, была уже готова и лежала сложенная на кровати. Тут же лежали и другие платья и предметы женского туалета.

На полу стояли два огромных кожаных сундука, один из которых был уже полон, и его можно было запирать. Две служанки сутились вокруг него, непрерывно что-то подсовывая туда, прежде чем приняться за второй сундук. Однако Бронвин заставляла их класть все новые и новые вещи, и служанки каждый раз снова перебирали уже уложенные.

Сегодня стоял необычный для этого времени года солнечный день. Хотя всю ночь лил дождь, утро было великолепным, а к полудню уже все высохло.

Яркие солнечные лучи проникали через открытые окна балкона.

У дверей три молоденькие девушки трудились над приданым Бронвин. Их чуткие пальцы неумоимо бегали по шелкам и кружевам. Две из них работали над тончайшей газовой фатой, которую их хозяйка наденет

к свадьбе. Третья вышивала золотом на перчатках Бронвин новый крест Мак Лейнов.

Рядом с ними, ближе к огню, на мягких подушках устроились две молоденькие девушки. Та, что постарше, пощипывала струны лютни, наигрывая нежную мелодию. Ее подруга с чувством выводила традиционную песню новобрачных. У их ног крепко спал толстый рыжий кот, и только шевеление хвоста говорило о том, что он живой.

Все подружки невесты были по традиции прекрасны, однако Бронвин де Морган выделялась среди них.

Самой старшей среди женщин здесь была леди Маргарет Мак Лейн, третья жена герцога Джаред — дважды овдовевшего лорда, который думал, что уже никогда не познает любовь после смерти второй жены, Веры, матери Дункана.

Свою первую жену он плохо знал. Герцогиня Элен прожила всего лишь один день после рождения первого сына Джаред — Кевина. Но его женитьба на леди Вере тремя годами позже была долгой и счастливой — двадцать шесть лет любви и радости. И это в то время, когда браки в высшем обществе совершались, в основном, по расчету и в них не было и следа романтической любви.

Герцог Джаред и леди Вера воспитали много детей. Сначала Дункана, затем дочь, которая умерла в детстве, и, наконец, Аларика и Бронвин де Морган, опекуном которых Джаред стал после смерти своего кузена Кеннета, их отца.

Затем, четыре года спустя, все кончилось.

Леди Вера заболела странной болезнью, которая истощила все ее жизненные силы и сделала совершенно беспомощной. И даже ее могущество Дерини, которым она обладала как и мать Моргана, не смогло спасти ее от смерти. Вера медленно угасла.

И вот теперь появилась леди Маргарет, не отличавшаяся исключительной красотой. Маргарет была бездетной вдовой сорока лет, которая уже никогда не принесет наследника лорду Джареду.

Однако это была спокойная женщина с мягкой душой, которая могла предложить лорду Джареду только одно — снова научить его любить.

И вот эта леди суежилась над приданным Бронвин, как будто та была ее собственной дочерью. Она присматривала за служанками и следила за всем бдительным родительским оком.

Так как Дункан принял обет безбрачия, только Кевин и его жена могли продолжить род Мак Лейнов, а потому вся надежда возлагалась теперь на Бронвин, которая должна была войти в их семью. Так что эта свадьба была большим событием в роду Мак Лейнов, и подготовка к ней велась долго и тщательно.

Маргарет посмотрела на Бронвин и улыбнулась, затем подошла к резному дубовому ларцу и открыла его подвешенным к поясу ключом.

Бронвин взяла платье из бледно-розового шелка, приложила его к себе и задумчиво прошла к большому зеркалу в углу комнаты.

Бронвин де Морган была красива. Высокая и стройная, с прекрасными золотыми волосами, которые ниспадали ниже пояса. Она взяла все лучшее от своей матери, леди Алисы.

Большие глаза на овальном лице были светло-голубыми, а когда ее настроение изменялось, превращались в серые.

Розовый шелк подчеркивал белизну ее лица, румянец щек и яркость губ.

Она внимательно изучала себя в зеркале, оценивая впечатление, которое произведет, надев это платье.

Затем она одобрительно кивнула и положила его на постель, рядом с остальными приготовленными нарядами.

— Я думаю, оно подойдет для бала, который мы устроим по приезду в Кулди. Не так ли? — спросила она, расправляя складки на платье и посматривая, чем же занимается леди Маргарет. — Кевин его уже видел, но это ничего.

Маргарет достала из ящика золотой, покрытый бархатом ларец небольшого размера, высотой с ширину ладони, и, улыбнувшись, протянула его Бронвин.

— Здесь лежит нечто, что Кевин тоже видел раньше, моя дорогая, — сказала она мягким голосом, наблюдая за реакцией Бронвин, которая открывала ларец. — Это

семейная реликвия Мак Лейнов. Мне хочется думать, что она принесет счастье женщине, которая ее носит.

Бронвин открыла крышку и ахнула.

На подушке черного бархата лежала и излучала сияние тиара, усыпанная бриллиантами. Яркие блики, отраженные гранями бриллиантов, упали на простое голубое платье Бронвин.

— Это восхитительно! — выдохнула она, положив ларец на постель и осторожно доставая тиару.— Это наследная корона Мак Лейнов?

Маргарет кивнула:

— Надень ее. Я хочу посмотреть, как она будет выглядеть с твоей фатой. Марта, принеси, пожалуйста, фату!

Когда Марта принесла фату, Бронвин снова подошла к зеркалу, и посмотрела на себя с тиарой в руках.

Маргарет и Марта накинули на ее золотые волосы тончайшую фату и долго ее расправляли, добиваясь, чтобы она подчеркивала красоту Бронвин, а не была сама по себе.

Затем Маргарет взяла тиару и осторожно надела ее поверх фаты.

Марта подала Бронвин маленькое зеркальце, чтобы та смогла посмотреть, как все выглядит сзади.

Бронвин стала медленно поворачиваться вокруг, и тут она увидела двух мужчин, стоящих на пороге комнаты.

Один из них был ее будущий свекр герцог Джаред, а второго она знала только смутно.

— Ты прекрасна, моя дорогая,— сказал Джаред, подходя к ней с улыбкой.— И если бы я был на месте Кевина, то давно бы похитил тебя, не взирая на желание твоей матери.

Бронвин смущенно опустила глаза, а затем бросилась к лорду Джареду и порывисто обняла его обеими руками.

— Лорд Джаред, Вы самый восхитительный мужчина на свете. После Кевина, конечно.

— О, конечно,— ответил Джаред, целуя ее в лоб и легонько отстраняя, чтобы не помять вуаль.— Должен сказать, моя дорогая, что ты восхитительна. Эта тиара украшала головы красивейших и знатнейших леди Одиннадцати Королевств.— Он подошел к леди Маргарет и поцеловал ей руку. Маргарет смутилась.

Джаред большую часть времени проводил при дворе. Как и остальные лорды его положения в обществе, он исполнял много разных официальных обязанностей.

Он только что вернулся с очередного заседания Совета, и на нем была герцогская корона и коричневая мантия Мак Лейнов. Через его плечо был перекинут клетчатый плед, закрепленный серебряной брошью со спящим львом Мак Лейнов.

На его широкой груди покоилась тяжелая серебряная цепь, каждое кольцо которой было размером с человеческую ладонь. На спокойном лице светились голубые глаза.

Джаред провел рукой по коротко стриженным седым волосам и жестом показал на своего спутника, все еще стоявшего у дверей.

— Риммель, подойди сюда. Я хочу представить тебя моей будущей невестке.

При первом взгляде на Риммеля поражали его снежно-белые волосы. Риммель не был стар, ему было всего 28 лет, но он не был и альбиносом. Вплоть до 10 лет, он был самым обыкновенным шатеном. А затем, одной теплой летней ночью во сне он неожиданно и необъяснимо стал совершенно белым.

Его мать обвиняла в этом ведьм Дерини, которые получили разрешение жить вблизи деревни.

Сельский священник долго бился над мальчиком, стараясь изгнать беса. Но несмотря на все попытки, волосы Риммеля так и остались на всю жизнь белыми.

Такая яркая отличительная черта, выделяющая его из всех окружающих, заставляла его слегка сутулиться, как будто он желал скрыться, сделаться незаметным.

Риммель был одет в серую тунику и высокие сапоги. На голове была серая шляпа все с тем же спящим львом Мак Лейнов. На перекинутом через плечо широком ремне висела кожаная сумка. Под мышкой находились свернутые в трубки листы пергамента. Он нервно стискивал их, когда подошел к герцогу Джареду и поклонился.

— Ваша Милость,— прошептал он, сняв шляпу и опутив глаза,— леди.

Джаред бросил взгляд заговорщика на свою жену и улыбнулся.

— Бронвин, это мой архитектор. Он принес несколько чертежей, о которых я хотел бы услышать твое мнение,— он показал на стол возле камина.— Риммель, ты можешь разложить их здесь.

Риммель подошел к столу и стал раскладывать чертежи.

Бронвин в это время сняла фата и передала ее служанке, а затем с любопытством подошла к столу.

Джаред и Риммель уже расстелили чертежи, которые оказались планами какого-то строения.

Брови Бронвин поползли вверх и она наклонилась, чтобы повнимательнее рассмотреть начерченное.

— Ну, что ты думаешь?

— Что это?

Джаред улыбнулся и выпрямился, а затем сложил руки на груди.

— Это план твоего нового дворца в Кернее, моя дорогая. Работы уже начаты. Вы с Кевином сможете уже к Рождеству поселиться там.

— Зимний дворец? — ахнула Бронвин.— Для нас? О, лорд Джаред, благодарю тебя!

— Считай это свадебным подарком для будущих герцога и герцогини Кассан,— ответил Джаред. Он обнял за плечи жену и улыбнулся ей.— Маргарет и я хотели, чтобы нашим внукам было где играть, чтобы они могли вспоминать нас, когда нас не будет.

— Вы! — всхлипнула Бронвин, обнимая их обоих.— Неужели вы думаете, что без этого дворца мы забудем вас? Ладно! Покажите мне план. Я хочу знать все, даже самую последнюю кладовую, самую маленькую лестницу!

Джаред улыбнулся, наклонился рядом с ней и стал рассказывать об особенностях конструкции дворца. Он полностью погрузился в эти рассказы.

Риммель отошел на несколько шагов и стал незаметно рассматривать Бронвин.

Он не одобрял женитьбы сына его господина на этой женщине Дерини, с самого начала не одобрял, с того самого момента, как увидел ее впервые семь месяцев назад. За эти семь месяцев он ни разу не говорил с ней, да и видел ее всего несколько раз. Но этого было достаточно.

Достаточно, чтобы понять, какая пропасть разделяет их: она — дочь лорда и наследница огромных поместий,

он — простолюдин, архитектор. Достаточно, чтобы понять, что он пал жертвой безнадежной любви к этой прелестной женщине Дерини.

Он уверял себя, что не одобряет предстоящего события по другим, более важным причинам, потому что Бронвин наполовину Дерини и не имеет права на брак с графом Кевином, что она недостаточно хороша для такого высокого положения в обществе.

Но каковы бы ни были выдвигаемые им мотивы, он не мог уйти от очевидного — он безумно влюбился в Бронвин, невзирая на то, что она Дерини, и он должен получить ее или умереть.

Он не ссорился с Кевином. Кевин — его будущий господин, и Риммель был ему так же предан, как и своему теперешнему хозяину. Но все равно он не должен был допустить, чтобы молодой граф женился на Бронвин. Даже мысль об этой свадьбе заставляла его ненавидеть звук ее голоса.

Его мысли были прерваны голосом с улицы.

Это был голос самого графа, которого он ненавидел.

— Брон! — позвал голос.— Бронвин, иди сюда. Я хочу тебе кое-что показать.

Бронвин встрепенулась и поспешила к двери на балкон, выскочила на него и перегнулась через перила.

Со своего места Риммель мог видеть только флажки на концах пик и, через прутья балконной решетки, тени всадников. Кевин вернулся вместе со своими людьми!

— О! — воскликнула Бронвин с сияющим от возбуждения лицом.— Джаред, Маргарет, идите и посмотрите, что он привел! О, Кевин, это самая красивая лошадь, которую я когда-либо видела!

— Спускайся вниз и испытай ее,— крикнул Кевин.— Я купил ее для тебя.

— Для меня? — воскликнула Бронвин, как дитя радостно захлопав в ладоши.

Она оглянулась на Джареда и Маргарет, а затем снова на Кевина, и послала ему воздушный поцелуй.

— Ты жди,— крикнула она, подбирая все свои юбки, чтобы они не мешали ее стремительному бегу, и, пролетев через комнату, побежала вниз.— Не уезжай без меня!

Джаред и Маргарет пошли за ней, улыбаясь друг другу, а Риммель сопровождал Бронвин жадным взглядом.

дом, пока она не скрылась за дверью, а затем медленно вышел на балкон.

Внизу во дворе на большом жеребце сидел Кевин в полном облачении. Через его плечо был перекинут клетчатый плед Мак Лейнов. Паж держал его пику и шлем. Каштановые волосы молодого графа развевались по ветру. В правой руке он держал поводья прекрасной лошади. На лошади была сбруя изумрудного цвета и такое же кожаное дамское седло. Когда на верхних ступеньках лестницы показалась запыхавшаяся Бронвин, Кевин бросил поводья другому пажу, а сам направил жеребца к ступенькам, нежно подхватил девушку и усадил ее перед собой.

— Ну, что ты думаешь о ней? — рассмеялся он, нежно прижимая ее к груди и целуя. — Разве такая лошадь не достойна королевы?

Бронвин кивнула и теснее прижалась к нему. Кевин подъехал к лошади, предназначенной для нее.

Бронвин протянула руку к подарку, а Риммель, наблюдавший за этой сценой, отвернулся с явным неудовольствием и вернулся к столу.

Он не знал, как ему это сделать, но он был уверен, что должен предотвратить эту свадьбу. Бронвин предназначена для него. Она должна принадлежать ему. Если бы он мог выбрать подходящий момент и объясниться с ней! Он был уверен, что смог бы заставить ее полюбить себя.

Риммель не осознавал, что сейчас он перешел границу от мечты к безумию.

Он скатал свои чертежи, медленным взглядом окинул комнату и увидел, что все служанки удалились на балкон, чтобы посмотреть удивительный спектакль внизу.

Возможно, ему показалось, но одна из женщин смотрела на все это с чем-то большим, чем простая ревность. Может ли он как-нибудь использовать эту ревность? Может быть, эта женщина сможет рассказать ему, как завоевать любовь женщины?

Во всяком случае, над этим нужно будет серьезно подумать... Так как он решительно вознамерился остановить эту свадьбу и взять Бронвин себе, он не должен упускать ни малейшей возможности.

Бронвин должна принадлежать ему!

ГЛАВА VI

— Еще круг! — пролепетал Дерри заплетающимся языком, бросая серебряную монету на стойку и неверной рукой обводя вокруг себя. — Выпивку этим прекрасным джентльменам! Когда Джок Бэк пьет, все его друзья тоже должны пить!

Послышались крики одобрения.

С полдюжины мужчин в одеждах охотников и моряков столпились вокруг Дерри, а хозяин достал дубовый бочонок и стал наполнять протянутые к нему пузатые коричневые кружки ароматным элем.

— Хороший парень, этот Джокки! — закричал один из них, дружелюбно толкая ногой Дерри, поднимая свою кружку.

— Налей и мне! — крикнул другой.

Было еще рано. Темнота еще не опустилась на город. Но таверна Джен Дог в Фатане уже почти заполнилась посетителями, такими же шумными и бесцеремонными, как посетители таверн в любом другом городе.

У стены сидел матрос и заунывно пел старую матросскую песню под аккомпанимент красной трубы и расстроенной лютни, отбивая ритм на двух больших столах, как на барабане. Слушателей становилось все больше и они кричали все громче.

Посетители, сидевшие за столами, все время повышали голос, чтобы перекричать певца и его поклонников. однако не выражали недовольства, так как знали, что могут вызвать гнев расстроженных матросов, которые не раздумывая кинутся в драку. Фатан стоял на перешейке между двумя реками и был городом матросов.

Сюда регулярно прибывали для торговли корабли из Торента и из Корвина, здесь также останавливались охотники и трапперы по пути в дикие леса Велдура.

Все эти люди — матросы, купцы, охотники, трапперы — имели разные интересы, что делало этот город весьма оживленным местом, полным разнообразных происшествий, как веселых, так и трагических.

Дерри сделал огромный глоток из своей кружки и, пошатываясь, повернулся к соседу справа, как бы слушая его рассказ.

— И что этот человек сказал о корабле лорда Варнея? «Он мой, так как я заплатил за него, и пусть дьявол заберет этого лорда Варнея!»

В ответ раздался громкий хохот.

Очевидно, рассказчик пользовался большим успехом среди тех, кто его слушал, но Дерри с трудом подавил зевок.

За три часа, проведенных здесь, среди бывалых людей, слушая разные рассказы, он понял, что войска Торента собираются где-то к северу отсюда, близ местечка под названием Педрас.

Человек, который рассказал ему все это, не мог сказать, ни для чего они собираются, ни каковы их цели — он был не лучшим из разведчиков, и к тому же он был уже наполовину пьян еще до встречи с Дерри — но он сказал, что их около пяти тысяч.

И это было секретом, так как его собеседник, хотя и был пьян, но сразу же замолчал, как только в дверь просунулась голова солдата, делающего обход.

Дерри сделал вид, что это его не интересует и быстро переменял тему разговора, но в уме отметил эту новость вместе с остальными сведениями, которые он получил сегодня и за все время путешествия.

Да, он поработал очень хорошо: ему уже была ясна общая картина.

Дерри посмотрел в свою кружку, соорудил брезгливую гримасу, какую можно увидеть у вдрызг пьяных людей, и начал обдумывать план дальнейших действий.

Уже стало совсем темно, а он пил с самого полудня. Он не был пьян — для этого нужно было бы что-нибудь покрепче, чем эль, — но все же он ощущал действие этого напитка.

Пора было возвращаться в комнату, которую он снял в гостинице «Дракон». Он не должен был пропустить время связи с Морганом.

— И я говорю этой девочке: дорогая, сколько ты берешь? А она отвечает: больше, чем у тебя есть, матрос. Тебе не хватит даже заплатить мне, чтобы я разделась...

Дерри сделал последний глоток, отвернулся от стойки и неверной рукой полез в карман кожаной куртки. Он положил на стойку монету, и тут один пьяный, сидящий слева, качнулся и вылил весь эль из своей кружки ему на ногу.

Дерри шагнул в сторону и постарался уладить конфликт без ссоры.

— Осторожнее, друг,— сказал он, хлопая его по плечу.— Ты можешь допить мой эль, а я пойду спать.

Он вылил остатки из своей кружки в кружку пьяницы и еще раз дружелюбно хлопнул его по плечу.

— Теперь ты можешь выпить, друг,— сказал он, отходя от стойки.— Желаю тебе приятного вечера!

— Почему ты уходишь, Джокки? Еще рано.

— Иди сюда, Джокки, выпьем на дорожку!

— Нет! — Дерри отрицательно покачал головой и с преувеличенной осторожностью пошел к выходу.— Я слишком пьян. С меня хватит на сегодня.

Он постарался сделать аккуратный поворот, споткнулся о чью-то ногу, но выпрямился и добрался до дверей без серьезных происшествий.

Когда он боролся с порогом двери, то внимательно следил, не пойдет ли кто-нибудь за ним. Однако, казалось, никто, кроме его недавних собутыльников, даже и не заметил его ухода. Да и те сразу же забыли, с кем они только что пили.

Постепенно шум таверны остался далеко позади.

Дерри, пошатываясь, шел по улице, стараясь не наталкиваться на прохожих, по крайней мере на тех, кто был больше его.

Наконец, он добрался до темного переулка, где не было никого, и, скрывшись в тени деревьев, осторожно оглянулся назад.

Он никого не увидел и решил уже, что находится в полной безопасности, как вдруг услышал позади себя шаги.

— Кто там? — спросил он пьяным голосом, снова вернувшись к своей роли, однако надеясь, что эта встреча случайна.— Кто идет?

— Эй, парень, как ты себя чувствуешь? — спросил человек, догонявший его. Этот голос выдавал манеры, чересчур культурные и совершенно неуместные для этого грязного переулка.

«Черт побери! — подумал Дерри, узнав говорившего, которого видел в таверне днем. Он сидел вдвоем с одним человеком в углу таверны и спокойно пил.— Почему он преследует меня? И где же его партнер?»

— А я помню тебя,— сказал Дерри, искажая слова и пьяным жестом указывая на незнакомца, стараясь решить, что же ему делать? — Ты тоже был в таверне, да? Так что случилось? Не можешь уплатить по счету?

— Мой друг заметил, что ты слишком пьян,— сказал человек, останавливаясь в четырех футах от Дерри и внимательно его рассматривая.— Мы только хотели убедиться, что с тобой все нормально.

— Твой друг? — спросил Дерри, оглядываясь и пытаясь казаться совсем не встревоженным.— А чего это ты и твой друг так обо мне беспокоитесь? — спросил он, когда заметил второго человека, приближавшегося по другой стороне улицы.— В чем дело, черт побери?

— Не тревожься, мой друг,— сказал первый, подходя к Дерри и беря его за руку.— Мы не собираемся причинить тебе вред.

— Слушай... — начал Дерри, протестуя тем громче, чем ближе подводил его человек к темным кустам.— Если вам нужны деньги, то зря стараетесь. Я спустил все до последнего гроша.

— Нам не нужны твои деньги,— сказал второй, подхватывая Дерри под другую руку и помогая своему компаньону волоочь Дерри по перулку.

Бормоча и ругаясь, Дерри продолжал играть свою роль. Он спотыкался, заваливался, всячески стараясь задержать их, а сам в это время лихорадочно обдумывал план.

Эти люди, несомненно, не к добру. И теперь уже было все равно, заподозрили они в нем шпиона или напали на него из-за денег. Главное — они поверили, что он мертвецки пьян. Это было ясно из того, как они держали его. Они просто поддерживали Дерри, оберегая его от падений, но вовсе не ждали угрозы с его стороны.

Может, это был единственный путь для Дерри спасти все дело?

— Я думаю, дальше не пойдем,— сказал первый после того, как они проволокли Дерри, спотыкающегося

и поминутно падающего, примерно тридцать или сорок футов.— Да, Лиль?

Второй кивнул и достал из кармана что-то маленькое и блестящее.

— Это не займет и минуты, мой друг.

Предмет был слишком невелик, чтобы быть оружием, а по тому, как человек возился с ним, Дерри понял, что это пузырек с какой-то темно-оранжевой жидкостью.

Он, быстро оценивая ситуацию, с любопытством смотрел, как человек осторожно вытаскивает пробку из пузырька. Они хотят одурачить его — убить или захватить в плен, этого он не знал, да и не горел желанием узнать.

Первый держал его за руки, но не сильно, так, чтобы Дерри держался на ногах.

Очевидно, они все еще думают, что он пьян, и это было их ошибкой.

— Что это? — спросил Дерри, когда человек, наконец, вытащил пробку.— Что-то очень приятное, розовое. Это, случаем, не выпивка?

— Да, мой друг,— сказал человек, поднося пузырек к лицу Дерри.— Это прочистит тебе мозги. Выпей.

Настало время действовать.

Резким движением Дерри вырвался из рук человека, который стоял сзади, и швырнул пузырек через плечо прямо ему в лицо. Одновременно он упал и пнул второго ниже живота. Благодаря силе пинка он прокатился по земле и мгновенно вскочил на ноги, наполовину обнажив меч, однако достать его не успел.

Первый человек уже повис у него на руке, стараясь вырвать оружие. Они начали бороться за него, и тут второй вмешался в драку. Не разобравшись во тьме что к чему, он прыгнул на спину своего товарища, думая, что это Дерри. Первый внезапно ослаб и выронил меч из рук. Второй отскочил назад и, ругаясь, снова ринулся на Дерри.

Это было для Дерри более привычно, хотя дело было не простым. так как выпитый эль не прошел для него бесследно. Его реакция замедлилась, а его противник прекрасно владел кинжалом. Дерри вытащил кинжал из-за голенища сапога и принял защитную стойку. Не поддавшись на обманные движения друг друга, они вступили в ближний бой. После жестокой схватки Дерри

удалось провести удушающий захват, и бесчувственное тело сползло на землю у его ног.

Но Дерри знал, что ему придется убить этого человека. Он не мог оставить его здесь, в переулке, и не мог заставить его молчать. Этому человеку придется умереть.

Подойдя ко второму, который лежал чуть поодаль, Дерри попытался нащупать пульс. Но пульса не было. Труп уже похолодел, и в спине зияла рана. По крайней мере, этого ему не придется убивать. Но другой...

Он подтащил человека без сознания к мертвецу и перевернул его лицом вверх, а затем быстро обшарил карманы. Он нашел там еще один пузырек, подобный тому, с помощью которого они хотели одурманить его, какие-то бумаги, которые он решил не просматривать здесь, и золотые монеты.

Морган, наверняка, заинтересуется жидкостью и бумагами, так что Дерри сунул их себе в карман. Но золота он не взял. Он не вор.

Обыскав второго, Дерри нашел также бумаги и золото и взял только бумаги.

Лежавший без сознания человек начал приходить в себя и застонал. Дерри был вынужден снова заставить его замолчать.

Он поднял нож одного из них. Дерри никогда раньше не убивал людей так хладнокровно. Но сейчас, если он не убьет, его собственная жизнь будет в опасности. Выбора нет. Он должен рассматривать это как наказание.

Глубоко вздохнув, Дерри откинул голову человека назад, приложил к его горлу нож и резким движением вонзил его.

Затем он положил нож рядом с рукой его обладателя, поднял свой меч и быстро пошел по переулку.

Он видел и слышал предсмертные крики людей, которых убивал. Но это было в открытом бою. Он никогда не думал, что когда-нибудь станет убийцей в ночи.

Дерри быстро дошел до конца переулка, свернул на улицу и пошел по ней, снова изображая пьяного. Он прошел несколько кварталов и оказался у сточной канавы. Его рвало.

Проходящие мимо смотрели на него. Одни с отвращением, другие с участием к его страданиям, но все они считали, что он просто перепил.

Но он единственный знал, что с ним такое.

И к тому времени, когда Дерри оказался в своей комнате в гостинице «Дракон», он был уже совершенно трезв и хладнокровен.

Морган положил голову на высокую спинку кресла и закрыл глаза. Он был в своей башне один. Справа от него, потрескивая, горел огонь в камине, и Морган знал, что когда он откроет глаза, то увидит высокий сводчатый потолок и семь зеленых окон в стенах, которые дали название этой башне — Зеленая Башня.

Перед ним на столе в когтях грифона холодным светом сиял кристалл в центре круглого стола. Его руки спокойно лежали на подлокотниках кресла. Морган расслаблялся и очищал свой мозг.

Послышался стук в дверь. Морган не шевельнулся и не открыл глаз.

— Да?

Морган вздохнул, посмотрел на потолок, затем сел прямо, так, что смог посмотреть в сторону двери.

— Дверь открыта.

Он увидел, как ручка повернулась, дверь открылась и на пороге появился Дункан.

— Закрой дверь.

Морган снова откинулся на спинку кресла.

Дункан запер дверь, затем подошел к столу и сел в кресло напротив Моргана. Лицо его кузена было спокойным, сосредоточенным, и Дункан понял, что тот уже приготовился принимать сигналы от Дерри.

— Я могу тебе помочь, Аларик? — спросил он спокойно. — Ведь пока еще рано, ты же знаешь.

— Знаю, — выдохнул Морган. — Но я не хочу, чтобы он потерпел неудачу, если начнет пораньше. Ведь для него это ново.

Дункан засмеялся.

— Для нас с тобой это тоже не совсем обычное дело, не правда ли? — он облокотился на стол, сложил ладони вместе. — И почему ты не хочешь, чтобы я подключился к тебе и увеличил твою энергию? Ведь это

сэкономит твои силы. Да и Дерри все равно раньше или позже узнает обо мне.

Морган улыбнулся.

— Ну, что же. Ты выиграл. Когда начнем?

— Как только ты будешь готов,— ответил Дункан.— Действуй. я буду следовать на шаг сзади.

Морган глубоко вздохнул и медленно выдохнул, затем сел прямо и обхватил ладонями кристалл. Еще один глубокий вздох, потом Морган закрыл глаза и впал в транс.

Некоторое время было тихо, а затем кристалл начал слабо светиться.

После этого Дункан наклонился над столом, сильно сжал запястья Моргана, выдохнул и присоединился к Моргану в транс.

Кристалл светился уже ярко. Внутри него перемещались какие-то неопределенные туманные формы. Но ни Дункан, ни Морган этого не видели.

— Он уже готов,— четко уловил Дункан мысль Моргана.— Он думает о том, как выйти на связь.

— Я чувствую это,— ответил Дункан.— Где он? Ты знаешь?

— Нет, я не могу сказать. Где-то далеко...

В задней комнатке грязной деревенской гостиницы на краю постели сидел Дерри и при свете одной из двух свечей просматривал бумаги, захваченные им у тех двоих, которые напали на него в темноте. И то, что он узнал из бумаг, полностью очистило его совесть.

Это были шпионы Торента, посланные для сбора сведений о передвижении войск Моргана, то есть с той же целью, что и Дерри, только с другой стороны. Но теперь они мертвы, а он остался жить.

Местным властям потребуется время, чтобы опознать их без документов. Но как только обнаружится, что они агенты, в Фатане поднимется большой шум и всех иностранцев будут проверять.

Дерри не думал, что его могут как-то связать с этими смертями, но он должен быть настороже.

Ведь он совсем один в Фатане, и помощи ждать ему неоткуда.

— Нет, не совсем один,— подумал он про себя.

Он улегся на постель, достал медальон, который дал ему Морган. Во всяком случае, он успеет сообщить Моргану все, что смог узнать.

Он сжал медальон в ладонях, и некоторое время пристально смотрел на него, а затем закрыл глаза и прошептал заклинание, которому его обучил Морган.

Дерри ощутил какое-то странное головокружение, как будто он провалился, как во сне, и затем что-то знакомое окружило его, удержало от падения.

Заклинание сработало.

— Поздравляю, Дерри, ты способный ученик. Тебе было трудно связаться с нами?

— Морган?

— Да. И отец Дункан.

— Отец Дункан?

— Ты удивлен?

— Удивлен — это не то слово.

— Мы объясним тебе позднее. Что ты узнал?

— Много,— ответил Дерри, широко улыбаясь, так как знал, что Морган не видит его счастливого и гордого лица.— Во-первых, войска Торента собираются где-то к северу отсюда — около пяти тысяч человек, если слухи правдивы.

— К северу от чего? — прервал его Морган.

— Прошу прощения. Я в Фатане, в гостинице «Дракон».

— Я знаю где это. Продолжай.

— Они собираются близ местечка под названием Педрас, это полдня скачки отсюда в направлении к северу. Я поеду туда завтра утром. Говорят, там хорошая охота.

— Это удачное прикрытие для тебя,— согласился Морган.— А что слышно о происходящем у нас, в Корвине?

— А... болтают об этом Варине де Грее, но немного. В Торенте ведь правит Дерини, так что здесь относятся без восторга к этому религиозному фанатику. Он сделал сюда несколько набегов, но без особых успехов. Я постараюсь разузнать побольше, когда поеду обратно.

— Хорошо, — согласился Морган.— Есть что-нибудь еще? Ты отлично поработал, но я не хочу, чтобы ты расходовал сил больше, чем это необходимо.

— Ладно,— пришел ответ Дерри.— Я сегодня ночью убил человека, милорд. Он и его напарник были агентами Торента, и они пытались меня чем-то одурманить.

— Ты знаешь, что это было?

— Нет, но я взял пузырек с собой.

— Достань его,— приказал Морган.— Ты можешь открыть глаза, не прерывая связи. Опиши его.

Дерри осторожно открыл глаза, достал из кармана пузырек, он внимательно осмотрел его, а затем снова закрыл глаза.

— Это небольшой дымчатый хрустальный пузырек с коричневой пробкой. Жидкость, кажется, оранжевого цвета, очень густая.

— Отлично. Открой его осторожно и понюхай, но не капни на себя.

— Конечно.

Дерри сел прямо, открыл пробку и осторожно понюхал.

— Еще,— скомандовал Морган.

Дерри повиновался.

— Ты узнаешь это, Дункан?

— Не уверен. Это может быть белас. Кассаны использовали этот наркотик, чтобы выведывать правду. Но он годится только для людей и только в том случае, если они очень пьяны.

— Дерри, ты был пьян? — спросил Морган.

— Они думали, что да,— засмеялся Дерри.— Мог он повредить мне?

— Нет, если ты вправду был трезв. А откуда ты знаешь, что они агенты Торента?

— Я взял их бумаги. Гариш де Брей и Эдмунд Лиль служили при дворе Его Величества в Вендура. Они были посланы, чтобы шпионить за нами.

— Очень негостеприимно с их стороны,— заметил Морган.— Есть у тебя еще что-нибудь?

— Нет, сэр.

— Хорошо. Сначала уничтожь бумаги и белас. И то, и другое может тебя выдать. Завтра я должен ехать в Хорт, но буду ждать твоего вызова в это же время, так что если это будет необходимо, выходи на связь, но только если это жизненно важно. Мы не можем тратить много энергии. И слушай, что говорят об

Интердикте. А кроме того, будь осторожен и возвращайся через два дня. Ты все понял?

— Да, сэр. Контакт завтра, если необходимо, и возвращение через два дня.

— Ну, удачи тебе.

— Благодарю, сэр.

Дерри слегка вздрогнул, когда контакт прервался, а затем открыл глаза и осмотрелся. Он чувствовал себя усталым, выжатым, как лимон, но это была хорошая усталость, и вообще контакт оказался гораздо проще и приятнее, чем он предполагал. Он зря беспокоился. Как-нибудь он упросит Моргана, чтобы тот побольше рассказал ему о магии.

Дерри задумчиво посмотрел на пузырек в руке, вылил его содержимое в ночную вазу под кроватью, после чего раздробил пузырек каблуками в пыль и сжег бумаги. Пепел последовал в ночную вазу вслед за наркотиком. Затем помочился на эту смесь.

Ну, вот.

Даже Деррини не сможет восстановить исходные составляющие этой смеси, хотя вряд ли кому-нибудь придет это в голову.

После всего Дерри сбросил куртку и стянул сапоги. Сорвал грязное покрывало с постели и растянулся на жестком матраце, положив кинжал под подушку, чтобы его можно было быстро достать в случае тревоги.

Затем сунул медаль Моргана под тунику.

— Вдруг кто-нибудь зайдет сюда и увидит ее,— подумал он и погрузился в сон.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА VII

Солнце едва встало, когда Морган, Дункан и вся герцогская свита прибыли на набережную, где была пришвартована «Рафалия».

Воздух был сырой, промозглый, наполненный терпким запахом морской соли.

Так как визит в Хорт был официальным, Морган оделся соответствующим образом: черный кожаный камзол до колен с Грифоном Корвина на груди, кожаные сапоги до колен с серебряными шпорами, положенными ему по должности при дворе. Шпоры были чистой формальностью, ведь Морган не собирался садиться на коня. Роскошный зеленый шерстяной плащ, закрепленный у шеи серебряной брошью, свисал с его плеч. А, кроме того, на его голове красовалась герцогская корона, ибо этот визит не был связан с военными маневрами. С пояса свисал широкий меч, вложенный в красивые ножны.

Дункан тоже тщательно продумал свою одежду для визита в Хорт Орсаля. Облачению священника он предпочел черный камзол с высоким воротом и плащ. Он долго раздумывал, надевать ли ему эмблему Мак Лейнов, которая специально для таких случаев хранилась у Аларика, но затем решил, что это будет слишком демонстративно.

Пока еще немногие знают об угрозе его отлучения. И пока это так, не стоит афишировать эту возможность. Одетый в черное он не будет привлекать особого внимания. Люди должны видеть его таким, каким хотят

видеть. Однако он с кривой усмешкой признал, что ему будет совсем не трудно вернуться в светский мир.

Лорд Дункан Говард Мак Лейн был в первую очередь сыном дворянина, хорошо образованным и воспитанным в лучших боевых традициях высшей аристократии. И хотя новый меч, который висел на его поясе, еще не пробовал крови, Дункан не сомневался, что когда придет время, он с успехом использует этот меч против любого врага.

Прибрежный туман совсем сгустился, когда Морган и Дункан подошли к «Рафалии». В сером небе смутно вырисовывалась высокая мачта судна. На ней развивался черно-зеленый флаг герцогства Корвин.

Тут на мачту проворно забрался матрос и закрепил над флагом Корвина королевский флаг Гвинеды, который ало-золотым всполохом сверкнул на утреннем небе.

«Рафалия» была не самым большим кораблем Моргана, но зато самым быстрым. Ее обслуживали тридцать матросов и четыре офицера. Помимо основного груза она могла принять на борт пятнадцать человек с оружием.

Когда дул хороший ветер в нужном направлении, судно легко могло делать шесть узлов, а последние усовершенствования в оснастке, заимствованные у судов Бренагии, позволяли идти под углом сорок градусов к ветру. Для этого служил дополнительный парус под названием джиб.

Если на море был штиль или ветер дул в лоб, то корабль мог идти на веслах. И даже в этом случае «Рафалия» преодолевала путь до Хорта и обратно менее чем за день.

По мачтам и реям «Рафалии» уже носились с ловкостью обезьян матросы, заканчивая приготовления к отплытию.

Морган надеялся, что матросам не придется браться за весла, что ветер будет попутным и они смогут вернуться в полдень.

В это время к нему подошел человек в кожаной куртке и таких же брюках, заправленных в сапоги. На его плечах был грубый шерстяной плащ алого цвета, а на голове — морская фуражка с кокардой морской службы герцогства Корвин.

Человек широко улыбнулся Моргану.

— Доброе утро, милорд,— произнес он. Его усы и борода смешно шевелились, когда он говорил. Его поза, выражение лица, жизнерадостный голос — все говорило о том, что он искренне наслаждается сыростью, холодом, туманом, морем.— Разве утро не прекрасно, сэр?

Морган поднял бровь.

— Утро хорошее, если ты собираешься плыть вслепую, Генри. Как ты думаешь, будет сегодня ветер или придется идти на веслах?

— Да нет, ветер будет,— заверил его капитан, радостно улыбаясь. — День для плавания будет превосходным. Нужно только выйти из гавани. Сколько человек будет с вами на борту?

— Всего девять,— ответил Морган, недовольно оглядываясь вокруг.— А это мой кузен, монсеньор Дункан Мак Лейн. Дункан, это Генри Кирби, капитан «Рафалии».

Кирби прикоснулся к козырьку фуражки.

— Рад приветствовать вас, монсеньор,— затем он повернулся к Моргану.— Вы готовы взойти на борт, милорд?

— Конечно. Сколько времени осталось до прилива?

— Четверть часа или около этого. Мы можем отчаливать, как только все будут на борту.

— Отлично,— Морган повернулся, махнул рукой людям, стоящим поодаль, и пошел вслед за Дунканом и Кирби на корабль.

За ними последовал лорд Гамильтон с группой вооруженных людей.

Гамильтон в этой обстановке чувствовал себя гораздо более уверенно. Он был воином, а не придворным, и его общение с Гвидоном и другими культурными людьми двора совершенно издергало его, истощило нервную систему.

Он был счастливейшим в мире человеком, когда наблюдал за сборами и отъездом пылкого трубадура в Кулди сегодня утром. Такое удачное начало дня взбодрило его, и теперь он был самим собой, командуя своими людьми с обычным апломбом.

Магистр Рандольф был первым из свиты Моргана, кто взшел на борт. Он был возбужден и надеялся, что впереди их ждут невероятные приключения.

Так как он был врачом, то не участвовал в дворцовых интригах. Морган редко давал ему тайные поручения вроде того, которое он выполнял на торжественном обеде. И то, что Морган пригласил его в это путешествие, было для него неожиданно и очень приятно.

Рядом с Рандольфом шел молодой Ричард Фиц Вильям, королевский слуга, которого Дункан привез с собой из Ремута. Ричард сгорал от нетерпения, желая увидеть легендарную роскошь дворца Орсаля.

Морган был для Ричарда идиолом, которому поклонялся, так как тот обучал его в Ремуте. Ричард был предан Моргану и не раз рисковал за него жизнью.

Кроме того, в свиту входили четыре офицера гарнизона замка, выполнявшие сейчас двойную миссию: были охраной герцога и его военными советниками для согласования всех вопросов обороны, обсуждать которые они отправлялись в Хорт Орсаль.

Эти офицеры и лорд Гамильтон руководили армией герцогства, когда Морган уезжал на службу в королевскую армию. Так что они были более всего заинтересованы в переговорах с Хортом.

Когда последний человек из свиты поднялся на корабль, два матроса в линялой робе убрали трап и закрепили его на борту.

Поднявшийся ветер стал разгонять туман, и вскоре над водой остались висеть только узкие полоски тумана.

Кирби громовым голосом выкрикивал команды, матросы летали по вантам, расправляя снасти.

Гребцы сели на весла, и «Рафалия» двинулась из гавани, обходя корабли, стоящие на якоре, и выходя на простор, где она могла подставить свои паруса ветру. Когда «Рафалия» подошла к выходу из гавани, ветер усилился и она стала набирать скорость.

Через несколько сотен ярдов рулевой сделал плавный поворот и взял курс на Хорт. Если ветер сохранится, то они будут в порту назначения уже через четыре часа.

Отдав последние распоряжения, Кирби присоединился к Моргану, Дункану и Рандольфу, стоявшим на палубе.

«Рафалия» была торговым судном, но имела две приподнятые палубы: переднюю и заднюю. На задней палубе находился матрос с рулевым веслом, управля-

ющий кораблем. Передняя палуба была в распоряжении капитана. Здесь на вынесенных мягких креслах и расположились с удобствами четыре человека.

Далеко позади в рваных клочьях тумана высились прибрежные утесы и башни замка Корот.

Гамильтон с четырьмя офицерами устроился на средней палубе. Они переговаривались с незанятыми работой матросами, отдыхавшими на галерее у борта.

Два матроса наблюдали за морем: один с носа корабля, а другой из вороньего гнезда на верхушке мачты.

Огромный грот и небольшой джиб закрывали большую часть неба, а над кораблем как бы парил Грифон, вытканый на парусе золотом.

Кирби вздохнул и, облокотившись на поручни, стал рассматривать корабль и море.

— День прекрасный, как я и говорил, милорды. Каждый должен изредка выходить в море, хлебнуть свежего воздуха, понюхать запах соли, чтобы оценить все прелести жизни. Может, вам подать немного вина, чтобы прогнать холод из костей?

— Если вино из Фианы, то можно,— ответил Морган.

Он знал, что Кирби — большой знаток этого дела и не держит других вин.

Кирби улыбнулся и махнул рукой.

— Для вас, милорды, все самое лучшее,— он посмотрел назад через плечо, увидел мальчика лет семи-восьми и позвал его.— Эй, Дик, подойди сюда на минутку.

Мальчик встрепенулся, оставил свое занятие и подбежал к капитану, глядя на него преданными глазами.

— Сэр?

— Принеси сюда бокалы и новую бутылку фианского вина. Пусть тебе кто-нибудь поможет.

— Мой человек поможет ему,— сказал Морган, подходя к капитану.— Ричард, помоги мальчику. Капитан Кирби так любезен, что хочет угостить нас вином из своих запасов.

Ричард, стоящий с лейтенантами и Гамильтоном, улыбнулся и поклонился герцогу.

Дик ловко повернулся на каблуках и буквально скатился по лестнице вниз. Ричард неуверенно посмотрел ему вслед, но все же последовал за ним, правда, с большой осторожностью: он ведь не был моряком и не привык к таким головокружительным трюкам.

Кирби посмотрел ему вслед и гордо улыбнулся.

— Мой сын.

Морган кивнул с одобрением, но ничего не добавил.

На корме один матрос наблюдал все это с большим интересом. Его звали Эндрью, он был помощником рулевого на «Рафалии».

Эндрью подошел к поручням и стал вглядываться, пытаясь рассмотреть во влажном тумане берег Хорта. Он знал, что больше никогда не увидит этот берег. И свою родную Фиану тоже — ту самую Фиану, которая поставляла лучшие вина во все Одиннадцать Королевств. Но он на все решился.

Это была ничтожная цена за то, что он намеревался совершить. Он долго готовился к этому.

Эндрью стоял неподвижно, а затем полез в карман и достал маленький сложенный кусок ткани. Осторожно оглянувшись, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, он развернул ткань и уже в пятый или шестой раз прочел: «Грифон отплывает утром. Он не должен прибыть к месту назначения. Смерть всем Дерини!» Под текстом стояли буква «Р» и изображение сокола.

Эндрью посмотрел через плечо на палубу, а затем снова взглянул на море.

Это послание прибыло вчера вечером, когда солнце уже скрывалось за горами.

Коварный замысел созрел уже давно и, наконец, они дождались момента, когда Морган взобрался на борт корабля — здесь он должен встретить свою судьбу. Смерть Моргана неминуема — и сейчас он совсем рядом с ней. Она скоро настигнет его.

Эндрью прижал руку к груди и удовлетворенно нащупал пузырек, висящий на шнуре. Он выполнит свой долг. Он дал клятву Сынам Небес и сдержит ее, хотя и ценой собственной жизни.

Кроме того, Варин обещал ему, что смерть будет легкой и безболезненной. Эндрью знал: на небесах он получит бесценную награду за то, что убьет ненавистного герцога Дерини. За это он готов отдать жизнь.

С корабля ему сбежать не удастся, даже если он добьется успеха. А если его попытка провалится? О, он знал, что эти Дерини могут сделать с человеком! Они могут лишить его разума, могут открыть его душу Злу, могут даже принудить предать Дело. Нет, лучше выпить яд, а затем ударить отравленным ножом Дерини. Что стоит жизнь человека, если душа его будет потеряна для бога?

Решительным жестом Эндрью бросил скомканный клочок ткани за борт и наблюдал за ним, пока тот не скрылся из виду. Затем достал пузырек с ядом.

Яд был очень сильным. Варин предупредил его об этом. Несколько капель на лезвие кинжала, небольшая царапина на руке или лице — все магии и кольчуги не спасут предателя Моргана.

Он осторожно открыл пузырек, оглядываясь, чтобы его никто не заметил, а затем вылил несколько капель на лезвие.

— Ну, вот, это для Дерини,— подумал он.— Я жил и дышал для того, чтобы пролить сегодня его кровь. А вместе с кровью жизнь покинет его тело.

Эндрью закрыл пузырек, спрятал его в рукав, и снова взялся за руль.

Он старался не смотреть на Моргана, не встречаться с ним взглядом. Вдруг этот колдун по глазам может разгадать его намерения и сумеет защитить себя.

Потихоньку перемещаясь, он оказался позади Моргана и его собеседников. Движение его прошло незамеченным, так как в это время появились Ричард и Дик с деревянными кружками и бутылкой вина. Эндрью с горечью заметил на бутылке сургучную печать с гербом Фианы.

— Молодец,— сказал Кирби и взял бутылку. Он сбил печать и стал разливать вино.— Милорд, у вас хороший вкус.

— Я только беру пример с тебя, Генри,— засмеялся Морган. Он сделал большой глоток.— И если бы у меня не было таких капитанов, как ты, я бы до сих пор не знал о существовании такого рая на земле.

Морган вдохнул полной грудью, вытянул ноги перед собой и развалился в кресле. Солнце сверкало на его кольчуге и золотых волосах. Он снял с головы корону и положил на палубу перед собой.

Эндрю воспользовался этим моментом и вытащил пробку из своего пузырька, поднес его ко рту и сделал вид, что старается подавить зевок. Его притворный зевок внезапно превратился в судорожный кашель: жидкость обожгла горло, и ему пришлось сделать немалые усилия, чтобы прекратить кашлять.

Кирби с удивлением посмотрел на него, а затем снова вернулся к беседе.

Эндрю не мог вдохнуть воздуха в легкие, но, наконец, ему удалось справиться с собой.

— Черт возьми! — подумал он, вытирая слезящиеся глаза.— Варин не предупредил о вкусе этого яда! Он чуть не сорвал весь план. Теперь нужно быстро действовать.

Эндрю выпрямился и стал изучать расположение людей на палубе. Морган сидел в кресле на расстоянии восьми футов, спиной к нему. Кирби — слева в нескольких футах. Священник, магистр Рандольф и Ричард находились справа от Моргана. Они тоже сидели, но были заняты созерцанием удаляющегося берега и не обращали внимания на какого-то матроса.

На губах Эндрю появилась сардоническая улыбка, рука сжала рукоять длинного кинжала.

Он наметил себе цель — ничем не защищенный затылок Моргана. Затем резко прыгнул в сторону своей ничего не подозревающей жертвы.

Но все произошло не так, как задумывал Эндрю.

Молодой Ричард внезапно повернулся и увидел движение матроса. И прежде чем убийца достиг своей жертвы, Ричард вскрикнул и бросился между ними, преградив дорогу неминуемой смерти. И во время прыжка он сбросил Моргана с кресла.

Корабль, оставшийся без управления, подбросило на крутой волне, Эндрю потерял равновесие и не смог вовремя остановиться.

Дункан и Кирби бросились на него, обезоружили и скрутили. Однако Эндрю старался вырваться из их рук и броситься на Моргана. Они одним клубком покатались по палубе, сверху на них свалились Морган с Ричардом.

Покушение провалилось!

Дункан и Кирби поволокли Эндрю прочь. Гамильтон с офицерами подоспели им на помощь.

Когда Кирби увидел, что преступник в надежных руках, он бросился к рулю, выправил корабль на курс, позвал матроса и передал руль ему.

Рандольф, который оттащил Дика в сторону от смертельной опасности, в ужасе смотрел, как Морган старается поднять Ричарда.

— Ричард! — кричал Морган, тряся его за плечи.

Юноша безвольно висел на его руках. Глаза герцога в ужасе расширились, когда он увидел кинжал, торчащий из плеча юноши.

— Рандольф, иди сюда! Он ранен!

Рандольф мгновенно подскочил к ним, опустился на колени, чтобы осмотреть рану.

Ричард застонал и с усилием открыл глаза. Его лицо стало пепельным и исказилось от страшной боли, когда врач дотронулся до кинжала.

Дункан, убедившись, что пленник в надежных руках, торопливо подошел к ним и опустился рядом с раненым.

— Я... я остановил его, милорд,— слабым голосом сказал Ричард, глядя на Моргана преданными глазами.— Он хотел убить вас.

— Спасибо тебе,— прошептал Морган, нежно откидывая волосы с его лба. В глазах юноши он прочел приближающуюся агонию.— Как он, Ран?

Рандольф горько покачал головой.

— Мне кажется, что он отравлен. Хотя его рана сама по себе и не смертельна, я... — он покачал головой.— Мне очень жаль, милорд.

— Милорд,— прошептал Ричард,— могу я просить у вас милости?

Морган нежно сказал:

— Сделаю все, что в моих силах, милый Ричард.

— Вы... вы скажете моему отцу, что я погиб, служа вам как оруженосец? Он... — Ричард закашлялся, и это вызвало новую волну боли, которая прошла по всему его телу.— Он надеялся, что я когда-нибудь буду рыцарем,— закончил юноша слабым голосом.

Морган кивнул, прикусил губу и постарался сдержать слезы.

— Позвольте мне произнести слова клятвы, милорд,— шептал Ричард, хватая Моргана за руку и стискивая ее.— Я, Ричард Фиц Вильям... — он произнес традиционную клятву верности своему господину до

гроба. Его голос креп и ширился. Но в конце клятвы его лицо исказила боль, глаза непроизвольно закрылись и он закончил почти шепотом: — ...и помоги мне в этом Господи... Его голос совсем затих, рука разжалась, дыхание исчезло.

Порывистым движением Морган прижал тело юноши к груди. Глаза Ричарда закрылись. Морган слышал, как Дункан шептал слова молитвы. Он посмотрел на окаменевшее лицо Кирби, на своих офицеров, державших пленника. Его глаза стали смертельно холодными.

Не отрывая глаз от человека, который смотрел на все это со смесью сожаления и торжества, Морган бережно опустил тело Ричарда на палубу и поднялся на ноги.

Между ними валялось опрокинутое кресло и Морган спокойно поднял и поставил его на место. Было видно, что он заставил себя сделать это, прежде чем направиться к убийце.

Его кулаки сжимались и разжимались, когда он стоял перед этим человеком и смотрел ему в глаза. Он с трудом сдерживал желание ударом кулака размозжить это ненавистное лицо.

— Почему? — спросил он тихо, не доверяя сам себе.

— Потому что ты Дерини, а все Дерини должны умереть! — выкрикнул человек. В его глазах горел огонь фанатизма.— Дьявол заберет тебя, в следующий раз тебе не спастись! А следующий раз будет, я тебе ручаюсь!

Морган долго смотрел на него, не говоря ни слова, и под этим долгим взглядом Эндрью затих и опустил глаза.

— Это все, что ты хочешь сказать? — спросил Морган спокойно, но глаза его потемнели.

Эндрью снова взглянул на Моргана, странное выражение промелькнуло на его лице.

— Ты не можешь мне ничем повредить, Морган,— сказал он ровным тоном. — Я пытался убить тебя. И я бы сделал это еще раз, если бы представился случай.

— За что ты убил Ричарда? — спросил Морган ледяным тоном, глядя, как глаза Эндрью нервно перебежали на тело юноши, лежащее на палубе.

— Он служил Дерини! — выкрикнул Эндрью.— Он получил лишь то, что заслужил!

— Дьявол тебя заberi, он не заслужил этого! — выругался Морган, хватая Эндрью за куртку и притягивая к себе.— Кто тебя послал?

Человек сморщился от боли, покачал головой и слабо засмеялся.

— Это ни к чему, Морган. Я ничего не скажу. Я знаю, что я уже мертв.

— Пока ты еще жив,— проговорил Морган сквозь стиснутые зубы, поднимая руку, чтобы сдавить его горло.— Кто тебя послал?

Он устремил пристальный взгляд на убийцу, принуждая его с помощью магии сказать правду.

Голубые глаза Эндрью в ужасе расширились, он старался скрыться от пристального взгляда. Пренебрежение на его лице сменилось страхом.

— Только не мою душу, ублюдок Дерини! — закричал он, корчась под взглядом Моргана.— Оставь меня!

Он изо всех сил сопротивлялся внушению Моргана, судороги сотрясали его тело, он стонал и пытался вырваться. Затем внезапно обмяк в руках тех, кто его держал, уронив голову на бок.

Морган сделал последнюю попытку проникнуть в его мозг, пока в нем еще теплилась жизнь, но безуспешно. Эндрью умер.

Морган подозвал Рандольфа.

— Скажи,— он отвернулся от трупа,— это я его убил, или он умер от страха?

Рандольф осмотрел тело, которое офицеры положили на палубу, а затем разжал его левую руку. Взял пузырек, понюхал его, а затем протянул Моргану.

— Яд, милорд,— сказал он.— Возможно, тот же самый, что был на кинжале. Он знал, что у него нет надежды спастись, даже если бы он убил вас.

Морган посмотрел вниз, где один из офицеров обыскивал карманы убитого.

— Есть что-нибудь? — спросил он.

— Ничего, сэр.

Морган некоторое время смотрел на Эндрью, а затем пунул носком сапога.

— Вышвырните его,— проговорил он, наконец.— И позаботьтесь о Ричарде. Он должен быть похоронен в Короте со всеми почестями как мой оруженосец.

— Хорошо, милорд,— ответил лейтенант, снимая с себя зеленый плащ и осторожно накрывая им тело славного юноши.

Морган повернулся и пошел к поручням, как можно дальше от двух мертвецов. Немного погодя он услышал всплеск воды и понял, что на палубе остался только один труп.

Дункан подошел к нему и облокотился о поручни. Он долго смотрел на своего кузена, прежде чем решил нарушить молчание.

— Все Дерини должны умереть,— сказал Дункан.— Жуткие тени Инквизиции! Тебе это что-нибудь напоминает?

Морган кивнул:

— Да. Песни, которые поют на улицах, сообщение Рандольфа о том, что он слышал на обеде. Все это говорит об одном — вся смута, затеянная Варином, становится неуправляемой.

— Этот убийца был полностью предан Варину,— заметил Дункан.— Этот Варин, кажется, обладает большим могуществом. Интересно, что он сказал этому моряку, который был готов к смерти, добровольно пошел на нее.

Морган фыркнул:

— Ну, это нетрудно представить. Ему сказали: убив Дерини, ты спасешь человечество. И тебе за это будет бесценная награда на небесах. Только приняв смерть, ты сможешь избежать мести Дерини, не позволить ему свергнуть твою бессмертную душу в бездны Зла!

— Могучее средство давления на простого человека, полностью находящегося в сетях суеверия,— сказал Дункан.— И я боюсь, что скоро, когда на Корвин обрушится Интердикт, таких фанатиков будет очень много. Они открыто выступают против нас. Сегодня мы увидели только цветочки.

— Да, и я не могу сказать, что эти мне по вкусу,— ответил Морган.— Мы не задержимся у Орсаля. Может, я и не смогу ничего сделать, но все же хочу быть там, когда все начнет рушиться.

— Значит,— проговорил Дункан,— ты признаешь, что Интердикт — это серьезная угроза?

— Я никогда и не думал иначе,— ответил ему Морган.

Солнце уже опускалось в море, когда «Рафалия» направилась к берегам Корвина. Морган, наконец, смог расслабиться и обдумать все, что произошло днем.

Этот день был плохим. Если даже отбросить в сторону покушение и гибель Ричарда, визит к Орсалию тоже нельзя было назвать удачным.

Его Величество был в ужасном настроении, так как он только что получил сообщение, что из его конюшен в северной провинции украдены пять лучших лошадей. Грабители пришли из Торента и, когда прибыли Морган с Дунканом, король больше думал о мести разбойникам, возвращении своих лошадей, чем о взаимной обороне во время войны, которая начнется через три месяца.

Так что встрече нельзя было назвать плодотворной...

Морган был приглашен в дом Орсаля и принят его женой. Его попросили оказать честь и взять одиннадцатилетнего второго наследника дома Орсалея Рогана с собой для обучения рыцарским искусствам.

Но вопросы обороны, жизненно важные в преддверии войны, так и не затрагивались. И когда герцог поднялся на борт «Рафалии», чтобы плыть домой, на берегу остались два его лейтенанта, которым было поручено связаться с советниками Хорта и разработать план обороны.

Морган не любил поручать такие ответственные дела другим, но выбора у него не было. Он не мог оставаться при дворе Хорта неопределенно долго и ждать, когда же их король будет готов решать важные вопросы.

Погода его тоже не радовала. Воздух был таким плотным и спокойным, что «Рафалия» не смогла даже покинуть гавань без помощи весел. Команда с шутками и смехом разобрала весла, и все матросы расселись по местам.

На небе начали появляться звезды. Над спокойной водой неслись хриплые голоса матросов, оравших старые,

как мир, морские песни. Их содержание было таким, что, вероятно, все рыбы увели своих мальков подальше от корабля, чтобы не смущать их нежные, неиспорченные души.

Света на корабле не было, за исключением зеленых фонарей на мачте и носу. Капитан Кирби стоял рядом с рулевым. Рандольф и другие люди из свиты Моргана старались уснуть, невзирая на неудобства. Герцог и Дункан укрылись на передней палубе под легким полотняным навесом, который плохо защищал от сырого воздуха. Но Морган все равно бы не уснул.

Он плотнее закутался в плащ и выглянул из-под навеса, чтобы посмотреть на звезды. На востоке из морских глубин уже поднялся Охотник, и его яркий пояс мерцал в холоде мартовской ночи.

Морган рассеянным взглядом окинул небосвод, бездумно отметил в уме другие созвездия, а затем улегся на жесткую скамью, заложив руки за голову.

— Дункан?

— М-м-м...

— Ты спишь?

— Нет,— Дункан сел и потер кулаком глаза.— Что случилось?

— Ничего.

Морган вздохнул, сел, обхватив колени руками, и положил подбородок на руки.

— Скажи мне, Дункан, что мы сегодня сделали, кроме того, что потеряли хорошего человека?

Дункан поморщился, плотно сжал губы, а затем решил превратить все в шутку:

— Мы видели последнего отпрыска Орсаля — седьмого.

— Ура седьмому отпрыску,— засмеялся Морган.— Мы еще видели всех маленьких Орселей от первого до последнего, а третьего из них даже приняли в свою свиту. Почему ты не остановил меня, Дункан?

— Я? — Дункан хмыкнул.— Мне показалось, что ты страстно желаешь иметь в замке Корот отпрыска Орселей. Ты только подумай, Лорд-генерал, ты можешь взять сына Орсаля с собой на войну.

Морган фыркнул:

— Да нет, если я возьму второго наследника трона Хорта на войну и с ним что-либо случится, то мне

лучше покончить с собой. Но что мне было делать? Я не мог отказать Орсалью. И теперь передо мной стоит трудная задача — воспитать из него рыцаря.

— Но если тебе будет трудно, ты всегда можешь посадить его на корабль и отправить домой. Мне кажется, что самому Рогану это понравится. Он по своей натуре совсем не воин.

— Да, это не тот сын, который нужен Орсалью. Он второй наследник, и мне кажется, что он не хочет быть так близко к трону.

Дункан кивнул:

— Ему бы быть ученым, врачом или монахом. Очень жаль, что он не может последовать зову сердца. Ему придется всегда быть при дворе своего старшего брата. Он никогда не будет счастлив, сам не понимая, почему. А, может, и будет знать, в чем дело, но изменить ничего не сможет. Вот что самое печальное, Аларик, и мне жаль его.

— Мне тоже,— согласился Морган, зная, что Дункан тоже мучается, вынужденный обстоятельствами играть роль, которая ему не по душе, и скрывать свое истинное предназначение в этом мире.

Со вздохом Морган поднялся со своего неудобного ложа, чтобы посмотреть на звезды еще раз, а затем пошел на свет зеленого фонаря на носу корабля. Усевшись на палубе, он стащил правую перчатку и улыбнулся, увидев, как Грифон на его кольце сверкнул холодным блеском в зеленом призрачном свете фонаря.

Дункан присоединился к Моргану.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Наступило время связи с Дерри, если, конечно, он выйдет на связь,— ответил Морган, протирая кольцо краем плаща.— Ты хочешь послушать вместе со мной? Я сейчас собираюсь войти в первую ступень транса и ждать его вызов.

— Хочу,— сказал Дункан, садясь рядом с ним и наблюдая за его приготовлениями.— Я погружусь сразу за тобой.

Они оба сосредоточились на созерцании кольца.

Морган глубоко вздохнул, а затем медленно выдохнул. Глаза его закрылись, дыхание стало медленным, ровным.

Дункан наклонился к нему и положил на Грифона ладонь, чтобы присоединиться к своему кузену.

Они находились в этом состоянии почти пятнадцать минут. Сначала они ощущали только мысли членов команды и свиты герцога; когда расширили зону приема, то смогли почувствовать слабое, едва различимое излучение и, конечно, непонятное.

Но вызова Дерри не было.

Со вздохом Морган вышел из транса, а Дункан за ним.

— Ну, что же, будем надеяться, что с ним ничего не случилось,— сказал Морган. Он старался освободиться от слабости и головокружения, которые были постоянными спутниками мысленного поиска. Потом продолжил:

— Он должен был вызвать меня, если бы хотел сообщить что-нибудь серьезное. Разумеется, если он не попал в какую-нибудь переделку,— он засмеялся.— Но я думаю, наш юный друг Дерри был чересчур взволнован первым сеансом магии и воспользовался малейшей возможностью, чтобы пропустить следующий. Надеюсь, он сейчас в безопасности.

Дункан хмыкнул и снова улегся на свое место.

— Это удивительно, как легко принял он магию, не правда ли? Он действовал так, как будто никогда ничем иным и не занимался. И не моргнув глазом принял сообщение, что я тоже Деррини.

— Результат долгого общения со мной,— улыбнулся Морган.— Дерри помогает мне уже шесть лет. Я никогда не показывал ему свое могущество. Конечно, он иногда видел результаты моей деятельности, но методы — никогда. Так что когда пришло время ему включиться в магию, у него не было вопроса, хорошо или плохо быть Деррини. И он показал хорошие способности.

— Может, в нем есть кровь Деррини?

Морган отрицательно покачал головой и улегся.

— Думаю, нет. Однако, возникает интересная проблема. На его примере можно видеть, чего люди могут достичь, если их разум не отравлен идеями что всякая магия — это зло. Дерри — блестящий пример. Есть много простых заклинаний, которым я могу обучить его, когда он будет здесь, и он наверняка быстро научится обращаться с ними. А ведь в его семье нет

никого, кто получил могущество от Дерини, как Брион или Орсали.

— Я надеюсь, что он будет осторожен,— пробормотал Дункан, поудобнее устраиваясь и закутываясь в плащ.— Знание может быть опасным, особенно, если это знание Дерини. Ведь сейчас наш мир очень опасен для тех, кто симпатизирует Дерини.

— Дерри сам позаботится о себе,— сказал Морган.— У него обостренное чувство опасности. И, кроме того, я уверен, что в данный момент он в безопасности.

ГЛАВА VIII

Но Дерри не был в безопасности.

Утром он выехал из Фатана и направился на север по направлению к Педрасу, чтобы своими глазами увидеть, что там происходит.

Он не собирался доезжать до самого Педраса, так как для этого у него не было времени, ведь Морган приказал ему вернуться в Корот к следующей ночи.

Педрас был тем местом, о котором говорили, что там собираются войска Торенса. Если он будет осторожен и благоразумен, то сможет добыть ценные сведения для Моргана.

Выезжая из ворот Фатана, он напомнил себе, что должен быть более осторожным, чем тогда вечером в таверне. Он не может больше допустить того, что произошло тогда в аллее. Он содрогнулся, вспомнив эти жуткие события.

Были и другие причины покинуть Фатан как можно быстрее. Дерри не хотел, чтобы его заподозрили в убийстве тех двоих. Он сомневался, чтобы кто-нибудь из его собутыльников мог бы вспомнить его или как-то связать с этим убийством. И если бы нашелся хоть один свидетель, то жизнь убийцы двух высокопоставленных шпионов Венсита не была бы ни легкой и приятной, ни долгой.

Так что он теперь скакал на север, в глубь страны, по направлению к Педрасу, изредка останавливаясь в

тавернах и гостиницах, чтобы поговорить с местными людьми и купить кое-какие меха.

К полудню Дерри был уже у развилки, где дорога поворачивала на Педрас. Впереди него шагала небольшая группа пеших солдат, очевидно, направляющихся туда. Его остановили и допросили двое солдат из арьергарда этого отряда. Если раньше он и сомневался, то после этого понял, что в город ему ехать нельзя.

Пора уже было поворачивать на запад и ехать обратно в Корвин.

Сумерки застали его на каменистой равнине — буферной области, отделяющей Корвин от Истмарта.

Дороги возле границы были очень плохими, и та, которую выбрал Дерри, не была исключением. Однако он быстро добрался до границы Торент-Корвин и пересек ее.

В наступивших сумерках лошадь стала спотыкаться и замедлила свой бег. Дерри вздохнул и заставил себя внимательнее следить за дорогой.

Сгущалась темнота, но Дерри не останавливался на ночь. Он хотел добраться до города и заночевать в придорожной гостинице. Кроме еды, в которой он очень нуждался после долгой езды, он надеялся получить там ценные сведения для Моргана.

Он ехал, тихонько посвистывая и поглядывая по сторонам. Взглянув налево, он остолбенел от удивления. Там происходило что-то странное. Солнце садилось не там, где должно было. Закат как будто сместился на тридцать градусов вправо. А кроме того, зарево заката все время усиливалось, вместо того, чтобы угасать.

Пожар?

Дерри бросил поводья и стал прислушиваться и принюхиваться. Почувствовав запах дыма, он нахмурился, съехал с дороги и поскакал прямо по полю к холму. Теперь его ноздри уже резко щекотал острый горький запах дыма, который усиливался с каждым мгновением.

Добравшись до вершины холма, он увидел клубы черного дыма, заволакивающего небо, услышал крики, разрывавшие спокойный ночной воздух.

Предполагая самое худшее и все же надеясь, что ошибается, Дерри соскочил с лошади и подбежал к краю

холма. Он упал на землю, свесил голову и стал смотреть вниз. Его лицо помрачнело.

Горели поля. Тридцать или сорок акров озимой пшеницы, простиравшиеся к югу, пылали, и огонь уже угрожал скромному поместью, стоявшему у дороги. Но жителям поместья угрожал не только пожар.

Вокруг поместья мельками в дыму вооруженные всадники, пиками и мечами поражавшие обитателей поместья, которые тщетно пытались защитить себя.

Кровь Дерри вскипела. Его благородство и рыцарская честь требовали немедленно вступить в бой на стороне ни в чем не повинных беспомощных людей. Он уже хотел вскочить и броситься в битву.

Однако разум подсказал ему, что в такой ситуации один человек, даже отважный и сильный, ничего не сможет сделать. Он только сам погибнет. И пусть он возьмет с собой в могилу несколько мародеров, все равно его смерть будет бесполезной. Если он умрет, то некому будет сообщить Моргану обо всем, что здесь случилось.

Дерри смотрел на все происходящее, жестоко страдая. Затем на севере от пожара он увидел новые огни. Это были всадники с факелами в руках. Они подъехали и остановились на дороге, поджидая своих сообщников.

Борьба к этому времени уже закончилась, все защитники были мертвы. Дерри с горьким удовлетворением отметил, что на дороге валяется один из грабителей. Его товарищ поднял его и положил поперек седла. Двое других взяли факелы, подожгли поместье и поскакали к основной группе, ожидающей на дороге.

Дерри сжал зубы и заставил себя подождать, пока мародеры, соединившиеся со своими товарищами, не скрылись за холмами на западе.

Выругавшись, Дерри бросился к лошади, вскочил в седло и помчался не разбирая дороги вниз по склону.

Дом уже пылал, и спасти его было невозможно. Но Дерри надеялся, что не все обитатели поместья погибли в той ужасной резне, которая разыгралась здесь.

Ему оставалось доехать до дома всего около пятидесяти ярдов, когда пылающее хлебное поле заставило его вернуться на дорогу. Он снял плащ и обмотал им голову лошади, чтобы она не видела, куда едет. Затем он бросился в огонь и вскоре уже проехал через ворота поместья.

Это был скромный дом небогатого помещика. По тому, что осталось от дома, можно было предполагать, что он был красив и крепок, и простоял бы еще не один десяток лет.

Защитники поместья сделали все, что смогли. Во дворе лежало с полдюжины трупов, несколько — на лестнице, ведущей в дом. Большинство из них были пожилыми людьми, одетыми в запачканные кровью ливреи серебряно-зеленого цвета, как и герб на воротах. Герб: три колоса пшеницы на золотом поле. Девиз: «Я не уступлю».

— Да, они не отступили,— подумал Дерри, проезжая по двору и осматривая тела.— Но где же их лорд? Где он может быть?

Слева от себя он услышал стон и краем глаза увидел, как чья-то рука поднялась в молчаливом призыве.

Дерри спрыгнул с седла и встал на колени перед старым человеком с бородой, одетым в такую же ливрею, что и все остальные обитатели поместья.

— Кто... кто ты? — прохрипел старик, стискивая его плащ и притягивая к себе, чтобы рассмотреть его лицо в свете пожара.— Ты не из тех...

Дерри покачал головой и аккуратно приподнял старика, положив его голову себе на колени.

Становилось темно и лица старика было не рассмотреть. Однако света было достаточно, чтобы понять: старик умирает.

— Мое имя Син лорд Дерри, мой друг. Я человек герцога. Кто все это сделал? Кто твой господин?

— Син лорд Дерри,— повторил раненый, прикрыв глаза от боли.— Я о тебе слышал. Ты член Совета молодого короля?

— Да,— ответил Дерри, нахмурившись.— Но сейчас ты лучше расскажи мне, что здесь произошло.

Старик поднял руку и махнул ею в западном направлении.

— Они пришли из-за холмов, молодой лорд. Бандиты Варина де Грея. Мой молодой господин де Вали уехал в Роллед просить герцога о помощи всем местным лордам, но увы...

Его голос угас, и Дерри подумал, что старик отошел в другой мир, но затем умирающий проговорил опять:

— Передай герцогу, что мы дрались до конца. Скажи ему, что мы не перешли на сторону этого «святого», как нам ни угрожали. Мы...

Он закашлялся и струйка крови потекла у него из рта. Однако он собрал последние силы, поднял голову на несколько дюймов и подтянулся на руках, вцепившись в край плаща.

— Твой кинжал, милорд... Дай его мне.

Дерри нахмурился, решив, что старик просит *coup de grace* — удар милосердия. Это, вероятно, отразилось на его лице, так как старик улыбнулся и покачал головой, снова опустив ее на колени Дерри.

— Я не прошу тебя об этом, молодой лорд,— прошептал он, глядя ему в лицо.— Я не боюсь смерти. Я только хочу увидеть изображение креста, чтобы спокойно уйти в другой мир.

Дерри кивнул. Его лицо было суровым и торжественным. Он вынул кинжал из ножен и, взяв его за лезвие рукояткой вверх, поднес крест к лицу старика, на котором играли слабые отблески угасающего пожара.

Умирающий улыбнулся, в его глазах отразилась радость. Он притянул к себе руку Дерри и прижал крест к своим губам. Затем его рука ослабла, упала, и Дерри понял, что старик умер.

— Покойся в мире, верный и преданный слуга,— подумал Дерри, перекрестившись и пряча кинжал в ножны.

Значит, Варин ударил. Кончилось время угроз, начались убийства, пожары, резня.

Бросив последний взгляд на опустошенный двор, освещенный угасающим пожарищем, Дерри встал и нерешительно взял в руки поводья. Затем он вскочил в седло.

Он не должен был заезжать сюда. Сейчас ему следовало находиться в безопасном месте и ждать связи с Морганом. Его господин вряд ли одобрил бы его действия, связанные с таким огромным риском.

Но человек не всегда подчиняется логике. Когда происходят события необычные, человек всегда действует необычно, пусть даже и рискуя жизнью.

Тронув шпорами лошадь, Дерри выехал на дорогу, по которой скрылись мародеры. По своему опыту он знал, что разбойники Варина не поедут далеко. Уже

было слишком поздно для путешествия по таким дорогам, ведь на небе не было луны. А кроме того, на их руках был мертвый или раненый человек. Если он ранен, то они наверняка скоро остановятся, чтобы оказать ему помощь.

И еще было неясно, где сам Варин. В этой группе налетчиков его не было. Дерри в этом был уверен, так как хорошо видел с холма все происходящее. Да и старик не упомянул о нем — он говорил только о его людях.

Дерри был уверен, что если бы Варин был здесь, то он узнал бы его.

Все это означало, что Варин где-то поблизости, возможно, с другой бандой. И он наверняка должен соединиться со своими людьми еще ночью.

Дерри должен попытаться быть там, где произойдет эта встреча.

Следующий час был пыткой и для лошади, и для Дерри. Стало совсем темно, а дороги в этой части герцогства были отвратительны. Он добирался до города гораздо дольше, чем предполагал. Но, наконец, во тьме замелькали огоньки Кингсдейка. Вскоре Дерри уже направил свою уставшую лошадь по главной улице.

Через некоторое время он увидел перед собой темную громаду гостиницы «Королевский Плащ», смутно вырисовывавшуюся в темном небе. Здесь, если ему повезет, он получит свежую лошадь для дальнейшего преследования, а, может, и сведения о дальнейшем пути банды — ведь после Кингсдейка дорога разветвлялась.

Гостиница была огромным дубовым двухэтажным зданием, рассчитанным на сорок постояльцев. Ее построили сто лет назад, и именно она была целью Дерри до того, как он увидел пожар и нападение на поместье. Теперь же он хотел только получить здесь лошадь и кружку эля, прежде чем продолжить свой опасный путь.

Когда Дерри приблизился к коновязям, примыкающим к гостинице, он заметил, что там привязано несколько десятков лошадей и их охраняет один человек. Охранник был хорошо вооружен, что было весьма необычно, так как одет он был в одежду крестьянина.

Дерри насторожился. Может, это один из банды? Может, они выбрали эту гостиницу для отдыха? С трудом веря своему везению, Дерри спешился и повел свою лошадь в конюшню.

Он быстро распорядился относительно свежей лошади, и уже через минуту шел ко входу в гостиницу.

Ему нужна кружка эля, так он ответит, если часовой его спросит. Он прикоснулся к шляпе и дружески кивнул, когда проходил мимо часового. Тот ответил ему без всякой враждебности.

Дерри отметил, что на плече часового вышиты какие-то знаки отличия, а шляпа украшена изображением сокола.

Дерри нахмурился, когда вошел в гостиную. Внутри было все совсем не так, как он ожидал увидеть. Когда он подходил к гостинице, то подумал, что там слишком тихо для такого количества пьяных людей. Ведь даже если бы там сидели только местные жители, шума было бы и то больше, чем сейчас. Но это была необычная ночь.

Местные жители были здесь, и они пили. И им не мешали люди, сидящие в другом конце комнаты — люди с такими же изображениями сокола, как и у бандитов, которых Дерри недавно видел у поместья.

Но они все молчали. И бандиты, собравшиеся за большим столом у левой стены комнаты, тихо переговаривались между собой, глядя на неподвижного окровавленного человека, распростертого на столе.

Дерри нахмурился, подходя к столу, который, вероятно, находился на нейтральной территории.

Человек на столе — вероятно тот, кто пострадал при нападении на поместье — был еще жив. Тоненькая девочка в крестьянском платье мыла его голову и вытирала полотенцем. Он стонал, его глаза нервно пробегали по лицам окружающих. Но и здесь тоже никто не произносил ни слова.

Другая девочка принесла поднос, уставленный глиняными кружками с элем, и стала разносить их людям. Некоторые из них сели и стали понемногу пить, не вставая, однако, и не разговаривая. Казалось, все эти люди к чему-то прислушиваются, чего-то ждут.

Местные жители в другом конце комнаты чувствовали это. Они тоже ждали.

Дерри поднял кружку, которую ему принес хозяин, сделал большой глоток, стараясь смотреть в кружку, а не на бандитов.

— Что же будет дальше? — думал он. — Они ждут прибытия Варина? И что они хотят сделать с человеком на столе, который находится на пороге смерти?

С улицы донесся стук копыт, и вскоре на пороге появилась новая группа, человек двадцать, которые тоже имели значки с изображением сокола на шляпах и плащах. Их предводитель, пошептавшись с одним человеком из первой группы, окружавшей раненого, дал знак своим людям присоединиться к ним.

Им принесли кружки с элем, и они также молча расселись вокруг стола. Вероятно, в этой группе тоже не было Варина.

Прошло примерно полчаса.

Дерри заказал и выпил еще одну кружку, а затем другую, не переставая размышлять, что же будет дальше.

Затем на улице снова послышался стук копыт. На этот раз группа состояла примерно из дюжины всадников. Лошади остановились. Было слышно их хриплое дыхание, фыркание, звон сбруи.

В комнате стало еще тише, если это было возможно. В воздухе повисло какое-то грозное напряжение.

Дерри медленно повернулся к двери. Она открылась, и в проеме показался человек, который не мог быть никем другим, кроме как Марином.

Дерри, как и все остальные в комнате, застыл, не смея вздохнуть.

Марин вовсе не был крупным, внушительным человеком. В нем не было ничего величественного. Он даже был мал ростом. Но его внешний вид был не важен для тех, кто смотрел на него, потому что от него исходило что-то такое, что заставляло забыть о его невнушительной внешности.

Его глаза были темными, почти черными, и в них светилась какая-то дикая, безжалостная сила. Этот взгляд заставил Дерри содрогнуться, хотя лишь мимоходом коснулся его, когда Марин, стоя на пороге, рассматривал помещение.

Дерри однажды видел такой взгляд у Моргана. Он снова вздрогнул, вспомнив, что последовало за этим взглядом.

Каштановые с проседью волосы Варина были коротко острижены. В короткой бородке и усах также сверкала седина.

В отличие от остальных своих людей Варин был одет в какую-то форму: серую кожаную куртку поверх туники, высокие сапоги того же цвета. Эмблема сокола на его груди была такой большой, что почти полностью закрывала его широкую массивную грудь. Эмблема на его шляпе была серебряной, а у остальных она была вышита серебряными нитками. Его серый дорожный плащ был длинный и волочился по полу. И, насколько мог судить Дерри, он не был вооружен.

Затем по комнате пробежал шепот, и Дерри внезапно обнаружил, что снова может дышать. Он посмотрел на людей Варина, которые окружали стол с раненым.

Все они встали при входе Варина и поклонились ему, прижав сжатые кулаки правых рук к груди. Варин кивнул им в знак приветствия, они выпрямились, посмотрели на раненого и расступились. Варин быстро подошел к ним.

Местные жители набрались мужества и двинулись в центр комнаты, желая видеть что же будет делать предводитель повстанцев. Дерри осторожно присоединился к ним.

— Что случилось? — спросил Варин.

Голос его был тихим и ровным. В нем звучали уверенность и сильная воля.

— В поместье де Вали, о Святой, — ответил человек из первой группы. — Де Вали поехал просить помощи герцога, а его люди оказали нам сопротивление. Мы сожгли поместье.

Варин резко повернулся и устремил свои темные глаза на него.

— Это плохо, Рос.

Рос упал на колени, спрятав лицо в ладонях.

— Прости меня, о Святой, — прошептал он. — Я не так мудр, как ты.

— Ну, смотри, чтобы это больше не повторилось, — ответил Варин, улыбнувшись и легонько потрепав его по плечу.

Рос поднялся на ноги, на его лице был написан благоговейный трепет.

Варин посмотрел на раненого и стал стягивать с себя перчатки.

— Куда он ранен?

— В бок, о Святой,— сказал человек, стоящий у стола. Он поднял тунику, которой был укрыт раненый, чтобы показать рану.— Боюсь, что повреждены легкие. Рана слишком глубока.

Варин внимательно осмотрел рану, затем приподнял веки раненого, кивнул про себя, заткнул перчатки за пояс и посмотрел на человека, который следил за ним преданным взглядом.

— С божьей помощью мы спасем этого человека,— промолвил он, раскинув руки в стороны.— Помолимся, братья!

Все его последователи рухнули на колени перед ним. Их глаза были устремлены на Варина, который закрыл глаза и начал молитву.

— *In nomino Patris otis Faliy et spiritus Sancty, Amen. Oremus...*

Варин распевал латинские слова молитвы, а Дерри смотрел широко раскрытыми глазами, стараясь не поддаться воздействию его слов.

Вдруг вокруг головы Варина появилось странное сияние — фиолетово-голубое свечение, которое постепенно приняло форму нимба!

Дерри с трудом сдержал крик удивления, но прикусил губу, стараясь болью прогнать зрительную галлюцинацию.

У людей не может быть нимба, а живых святых давно уже нет на Земле. Но разум не мог его обманывать. Ведь Морган обучил его видеть сквозь иллюзии. То, что сейчас наблюдал Дерри, было реально. Раз он никак не мог прогнать эту иллюзию, значит, это не иллюзия!

— ...и, о Господи, пошли свой излечивающий дух через мои руки, чтобы твой слуга Мартин мог жить и славить тебя. Во имя Иисуса Христа, который правит вместе с тобой в единстве со Святым Духом отныне и навсегда. Аминь.

Закончив молитву, Варин опустил левую руку на лоб раненого, а правую положил на кровоточащую рану.

Стояла мертвая тишина.

Сердце Дерри бешено колотилось. Он видел, что свет, который сиял вокруг головы Варина, протянулся к его рукам и как бы проник в неподвижно лежащее тело.

— Но этого же не может быть,— отчаянно сопротивляясь желанию упасть на колени, в благоговейном страхе думал Дерри.

Затем тот, кого звали Мартин, вздрогнул, глубоко вздохнул, открыл глаза и с удивлением посмотрел на склонившегося над ним своего предводителя.

Варин открыл глаза, улыбнулся и помог Мартину сесть.

Послышался шепот удивления, когда Мартин поднялся со стола без посторонней помощи и взял у кого-то из рук кружку с элем. Он выпил ее, запрокинув голову, и тут все с удивлением увидели, что его ужасная рана исчезла и только окровавленная туника указывала место, где она только что была.

— Део грациас,— прошептал Варин, осеняя себя крестом и опуская глаза.

Свечение уже исчезло. Он осмотрелся вокруг, как бы оценивая впечатление, и стал натягивать перчатки. На его левой руке, которой он касался раны Мартина, была кровь. Один из его людей, заметив это, упал перед ним на колени и стал вытирать кровь краем своего плаща.

Варин улыбнулся, а затем положил руку на его голову, как бы благословляя. Затем, не говоря ни слова, он снова стал натягивать перчатки. Человек поднялся с колен. Его лицо светилось счастьем.

Взгляд Варина снова пробежал по комнате. И снова Дерри содрогнулся, почувствовав его на себе.

Затем Варин двинулся к двери. Его люди торопливо вскочили на ноги, на ходу допивая свой эль и собирая вещи, и последовали за ним. Один из офицеров Варина достал кошелек, вынул оттуда серебряные монеты и уплатил хозяину.

Варин уже подошел к двери, когда один из местных жителей рухнул на колени и в исступлении закричал:

— Это чудо! Господь послал нам нового Мессию!

Почти сразу же его крик подхватили другие. Все бросились на колени и стали бешено креститься.

Варин повернулся к ним, и Дерри тоже опустил на колени, хотя был уверен, что никакого чуда здесь

не было. Варин еще раз обвел комнату спокойным взглядом, поднял правую руку, благословляя всех присутствующих, и исчез в темноте.

Как только последний из людей Варина покинул комнату вслед за своим предводителем, Дерри вскочил на ноги и бросился к окну. Теперь, когда Варина не было в комнате, он снова мог здраво рассуждать и понял, что именно в Варине было ему так знакомо. Варин так же воздействовал на людей, как Морган, Дункан, Брион и молодой король Келсон.

Ощущение могущества, которое излучали все эти люди, исходило из таланта, который лучше всего было скрывать. Было слишком опасно объявлять во всеуслышание, что обладаешь запретным могуществом.

Дерри прильнул к грязному влажному окну и смотрел, как Варин со всей бандой удаляется в свете факелов.

Нет, он не поедет за ними. Он столько узнал сейчас, что уже не было нужды узнавать еще больше. Эту новость надо без промедления сообщить Моргану.

Однако было уже поздно. Дерри знал, что время связи он пропустил. Но это не имеет значения. Если он сейчас же пустится в дорогу и ничто его больше не задержит, то завтра в полдень или чуть позже он будет в Короте.

Он хотел видеть лицо Моргана, когда скажет ему, что он, Дерри, считает Варина Дерини!

Он едва мог дожидаться этого.

ГЛАВА IX

— Кто Варин? — вскричал Морган. — Дерри, ты, наверное, шутишь!

Морган и Дункан сидели под деревом во дворе для занятий фехтованием, где они упражнялись в этом боевом искусстве, когда полчаса назад в ворота замка Корот ворвался Дерри.

Дерри очень устал и был голоден. Он прямо-таки рухнул на траву рядом с Морганом, но его глаза

блестели, когда он возбужденно рассказывал о происшествии в гостинице «Королевский Плащ».

Морган вытирал полотенцем потное лицо. Да, Дункан задал ему хорошую работенку. Давно он не трудился так много.

Дерри пропустил мимо ушей его недоверчивое восклицание. Но Морган еще долго качал головой, не в силах поверить тому, что услышал.

— Это очень неожиданно, — сказал он, вытирая лоб рукой. — А ты в этом уверен, Дерри?

— Конечно, нет, — ответил Дерри, снимая свою охотничью шляпу и возбужденно выбивая из нее дорожную пыль. — Но разве человек сможет сделать такое?

— Нет.

— Отец Дункан, вы думаете, что Варин — святой?

— Встречаются иногда очень странные вещи, — многозначительно заметил Дункан, вспоминая свою недавнюю встречу на дороге.

Дерри задумчиво поджал губы, а затем снова почтительно обратился к Моргану:

— Ведь он же излечил того человека, милорд. А вы же сами говорили мне, что только Дерини могут совершить такое.

— Я могу сделать это, — сказал Морган, устремив глаза в землю. — Не знаю насчет других Дерини. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сделал это. А сам впервые смог исцелить тебя в прошлом году.

Дерри наклонил голову, вспоминая подробности нападения на охрану королевских покоев, которой он командовал. Это случилось в ночь перед коронацией Келсона. На них напали неожиданно и в полной темноте.

Он помнил только жгучую боль, когда острое меча вонзилось ему в бок и он упал, думая, что уже больше никогда не поднимется. А затем он очутился в своей комнате. Рана исчезла, как будто ее никогда и не было. Удивленный врач хлопотал около него и не мог сказать что-либо вразумительное. Только через несколько недель Морган рассказал ему, как положил ему руку на лоб — и Дерри исцелился.

Дерри поднял голову:

— Прошу прощения, милорд. Я не хотел быть непочтительным. Но вы же Дерини и можете исцелять. Наверное, и Варин тоже Дерини.

— Наверное, и Варин,— повторил Морган.

— Ну, если он Дерини, то, вероятно, не подозревает об этом,— сказал Дункан, почесывая ногу и поворачиваясь к своему кузену.— Лично мне трудно поверить, что этот человек, о котором я столько слышал, может так жестоко преследовать и уничтожать свою расу.

— Такое бывало и раньше.

— О, конечно, бывало и не раз. Всегда находились люди, которые за хорошую цену готовы продать все, что угодно. Но у меня сложилось впечатление, что Варин не такой. Он искренен. Он утверждает, что действует по божественному призыву, таково его предназначение в жизни. И все, что ты, Дерри, рассказывал об исцелении, только подтверждает мое предположение.

Морган сказал, вставая:

— Самое плохое, что Варин делает то, что обычно делают святые и Мессии. К несчастью, такие деяния никогда не связываются с Дерини, хотя многие легенды о христианских святых ясно указывают на то, что источник их деяний — могущество Дерини. Дерри, ты сказал, они преданы Варину и поклоняются ему.

Дерри кивнул:

— Да, милорд. Его сторонники смотрят на него как на святого. Да и жители Кингсдейка были убеждены, что собственными глазами видели чудо, сделанное в старых добрых библейских традициях. Как вы намерены бороться с этим? Как вы скажете людям, что их Мессия — подделка? Что он тот самый Дерини, против которых поднял священную войну, хотя сам не знает об этом? Особенно, если вы хотите оправдать Дерини в глазах народа?

— Нужно говорить об этом народу очень осторожно и понемногу,— ответил Морган.— А сейчас вообще ничего не надо говорить. Потому что сейчас они все могут перейти на его сторону.

— А если народ узнает о замыслах епископов, то это еще больше усугубит и без того тяжелое положение,— добавил Дункан.— Дерри, ты еще не знаешь, что архиепископ Лорис через три дня собирает в Джассе всех епископов государства. Епископ Толливер сегодня

утром выехал туда — он не рискнул отказаться. И он не посмеет ничего сказать против, когда Лорис представит на рассмотрение Курии свой Интердикт. Думаю, не надо объяснять тебе, что все это означает?

— Неужели они действительно могут наложить Интердикт на Корвин? — спросил Дерри.

Они направились к главному двору. Морган и Дункан — с мечами, а Дерри — вертя в руках свою шляпу.

Морган ответил:

— Могут и непременно сделают, если мы что-нибудь не предпримем, чтобы предотвратить это.

Он помолчал в раздумьи, а потом добавил:

— Поэтому я и Дункан сегодня уезжаем в Джассу. Прямое обращение к Курии бесполезно... — он опять помолчал. — Они не будут слушать, что бы я ни сказал. Но Лорис не ожидает моего появления. И, возможно, увидев меня, они подумают о том, что собираются сделать. Если Интердикт будет наложен на Корвин сейчас, когда Варин очень силен, я думаю, что разразится священная война против Деррини. И даже если я отдамся Курии на покаяние, это ничего не изменит.

— Могу я поехать с вами, милорды? — спросил Дерри, глядя с надеждой на Моргана. — Я могу быть вам полезен.

— Нет, ты и так нам очень помог, Дерри. У меня для тебя есть более важное дело. После того как ты несколько часов поспишь, отправляйся в Ремут. Келсон должен знать, что сейчас там происходит. Ни я, ни Дункан не сможем сделать это, так как опоздаем на Курию, если будем заезжать в Ремут. Если Келсон уже выехал в Кудди и ты в Ремуте его не застанешь, то поезжай за ним. Расскажи ему все, что видел и слышал.

— Хорошо, милорд. А контакт с вами будет?

Морган покачал головой.

— Нет. Если возникнет необходимость, мы сами тебя вызовем. А сейчас иди спать. Я хочу, чтобы ты выехал сегодня вечером, как только наступит полная темнота.

— Хорошо.

Когда Дерри ушел, Дункан покачал головой и вздохнул.

— В чем дело? — спросил Морган. — Ты встревожен?

— Разве можно быть спокойным в такое время?

— Ладно, идем. Нам нужно помыться. Гамильтон соберет офицеров к полудню. Я должен буду отдать необходимые распоряжения на время моего отсутствия.

В это время Бронвин лениво шла вдоль террасы замка Кулди.

Солнце светило ярко, просушивая землю, на которую целую неделю лил дождь. Птицы уже начали возвращаться с юга и весело распевали песни в пробуждающемся саду.

Бронвин остановилась у балюстрады и перегнулась вниз, чтобы посмотреть в пруд с рыбками. Затем она пошла дальше, наслаждаясь теплым прозрачным воздухом, красивым садом, древним дворцом. Она шла медленно, бездумно пропуская сквозь пальцы пряди волос.

Свадебный кортеж прибыл в горный город Кулди позавчера ночью после приятного путешествия из столицы Кевина Керней. Поездка длилась целый день и была очень веселой, несмотря на дождь. Затем был бал, а на это утро назначили охоту в честь молодоженов. Рано утром она и леди Маргарет осматривали сады и Бронвин показывала своей будущей свекрови все свои любимые местечки.

В Кулди у Бронвин было много памятных мест, так как она, Аларик, Кевин и Дункан провели здесь в детстве много счастливых лет. Леди Вера Мак Лейн, которая для Бронвин и ее брата была второй матерью, часто привозила детей Морганов и Мак Лейнов на лето в замок Кулди.

Бронвин вспомнила красивые аллеи в цветущем саду, таком веселом в это время года. Вспомнила лето, когда Аларик упал с дерева и сломал руку. Как стойко переносил боль ее восьмилетний брат! Она вспомнила тайные ходы в стенах замка, в которых она и мальчики играли в прятки. И тихую спокойную часовню, где была похоронена ее мать — Бронвин любила уединяться там, когда на душе было беспокойно.

Она никогда не видела свою мать. Леди Алиса де Корвин де Морган умерла через несколько недель после

рождения дочери, пав жертвой молочной лихорадки, унесшей много жизней молодых матерей.

Аларик помнил ее — или только говорил, что помнил. Но в памяти Бронвин были только рассказы леди Веры об этой блестящей женщине, которая родила их. Ей было очень жалко, что она не знала эту прекрасную герцогиню.

Вспоминая о прошлом, Бронвин остановилась на террасе, а затем решительно зашагала к своим покоям. Было еще рано, и если она поторопится, то сможет посетить гробницу своей матери. Но в часовне еще холодно и сыро, так что надо взять с собой плащ.

Бронвин уже почти дошла до своих дверей, как вдруг споткнулась на террасе. Наклонившись, чтобы потереть ушибленную ногу, она вдруг совершенно неожиданно услышала женские голоса и поняла, что они доносились из ее покоев.

— Я не могу понять, почему ты так защищаешь ее? — сказала одна.

Бронвин узнала голос Агнессы. Она выпрямилась и осторожно подошла к двери, поняв, что говорят о ней.

Другая сказала:

— Конечно, она ведь не такая, как все мы.

— Она женщина, как и мы,— запротестовала третья.

Второй голос принадлежал леди Марте, а в третьей женщине можно было безошибочно узнать леди Элизабет, любимицу Бронвин.

— И если она любит его, а он ее, я не вижу в этом ничего.

— Ничего? — ахнула Агнесса.— Но она... она...

— Агнесса права,— ровным голосом сказала Марта.— Наследник герцогства Кассан должен жениться на ком-нибудь много выше, чем дочь...

— Чем дочь Дерини! — выкрикнула Агнесса.

— Она никогда не знала своей матери,— вмешалась леди Элизабет,— а ее отец был лордом. Она всего лишь наполовину Дерини.

— И этой половины с меня вполне достаточно,— резко сказала Марта.— Не говоря уже об ее ужасном братце!

— Она же не отвечает за брата,— сказала леди Элизабет спокойно, но с нажимом.— К тому же, в лорде Аларике нет ничего плохого, кроме его могущества. Но

он же не виноват в своем происхождении, так же как и его сестра. А если вспомнить, кто сейчас правит Гвинедом...

— Мэри Элизабет, ты защищаешь его? — воскликнула Агнесса.— Это же граничит со святотатством!

— Это святотатство,— подтвердила Марта.— И не только, это государственная измена...

Бронвин услышала достаточно. Она повернулась и пошла вдоль террасы, спустилась вниз и направилась в дальний сад.

Что-то вроде этого должно было случиться. Могли пройти недели, даже месяцы, в течение которых никто не напоминал ей о темном пятне в ее происхождении. И затем она уже начинала думать, что все забыли о ее происхождении, что стали считать обычной женщиной, а не чем-то вроде ведьмы. Но обязательно что-то случалось и она снова начинала мучиться и терзаться. Кто-то напоминал ей о том, что она наполовину Дерини, и выворачивал всю правду так, что она становилась нечистой, безобразной. Почему люди так жестоки?

«Люди! — подумала она и горько улыбнулась.— Опять я говорю: Мы и Они. Так случается каждый раз, когда мне напоминают, что я — Дерини. Да ведь нет ничего плохого в том, что я Дерини, несмотря на то, что Церковь утверждает обратное. Как сказала Мэри Элизабет, никто не отвечает за обстоятельства своего рождения. А, кроме того, я же никогда не использовала свое могущество. Да, почти никогда».

Она зябко ссутулилась, сложив руки на груди. Внезапно ей стало холодно под яркими лучами солнца. Бронвин шла по направлению к месту погребения своей матери.

Все же она должна признать, что иногда пользовалась своими способностями, чтобы усилить свои зрение, слух и обоняние, когда это было необходимо. А однажды она установила мысленную связь с Кевином. Но это было давно. Они были юны и их страсть к чему-то запрещенному, необычному, превышала страх перед наказанием, которое должно было последовать, если бы их уличили в этом.

Иногда она призывала птиц к себе на руки, чтобы кормить их. Но делала это только тогда, когда была полностью уверена, что ее никто не видит. Что плохого

в такой магии? Как они могут считать это злом, грехом? Они просто завидуют — вот и все!

Когда Бронвин пришла к такому выводу, весьма неприятному для людей, она вдруг увидела человека, идущего навстречу к ней по дорожке сада. По ослепительно белым волосам и серому камзолу она безошибочно узнала архитектора Риммеля.

Когда они сблизились, он отступил в сторону, чтобы пропустить ее, и низко поклонился.

— Моя леди,— пробормотал он, когда она проходила мимо.

Бронвин дружески кивнула ему и продолжала путь.

— Леди, можно мне поговорить с вами? — спросил Риммель, идя за ней на расстоянии нескольких шагов.

Он снова поклонился, когда она повернулась к нему.

— Конечно, магистр Риммель. Почему бы и нет?

— Мадам,— сказал нервно Риммель, снова кланяясь.— Мне бы хотелось знать, как вам понравились планы перестройки дворца в Керни. У меня не было возможности спросить вас раньше, но я должен знать ваше мнение, ведь, может, придется что-либо изменить.

Бронвин улыбнулась.

— Спасибо, Риммель. Мне очень понравились ваши планы. Может, мы встретимся завтра, чтобы поговорить об этом? Менять я ничего не хочу, но я благодарна вам за вашу заботливость.

— Вы очень милостивы ко мне,— прошептал Риммель, снова кланяясь и пытаясь скрыть радость от того, что она говорит с ним.— Могу... могу я вас сопровождать? Уже становится холодно. В Кулди рано становится сыро.

— Нет, благодарю вас,— ответила Бронвин, покачив головой и потирая руки, как будто ей стало холодно от одного упоминания о сырости.— Я собираюсь посетить гробницу моей матери и хочу быть одна.

— О, конечно,— понимающе кивнул Риммель.— Может, в таком случае вы окажете мне честь и примите мой плащ? Ведь в склепе очень холодно и сыро. Ваша одежда хороша для солнечной погоды, а там она будет плохой защитой.

— О, благодарю вас,— улыбнулась Бронвин, а Риммель мгновенно скинул с себя плащ и накинул ей

на плечи.— Кто-нибудь из слуг вернет вам его сегодня вечером.

— Можно не торопиться,— сказал Риммель, отступая и кланяясь.

Бронвин пошла дальше, закутавшись в плащ Риммеля, а он стоял и смотрел ей вслед преданными глазами. Затем он повернулся и пошел по своим делам.

Подойдя к ступеням, ведущим на террасу, он вдруг увидел Кевина, который вышел из своих покоев и направился вниз по ступеням.

Кевин был чисто выбрит, его волосы аккуратно уложены. Он сменил свою пыльную охотничью одежду на бархатный камзол, а через плечо перебросил плащ с цветами клана Мак Лейнов.

Он быстро спустился по лестнице, сопровождаемый звоном сверкающих шпор и шелестом кожи и бархата одежды, увидел Риммеля и поприветствовал его.

— Риммель, я закончил с этими планами, которые ты мне оставил утром. Можешь зайти ко мне и забрать их, если они нужны тебе сейчас. Ты великолепно сделал свою работу.

— Благодарю, милорд.

Кевин двинулся дальше, а затем остановился.

— Риммель, ты случайно не видел леди Бронвин? Я не могу нигде ее найти.

— Вы найдете ее в гробнице матери, милорд,— ответил Риммель.— Я встретил ее несколько минут назад и она сказала, что направляется туда. Я предложил ей свой плащ, так как там будет холодно. Я надеюсь, что вы не рассердитесь?

— Разумеется! — воскликнул Кевин, дружески хлопая Риммеля по плечу.— Благодарю тебя.

Махнув рукой в знак прощания, Кевин двинулся дальше и вскоре скрылся за поворотом, а Риммель вошел в покои своего господина.

Он стал обдумывать свое положение. Надо было решать, что же ему делать. Об убийстве этого блестящего молодого лорда не могло быть и речи. Ведь Риммель не был убийцей. Он был влюбленным.

Этим утром Риммель провел несколько часов в разговорах с местными жителями. Он рассказал им о своей любви, своих страданиях и своем безвыходном положении, но, конечно, не называя никаких имен.

Эти люди, живущие в горах, на границе с Коннейтом и дикой Меарой, дали ему весьма любопытные советы, как ему завоевать любовь своей избранницы. Риммель, например, с трудом мог поверить, что если он повесит на дверь Бронвин букет из колокольчиков и семь раз пропоет «Аве Мария», то девушка ни в чем не сможет отказать ему. Он не мог поверить и в чудесное действие жабы, положенной в бокал с вином Кевину, которая, по заверению местных знатоков, должна была заставить Бронвин разлюбить его. Эта жаба просто обрушила бы гнев Кевина на головы слуг.

Но кое-кто из местных жителей дал ему хороший совет. Если Риммель хочет завоевать любовь женщины, то ему следует подняться в горы с мешком пищи и золотом. Там живет святая отшельница, старая вдова Бетана. Она много раз помогала молодым людям, находящимся в таком же печальном положении.

И Риммель решил попытаться упросить старуху помочь ему. Его нисколько не смущало, что старуха, возможно, пользуется колдовством, а это плохо согласуется с церковными законами, которые он так почитал. Впрочем, его не смущало и то, что предмет его неразделенной любви — Дерини, и что у ее брата Моргана очень натянутые отношения с церковью.

Он решил, что старая вдова Бетана может спасти его — в противном случае, ему остается только умереть. Может, старуха даст ему какой-нибудь амулет или любовный напиток, с помощью которого Риммель заставит Бронвин уйти от лорда Кевина и принять любовь простого архитектора.

Риммель вошел в комнату Кевина и осмотрелся, пытаясь найти свои чертежи. Эта комната мало отличалась от других комнат в замке, так как была предназначена для приема временных гостей. Но Риммель увидел и вещи, принадлежащие лично Кевину: складной стул, обитый пледом цвета Мак Лейнов, коврик у постели, роскошное шелковое покрывало с вышитым графским гербом, лежащее на постели. На этой самой постели, куда приведет Кевин свою обожаемую Бронвин! И это произойдет всего лишь через три дня, если Риммель не сможет сделать невозможное. Да, ему надо действовать немедленно!

Риммель с отвращением отвернулся от постели и увидел свернутые в трубочку чертежи, которые лежали на столе у двери. Он взял их и уже хотел выйти из комнаты, как вдруг увидел что-то сверкающее в небольшой шкатулке. Там лежали обычные драгоценности и специальные эмблемы и значки — кольца, цепи, броши. Но одна вещь приковала к себе его внимание: маленький овальный медальон на золотой цепочке — вещь слишком хрупкая и нежная, чтобы принадлежать мужчине.

Не соображая, что он делает, Риммель осторожно взял медальон и открыл его.

Оглянувшись на дверь, чтобы убедиться, что его никто не видит, он, затаив дыхание, заглянул внутрь. Это был портрет Бронвин — самый прекрасный из всех ее портретов, что он видел — золотые волны волос ниспадают на ее прекрасные плечи, губы слегка приоткрыты, взгляд нежный, призывающий, волнующий.

Не позволяя себе думать о том, что он делает, Риммель быстро сунул медальон в карман и почти побежал к двери со скомканными чертежами под мышкой.

Выскочив на улицу, он, не оглядываясь, побежал в свою комнату. Те, кто видел его в это время, могли подумать, что он неожиданно получил громадное наследство.

Бронвин подняла голову от гроба матери и удрученно посмотрела на ее большой портрет. Теперь она поняла, что подслушанный ею разговор взволновал ее больше, чем она думала. Но она не знала что ей делать. Не могла же она вызвать этих женщин и запретить им сплетничать. Это ничего бы не изменило.

Она изучала изображение матери и думала, какой та была прекрасной. Леди Алиса де Корвин де Морган была исключительно прекрасной женщиной при жизни и не нуждалась в том, чтобы изображение льстило ей. Его выполнили великолепные мастера, тщательно выписавшие мельчайшие детали. Портрет был как живой, и теперь, когда Бронвин стала взрослой, она чувствовала себя рядом с образом матери ребенком.

Она смотрела на портрет и ей казалось, что портрет начал дышать, и сейчас заговорит.

Широкое окно из цветного стекла вверх часовни было освещено медленно заходящим солнцем. Цветные лучи проникали в часовню и окрашивали ее в красные, золотые и оранжевые тона. Серый плащ Бронвин, небольшой алтарь из слоновой кости тоже переливались всеми цветами радуги.

Бронвин услышала скрип двери за собой, повернулась и увидела, как в дверь просунулась голова Кевина. Его лицо просветлело, когда он увидел ее. Кевин вошел в часовню и закрыл за собой дверь. Он преклонил колени перед алтарем, прежде чем подойти к ней, и затем опустился на колени рядом с ней перед саркофагом.

— А я не мог понять, где ты,— сказал он тихо, положив свою руку на ее плечо.— Что-нибудь случилось?

— Нет, впрочем, да,— она покачала головой.— Я не знаю.

Она посмотрела на свои руки и проглотила комок в горле. Кевин внезапно понял, что она готова расплакаться.

— Что произошло? — спросил он, обнимая ее за плечи и притягивая к себе.

Всклипнув, Бронвин зарыдала и уткнулась лицом в его грудь.

Кевин прижал ее к себе и дал ей возможность поплакать. Он нежно поглаживал ее волосы. Затем он сел на ступени и усадил ее себе на колени, как маленького испуганного ребенка.

— Ну, а теперь,— сказал он тихо и спокойно,— расскажи мне, что же произошло?

Ее рыдания понемногу становились тише.

Кевин прислонился спиной к мраморной стене и, поглаживая Бронвин по голове, смотрел на цветные тени, которые были видны на белой стене часовни.

— Ты помнишь, как мы приходили сюда детьми, чтобы поиграть здесь? — спросил он.

Он посмотрел на Бронвин и с облегчением увидел, что она вытирает глаза. Кевин достал из рукава носовой платок и подал ей, так как ее платок уже превратился в мокрый комочек.

— Я думаю, что мы чуть не свели с ума мою мать в то последнее лето перед тем, как Аларик отправился на службу королю. Ему и Дункану было тогда по восемь лет, а мне одиннадцать. Тебе тогда было четыре или около того. Мы играли в прятки в саду. Аларик и я спрятались здесь за алтарем, в складках алтарного одеяния, которое висело здесь. И старый отец Ансельм пришел сюда, схватил нас и пригрозил рассказать обо всем матери,— он засмеялся.— И я припоминаю, что он долго ругал нас. Ругал до тех пор, пока не пришла ты с целым букетом роз. Ты тогда горько плакала, потому что шипы искололи тебе все руки.

— Я помню,— сказала Бронвин, улыбаясь сквозь слезы.— А через несколько лет, когда мне было одиннадцать лет, а тебе семнадцать, ты... — она опустила глаза,— ты уговорил меня установить мысленную связь между нами.

— И я никогда не жалел об этом,— засмеялся Кевин, целуя ее в лоб.— Так что же случилось, Брон? Я могу помочь чем-нибудь?

— Нет,— сказала Бронвин, улыбаясь измученной улыбкой.— Просто я жалею себя. Я нечаянно услышала то, что мне не хотелось бы слышать, и это меня очень расстроило.

— Что же ты услышала? — спросил он, нахмурившись и отодвигаясь от нее, чтобы увидеть ее лицо.— Если тебя что-то беспокоит, то только скажи мне, и я...

Она покачала головой.

— Ты ничего не сможешь сделать, Кевин. Все дело в том, кто я такая. Я слышала разговор женщин. Вот и все. Они... они не одобряют, что их будущий герцог женится на Дерини.

— Это очень плохо,— Кевин снова прижал ее к себе и поцеловал в лоб.— Какое несчастье, что я полюбил Дерини и не могу жить без нее.

Бронвин рассмеялась, встала,правила платье и снова вытерла глаза.

— Идем. Я уже перестала жалеть себя. Нам нужно торопиться, иначе мы опоздаем к обеду.

Кевин поднялся на ноги, потянулся, обнял Бронвин.

— Знаешь, что?

— Что? — она обхватила его шею руками и нежно смотрела на него снизу вверх.

— Мне кажется, что я люблю тебя.

— Да? Это очень странно.

— Почему?

— Потому что мне тоже кажется, что я люблю тебя,— засмеялась она.

Кевин тоже засмеялся. Он наклонился к ней и крепко поцеловал.

— Это хорошо, что ты сказала мне об этом, девочка,— сказал он, когда они выходили из часовни.— Потому что через три дня ты будешь моей женой.

А недалеко отсюда в маленькой комнатке архитектор Риммель лежал в своей постели и смотрел на маленький портрет в медальоне. Он не мог оторваться от этого портрета, с которого с призывным блеском в глазах и шаловливой полуулыбкой смотрела на него неотразимая женщина.

Завтра же он пойдет к вдове Бетане. Он покажет ей этот портрет. Он скажет этой святой женщине, что должен завоевать любовь Бронвин, иначе ему придется умереть. И отшельница совершит чудо — эта красавица будет принадлежать ему, Риммелю.

ГЛАВА X

В утреннем полумраке на одной из глухих улочек Копота стоял Дункан с тремя лошадьми, дожидаясь кого-то. Последний раз он проверил упряжь лошади, поправил шпоры и потрепал лошадь по холке.

В левой руке Дункан держал поводья лошади Аларика, которого все еще не было. Лошадь Моргана резко дернула головой, как бы вздрогнув от холода и сырости. Накидка, закрывавшая кожаное седло от дождя, чуть не упала, когда лошадь в нетерпении переступила с ноги на ногу.

Задрожавшая выючная лошадь, нагруженная тюками с мехами и кожами, вопросительно подняла голову и, увидев, что все спокойно, снова задремала.

Дункану уже надоело ждать. Дождь, который начался еще днем, лил всю ночь, которую Дункан провел в тревожном полусне в задней комнате небольшой лавчонки. И вот посыльный сказал, что Аларик уже идет и скоро будет здесь. Так что Дункан стоял на дожде и ждал.

Грубый кожаный плащ он застегнул до самого подбородка, ворот поднял, а капюшон надвинул насколько возможно, чтобы укрыться от дождя и ледяного ветра. Холод кольчуги Дункан ощущал даже сквозь шерстяную фуфайку, надетую под нее. Он подул на пальцы, переступил с ноги на ногу и поморщился, услышав, как в сапогах чавкает вода.

Сколько еще можно ждать Аларика? И тут, как по команде, в доме напротив открылась дверь, и высокая, затянутая в кожу, фигура показалась на пороге. Аларик быстро сбежал с крыльца, подошел и ободряюще похлопал Дункана по плечу. Затем взглянул на свинцовое, затянутое тучами небо.

— Прости, я задержался, — сказал он, стягивая накидку с седла и тщательно протирая его от просочившейся воды. — Все спокойно?

— Да, все хорошо, если не считать сырых ног, — ответил Дункан шутливо, тоже протер седло и уселся на коня. — Но от этого нет лекарства. Что тебя так задержало?

Морган проверил подпругу.

— Совещание затянулось. Ведь если Варин узнает, что мы уехали, он тут же нападет, и у Гамильтона будет много хлопот. Поэтому я хотел бы, чтобы наш отъезд совершился тайно. Все должны думать, что герцог и его исповедник уединились в глубинах замка. Герцог должен очистить свою совесть от тех грехов, которые он совершил со времени последней своей исповеди.

— Очистить свою совесть от грехов! — хмыкнул Дункан.

Его кузен уже вскочил в седло.

— А ты думаешь, кузен, что я не хочу попасть в царство небесное? — с улыбкой спросил Морган,

проверяя, надежно ли привязана вьючная лошадь, и трогая свою лошадь вперед, догоняя Дункана.

Дункан улыбнулся ему:

— Да нет. Так мы уезжаем или нет из этого гнилого места?

— Конечно,— ответил Морган.— Едем. К заходу солнца мы должны быть в старом монастыре Святого Неота, а до него целый день езды даже при хорошей погоде.

— Великолепно,— пробормотал Дункан, когда они двинулись в путь по пустынным улицам Корота.— О таком путешествии я мечтал всю жизнь.

А несколькими часами позже и за много миль от них Риммель карабкался на каменную скалу, которая возвышалась на западе от Кулди.

Утро в этой горной стране было холодным и ветренным. В воздухе даже мелькали снежинки, хотя солнце было уже высоко. Однако Риммель, ощущавший нечто большее, чем трепет перед встречей со старухой, вспотел, несмотря на холод. Полотняный мешок, который висел у него на плече, с каждым шагом становился все тяжелее. Лошади, оставленные в долине, жалобно ржали, но Риммель заставлял себя забираться все выше.

Его нервы были натянуты. Он провел долгую бессонную ночь, доказывая себе, что ему нечего бояться, что не следует трепетать перед этой старухой по имени Бетана, что она вовсе не похожа на женщину, чья магия коснулась его много лет назад. И все же...

Риммель вздрогнул, вспомнив ту ночь, когда почти двадцать лет назад он и другой мальчик залезли в сад старой Эльфриды, чтобы наворовать фруктов. Они оба знали, что все ее считают ведьмой, что она ненавидит всех, кто приближается к ее маленькому участку. Они часто слышали ее злобные бормотания, когда проходили днем мимо ее сада. Но они были уверены, что не попадутся, что ночью им удастся провести старуху.

И вот ночью в саду перед ними появилась старая Эльфрида, вокруг ее головы светился фиолетовый ореол, в руках — молния, от ослепляющего света и обжигающего жара которой Риммель и его товарищ в беспамятстве бежали со всех ног.

Они убежали, и старуха не преследовала их. Но на следующее утро, когда Риммель проснулся, его волосы были совершенно белыми и ничто не помогло изменить их цвет.

Его мать была в ужасе. Она подозревала, что к этому приложила руку старуха-колдунья. Однако Риммель всячески отрицал то, что он этой ночью выходил из дома. Он говорил, что вечером пошел спать, а утром проснулся с белыми волосами — ничего больше.

А вскоре старуха Эльфрида уехала из деревни навсегда.

Риммель задрожал от холодного воздуха. Он старался унять спазмы в желудке, которые начинались всегда, когда он вспоминал ту ужасную ночь.

Бетана была ведьмой, которая делает то, за что ей платят. А если она посмеется над просьбой Риммеля? Или потребует цену, которую Риммель не сможет заплатить? Или еще хуже.

Предположим, Бетана — злая колдунья. Предположим, она захочет обмануть его. Дать ему не то зелье или амулет? А, может, через много лет решит, что плата была недостаточной, и нашлет порчу на Риммеля, на лорда Кевина или даже на саму Бронвин?

Риммель содрогнулся и заставил себя отбросить эти мысли. Это уже просто истерика. Он тщательно расспросил всех, кого мог, о Бетане, поговорил с теми, кто пользовался ее услугами. Не было никаких оснований думать, что она что-то другое, чем просто старая безобидная отшельница, которой иногда удавалось помочь людям, обращавшимся к ней. А кроме того, ведь она — единственная надежда Риммеля, если он хочет получить женщину, которую любит больше жизни.

Прищурясь от солнца, Риммель остановился, чтобы рассмотреть тропинку. Впереди он увидел высокую узкую расселину в скале, завешенную звериной шкурой. У входа в пещеру паслись несколько облезлых овец, которые щипали чаклую, едва проклюнувшуюся после зимы траву. Слева от входа к камню был прислонен пастушеский посох. Но владельца посоха не было видно.

Риммель глубоко вздохнул, собрал все свое мужество и выбрался на небольшую площадку перед самым входом в эту пещеру.

— Есть кто-нибудь? — позвал он слегка дрожащим голосом.— Я... Я ищу Бетану. Я не хочу сделать ей ничего плохого.

Наступила долгая тишина.

Риммель слышал только жужжание насекомых, щебетание птиц, стук копыт овец, бродивших по каменистым склонам, и свое хриплое напряженное дыхание. И затем он услышал, как чей-то голос сказал:

— Войди.

Риммель вздрогнул. Подавив волнение, он подошел ко входу в пещеру и откинул в сторону шкуру, которая занавешивала его. Он машинально отметил, что это шкура козла.

Он нервно оглянулся назад: ему в голову пришла странная мысль, что он больше никогда не увидит солнце, а затем шагнул в пещеру. Там было темно.

— Входи,— повторил голос, когда Риммель заколебался у входа.

Риммель шагнул вперед, все еще держа шкуру в руке, чтобы в пещеру попадал свет. Он огляделся, стараясь уловить обладателя голоса, который, казалось, исходил из камня, перекачивался взад-вперед по пещере, отражаясь от грязных стен.

Но Риммель ничего не видел в темноте.

— Отпусти шкуру и стой там, где стоишь.

Он ожидал услышать голос, но все же вздрогнул от неожиданности и выпустил шкуру из рук.

На этот раз он был уверен, что голос раздался слева от него. Однако не мог сделать ни шагу в сторону этого бесплотного голоса.

Риммель проглотил слюну, постарался встать прямо и опустить руки. Колени его дрожали, ладони вспотели, но он боялся сдвинуться с места.

— Кто ты? — спросил голос.

На этот раз казалось, что он звучит откуда-то сзади. Голос был низкий и дребезжащий. Было невозможно сказать, кому он принадлежит: мужчине или женщине.

Риммель нервно облилиз губы.

— Мое имя Риммель. Я архитектор. Его Милости герцога Кассана.

— От чьего имени ты пришел сюда, архитектор Риммель? От своего или от имени герцога?

— От своего.

— И что тебе нужно от Бетаны? — спросил голос.— И не двигайся, пока я тебе не разрешу.

Риммель только хотел повернуться, но снова замер и постарался расслабиться.

Вероятно, тот, кому принадлежал этот голос, мог видеть в темноте. Риммель в темноте не видел.

— Ты Бетана? — спросил он осторожно.

— Да.

— Я... — он сглотнул слюну.— Я принес тебе пищу, Бетана,— сказал он.— Я...

— Брось мешок назад.

Риммель повиновался.

— Ну, так что же ты хочешь от Бетаны?

Риммель опять проглотил слюну. Он чувствовал, как пот катится по его лбу, заливая глаза, но он боялся поднять руку и вытереть пот.

Он с трудом продышался и постарался продолжить:

— Одна... одна женщина, Бетана. Она... я...

— Продолжай.

Риммель сделал глубокий вдох.

— Я хочу, чтобы эта женщина стала моей женой, Бетана. Но она... она предназначена другому. Она будет его женой, если ты не поможешь мне. Ты ведь можешь мне помочь, не правда ли?

— Ты можешь повернуться и подойти ко мне.

Со вздохом облегчения Риммель медленно повернулся.

Внезапно сзади него вспыхнул свет, и он увидел свою собственную тень, пляшущую на каменных стенах пещеры. Свет был желто-оранжевым, вероятно, огонь. Он разогнал тьму и страх этой тесной пещеры.

На каменном полу в десяти шагах от Риммеля стоял фонарь, а за ним, скрестив ноги, сидела древняя старуха в неописуемых лохмотьях. Лицо ее, окруженное гривой спутанных седых, когда-то черных, волос, было покрыто морщинами. Дрожащими руками старуха аккуратно складывала кусок черной тряпки, которой она прикрывала фонарь.

Риммель протер глаза рукавом, нерешительно подошел к фонарю и встал, глядя на женщину, которую звали Бетана.

— Ну, магистр Риммель,— сказала старуха. Глаза ее отражали неверный пляшущий свет фонаря.— Как видно, я тебе не понравилась.

Зубы ее были желтыми и гнилыми, дыхание зловонным. Риммель с трудом сдержался, чтобы с отвращением не отступить подальше.

Бетана хихикнула и жестом скрюченной руки показала на пол. На руке сверкнуло золото и Риммель понял, что это обручальное кольцо. Да, ведь люди же говорили, что она вдова. Интересно, кто был ее мужем?

Риммель осторожно опустился на грязный пол и сел, скрестив ноги, подражая хозяйке этого жилища. Пока он устраивался, Бетана пристально смотрела на него, не говоря ни слова. Затем она кивнула.

— Эта женщина — расскажи мне о ней. Она красива?

— Она... — Риммель внезапно захлебнулся, горло его пересохло.— Вот ее изображение,— сказал он, доставая медальон и бережно держа его.

Бетана протянула свою иссохшую руку, взяла медальон и открыла его своим кривым желтым ногтем. Бровь ее поползла вверх, когда она увидела портрет. Потом она внимательно посмотрела на Риммеля.

— Это она?

Риммель боязливо кивнул.

— А медальон ее?

— Был,— ответил Риммель.— Теперь его носит тот, кто собирается жениться на ней.

— Ну, а тот, кто собирается жениться на ней, любит ли он ее? — спросила Бетана.

Риммель кивнул.

— А она его?

Риммель опять кивнул.

— Но ты тоже любишь ее — и так сильно, что готов рискнуть своей жизнью, чтобы обладать ею?

Риммель кивнул в третий раз. Глаза его расширились.

Бетана улыбнулась. Это была жуткая пародия на улыбку.

— У меня тоже был когда-то мужчина, который рисковал своей жизнью, чтобы получить меня. Тебя это удивляет?

Она закрыла медальон и, держа его за цепь узловатыми пальцами левой руки, правую протянула

куда-то назад и достала желтую тыкву с узким горлышком.

Риммель затаил дыхание и смотрел широко раскрытыми глазами, как она ногтем вынула затычку и протянула сосуд к нему. Все ночные страхи всплыли в его мозгу, но он усилием воли заставил себя забыть о них.

— Подставь руки, архитектор Риммель, эту воду нельзя пролить на пол и потерять навсегда.

Риммель протянул сложенные ладони, и Бетана налила в них воду из тыквы.

— Ну, а теперь,— сказала она, отклонив тыкву в сторону,— наблюдай, как я буду делать священные знаки над водой. Смотри, как вихри времени и дыхание святой любви будут кружить в воде. Следи за ними.

Она бормотала и раскачивала медальон над руками Риммеля, в которых была вода. Она рисовала медальоном какие-то сложные фигуры и знаки, произносила заклинания, распевала песнопения. Звуки ее дребезжащего голоса постепенно затихли. Она, не отрываясь, смотрела в глаза своего клиента, которые сначала были широко раскрыты, затем веки задрожали, начали опускаться и, наконец, глаза закрылись. Голос старухи затих.

Взяв в руки медальон, она насухо вытерла руки Риммеля черной тряпкой. Ни одна капля воды не должна пропасть, иначе нарушится все течение времени.

Затем Бетана вздохнула и снова открыла медальон. Она начала искать в своей памяти подходящее колдовство. Любовное колдовство. И не просто любовное, а такое, которое должно перенести любовь женщины от одного мужчины к другому.

Да, раньше ей удавалось делать такое, и много раз. Но это было давно, когда Бетана была не так стара, беззуба и забывчива. И она не была уверена, что сможет сейчас вспомнить то, что нужно в таких случаях.

Может, вот это? Нет, это заклинание для хорошего урожая... Вот если бы Риммель пришел просить сына... Нет, это не то заклинание, которое ей сейчас нужно.

А вот заклинание для вызова Баазама — очень сильное заклинание. Но нет, Бетана покачала головой, это злое заклинание, заклинание для убийства. Даррей научил ее этому заклинанию много лет назад. Нет, она

не хочет смерти этой молодой и прекрасной девушки, которая изображена на портрете. Она сама когда-то тоже была прекрасной. Даррей говорил, что она самая красивая из всех женщин на свете.

Она снова посмотрела на портрет и какое-то смутное воспоминание промелькнуло перед ней. Эта женщина — не видела ли она ее раньше? Это было много лет назад, когда ее глаза были острыми, она не была так стара и скрючена — да! Конечно! Теперь она вспомнила.

Это была прекрасная белокурая девочка с тремя мальчиками постарше — братьями или кузенами. Они приехали сюда в горы на пони, чтобы повеселиться и поесть на зеленом травяном ковре, который летом покрывал эти горные склоны. Это были дети дворян — дети могущественного герцога Кассан, того самого герцога, слуга которого теперь сидел в трансе на полу пещеры Бетаны!

Бронвин!

Теперь она вспомнила все. Девочку звали Бронвин. Леди Бронвин де Морган, племянница герцога Джареда, наполовину Дерини. И теперь она здесь перед ней на портрете.

Бетана вздрогнула и боязливо посмотрела вокруг себя. Дерини. И она, Бетана, обещала совершить колдовство против нее. Как она осмелилась? Бетана не хотела делать ей ничего плохого. Девочка Бронвин улыбалась ей здесь в теплый летний день, как дочь, которой у Бетаны никогда не было.

Это было так давно! Она гладила овец, играла с ними, разговаривала с Бетаной и нисколько не боялась старой вдовы, которая с улыбкой смотрела на ее проказы. Нет, Бетана не могла забыть всего этого.

Она почесала голову. Но она же обещала Риммелю. Да, положение у нее не из приятных. Если она поможет архитектору, то может повредить девушке, а она не хочет этого.

Бетана посмотрела на Риммеля. Кошелек на его поясе был тяжел от золота, а мешок, который он бросил у входа, был набит хлебом, сыром и другими вещами, которых она не пробовала уже несколько месяцев. Бетана чувствовала вкусные запахи, которые наполняли пещеру. Если она не сдержит свое обещание, то Риммель заберет еду, золото и уйдет отсюда.

Решено. Это будет совсем маленькое колдовство. Может, это будет просто заклинание нерешительности. Да. Заклинание нерешительности, и прекрасная Бронвин не будет так спешить выйти замуж за своего жениха.

А кто ее жених? Девушка Дерини не может рассчитывать на хорошую партию. Не те сейчас времена. Сейчас ни один высокопоставленный лорд не рискнет жениться на Дерини. А если так, то почему бы Бетане не совершить сильное колдовство, которое даст Риммелю то, чего он хочет?

Приняв решение, старуха с кряхтением поднялась на ноги, прошла к задней стене пещеры и стала рыться в дряхлом сундуке. Там были десятки и сотни странных предметов, которые Бетана использовала в своем ремесле.

Она возбужденно перебирала разные безделушки, камни, перья, плоски и склянки. Достала небольшую тщательно отполированную кость и задумалась. Затем тряхнула седой головой и отложила кость в сторону. То же постигло и засохший лист, маленькую фигурку овцы, горсть травы, перевязанный шнурами ком, маленький глиняный горшок. Наконец, она полезла в какой-то ящик и с самого дна извлекла то, что искала: большой кожаный мешок, набитый камнями.

Она удовлетворенно хмыкнула, положила мешок на пол и стала развязывать узлы. Содержимое мешка наполовину высыпалось на пол. Старуха начала копаться в камнях. Вот камень смерти и камень жизни. Камень для выращивания хорошего урожая. Камень, чтобы наслать порчу на поля врага. Маленькие камни, чтобы излечивать болезни. Камни, чтобы исцелять душу. Камни для богатства. Камни для бедности. Камни от бесплодия.

Гнусавя вполголоса, старуха выбрала голубой камень с кроваво-красными прожилками такого размера, чтобы он смог поместиться в мужской ладони. Затем она снова залезла в ящик и копалась, пока не достала небольшой мешочек из шкуры козла, в который и положила камень.

Большой мешок она снова сунула в сундук. Затем, взяв с собой мешочек с камнем, вернулась к фонарю, села перед Риммелем и спрятала мешочек в свои лохмотья.

Риммель сидел в трансе перед мерцающим фонарем. Его сложенные руки были вытянуты вперед, глаза закрыты.

Бетана взяла тыкву, вылила воду в сложенные ковшиком ладони Риммеля и опять стала раскачивать медальон над водой. После того как она закончила петь заклинание, она наклонилась к Риммелю и легонько коснулась рукой его лба.

Риммель встрепенулся, как будто уличив себя в том, что не вовремя заснул, а затем снова устремил глаза на качающийся медальон. Он не подозревал о том, сколько времени прошло, пока он был погружен в небытие.

Бетана взяла в руку медальон, а затем достала из лохмотьев камень с кроваво-красными прожилками. Она сжала камень в руках, прошептав что-то, что Риммель не сумел разобрать. Глаза ее сверкнули зеленым блеском и сузились. Затем она положила камень на пол, как раз под руками Риммеля. Она накрыла своими скрюченными пальцами его руки и посмотрела ему в глаза.

— Открой свои ладони и пусть вода омоет камень,— сказала она. Ее дребезжащий голос гулко отозвался в мозгу Риммеля.— Тогда колдовство будет завершено.

Риммель с трудом проглотил слюну, поморгал, а затем повиновался.

Вода пролилась на камень, который впитал ее в себя. Риммель бессознательно вытер руки о штаны.

— Значит, это все? — хрипло прошептал он.— Моя девушка любит меня?

— Нет, пока еще нет,— ответила Бетана, забирая камень и пряча его в мешочек из козлиной кожи.— Но она полюбит,— она опустила мешочек в ладони Риммеля и снова села на пол.— Возьми этот мешочек. Внутри него находится то, что ты видел, и ты не должен открывать его до тех пор, пока не будешь уверен, что находишься там, куда может прийти только она одна. Тогда ты должен открыть его и достать то, что там находится, не прикасаясь к нему. Когда кристалл очутится на свету, у тебя будет только несколько мгновений, чтобы освободиться от его влияния... Колдовство начнется и кончится только тогда, когда появится девушка.

— И она будет моей?

Бетана кивнула.

— Колдовство ослепит ее. Теперь иди.

Она взяла медальон и опустила его в руки Риммеля. Он дрожащими руками спрятал медальон и мешочек в карман.

— Я тебе очень благодарен, Бетана,— прошептал он, ощупывая кошелек на поясе.— А теперь... теперь я могу расплатиться с тобой? Я по обычаю принес пищу, но...

— А в кошельке у тебя золото?

— Да,— прошептал Риммель, отстегивая кошелек.— У меня немного золота, но... — он положил кошелек на пол рядом с фонарем и боязливо посмотрел на Бетану.

Бетана посмотрела на кошелек, а затем перевела взгляд на лицо Риммеля.

— Высыпай золото.

Проглотив слюну, причем это получилось так громко, что было слышно по всей пещере, Риммель открыл кошелек и высыпал золото на пол.

Монеты издали приятный золотой звон, но Бетана не отрывала взгляда от лица Риммеля.

— Ну, так во что же ты ценишь мою работу, магистр Риммель? — спросила она, пытаясь уловить на лице Риммеля скрытые эмоции.

Риммель провел языком по губам, его глаза засверкали при виде внушительной кучи золота. Затем, после короткой борьбы, он решительным жестом подвинул всю кучу к Бетане.

Старуха улыбнулась, обнажив гнилые зубы, а затем наклонилась и взяла из кучи шесть монет. Остальные она подтолкнула обратно к Риммелю. Тот был удивлен.

— Я... я не понимаю,— пробормотал он.— Почему ты не берешь все?

— Я беру столько, сколько мне нужно, и не больше,— проскрипела Бетана.— Я просто хотела узнать, как ты ценишь меня. Ты полностью расплатишься со мной, если вспомнишь о старой Бетане в своих молитвах. Теперь, вспоминая прожитые годы, я понимаю, что нуждаюсь в милости Небес гораздо больше, чем в золоте.

— Я... я буду молиться за тебя, Бетана,— бормотал Риммель, собирая золото в кошелёк.— Но, может, я еще что-нибудь могу сделать для тебя?

Бетана покачала головой.

— Приведи своих детей навестить меня, магистр Риммель. Ну, а теперь иди. Ты получил, что хотел, и я тоже.

— Спасибо тебе, Бетана,— прошептал Риммель. Он поднялся на ноги, не в силах поверить своему счастью.— Я буду молиться за тебя,— повторил он и направился к выходу из пещеры.

Когда Риммель исчез, старуха вздохнула и спорбилась под фонарем.

— Мой Даррей,— прошептала она, прижимая золотое кольцо к губам.— Я все сделала. Я совершила колдовство, чтобы дать молодому человеку то, чего он хочет. Как ты думаешь, может, я зря колдовала против Дерини?

Она помолчала, как будто ожидая ответа, а затем кивнула.

— Я знаю, мой милый. Я никогда еще не колдовала против этой расы. Но колдовство должно сработать. Я уверена, что вспомнила все слова заклинания. А, впрочем, пока мы с тобой, все это не важно.

Уже стало совсем темно, когда Морган, наконец, дал сигнал к остановке. Он и Дункан скакали с самого раннего утра, когда выехали из Корота. Они остановились только раз, чтобы напоить лошадей и самим проглотить немного пищи. Теперь они приблизились к горному перевалу Лендоур, за которым лежало легендарное ущелье Гунури. В конце ущелья стояла часовня с гробницей Святого Торина — южные ворота свободного священного города Джассы.

Утром, после ночного отдыха, Морган и Дункан поклонятся гробнице Святого Торина — это необходимая процедура, чтобы получить разрешение пересечь широкое озеро Ягиан. Затем они должны вступить в священный город, куда ни одна коронованная особа не рискнет войти без разрешения городских жителей. Но Морган должен туда войти никем не узнанный. Войти и предстать перед Курией Гвинеда.

Морган с трудом различал во тьме развалины башен и стен. Он пустил свою лошадь шагом, прикрывая глаза от хлеставшего в лицо дождя. Он внимательно смотрел по сторонам, но никого не обнаружил. Здесь они могли спокойно остановиться на ночь.

Морган высвободил из стремян ноги и вытянул их, откинувшись в седле. Он дал возможность лошади самой выбирать путь в темноте к воротам.

За ним ехал Дункан, который тихо выругался, когда его лошадь соскользнула с тропинки и с трудом снова выбралась на нее. За Дунканом следовала вьючная лошадь. Она боязливо косилась на смутные тени по сторонам тропы, испуганно трясла головой при каждом подозрительном звуке или движении во тьме.

Люди и животные смертельно устали и промерзли до костей после долгого и трудного путешествия.

— Ну, вот, мы и добрались до места,— сказал Морган, когда они приблизились к развалинам ворот.

Глухой стук копыт лошадей сменился теперь чавканьем. Очевидно, они въехали в древний двор по жидкой грязи. Здесь царила сверхъестественная тишина, которая нарушалась только монотонным дождем.

Подавленный этой тишиной Дункан подъехал к Моргану и прошептал:

— Что это за место, Аларик?

Морган направил свою лошадь к разрушенным воротам и согнул голову, проезжая в них.

— Святой Неот. Перед Реставрацией это был знаменитый монастырь, в котором были одни чистокровные Дерини. Затем, во времена гонения, часовня монастыря была осквернена, а многие братья убиты прямо на ступеньках алтаря. Местные жители избегают этих развалин. Брион и я выехали на битву отсюда.

Морган направил свою лошадь в угол, где частично сохранилась крыша и было относительно сухо.

Привстав на стремянах, он тщательно проверил, крепки ли сохранившиеся балки на потолке.

— Да, некогда Святой Неот стоял в одном ряду с большим университетом в Конкардине или школой Варнаритов в Грекоте. Тогда была пора его расцвета, тогда быть Дерини считалось почетно.

Он проверил последнюю балку и удовлетворенно хмыкнул. Затем уселся в седле и выбил пыль из перчаток.

— Пожалуй, здесь единственное сухое место, где мы можем поспать. Крыша на нас не обрушится.

Он спешился, внимательно осмотрелся, очевидно, узнавая это место.

Через несколько минут Морган и Дункан расседлали лошадей и сложили свои пожитки на сухое место к стене. Затем Морган отвел лошадей подальше в развалины и оставил их там, дав корм.

Дункан развел небольшой огонь у стены и занялся приготовлением ужина. Морган подошел к огню, снял мокрый плащ и перчатки. Затем присел на корточки и протянул руки к огню.

— М-м-м... Мне кажется, что я никогда больше не согреюсь.

Дункан раздул огонь, а затем начал копаться в седельных сумках.

— А я думал, что нам придется обойтись без костра. Все сучья сырые, да и места, где огонь был бы никому не виден, я в пути не встречал. Что это за комната?

— Я думаю, это была трапезная,— Морган подкинул в огонь несколько сухих щепок.— А там дальше кухня, спальные комнаты для монахов. С тех пор, как я был здесь в последний раз, все пришло в упадок. Вероятно, суровые зимы ускорили разрушение,— он потер руки и подышал на них.— А нельзя развести огонь посильнее?

Дункан хмыкнул и открыл бутылку с вином.

— Можно, если ты хочешь, чтобы вся Джасса узнала о нашем прибытии. Я боюсь, что даже и такой костер разводить опасно.

Морган засмеялся.

— Ну, хорошо. Я тоже не хочу, чтобы мне перерезали глотку как шпиону.

Он наблюдал, как Дункан разлил вино в бокалы и бросил в каждый из них по докрасна раскаленному камешку. Камешки зашипели и окутались паром. Холодное вино моментально согрелось.

Морган задумчиво сказал:

— Я слышал, что жители Джассы теперь по-другому расправляются со шпионами, и особенно с Дерини.

— Можешь мне не рассказывать,— сказал Дункан, вынимая камни из бокалов и подавая один бокал Моргану.— Пей, это остатки фианского вина.

Морган уселся рядом с огнем и со вздохом отпил из бокала. Приятное тепло разлилось по всему телу.

— Жаль, что в Джассе не пьют. Нет ничего лучше вина из Фианы, крепкого и горячего, особенно, если ты замерз и устал. И подумать только, несколько дней нам придется обходиться без него.

— Ты думаешь, что нам придется так долго быть здесь? — усмехнулся Морган.— Ты считаешь, что эти святые джассанцы не узнают тебя прежде, чем ты доберешься до наших драгоценных архиепископов? — он откинулся назад, прислонившись к стене, и смаковал вино.— А ты знаешь, что в Джассе даже при причастии вместо вина используют пиво?

— Это шутка?

— Нет. Мне говорили люди, которым можно верить. Священное пиво,— он наклонился над огнем и попробовал мясо.— Ты готов есть?

Через четверть часа они уже расстелили свои постели в наиболее сухом месте и приготовились спать.

Дункан достал молитвенник, чтобы прочесть пару молитв при свете угасающего костра, Морган отстегнул меч и сел на корточки, вглядываясь в темноту.

Ветер завывал в развалинах и его свист смешивался с шумом дождя. В этом шуме Морган различал скрежет подков их лошадей, когда те переступали с ноги на ногу.

Где-то далеко дважды свистнула ночная птица и умолкла.

Морган долго смотрел на угасающие угли, а затем резко встал и накинул на себя плащ.

— Я немного прогуляюсь,— сказал он.

— Что-нибудь случилось?

Морган оглянулся и покачал головой.

— Когда-то давно мы с Брионом проезжали в этих горах. Вот и все. Я внезапно вспомнил об этом.

— Да, я понимаю.

Натянув капюшон, Морган медленно пошел в темноту и дождь. Он думал о Брионе. Это место пробудило в нем воспоминания, и они вели его за собой.

Неожиданно, он увидел, что стоит под разрушенным потолком старой часовни. Он осмотрелся удивленно, так как вовсе не предполагал заходить сюда.

Когда-то это была большая часовня, и хотя теперь стены ее от пожаров или от времени разрушились, хотя от огромных цветных окон не осталось и следа, все же здесь ощущалась святость этого древнего строения. Даже безжалостные казни, которые вершились здесь над монахами Дерини, не смогли уничтожить спокойствие и умиротворенность этого места. Для Моргана эти развалины всегда были предметом почитания и поклонения.

Он посмотрел туда, где когда-то стоял алтарь, и вздрогнул, представив темные пятна крови на его ступенях. Но бедные монахи Дерини, погибшие здесь, были мертвы уже двести лет, и эту кровь давно уже смыли бесчисленные дожди, которые обрушивались на эти святые места каждую осень и весну. Эти монахи, посвятившие жизнь святому Неоту, уже давно обрели вечный покой в загробном царстве. Во всяком случае, так утверждают земные мифы и легенды.

Он повернулся и увидел дверь, за которой была лестница на часовую башню. Морган открыл дверь. Лестница была полуразрушена, но вполне годилась для того, чтобы подняться по ней. Он пошел наверх, осторожно нащупывая ногой ступени, сбрасывая вниз обломки, на которых мог подскользнуться.

Когда Морган добрался до первой площадки, он подошел к окну, закутался в плащ и сел.

«Сколько же лет прошло с тех пор, как он сидел на этом окне в последний раз? — подумал он, глядя в темноту. Десять? Двадцать?»

«Нет, — вспомнил он. — Четырнадцать и несколько месяцев».

Он притянул колени к груди и стал вспоминать.

Была осень — ноябрь. Он и Брион выехали из Корота рано утром на прогулку, может быть, последнюю перед наступлением зимы. Был ясный солнечный день, почти ничем не напоминавший о наступающих холодах, и

Брион, как обычно, был в хорошем настроении. Он предложил, чтобы Морган показал ему эти старые развалины. Молодой лорд Дерини моментально согласился.

Морган уже не был просто слугой Бриона. Он утвердил себя полноправным его помощником уже год назад, после битвы с Марлуком. Ведь Моргану уже исполнилось пятнадцать лет — по Гвинедским законам это зрелый возраст. Так что он стал герцогом Корвина. Он ехал рядом с Брионом на черной лошади, и на его плаще был вышит зеленый Грифон Корвина, а не алый Лев Гвинеда.

Лошади довольно зафыркали, когда всадники бросили поводья и остановились у входа в старую часовню.

— Ну, давай посмотрим! — воскликнул Брион.

Он направил свою белую лошадь в дверной проем и заглянул внутрь.

— Аларик, лестница на часовую башню, кажется, цела. Пойдем, посмотрим.

Он отвел лошадь назад на несколько шагов и спрыгнул с седла. Затем закрепил поводья так, чтобы лошадь могла пастись, пока они осматривают башню.

Морган тоже спешился и пошел за Брионом.

— Здесь, должно быть, было спокойное место в свое время? — спросил он, перепрыгивая через балку и пробираясь между обломками. — Сколько людей здесь было, как ты думаешь?

— Во всем монастыре? Три или четыре сотни, сэр. Конечно, в это число входят и монахи, и слуги, и студенты. А вообще здесь было около сотни монахов Ордена.

Брион стал подниматься по ступеням лестницы. Из-под его ног сыпались обломки камня, щепки. Ярко-красная одежда Бриона резко выделялась на сером фоне стен. Перо на алой охотничьей шапочке кокетливо изгибалось при каждом его прыжке.

Вдруг Брион подскользнулся и чуть не упал, но смог выпрямиться и весело захохотал.

— Осторожнее, милорд, — сказал Морган, с беспокойством следя за чересчур смелыми прыжками Бриона. — Помните, этой лестнице уже четыреста лет. Если вы упадете, то Гвинед останется без короля.

— Ха! Ты слишком много беспокоишься, Аларик! — воскликнул Брион. Он добрался до первой площадки и подошел к окну.— Посмотри отсюда! Можно увидеть полдороги до Корота.

Морган подошел к нему.

Брион очистил подоконник от камней и битого стекла и сел, положив ногу на ногу.

— Ты только посмотри! — Он показал на горы своим кнутом.— Еще месяц, и все это покроется снегом. И это будет так же прекрасно, как и сейчас, когда горы покрыты поздней зеленью.

Морган улыбнулся и оперся о подоконник.

— Хорошая охота в этих местах, сэр. Вы уверены, что не сможете задержаться в Короте подольше?

— Ты же знаешь, что не могу, Аларик,— ответил Брион, с сожалением пожав плечами.— Долг призывает меня громко и настоятельно. Если я не вернусь через неделю в Ремут, то весь мой Совет Лордов хватит удар. Я думаю, они не верят в то, что Марлук мертв, что войны больше нет. А, кроме того, и Джехана...

«Да, кроме того и Джехана», угрюмо подумал Морган.

На мгновение он позволил себе представить молодую темноволосую королеву, а затем изгнал ее образ из памяти. Все надежды на мирные дружеские взаимоотношения между ними испарились в тот день, когда она узнала, что Морган — Дерини. Она никогда не простила ему этого, а именно этого он не мог изменить, даже если бы захотел.

Ни к чему было напоминать об этом Бриону. Брион тяжело переживал почти враждебные отношения, которые сложились у его ближайшего друга с любимой королевой, но ничего не мог поделать.

Морган перегнулся через подоконник, чтобы посмотреть вниз.

— Смотрите, сэр,— сказал он, чтобы переменить тему разговора.— Моя лошадь нашла траву, которую еще не уничтожил холод.

Брион посмотрел. Действительно, черная лошадь Моргана отошла от башни на двадцать футов и теперь спокойно щипала траву. Лошадь Бриона оставалась на том же месте, где всадник соскочил с нее. Она тыкалась носом в камни, тщетно надеясь найти что-либо

сьедобное. Пойти дальше она не пыталась, так как ее нога попала в поводья, соскользнувшие с седла.

Брион с негодованием фыркнул:

— Эта лошадь так глупа, что я иногда удивляюсь, как она находит ясли с сеном. Ведь ей вполне достаточно поднять ногу и освободиться из петли. А она думает, что ее спутали.

— Я всегда советовал вам не покупать коней из Ланнеда, сэр,— сказал, улыбнувшись, Морган,— но вы не слушаете меня. Ланнедские коневоды смотрят только на красоту лошади, а не на ее мозги. А вот лошади из Кассы...

— Стоп! — приказал Брион, изображая негодование.— Ты заставляешь меня чувствовать себя дураком. А король не должен никогда чувствовать так.

Морган улыбнулся, посмотрел вдаль и увидел, что куда скачет с полдюжины всадников.

Почувствовав тревогу, он легонько тронул короля за колено.

— Брион!

Когда всадники подъехали ближе, они смогли различить в руках переднего знамя с вышитым на нем Львом Гвинеда. А за знаменосцем ехал огромный человек в оранжевой одежде. Это мог быть только лорд Эван, могущественный герцог Клейнборна.

Эван, вероятно, заметил их в окне башни, потому что он резко осадил лошадь, приподнялся на стременах и издал боевой клич, как будто собирался штурмовать башню.

— Какого черта... — крикнул Брион, глядя на Эвана, вся банда которого окружила башню, подняв тучи пыли.

— Сэр! — закричал Эван.

Его рыжие волосы и борода развевались по ветру, а глаза возбужденно сверкали. Он в порыве чувства схватил знамя Гвинеда и стал размахивать им над головой.

— Сэр! У вас сын! Наследник трона Гвинеда!

— Сын! — ахнул Брион.— Боже мой! Но ведь предполагалось, что это будет через месяц! — глаза его засверкали.— Сын! Ты слышишь, Аларик? — вопил он, хватая Моргана за рукав и пускаясь с ним в пляс.— Я — отец! У меня сын!

Оставив Моргана в покое, он подбежал к окну и с торжеством глядя на своих людей, громко крикнул:

— Сын! Сын! Аларик, ты слышишь? У меня сын!

Морган глубоко вздохнул, провел руками по лицу, как бы отгоняя печальные воспоминания. Затем снова сел, глядя во тьму.

Все это было так давно.

Мальчик Аларик теперь уже Лорд-генерал Королевской армии, могущественный феодал, во всяком случае, в данный момент.

Брион спит в своей гробнице под собором в Ремуте. Он пал жертвой магии, которую даже Морган не смог предотвратить.

А сын Бриона — «Сын! Сын! Аларик, ты слышишь? У меня сын!» — сыну Бриона уже четырнадцать лет. Он мужчина, король Гвинеда.

Морган посмотрел в окно, как смотрели они с Брионом много лет назад, как будто хотел увидеть всадников, скачущих по долине. Потом перевел взгляд на ночное небо.

На востоке поднималась тусклая луна, забивая своим светом те несколько звезд, которые смогли пробиться сквозь туман, укутавший землю. Морган долго смотрел на эти звезды, наслаждаясь спокойствием ночи, а затем встал и направился обратно к Дункану.

Уже было поздно. Дункан, должно быть, беспокоится, что его нет так долго. А завтра предстоит встреча с этими коварными злыми архиепископами. Завтра решается многое.

Он пошел вниз по лестнице. Теперь идти стало легче, так как луна освещала развалины ледяным светом. Морган прошел через дверной проем и вошел в зал часовни.

Он уже был на середине пути к месту их пристанища, как вдруг его взгляд уловил слабое мерцание света в дальнем алькове — слева от разрушенного алтаря. Он замер и повернул голову источнику света. Свет не исчез.

ГЛАВА XI

Морган неподвижно стоял несколько секунд. Все его защитные ресурсы Дерини мгновенно пришли в действие, как только он почувствовал опасность.

Лунный свет был слишком тусклым, а тени очень длинными, но во тьме слева что-то отчетливо сверкало.

Он хотел позвать, так как это мог быть Дункан, но не стал этого делать. Его обостренные чувства определили, что это не Дункан. Если в этой тьме кто-то и был, то совершенно незнакомый Моргану.

Морган осторожно двинулся налево. Пальцы аккуратно скользили по стене. Он жалел, что не взял с собой меча. Когда он шевельнулся, огонек исчез, и теперь Морган видел, что в том углу развалин нет ничего необычного.

Но его любопытство разгорелось. Что могло так сверкать в этих развалинах? Стекло? Случайное отражение луны в луже? Или же что-нибудь зловещее?

Вдруг со стороны развалин алтаря послышался какой-то слабый звук. Морган резко повернулся и застыл. Стиллет мгновенно скользнул в его ладонь. Это уже было что-то реальное. Не лунный свет и не лужа. Там кто-то был.

Морган ждал. Глаза и уши улавливали все, что могли уловить. Морган наполовину был уверен, что сейчас из-за мертвых камней покажется привидение, дух какого-нибудь давно умершего монаха. Он долго ждал и уже решил, что его разыгравшиеся нервы сыграли с ним злую шутку, как вдруг из-за камней показалась огромная серая крыса и направилась прямо к нему. Морган от неожиданности отскочил в сторону, затем облегченно вздохнул и рассмеялся, когда крыса бросилась прочь от него.

Он снова взглянул на развалины алтаря, посмеялся над своими страхами и пошел дальше. Тот угол, где сверкало что-то, что привлекло внимание Моргана, был также завален разными обломками, как и все остальное пространство часовни. Но в этом углу сохранились остатки крыши, а в стенной нише — остатки мраморной статуи. От статуи уцелели только ноги. Они да обломки

камня и стекла — вот и все, что осталось после того ужасного дня, когда восставшие крестьяне ворвались в монастырь и почти полностью уничтожили его.

Морган улыбнулся про себя, когда его глаза скользнули по сандалиям, стоявшим на мраморном постаменте. Что же это за невезучий святой, от которого остались только одни ноги?

Затем он опустил глаза ниже и увидел серебряную или посеребренную пластинку, вделанную в основание под ногами. Морган понял, что она и была источником света, который так взволновал его. На полу валялись остатки цветной мозаики, некогда украшавшей пьедестал.

Грабители разрушили все, что могли: статуи, цветные окна, мраморные плиты пола, роскошное убранство алтаря. Морган достал стилет, чтобы попытаться содрать кусок пластины, которая ввела его в заблуждение, но затем остановился и спрятал стилет обратно в ножны. Это был единственный кусок серебра, который все еще оставался на своем месте, пережил все: грабителей, время, погоду. А мог ли этот неизвестный святой, в чью честь была поставлена статуя, надеяться на такую преданность со стороны людей — его почитателей? Морган подумал, что нет, не мог. Даже неизвестно сейчас, что это был за святой.

Поджав в задумчивости губы, Морган пробежал пальцами по изувеченной поверхности. Затем наклонился, чтобы внимательнее рассмотреть ее... Как он и предполагал, в камне были высечены какие-то буквы. Однако их трудно было разобрать, ярость грабителей была велика, они крушили здесь все, не щадя и камни. Но если приложить немного воображения, то можно прочесть два слова — «Ubilactus Deos» — стандартное выражение для изображения святых. А вот следующее слово было не разобрать, и следующее за ним тоже. Они были слишком повреждены.

Морган смог только разобрать отдельные буквы — «...в...то...», возможно, святой. Последнее слово, должно быть, имя святого. Можно было только прочесть буквы «м...б» и на конце «р». Камбер? Святой Камбер?

Морган свистнул от удивления. Опять Святой Камбер — патрон магии Дерини. Неудивительно, что грабители так здорово поработали здесь. Странно, что они хоть что-то оставили.

Он отошел на несколько шагов назад и осмотрелся, сожалея, что у него нет времени задержаться и осмотреть здесь все повнимательнее. Если этот угол церкви был посвящен Святому Камберу, то вполне возможно, что где-то неподалеку находится Путь Перехода.

Конечно, даже если он и действует — а это весьма сомнительно после столь долгих лет разрухи и запустения — то все равно воспользоваться им было невозможно. Все Пути Перехода, известные ему, вели в Ремут. В кабинет Дункана или в ризницу собора. А им нужно совсем не туда. Им нужно попасть в Джассу. Да и вообще это было смешно. Путь все равно не работает, даже если его и можно найти. Так что нечего терять время на его поиски.

Поддав зевок, Морган бросил напоследок взгляд на святого, махнул ему рукой и медленно пошел к Дункану. Завтра они получают ответы на многие вопросы, когда предстанут перед Курией Гвинеда.

Снова пошел сильный дождь. Возможно, он поможет ему уснуть.

Но для Поля де Гендаса этой ночью времени для сна не было. Не так далеко от того места, где Морган и Дункан устроились на ночлег, он ехал в лесу под проливным дождем и, подъезжая к тайному горному лагерю Варина, пустил свою лошадь шагом.

Его усталая лошадь хрипло дышала, выпуская из ноздрей клубы пара в холодный ночной воздух. Сам Польш, мокрый и забрызганный с ног до головы грязью, привстал на стременах, стянул с головы шапочку с эмблемой сокола и поднял ее вверх. Он уже приблизился к первой линии постов охранения. Это было необходимо сделать, так как часовые со своими скрытыми фонарями появятся из темноты не раньше, чем смогут узнать всадника.

После коротких переговоров с часовым, Польш, наконец, приблизился к палаточному лагерю Варина. Тлеющие фонари обозначали его границы.

Когда Польш подъехал к первой палатке на границе, из нее вышел молодой человек с таким же соколом,

как и у Поля, чтобы принять у него лошадь. Протирая глаза ото сна, он с любопытством смотрел на гостя.

Поль кивнул ему в знак приветствия и с облегчением соскочил на землю. Он с нетерпением окинул взглядом лагерь и сбросил с себя промокший и грязный плащ.

— Варин здесь? — спросил он, откидывая назад мокрые волосы, прежде чем натянуть на голову свою шапочку.

Старик в высоких сапогах и плаще с капюшоном подошел к нему и внимательно осмотрел.

Затем сделал знак молодому человеку, чтобы тот отвел лошадь.

— Варин совещается, Поль. Он просил, чтобы его не беспокоили.

— Совещается? — Поль стащил с рук грязные перчатки и пошел, разбрызгивая грязь, по тропинке к центру лагеря. — С кем? Кто бы у него ни был, я уверен, что он захочет узнать те сведения, которые я привез.

— Даже рискуя обидеть архиепископа Лориса? — спросил старик, довольно улыбаясь при виде изумления Поля. — Я думаю, что архиепископ приехал, чтобы поддержать наше движение, Поль.

— Сам Лорис здесь?

Поль недоверчиво засмеялся, а затем с улыбкой от уха до уха в порыве радости с размаху хлопнул своего собеседника по спине.

— Дружище, ты понятия не имеешь, как нам здорово повезло в эту ночь! Теперь я точно знаю, что Варину понравятся те новости, которые я ему привез!

— Ты понимаешь мое положение, — сказал Лорис. — Так как Морган отказывается раскаться и отречься от своей ереси, то я вынужден наложить на Корвин Интердикт.

— План действий, который вы предлагаете, мне ясен, — холодно ответил Варин. — Вы хотите лишить Корвин всех таинств церкви, хотите обречь беспомощные бессловесные души на вечные страдания, — он посмотрел на свои сложенные руки. — Мы с вами согласились, что с Морганом надо кончать, архиепископ, но ваши методы я не могу принять и одобрить.

Варин сидел на маленьком походном стуле. На нем был надет свободно свисающий с плеч желтый плащ, отделанный мехом. Перед ним прямо в центре палатки горел небольшой костер. Весь пол палатки, за исключением места для костра, был устлан толстыми коврами.

Архиепископ Лорис, пурпурный бархатный плащ которого был забрызган грязью, сидел справа от Варина в складном кожаном кресле. Это было кресло Варина, но он уступил его знатному гостю.

За Лорисом стоял монсеньор Горони в черной сутане. Его руки были спрятаны в складках рукавов. Он только что вернулся после выполнения миссии в епископстве Корвин, и его лицо было непроницаемым, когда он слушал этот разговор.

Варин поиграл своими длинными пальцами, взглянул на ковер под ногами.

— Я не могу никак отговорить вас от вашего плана действий, Ваше Сиятельство?

Лорис сделал безнадежный жест рукой и торжественно покачал головой.

— Я пытался сделать все, но епископ Корвина Толливер не выразил особого желания помочь мне. Если бы он отлучил Моргана, как я просил его, то обстоятельства теперь были бы совсем иными... Однако он этого не сделал, и мне приходится собирать Курию...

Он оборвал фразу на полуслове, так как тент палатки откинулся в сторону и в палатке появился человек в забрызганном грязью плаще и с эмблемой сокола на шляпе.

Человек снял шляпу и приветствовал всех, прижав сжатый кулак к груди. Заметив Лориса и Горони он поздоровался с ними кивком головы.

Варин недовольно посмотрел на вошедшего и, узнав его, нахмурился. Однако встал и подошел к нему.

— В чем дело, Поль? — спросил Варин, приглаживая свои растрепанные волосы. — Я же предупредил Майкла, чтобы нас не беспокоили, пока мы беседуем с архиепископом.

— Я не думаю, чтобы вы отдали такое распоряжение, если бы знали, с чем я приехал, милорд, — сказал Поль, подавляя улыбку и инстинктивно понижая голос, чтобы их не мог услышать Лорис. — Сегодня вечером я видел Моргана, скачущего по дороге к Святому Торину. Он

и его спутник остановились на ночь в развалинах монастыря Святого Неота.

Варин судорожно схватил Поля за плечи и в сильном возбуждении заглянул ему в глаза.

— Ты уверен в этом? — его глаза сверкали, он настойчиво старался еще раз услышать то, что его так взволновало. — О, Боже, пришел прямо к нам в руки! — прошептал он.

— Я думаю, он едет в Джассу, — усмехнулся Поль. — Может, нам устроить ему соответствующий прием?

Глаза Варина загорелись огнем, когда он резко повернулся к Лорису.

— Вы слышали, Ваше Сиятельство? Морган в монастыре Святого Неота, он едет в Джассу!

— Что? — Лорис вскочил, глаза его горели яростью. — Морган едет в Джассу? Мы должны остановить его!

Варин, казалось, не слышал его, он в возбуждении мерил шагами палатку, что-то лихорадочно обдумывая.

— Ты слышишь меня, Варин? — повторил Лорис, злобно глядя на Варина, мечущегося по палатке. — Он своими штучками Дерини хочет перехитрить нас. Он хочет завтра выступить перед Курией. Со своей хитростью и коварством Дерини он способен убедить некоторых из моих епископов в своей невинности. Я знаю, что он не желает подчиняться моим указам!

Варин, продолжая возбужденно ходить по палатке, покачал головой. Едва заметная улыбка играла на его губах.

— Конечно, Ваше Сиятельство, я знаю, что он не хочет подчиниться вам. Но я хочу воспрепятствовать ему выступить перед Курией. Возможно, настало время, когда мы должны встретиться лицом к лицу, Морган и я. Возможно, настало время проверить, чье же могущество сильнее — его проклятая магия или могущество Бога. Поль, — он повернулся к Полю, стоящему у выхода из палатки. — Собери группу человек в пятнадцать. Мы поедем к Святому Торину рано утром.

Поль поклонился:

— Хорошо, лорд.

— И как только Его Сиятельство покинет нас, распорядись, чтобы никто ко мне в палатку не заходил. Это очень важно. Ясно?

Поль опять поклонился и вышел, отправившись выполнять поручение.

Выражение лица Лориса, на котором была написана растерянность, говорило о том, что он ничего не понял и ждет объяснений. Он обратился к Варину:

— Не собираешься же ты нападать на Моргана?

— Я ждал возможности встретиться с ним лицом к лицу уже много месяцев, Ваше Сиятельство,— сказал Варин, глядя на Лориса сверху вниз сквозь полуопущенные ресницы.— В Святом Торине, через который он должен будет проехать по пути в Джассу, я приподнесу ему сюрприз, может, даже возьму в плен. И уж во всяком случае, лишу его возможности вмешаться в заседание Курии. Ну, а в лучшем случае, я думаю, вам уже больше никогда не придется думать и беспокоиться об этом проклятом лорде Дерини.

Лорис нахмурился, лицо его потемнело, пальцы нервно перебирали складки одежды.

— Ты хочешь убить его и не дать возможности раскаяться в грехах и отречься от своих заблуждений?

— Я сомневаюсь, что такие, как он, могут раскаяться, Ваше Сиятельство,— резко ответил Варин.— Дерини — это слуги Сатаны с самого дня сотворения мира. Я не думаю, что вечное блаженство ждет их.

— Может быть,— сказал Лорис, вставая и устремляя на Варина твердый взгляд своих холодных голубых глаз.— Но я думаю, что мы не имеем права поступать так. Морган должен получить возможность раскаяться. Я не могу лишить этого права даже самого Дьявола, хотя у меня есть много причин ненавидеть Моргана. Вечность — это слишком долгий срок, чтобы обречь на нее человека.

— Вы его защищаете? — спросил вкрадчивым голосом Варин.— Если я не уничтожу его сейчас, когда есть возможность, то потом может случиться так, что такой возможности больше не представится.

И тут впервые с начала переговоров заговорил Горони.

Он откашлялся и посмотрел на архиепископа.

— Можно мне сказать, Ваше Сиятельство?

— Что ты хочешь, Горони?

— Если Ваше Сиятельство позволит, то есть способ сделать его беспомощным, так что в это время можно

поборотся с Дьяволом за его душу. Его можно лишить возможности использовать свое могущество до тех пор, пока мы не решим, как с ним поступить наилучшим образом.

Варин нахмурился, вопросительно посмотрев на Горони.

— Как это можно сделать?

Горони взглянул на архиепископа и, получив молчаливое разрешение, продолжал:

— Существует наркотик под названием мараша, который действует только на Дерини. Он затуманивает мозги и не позволяет использовать черные силы до тех пор, пока не закончится его действие. Если мы введем его Моргану, то он будет полностью в нашем распоряжении.

— Наркотик Дерини? — Лорис нахмурился. — Я не хочу даже слушать это, Горони.

— И я тоже! — выкрикнул Варин. — Я не хочу пользоваться штучками Дерини, чтобы захватить его. Сделать так, значит встать на одну доску с ним!

— Если Ваше Сиятельство позволит, — терпеливо проговорил Горони. — Мы имеем дело с необычным врагом. В таких случаях можно пользоваться необычными методами, чтобы поразить его. А, кроме того, ведь наша цель стоит того!

— Это верно, Варин, — осторожно согласился Лорис. — Да и для тебя риск будет очень маленьким! Горони, как ты предлагаешь ввести наркотик? Морган ведь не будет спокойно смотреть, как ты что-то подсыпешь ему в вино.

Горони засмеялся, и на его невыразительном, ничем не примечательном лице появились какие-то дьявольские черты.

— Предоставьте это мне, Ваше Сиятельство. Варин говорил, что он устроит западню у гробницы Святого Торина. С разрешения Вашего Сиятельства я выведу тотчас же, чтобы приготовить марашу. А затем на рассвете мы встретимся с Варином и его людьми. Там у меня есть один монах, который поможет нам расставить западню. А вы, Ваше Сиятельство, должны вернуться в Джассу, чтобы приготовиться к завтрашней Курии. Если по какой-либо случайности у нас ничего

не получится, то вы сможете продолжить переговоры относительно наложения Интердикта.

Лорис обдумывал все сказанное, взвешивая аргументы Горони, а затем взглянул на Варина.

— Ну, Варин? — спросил он. — Что скажешь? Горони останется здесь, чтобы помочь тебе захватить его и услышать его исповедь, если, конечно, Морган решит раскаться и отречься. Если этого не произойдет, то он останется в твоём распоряжении. Делай с ним все, что хочешь. Если кто-либо из вас добьётся успеха, то на Корвин не надо будет накладывать Интердикт. Ты сможешь объявить, что предотвратил катастрофу, надвигающуюся на Корвин, и назначить нового правителя Корвина. А я... мне же не придется наказывать целый народ из-за грехов одного человека. Духовное здоровье народа — это самая главная моя забота.

Варин долго смотрел на пол, обдумывая предложение, а затем медленно кивнул.

— Хорошо, Ваше Сиятельство. Если вы говорите, что я не запятнаю себя тем, что воспользуюсь наркотиком Дерини, чтобы захватить Моргана, то я верю вам. Ведь вы — архиепископ, и я должен верить вам, если хочу оставаться верным сыном Церкви.

Лорис одобрительно кивнул и поднялся на ноги.

— Ты очень мудр, сын мой, — сказал он, жестом показывая Горони, что пора идти. — Я буду молиться за твой успех.

Он протянул руку с аметистовым перстнем и Варин после непродолжительной паузы опустил на колено и коснулся губами камня. Однако, когда он поднялся на ноги, в его глазах бушевала буря. Он старался спрятать свои глаза от архиепископа, провожая его к выходу.

— Бог тебе поможет, Варин, — прошептал Лорис, поднял руку в знак благословления и вышел из палатки.

После его ухода Варин долго стоял неподвижно. Затем он повернулся и обвел взглядом палатку — полотняные стены, широкую походную кровать с меховым покрывалом, два складных стула, костер, шкаф у стены, деревянный походный алтарь.

Варин медленно подошел к алтарю, коснулся тяжелого нагрудного креста, а затем судорожно сжал его.

— Все ли я правильно делаю, о Боже? — прошептал он, прижимая крест к груди и закрывая глаза. — Имею

ли я право пользоваться наркотиками Дерини, чтобы вершить правое дело?

Он упал на колени перед алтарем на дубовую скамеечку, зарылся лицом в руки, выпустив из пальцев холодное серебро.

— Помоги мне, Боже, умоляю тебя. Я не знаю, что мне делать, когда я встречу лицом к лицу с врагом Твоим!

ГЛАВА XII

Было уже светло, когда Морган и Дункан выехали из северного выхода Гунури Пасс. День был ясный, хотя и холодный. Звонкий стук копыт далеко разносился в морозном воздухе.

Лошади уже ощущали воду, ведь впереди, в полумиле, за деревьями окружающими гробницу Святого Торина, лежало озеро Яшан.

Морган и Дункан, отдохнувшие за ночь, безмятежно смотрели по сторонам. Каждый из них был погружен в собственные мысли. Они думали о том, что принесет им сегодняшний день.

Сейчас они находились в горной дикой стране, где царствовали камни, душившие все живое, где на горных склонах нельзя было увидеть даже чахлого куста. Но сама Джасса была расположена в прелестной долине, которую украшали тенистые леса, по которой протекали бурные потоки, а в лесных чащах можно было увидеть зеркальную поверхность голубых озер.

Люди Джассы строили свои дома и города из дерева — оно здесь было в изобилии. Сырой горный воздух предотвращал опасность губительных пожаров, и даже часовня, к которой сейчас подъезжали Морган с Дунканом, была построена из дерева. При ее строительстве использовались все породы деревьев, произрастающих в этой благодатной местности. А так как Святой Торин считался покровителем леса, то этот материал как нельзя более подходил для часовни, посвященной ему.

Теперь уже было неизвестно, как Торин стал святым. В Джассе о нем ходило множество легенд, но что считать достоверным, уже никто не знал. Было известно, что он жил примерно за полвека до Реставрации, в пору расцвета Царствования Дерини. Утверждали, что он был сыном благородных, но бедных охотников, которые по наследству занимали должность хранителей северных лесов. Ну а что касается остальной его жизни, то с уверенностью никто ничего не мог сказать.

Говорили, что ему подчинялись все звери в лесах, которые он охранял. Говорили о многочисленных чудесах, которые он творил. Ходили легенды о том, как он спас короля Гвинеда, который охотился в тех лесах.

Однако уже все забыли, как это было. И тем не менее Святой Торин после смерти был признан патроном Джассы, и поклонение ему стало составной частью жизни этого горного народа.

Женщины были освобождены от служения культу Святого Торуна. У них была своя собственная Святая Этальбура. Но мужчины, откуда бы они ни приехали, если хотели войти в Джассу, обязаны были сначала совершить паломничество к гробнице Святого Торуна и получить там полированную оловянную эмблему, удостоверявшую их лояльность. И только после этого они могли подойти к лодочникам, которые перевозили путешественников через широкое озеро Яшан в саму Джассу.

Те, кто не совершил паломничество, привлекали к себе нежелательное внимание, если не сказать больше. И даже если лодочник согласится перевезти такого путешественника — а пути в город вокруг озера не было — то все равно ни в одной гостинице, ни в одной таверне не обслужат человека, не имеющего эмблемы из часовни Святого Торуна. Да и более серьезные дела в городе тоже невозможно было вести чужестранцам, которые не совершили паломничество к покровителю города.

Жители Джассы очень ревностно следили за тем, чтобы их святому оказывались необходимые почести. Так что редко находились путешественники и деловые люди, которые не поклонились бы Святому Торуна.

Площадка для ожидания, на которую Морган и Дункан направили своих лошадей, вся заросла травой.

Это была небольшая, частично огороженная лужайка, которая находилась в стороне от главной дороги. Здесь путешественники и их лошади могли немного отдохнуть, прежде чем предстать перед святым. В дальнем конце лужайки высилась вырезанная из дерева скульптура лесного святого, воздевшего руки вверх в жесте благословения.

Огромные деревья простирали свои узловатые ветви над головами пилигримов. Тут же находились несколько путешественников. Полученные или эмблемы говорили о том, что они уже получили благословение святого и теперь просто отдыхали перед тем, как направиться в город.

Юноша в такой же охотничьей одежде, как и у двух наших путешественников, снял с головы шляпу и вошел в часовню.

Дункан и Морган спешили и привязали своих лошадей к кольцу, вделанному в каменную плиту. Морган ослабил на шее ремешок шляпы. Он с удовольствием снял бы ее, но тогда существовала реальная опасность, что его узнают. А этого нельзя было допустить, если он хочет попасть на заседание Курии. Мало было в Гвинее людей с такими золотыми волосами, как у Моргана, так что опасность была вполне реальной.

Дункан внимательно посмотрел на людей, стоявших в дальнем конце лужайки, затем перевел взгляд на часовню, а сам немного наклонился в сторону кузена.

— Очень странно они строят здесь из дерева,— прошептал он.— Эта часовня как будто сама выросла из земли, а не построена человеческими руками. Она выросла как гриб, всего за одну ночь.

— Сегодня твое воображение несется вскачь, кузен,— ответил Морган, едва шевеля губами и осматриваясь вокруг.— Жители Джассы уже давно славятся как самые искусные мастера по дереву.

— Может быть,— сказал Дункан.— И все же что-то неестественное ощущается здесь. Ты не находишь?

— Только ощущение святости, как и в других часовнях,— ответил Морган.— Да к тому же оно здесь ощущается гораздо слабее. Тебе не кажется, что твоя совесть священника сейчас мучает тебя?

Дункан фыркнул:

— Ты невыносим. Ты знаешь об этом? Тебе никто не говорил этого раньше?

— Очень часто и с удивительным постоянством,— с улыбкой признал Морган.

Он еще раз окинул взглядом лужайку, чтобы убедиться, что они не привлекают внимания, а затем подошел поближе к Дункану.

На его лице появилось серьезное выражение.

— Я забыл сказать, что случилось со мной ночью,— тихо шепнул он.

— О?

— Кажется, боковой алтарь в Святом Неоте был некогда посвящен Святому Камберу. Я даже боялся, что мне будет опять видение или явление.

Дункан с трудом сдержался, чтобы не повернуться к своему кузену.

— Ну и?... — спросил он, с трудом понижая свой голос до шепота.

— Меня напугала крыса,— ответил Морган.— К тому же у меня разыгрались нервы. Смотри, мы, кажется, сегодня не одни.

Из-за поворота показались два всадника. Морган обратил на них внимание только потому, что они ехали шагом. Оба всадника были одеты в бело-голубые цвета. За ними из-за поворота выехали еще два всадника, и еще, и еще.

Друзья насчитали шесть пар всадников, за которыми ехала небольшая карета, отделанная голубыми покрывалами и украшенная белыми перьями. Одни только вооруженные люди в мундирах на дороге в Джассу привлекли бы всеобщее внимание как весьма необычное явление. А роскошная карета еще больше усиливала впечатление.

Кто-то очень высокопоставленный ехал в Джассу. А если учесть, что Джасса поддерживала традиционный нейтралитет, то это мог быть кто угодно.

Когда карета и экспорт подъехали ближе, молодой пилигрим вышел из часовни. На его голове сверкала эмблема Святого Торины.

Так как Морган не высказывал желания идти следующим, то Дункан отстегнул свой меч, повесил его на дерево и двинулся ко входу в часовню.

Всадники уже поравнялись с Морганом. Когда они проезжали мимо, он хорошо видел их развевающиеся плащи, слышал приглушенное позвякивание кольчуг под плащами, звон шпор и сбруи.

Копыта запряженных в карету лошадей утопали в грязи, даже когда они въехали на площадку. А затем они вынуждены были остановиться, так как колеса экипажа завязли и лошади не могли стронуть экипаж с места. Кучер размахивал кнутом, кричал, но не ругался, как про себя отметил Морган. Два всадника подхватили лошадей под уздцы и тащили их вперед, но все было бесполезно — карета увязла.

Морган внимательно рассматривал подъехавшую кавалькаду. Он знал, что его могут позвать на помощь. Не будут же дворяне делать грязную работу, когда вокруг полно народа. А сегодня переодетый герцог Корвина был простолюдином. И Морган приготовился к работе.

— Эй, вы,— один из всадников подъехал к Моргану и другим путешественникам и движением кнута показал им на карету.— Помогите вытащить экипаж благородной леди.

Так, значит, в экипаже леди. Неудивительно, что кучер выбирал выражения, когда кричал на лошадей.

Поклонившись, Морган поспешил к карете, навалился на колесо и попытался сдвинуть его. Карета не поддавалась. Еще один человек присоединился к Моргану и ухватился за другую спицу колеса. Несколько человек взялись за другое колесо.

— Когда я скамандую,— сказал один из всадников,— ты, кучер, понукай лошадей, а вы толкайте. Готов, кучер?

Кучер кивнул и поднял кнут. Морган сделал глубокий вдох.

— Ну, пошли!

Лошади рванули, Морган и его соседи напряглись, колеса закрипели, и карета начала медленно выходить из ямы.

Кучер отвел карету на несколько футов вперед и остановил ее.

Всадник подъехал поближе к Моргану и другим пилигримам и поднял кнут в знак приветствия.

— Леди вас благодарит,— крикнул он им.

Морган и остальные поклонились.

— И она хочет лично передать вам благодарность,— послышался нежный музыкальный голос из кареты.

Морган с удивлением увидел голубые глаза, каких он раньше никогда не видел, и волосы неопишуемой красоты. Они образовывали вокруг головы два огненных крыла, а над головой они прятались под небольшой короной. Нос был маленький, аккуратный и чуть-чуть вздернутый. Губы полные, чувственные.

Эти непередаваемо голубые глаза встретились с его глазами на короткое мгновение, но этого мгновения было достаточно, чтобы они навсегда остались в его памяти. Но Морган быстро опомнился, отступил назад и глубоко поклонился. Он вовремя вспомнил, что он сейчас не лорд Аларик Морган, герцог Корвина, а простой человек и говорить ему надо соответственно со своим званием.

— Для Алана-охотника большая честь служить вам, леди,— прошептал он, боясь снова встретиться с ней глазами. Второй раз он бы не выдержал.

Всадник прокашлялся, подъехал к Моргану и постучал его хлыстом по плечу.

— Ну, хватит, охотник,— сказал он.— Леди торопится.

— Конечно, сэр,— пробормотал Морган, отходя от кареты и стараясь еще хоть раз мельком увидеть прекрасную незнакомку.— Доброго вам пути, благородная леди.

Леди кивнула и начала задергивать занавеску. И вдруг чья-то головка в красной шапочке вынырнула из-под руки и посмотрела на Моргана широко раскрытыми глазами. Леди покачала головой, прошептала что-то на ухо ребенку, улыбнулась Моргану и исчезла из виду.

Морган с улыбкой смотрел, как кучер хлестнул кнутом лошади и карета двинулась дальше.

Дункан вышел из часовни, снял меч и прицепил его к поясу, эмблема Торина украшала его шляпу. Со вздохом Морган подошел к лошадям, чтобы оставить свой меч, а затем решительным широким шагом пересек двор и вошел в часовню.

Первая комната, куда он вошел, была небольшой и полутемной. Стены были украшены решетками, на полу красовалась деревянная мозаика. В конце комнаты

виднелись резные двери, ведущие в саму часовню. За решеткой справа кто-то находился. Морган посмотрел туда и кивнул.

Должно быть, это монах, всегда присутствующий здесь. Он выполнял обязанности исповедника, если кто-либо из пилигримов хотел облегчить свою душу и получить отпущение грехов, а кроме того, он наблюдал, чтобы в часовню входил только один невооруженный человек.

— Господь благославит тебя, брат мой,— прошептал Морган, надеясь, что тон его достаточно смиренный и не вызовет подозрений.

— И на тебя падет милость божия,— ответил монах хриплым шепотом.

Морган поклонился в ответ на благословение и пошел к дверям. Когда он протянул руку к ручке двери, он услышал сзади шорох, как будто монах зашевелился. Морган решил, что он делает что-то не то, и повернулся к монаху, надеясь, что его личность не вызвала у монаха никакого подозрения.

Монах откашлялся. Морган задумался. Может, он что-нибудь забыл? Затем в углах его рта появилась еле заметная улыбка. Он нащупал кошелек на поясе и достал золотую монету.

— Я тебе очень благодарен, брат,— сказал он, пряча улыбку.— Вот тебе за беспокойство.

Он приблизился к решетке и просунул монету в узкую щель. Когда он снова направился к дверям, то услышал мягкий звон золота и не слишком скрываемый вздох облегчения.

— Иди с миром, сын мой,— услышал он шепот монаха, когда открывал двери.— Может, ты найдешь то, что ищешь.

Морган закрыл за собой дверь и подождал, пока его глаза привыкнут к царящему здесь полумраку.

Да, часовня Святого Торина не производила особого впечатления. Морган видывал и гораздо большие и более роскошные часовни, построенные в честь более знаменитых святых, чем этот ничем не выдающийся местный лесной святой. Но в этой бедной часовне было какое-то очарование. Оно полностью захватило Моргана.

Часовня была целиком сделана из дерева. И стены, и потолок, и даже алтарь вырублены из гигантского

дуба. Пол собран из платинок дерева разных пород, которые образовывали сложный и красивый узор. Стены и потолок укреплены перекрещивающимися дубовыми балками.

Но передняя стена часовни поразила Моргана больше всего. Над стеной за алтарем трудился лучший мастер, который до тонкости знал каждое дерево своей страны, тонко чувствовал оттенки и текстуру дерева и сумел их скомпоновать так, что каждая пластина подчеркивала все достоинства соседних, вся стена создавала впечатление бушующего ночного моря, на фоне которого высился крест алтаря. Это был символ вечной жизни и торжества Церкви над Злом.

Статуя Святого Торина, стоящая слева, была вырублена из дуба. По контрасту с распятием алтаря, сделанным из твердого темного дерева, Святой Торин казался почти белым.

Фигура на распятии сделана не по канонам, освященным церковью: человек на кресте с распростертыми руками в форме буквы «Т», глаза устремлены вдаль. Король на троне, а не страдающий человек на кресте.

Моргану не понравилось такое бездушное, холодное изображение Христа. Оно полностью уничтожало впечатление теплоты, человечности, исходящее от стен, потолок, в которые лучшие мастера вложили свою душу.

Даже живой свет лампад и свечей пилигримов не мог смягчить холод, которым веяло от надменной фигуры Царя Небесного.

Морган окунул пальцы в чашу со святой водой, стоящую слева от двери, перекрестился и пошел дальше. В его состояние спокойствия и безмятежности при более внимательном осмотре часовни вкралось ощущение беспокойства. Он пожалел, что на его поясе нет меча. Он был бы рад поскорее покончить со всем этим и убраться отсюда.

Задержавшись у небольшого стола в центре часовни, Морган зажег свечу, которую он должен был принести к алтарю. Когда свеча разгорелась, его мысли на мгновение вернулись к прекрасной незнакомке — свет свечи напомнил ему огненный цвет ее волос. Затем воск

потек по его пальцам, и он очнулся. Пора было продолжать церемонию.

Алтарные ворота оказались закрытыми. Морган опустился на колени, чтобы показать свое почтение, и протянул руку к засову. Свечи других пилигримов горели за алтарной решеткой, перед изображением святого.

Когда алтарные ворота с легким щелчком открылись, Морган встал. Проходя через ворота, он вдруг почувствовал, что оцарапался. Потекла кровь. Инстинктивно он поднес поврежденное место ко рту, подумав, что алтарные ворота — очень неподходящее место, чтобы здесь пораниться.

Морган наклонился к алтарю, все еще держа руку у рта. И вдруг вся комната начала бешено крутиться. Прежде чем он смог выпрямиться, он попал в какой-то бешенный круговорот, цветные пятна мелькали у него перед глазами...

— Мараша! — раздался крик в мозгу.

Должно быть, она была на засове, а затем он занес ее с кровью в рот. Хуже всего было то, что он боролся не с оцепенением мозга, которое вызывала мараша у Дерини. Чужая личность вторгалась в его сознание, поглощающая, могущественная сила, которая угрожала захватить его, погрузить в забвение. Он упал на четвереньки, стараясь освободиться, но чувствовал, что уже поздно, что атака была чересчур внезапной, а наркотик — чересчур сильным. Чья-то огромная рука стала опускаться на него, рука, которая заполняла всю комнату, которая закрыла от него плавающие дрожащие огни, которая крепко обхватила его.

Он пытался кричать Дункану, но боль обрушилась на его мозг, подавив последнее сопротивление этой злой силы, которая окружила его. Все было бесполезно. Хотя казалось, что его крики могут вырваться отсюда наружу и достичь Дункана, он понимал, что все, что исходит от него, поглощается Этим...

Морган почувствовал, что рухнул, упал, и крик его был беззвучен. Он скользнул в пустоту.

А затем наступил мрак.

И забвение.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА XIII

Через четверть часа после того, как Морган вошел в часовню, небо потемнело. На лужайке никого не было, кроме Дункана и трех лошадей. Поднялся сильный ветер, который растрепал волосы Дункана, хлестнул его хвостом лошади по лицу, когда он стал осматривать поврежденную ногу животного.

Лошадь подняла голову, и Дункан поставил копыто себе на колени. Он вынул кинжал и стал его острием вытаскивать острую щепку, вонзившуюся лошади в ногу.

Где-то прогремел гром, предвещая приближающуюся бурю. Дункан нетерпеливо посмотрел на часовню. Что там делает Аларик? Ведь он давно должен вернуться. Может, что-нибудь произошло?

Он опустил ногу лошади на землю, встал и вложил кинжал в ножны. Да, это на Аларика не похоже. Его кузен никогда не отличался религиозными чувствами, а теперь, когда они торопятся на заседание Курии, он не стал бы тратить время на осмотр захудалой деревенской часовни.

Дункан снова посмотрел на дверь часовни. Затем снял шляпу, поиграл эмблемой Святого Торина, повертел шляпу на пальце. Может, что-нибудь случилось? Может, надо проверить?

Решительным движением он надел шляпу и шагнул к часовне, но вдруг остановился, повернулся и отвязал лошадей — вдруг потребует бежать — и затем пошел к часовне.

За решеткой в первой комнате послышалось какое-то торопливое движение, и его окликнул хриплый голос монаха:

— Вы не должны входить сюда с оружием. Вы же знаете это. Здесь святое место.

Дункан нахмурился. Он не хотел нарушать местные обычаи, но и не хотел при таких подозрительных обстоятельствах оставаться безоружным. Если Аларик попал здесь в западню, то ему придется бороться за двоих. Его левая рука почти бессознательно сжала рукоятку меча.

— Я ищу человека, который после меня вошел сюда. Ты видел его?

Монах величественно проговорил:

— Никто не входил сюда после вас. А если вы не выйдете отсюда с этой грешной сталью, которая оскорбляет Святого, то мне придется позвать на помощь.

Дункан внимательно посмотрел на решетку, за которой прятался монах. В нем вспыхнули подозрения.

— Так ты утверждаешь, что не видел человека в охотничьей одежде, который зашел сюда?

— Я видел только вас. И никого больше. Теперь уходите.

Рот Дункана превратился в тонкую линию.

— Тогда ты не будешь возражать, если я посмотрю сам,— сказал он холодно, подходя к двери и распахивая ее.

Он слышал позади себя негодующие крики монаха, но не обратил на них внимания. Дункан вошел в часовню и закрыл за собой дверь. Приведя все свои защитные чувства Дерини в боевую готовность, он быстро пошел вперед.

Монах не солгал: здесь никого не было, по крайней мере, сейчас. Но ведь из часовни только один выход, куда же исчез Морган?

Приблизившись к алтарной ограде, Дункан внимательно осмотрел ее, не упуская ни малейшей подробности. Он призвал на помощь всю свою память Дерини. Горящих свечей у алтаря не прибавилось, но у ступеней валялась одна сломанная, которую он раньше не видел. Но ворота — разве они были закрыты, когда он выходил? Конечно, нет. Но тогда зачем же Аларику понадобилось их закрывать? Вернее, так. Не Аларик закрыл ворота. А если он, то зачем?

Он оглянулся на дверь и увидел, как она бесшумно закрылась. Однако, он успел заметить человека с тонзурой и в коричневой сутане, который мгновенно скрылся из виду. Значит, монах следил за ним! И, вероятно, он вернется с подкреплением.

Дункан снова повернулся к алтарю и начал открывать засов. И тут он заметил то, чего совершенно точно раньше не было, и замер. Это была коричневая кожаная охотничья шляпа. Она была вся измята и валялась по ту сторону ограды. Шляпа Аларика?

Жуткие подозрения зародились в его мозгу. Он пошел к шляпе и остановился, когда его рукав зацепился за что-то. Он осторожно наклонился, чтобы посмотреть, что это. Это была тонкая игла.

Дункан осторожно оцепил рукав, убрал руку и стал рассматривать иглу. Выпустив мысленный зонд, он коснулся ее. Мараша! Его мозг резко содрогнулся от прикосновения к ней, и Дункан покрылся холодным потом. С трудом оправившись от потрясения и придя в себя, он опустился на колени. Держась за ограду, он тяжело дышал.

Мараша! Теперь все понятно: закрытые ворота, шляпа, засов.

Дункан уже представил, как все это произошло: Аларик приблизился к алтарным воротам с горящей свечой в руке... Протянул руку, отыскивая засов. Он был настороже, готовый отразить любое нападение, однако даже не предполагая, что самая большая опасность таится в простом засове... Игла поразила руку, послала наркотик, затуманивающий мозг и сковывающий тело...

Затем кто-то, поджидающий в темноте, напал на отравленного марашой, неспособного защищаться лорда Дерини, и унес его прочь, навстречу его судьбе.

Дункан проглотил комок в горле и огляделся. Как он был близок к тому, чтобы разделить судьбу Моргана! Однако надо спешить. Разгневанный монах уже, вероятно, спешит сюда с подкреплением.

Но он должен попытаться связаться с Алариком прежде, чем уйдет отсюда. Ведь если он не поймет, куда утащили его кузена, то у него не будет ни малейшей надежды разыскать его. Куда же его утащили?

Вытерев вспотевший лоб рукавом, Дункан наклонился и достал через прутья ограды шляпу Моргана. Он

очистил мозг и начал мысленный поиск. Резкая боль, смятение, сгущающийся мрак, который сомкнулся над ним, и тут Дункан увидел те сверхъестественные силы, которые обрушились на его кузена. И вот уже Дункан вне часовни, его мозга касаются чьи-то мысли, много мыслей. Ведь на дороге так много путешественников... Он ощущал мысли группы солдат, которые куда-то направлялись. Однако расстояние было большим, и их цели он не смог прочесть.

Затем он ощутил зловещую черноту чьих-то мыслей. Это мог быть только монах, мозг которого излучал ярость и негодование по поводу наглеца, вторгшегося в святое место. И в этой черноте мелькнуло что-то еще! Монах видел Аларика! Но не видел, как тот выходил из часовни — монах знал, что он не выйдет!

Дункан резко вышел из транса, покачнувшись, но удержался на ногах, ухватившись за решетку. Пора было уходить. Монах, очевидно, связан с теми, кто похитил Аларика, и теперь с минуты на минуту он мог вернуться с солдатами. И если Дункан хочет помочь Аларику, то ему нельзя попасться им в руки, самому стать пленником.

Дункан со вздохом поднял голову и в последний раз окинул часовню взглядом. Да, пора уходить, и поскорее. Но где же Аларик?

Он лежал на животе. Щека прижималась к чему-то холодному, шершавому, сырому. И первое, что он ощутил, придя в себя, была пульсирующая боль, которая начиналась где-то у кончиков пальцев ног и, пронизывая все его тело, кончалась внутри черепа у глаз.

Его глаза были закрыты, и у него не было сил открыть их. Свирепые волны боли прокатывались по нему с каждым ударом сердца, не давая сосредоточиться.

Он крепко зажмурился и попытался отсечь ощущение боли, стараясь сосредоточиться на том, чтобы привести в движение хотя бы часть своего нового тела. Наконец пальцы левой руки задвигались. Он ощутил под ними грязь и солому. Где он?

Когда он задал себе этот вопрос, то понял, что боль внутри черепа куда-то переместилась, подальше от глаз. И он решил попытаться открыть их. К его большому удивлению глаза повиновались ему — однако в

следующий момент он решил, что ослеп. Но тут он увидел свою левую руку в дюйме от собственного носа, лежащую на полу, засыпанную соломой, и с трудом осознал, что не ослеп, а находится в темной комнате, и плащ каким-то образом упал на его лицо и мешает ему смотреть. Когда его затуманенный мозг воспринял это, он смог посмотреть дальше своей руки.

Морган попытался сфокусировать зрение, все еще не двигая ничем, кроме глаз — и обнаружил, что может различать темные и светлые тона, причем темных больше. Он находился в чем-то, что можно было назвать большой камерой, холлом. Все здесь было сделано из дерева. В том положении, в котором он находился, его поле зрения было наименьшим. Но он видел стены, которые освещались факелами, укрепленными на ней. В стенных нишах он с трудом различал высокие неподвижные фигуры. Они угрожающе выглядели в полумраке, вооруженные копьями и держащие овальные щиты с каким-то геральдическим знаком. Он моргнул и посмотрел снова, пытаясь разглядеть символы, а затем понял, что это статуи.

Где же он?

Морган попытался подняться, но быстро понял, что еще рано. Он смог приподняться на локтях, голова его оторвалась от пола на несколько дюймов, но тут же вернулись волны головокружения, и мозг его стал вращаться гораздо сильнее, чем раньше.

Он стиснул голову руками, стараясь остановить это бешенное вращение и, наконец, сквозь туман в мозгу появилось понимание того, что это одурманивающее последствие мараши.

Память резко вернулась к нему. Мараша. Все произошло у ворот алтаря в часовне. Он попался в ловушку, как зеленый новичок.

Горький вкус во рту и еле ворочающийся язык подсказали ему, что наркотик все еще действует. Так что сейчас он совершенно беспомощен, его могущество не действует и не может выручить его из того положения, в котором он находится.

Поняв причину своего состояния, он теперь мог, по крайней мере, ослабить свои физические мучения, остановить головокружение. Морган осторожно поднял голову от пола, увидел над собой свисающие края черных плащей и неподвижные серые сапоги. Они стояли

всего в шести футах от его головы. Глаза его обежали круг — сапоги, черные плащи, концы широких мечей — он понял, что он в страшной опасности, что обязательно должен встать на ноги.

Каждое движение причиняло страшную боль, но Морган заставил тело повиноваться ему: подтянул ноги, поднялся на четвереньки. Он медленно поднимался, сконцентрировав все внимание на сапоге, который был перед его лицом.

Поднимаясь, он видел все выше и выше. Из сапога вырастала нога, рядом с которой стояла другая. На ногах покоилось тело одетое в серое. В поле его зрения попал сокол, вытканый на груди.

Морган поднял глаза повыше и встретился со взглядом пронзительных черных глаз, которые смотрели на него сверху вниз, подавляя его дух. Теперь он знал, что обречен. Человек в тунике с эмблемой сокола мог быть только Варином де Греем.

Дункан повернулся, собираясь покинуть часовню, но остановился, чтобы еще раз внимательно осмотреть ее. На что-то он не получил ответа. Он не смог оценить все имеющиеся в его распоряжении сведения, которые могут помочь спасти Аларика.

Свеча, которую он увидел, когда вошел в часовню, где она? Она лежала у алтарных ступенек, слева от центра. Он протянул руку к засову, но резко отдернул ее, вспомнив о страшной опасности.

Дункан занес ногу над оградой и перешагнул ее. Нервно оглянувшись на дверь, наклонился над свечой, изучая ее положение, и осторожно тронул ее пальцем. Свеча была еще теплой, воск — мягким на том конце, где горел фитиль.

Дункан ощутил слабые следы боли и ужаса, которые успели запечатлеться на свече прежде, чем она выпала из рук Моргана. Черт возьми! Все указывает на то, что он что-то пропустил. Аларик был внутри ограды. Ворота открывались, и свеча лежала слишком близко к алтарю, она не могла закатиться сюда сама. Но куда же Аларик мог деваться отсюда?

Внимательно осматривая пол вокруг свечи, Дункан увидел капли воска, которые от свечи по голому деревянному полу и коврику перед алтарем. Одна

большая капля находилась у самого коврика, на ней была тончайшая трещина, как будто...

Глаза Дункана сверкнули. Ему внезапно пришла в голову сумасшедшая мысль. Он наклонился, чтобы повнимательнее рассмотреть это место. Может, это не просто трещина в деревянном полу и не линия, образующая сложный рисунок мозаики?

Он пополз на коленях вдоль линии, не забыв бросить извиняющийся взгляд на алтарь. Ему было стыдно за свое поведение в святом месте.

Да! Эта линия обегала весь коврик перед алтарем. Она выделялась более четко, чем все остальные линии и трещины. А вот и подозрительная выпуклость на коврике. Потайная дверь?

Вернувшись обратно к капле воска, Дункан еще раз осмотрел ее. Да, каплю потревожили, поднимая и опуская пол, уже после того, как она застыла. Форма ее края говорила об этом вполне определенно.

С трудом поверив, что такое возможно, Дункан закрыл глаза и пустился в мысленный поиск, проверяя то, что находилось внизу... Он ощутил внизу пространство, лабиринт поворотов и спусков, узких переходов, через которые человек, даже находящийся в бессознательном состоянии, может проваливаться сколь угодно долго.

Поднявшись на ноги, Дункан задумчиво смотрел на квадрат, ограниченный ковром. Он мог бы легко проникнуть туда. Достаточно одного сильного удара ногой. Но приведет ли это его к Аларiku? А если и приведет, то жив ли его кузен? Трудно было предположить что те, кто напал на Аларика, оставили его без охраны. А если Аларик получил большую дозу мараша — а в этом тоже нельзя было сомневаться — то он будет беспомощным несколько часов. А с другой стороны, если Дункан последует за ним, вооруженный мечом и искусством Дерини, он может его спасти.

Дункан еще раз осмотрелся и принял решение. Только надо быть очень осторожным. Ведь он собирался прыгнуть в неизвестность с мечом, готовым к бою. Внизу — лабиринт и неизвестно, сколько ему придется пролететь, какие там повороты. Пока он доберется до конца, он может напороться на собственный меч.

Он задумчиво тронул рукоятку меча, а затем решительно взял ножны под мышку, рукояткой меча

вниз. В таком положении он почти не рискует заколоться мечом, а когда он доберется до конца, то сможет мгновенно обнажить его.

Крепко сжав меч, Дункан встал на середину ковра и, сильно топнув, почувствовал, как пол проваливается под ним. В последний момент он успел заметить, как дверь распахнулась и на пороге появился монах, который не казался теперь таким приниженным, в сопровождении трех вооруженных солдат.

Затем он полетел во тьму с мечом, крепко прижатым к боку. Он летел все дальше и дальше, все быстрее и быстрее, навстречу неизвестности, где его ждала опасность.

Могучие руки грубо встряхнули Моргана, поставив его на ноги. Руки ему сразу же заломили за спину, шею обхватила чья-то грубая рука. Он попытался сопротивляться, но не для того, чтобы вырваться, а чтобы оценить силу тех, кто его держал. Однако несколько сильных ударов в живот и пах быстро успокоили его. Он рухнул на колени, согнувшись от боли пополам. Чужая рука стиснула горло, в глазах потемнело, и он чуть не потерял сознание. Со стоном Морган закрыл глаза и постарался расслабиться, отогнать боль. Его снова грубым рывком поставили на ноги. Стало ясно, что ему физически не справиться с врагами, особенно теперь, когда его мозг затуманен наркотиком. И пока действие мараши не закончится, силы не вернутся к нему. Ну, а без могущества Дерини, только с помощью человеческих сил... Он даже не рассматривал всерьез эту возможность. На этом пути спасения нет. Морган открыл глаза, заставляя себя оставаться спокойным, насколько это позволяло его состояние. В комнате было десять вооруженных человек: четверо держали его, а остальные стояли полукругом перед ним, с мечами наготове. Откуда-то сзади исходил свет — может быть, из дверей, и свет этот отражался от обнаженных мечей и шлемов людей, стоящих перед ним. Двое из них держали горящие факелы, оранжевый свет которых образовывал ореолы вокруг этих зловещих фигур. Между этими двумя стоял Варин и еще один в одежде священника, который показался Моргану знакомым.

Никто не произносил ни слова. Лицо Варина выражало полнейшее равнодушие, когда он смотрел на пленника.

— Так это и есть Морган? — сказал он ровным голосом. Никакие эмоции не отразились ни в его голосе, ни на лице. — Наконец, еретик Дерини попался в наши сети.

Скрестив руки на груди, где было выткано изображение сокола, Варин медленно обошел Моргана, очень внимательно изучая его с головы до ног. Под его тяжелыми сапогами трещали щебень и разные осколки.

Горло Моргана крепко сжимала рука, и он не мог поворачивать голову и следить за Варином. Тогда он переключил внимание на священника, внезапно вспомнив его.

Это же Лоуренс Горони, приближенный архиепископа Лориса. И его присутствие здесь говорило, что Моргану угрожает опасность гораздо большая, чем он предполагал. Ведь единственная причина, по которой он мог оказаться среди этих разбойников, это та, что архиепископы вошли в союз с Варином и поддерживают его движение. И еще. Раз уж здесь Горони, а не кто-либо из высокопоставленных епископов, значит, они решили умыть руки, списать его со счетов, сделав вид, что хотят спасти его душу, и в случае его отказа от отречения, передать его на расправу Варину.

А ему от Варина ждать, кроме смерти, нечего. Миссия Варина на земле, как сам он объявил — это поголовное уничтожение Дерини. И он, конечно же, не позволит лорду Дерини Моргану, попавшему в его руки, уйти от судьбы, которую Варин предназначил ему.

Морган сдержал дрожь, с удовлетворением отметив, что уже способен делать это, а затем снова посмотрел на Варина, вставшего на прежнее место.

Глаза Варина были холодны и безжалостны. В них сверкнул огонь, когда он заговорил:

— Я не хочу терять времени, Дерини. У тебя есть что сказать, прежде чем я произнесу приговор?

— Приговор?... — Морган резко оборвал себя на полуслове, внезапно осознав, что он говорит вслух то, что думает, и тут же постарался скрыть свой страх и смятение. Проклятье! Неужели он получил такую сильную дозу, что не может контролировать свой язык? Ему следует тянуть время, ждать, пока наркотик

перестанет действовать, пока мозг его не прояснится. Вся его жизнь зависит от того, как он продержится.

Дункан, вероятно, уже встревожился и начал поиски. Хотя Морган вовсе не был уверен в этом. Он не знал, сколько времени был без сознания. К тому же он, может быть, уже очень далеко от Святого Торина. Нет, ему не следует рассчитывать на помощь Дункана. Нужно выжидать, тянуть время, пока силы не вернутся к нему.

— Ты будешь говорить, Дерини? — спросил Варин, пытаясь угадать по выражению лица Моргана течение его мыслей.

Морган улыбнулся и хотел кивнуть, но рука, сжимавшая его горло, была тяжела и звенья кольчуги впелись в его горло.

— Мы не в равных условиях, — проговорил он сдавленным голосом. — Ты знаешь, кто я такой, а я нет.

— Я твой судья, Дерини, — коротко ответил Варин, обрывая Моргана и изучая его с холодным любопытством. — Бог приказал мне освободить замлю от таких, как ты. Твоя смерть будет важным шагом на этом пути.

— Теперь я знаю, кто ты, — сказал Морган.

Голос его окреп, но колени дрожали от напряжения. Он старался — и на этот раз это удалось — говорить спокойно:

— Ты тот самый Варин, который грабит мои северные владения и сжигает поместья. Я слышал, что ты сжигаешь и людей. Разумеется, ты делаешь это не из милосердия.

— Иногда смерть необходима, — холодно заметил Варин, отказываясь вступать в полемику. — Например, твоя. Однако мне придется тебя порадовать. Скрепя сердце я обещал дать тебе возможность покаяться в грехах перед смертью. Лично я считаю это напрасной тратой времени, но архиепископ Лорис настаивает. Если ты пожелаешь раскаяться, то монсеньор Горони примет твою исповедь и попытается спасти твою душу.

Морган посмотрел на Горони и нахмурился. У него появилась возможность еще подурочить их.

— Боюсь, что вы поспешили захватить меня, друзья мои, — сказал он задумчиво. — Если бы вы не сочли за труд предварительно поговорить со мной, то вы бы узнали, что я ехал в Джассу, чтобы отдаться на суд архиепископов. Я уже решил стречься от своего

могущества, покаяться в грехах и вести жизнь, полную смирения,— соглас Морган.

Черные глаза Варина сузились.

— Этому трудно поверить, Дерини. Из всего, что я слышал о тебе, можно заключить, что великий Морган никогда не отречется от своего могущества, и тем более никогда не смирится.

Морган чуть шевельнулся и с радостью обнаружил, что хватка тех, кто его держал, немного ослабла.

— Я в твой власти, Варин,— сказал он на сей раз правду, чтобы ложь, которую он произнес до этого, казалось более достоверной.— Тебе, наверное, сказали те, кто посоветовал применить марашу, что я, находясь под действием этого наркотика, совершенно беспомощен. Разрушены не только мои тайные силы, но и физические. Так что в таком состоянии я не могу даже лгать.

Это опять была ложь, и теперь многое зависело от того, поверит ли Варин в нее.

Варин нахмурился, ковыряя носком сапога грязный пол, а затем покачал головой.

— Я не понимаю, Морган, чего ты хочешь добиться. Твою жизнь уже не спасет ничего. Тебя сожгут на костре, и ждать этого осталось недолго. Зачем ты отягощаешь свою душу перед смертью новыми грехами?

«Костер,— подумал Морган, и его лицо посерело.— Я буду сожжен на костре, как еретик, и я не смогу защитить себя».

— Я уже сказал, что хотел отдаться на суд архиепископов,— твердо сказал Морган.— Вы не дадите мне возможность с ними встретиться?

— Такой возможности больше для тебя не будет,— бесстрастно ответил Варин.— Ты уже много раз мог это сделать раньше, но не сделал, и теперь твоя жизнь для тебя потеряна. Постарайся спасти хоть самое ценное — душу. Сделай это, пока терпение мое не лопнуло. Монсеньор Горони выслушает твою исповедь, если ты пожелаешь.

Морган перевел взгляд на Горони.

— И вы собираетесь разрешить это, монсеньор? Вы будете стоять в темноте и смотреть на убийство человека безо всякого суда?

— У меня нет других приказаний, кроме как попытаться спасти вашу душу, Морган. Таковы условия

соглашения. После этого вы будете всецело принадлежать Варину и его людям.

— Я не принадлежу никому, священник,— крикнул Морган, глаза которого вспыхнули гневом.— И я не верю, что архиепископы пошли на такое грубое нарушение законов.

— Законы и справедливость не для таких как вы, Морган,— возразил Горони. Его лицо в свете факелов было зловещим.— Ну, вы будете исповедоваться?

Морган лизнул пересохшие губы и мысленно обругал себя, что дал волю своему темпераменту. Спор ни к чему хорошему не приведет, теперь он это видел. Варин и священник ослеплены ненавистью. И он ничего не может сказать, чтобы это на них повлияло. Он может только ускорить свою смерть, если не будет осторожен. Ему необходимо выиграть время!

Морган опустил глаза и постарался изобразить на лице смирение и покорность. Возможно, исповедь поможет ему протянуть время. За тридцать лет жизни он совершил многое, в чем можно покаяться. И он был уверен, что когда начнет говорить, то придумает еще столько же.

— Я прошу прощения,— сказал он тихо.— Я был слишком горяч. Это будет тайная исповедь, или я должен говорить перед всеми?

Варин презрительно фыркнул:

— Конечно, перед всеми. Горони, вы готовы выслушать исповедь этого человека?

Горони вынул из кармана пурпурный шарф, приложил его к губам и надел на шею.

— Ты желаешь исповедоваться, сын мой? — проговорил он стандартную фразу и опустил глаза.

Морган проглотил слюну и кивнул. Его стражники упали на колени и увлекли его за собой. Рука, державшая его за горло, исчезла, и он смог, наконец, вздохнуть полной грудью. Он попытался шевельнуть левой рукой. Его держали крепко и за руки, и за ноги. Но он ощутил, что в его потайных ножнах в рукаве находится стилет. Очевидно, они не побеспокоились обыскать его. Идиоты! Во всяком случае, когда придет его время, он возьмет с собой в могилу несколько этих фанатиков. Ведь бежать ему, скорее всего, не удастся.

— Примите мои покаяния, отец,— проговорил он, глядя на Горони, стоящего перед ним.— Вот мои грехи, отец.

Прежде чем Морган открыл рот, чтобы начать перечисление своих грехов, где-то на потолке послышался шум. Все посмотрели вверх и ахнули от изумления, когда кто-то в кожаной охотничьей одежде выскользнул из узкого отверстия и рухнул на пол рядом с Морганом. Это был Дункан! Он моментально вскочил на ноги и выхватил меч.

Дункан с силой рубанул одного из тех, кто держал Моргана, по колену. Тот с воем покатился по полу. В тот же момент Морган кинул свое тело влево, увлекая своим весом охранников на пол.

Двое упали, а последний на миг потерял равновесие, но все же выхватил меч, чтобы защитить упавших товарищей. Но его нерешительность стоила ему жизни. Дункан зарубил его раньше, чем тот успел обнажить меч.

Затем вся комната взорвалась шумом и криком. Люди Варина опомнились и бросились в бой. Дункан дрался с наслаждением. Меч и кинжал были как будто продолжением его рук. Морган, все еще лежа на полу в объятиях своих врагов, сильно пнул одного из них, который хотел подняться. Тот скорчился от боли, и Морган, наконец, смог выхватить свой стилет и заколоть его. Второй охранник выхватил кинжал, и Морган начал бешеную борьбу с ним, стараясь овладеть оружием.

Дункан стоял широко расставив ноги и яростно дрался с полудюжиной нападавших на него людей Варина. И хотя он делал это весьма успешно, у друзей все же было очень мало надежды на победу в этой неравной борьбе.

Вдруг крики, гам, хаос, борьбы прорезал скрипучий голос Горони:

— Убейте их! Дьявол бы вас побрал! Вы должны убить их обоих!

ГЛАВА XIV

Дункан дрался яростно, нападал и защищался, атаковал и отбивал атаки, стараясь держать врагов припертыми к стене. Заколов одного из нападавших ударом длинного кинжала, он ногой выбил у другого меч. Однако этот успех не дал ему преимущества над остальными четырьмя нападающими. Случайный удар

мечом прикончил бы его, если бы меч не наткнулся на кольчугу. Но прежде чем он смог оправиться от потрясения, кто-то ткнул ему прямо у лицо горящий факел. Он отшатнулся и — к счастью — поскользнулся в луже крови. К счастью — потому что если бы он не упал, то ударом меча ему снесло бы голову. Меч просвистел как раз там, где мгновение назад была голова Дункана.

Дункан покатился по полу и тут же вскочил, нанеся удар, который выпустил потроха одному из врагов. Затем отчаянным ударом он ранил человека с факелом. Фонтан крови из наполовину отрубленной руки алым дождем обрушился на Дункана и его врагов. Затем факел выпал из ослабшей руки и зашипел в луже крови.

Запах горячей крови ударил в ноздри Дункану, и он хотел затоптать тлеющий факел, но тут на него вновь обрушились враги. Отступая перед огнем и мечами, он чуть не наступил на яростно борющихся Моргана и его соперника. Они барахтались на полу, стараясь задушить друг друга. Человек Варина был наверху.

Морган, еще слабый после наркотика, понемногу сдавал.

Дункан швырнул одного из нападающих на меч его же товарища и поднял свой, чтобы убить соперника Моргана. Но тут кто-то схватил его руку, а затем обхватил сзади шею, чтобы опрокинуть его. Вырвав свою правую руку, Дункан нанес сильнейший удар. Этот удар пришелся набросившемуся на него Варину в живот, и Варин, скорчившись, упал на пол.

Дункан почувствовал, как по его кольчуге скользнуло лезвие кинжала, не причинив ему вреда, и тут же схватил нападавшего и перебросил через голову. Это был Горони.

Преодолевая отвращение, Дункан наклонился, схватил его за ворот, поднял, приставил кинжал к его горлу и, встряхнув его, использовал как щит от нападения остальных врагов.

Двое еще невредимых нападающих остановились в нерешительности.

— Стойте! — рявкнул Дункан, надавливая кинжалом на горло Горони. — Еще шаг, и я убью его!

Все остановились и посмотрели на Варина, ожидая его приказаний.

Но тот все еще лежал скорчившись на полу в пропитанной кровью грязи и был не в состоянии отдавать приказы.

Человек с раненой ногой оттащил в сторону другого, получившего более тяжелые ранения, и стал рассматривать его раны. Все остальные стояли неподвижно, шевелились только языки пламени.

Дункан, держа своего пленника, приблизился к Моргану. Тот с остервенением бил головой о пол своего мертвого или бессознательного соперника. Голова врага уже была в крови. Он сошел с ума?

— Аларик? — прошипел Дункан, не рискуя отрывать глаза от людей Варина ни на секунду. — Аларик, остановись! Хватит! Идем отсюда!

Морган замер, быстро пришел в себя и начал воспринимать окружающее. Он с удивлением посмотрел на Дункана, а затем на распростертое в грязи тело врага. К нему вернулся разум, и он с отвращением вытер руки о штаны.

— О, Боже! — прошептал он, с трудом поднимаясь на ноги и хватаясь за плечо Дункана. — Боже, в этом же не было необходимости. Что же я наделал?

— Для сожалений сейчас нет времени, — сказал Дункан и, следя за врагами и прикрываясь щитом, стал пробираться к двери. — Я хочу выйти отсюда. Не собираются же эти господа мешать нам, так как убить священника — это очень серьезное дело. Почти такое же серьезное, как убить двух священников.

— Ты не настоящий священник! — прохрипел Горони, вертясь в сильных руках Дункана. — Ты предал Святую Церковь. И когда Его Сиятельство узнает об этом...

— Да, я уверен, что Его Сиятельство сделает соответствующие выводы, — сказал нетерпеливо Дункан, приблизившись вместе с Морганом и Горони к тяжелым дверям, окованным железной решеткой.

Дверь была тяжелая, сделанная из толстых дубовых досок. Морган попытался поднять засов, кряхтя от усилий, и, наконец, ему это удалось. Но когда он толкнул дверь, а затем еще раз — уже изо всех сил, она не открылась.

Дункан оглянулся, посмотрел, что же он там возится, и в этот момент Варин с трудом поднялся на ноги с

помощью двух своих людей и медленно направился к ним.

— Это бесполезно,— сказал он, все еще тяжело дыша.— Дверь заперта.

— Ну, так открой ее,— воскликнул Дункан.— Или он умрет,— его кинжал снова уперся в горло Горони, и тот заверещал.

Варин остановился в пятнадцати футах от Дункана и улыбнулся, безнадежно махнув рукой.

— Я не могу открыть ее. Брат Бальморик запер ее снаружи по моему приказу. Я думаю, бежать вам не удастся,— и он указал на разрастающийся пожар.

Сердце Дункана упало. Пожар разрастался со страшной быстротой. Все вокруг было сделано из сухого дерева и служило прекрасной пищей для огня. Как только пламя достигнет потолка, оно проникнет и в саму часовню. Она будет сожжена.

— Зови Бальморика,— резко приказал Дункан, угрожая заколоть Горони.

Варин покачал головой и сложил руки на груди.

— Мы умрем все вместе.— рассмеялся он.— Ну, что же, пусть цена будет такой.

Дункан посмотрел на Моргана.

— Как ты себя чувствуешь?

— О, великолепно,— прошептал Морган, с трудом глотая слюну.— Дункан, ты помнишь, как я однажды расправился с запертой дверью?

— Не будь смешным. Ты сейчас в таком состоянии, что...

Дункан внезапно оборвал фразу и опустил глаза. Он понял, что имеет в виду Морган. Их единственный шанс на спасение — это использовать могущество Дерини самого Дункана. Но сделать это в присутствии Горони, значит, признаться, что он Дерини. Значит, сбылось пророчество старца на дороге: придет время, когда Дункану придется делать выбор. Значит, время пришло.

Он посмотрел на Моргана и медленно кивнул.

— Ты можешь поддержать нашего друга немного? — он указал на Горони, и Морган кивнул:

— Хорошо.

Передав Горони в объятия Моргана, Дункан вручил ему свой кинжал и окровавленный меч. Он оценивающе посмотрел на Моргана, стараясь определить, по силам ли ему в его нынешнем состоянии эта задача. Однако

выбора не было, и со вздохом сожаления Дункан повернулся к двери.

Он ощупал ее пальцами. Дерево было теплым и гладким. Мысленным взором он увидел место расположения замка. Приложив руки к тому месту, он закрыл глаза и стал мысленно исследовать его механизм. Пот выступил на его лбу, руки стали влажными. Но зато вскоре послышался щелчок, затем еще и еще один.

Оглянувшись на Варина и его людей, наблюдавших за ним с открытыми ртами, Дункан сильно толкнул дверь, и она распахнулась.

— О, мой Бог, он же один из тех! — прошептал Горони. Его лицо побелело.— Змея Дерини на груди Святой Церкви!

— Заткнись, Горони, или я прибью тебя,— мягко сказал Морган.

Глаза Горони боязливо покосились на кинжал Моргана, прижатый к его горлу, и больше он не произнес ни слова. Однако теперь заговорил Варин:

— Дерини? Бог накажет тебя за это, слуга Сатаны! Возмездие настигнет тебя и...

— Идем отсюда,— тихо сказал Дункан, забирая Горони и толкая кузена вперед.— Садись на лошадь и уезжай. Я за тобой.

Когда Морган стал взбираться на холм у часовни, Дункан протасил упирающегося Горони через дверь и закрыл ее за собой, отдав мысленный приказ механизму замка. Варин кричал, проклиная Дункана, а тот тащил Горони на холм.

Догнав Моргана, Дункан увидел, что тот в ужасе стоит перед столбом, вкопанным в землю среди щепок и сена. Этот столб предназначался для Моргана. Железные цепи свисали с него, готовые подхватить жертву. Рядом в землю был воткнут горящий факел. Он трещал и рассыпал искры по ветру перед потрясенным лицом Моргана.

— Аларик, нам нужно идти!

— Мы должны сжечь это, Дункан!

— Сжечь? Ты сошел с ума! У нас нет для этого времени! Идем!

Но несмотря на протесты Дункана, Морган начал карабкаться вверх к столбу. Он уже полз на четвереньках, морщась от боли. Силы совсем оставили его.

Дункан нерешительно повернулся в сторону часовни, а затем снова посмотрел на Моргана. Он грубо встряхнул Горони и поставил его лицом к себе.

— Я отпускаю тебя, Горони. Но не потому, что дарю тебе жизнь, а потому что Морган нуждается в моей помощи больше, чем я нуждаюсь в мести. Теперь беги отсюда, пока я не передумал!

Он пинком пустил Горони вниз по холму, а сам полез к Моргану. Морган был уже рядом с факелом, но у него не хватило сил вырвать его из земли. Глаза его налились кровью от непомерных усилий. Дункан вырвал факел и бросил его в груды щепок у подножия столба. Пламя набросилось на сухое дерево и начало с веселым гулом пожирать его.

Дункан подставил свое плечо Моргану, помог ему подняться на ноги и они продолжили свой путь к вершине холма.

Далеко справа от себя он увидел монаха Бальморика с несколькими солдатами, которые бежали к запертым дверям, и Горони. Один из солдат отделился от остальных и направился в сторону беглецов. Но монах сделал какой-то жест и что-то крикнул, что невозможно было разобрать на таком расстоянии. Солдат вернулся к остальным.

Часовня горела. Дункан и Морган, наконец, добрались до площадки, где они оставили лошадей.

Дым уже полностью окутал часовню, пламя пожирало массивные дубовые вековые балки.

Дункан посадил Моргана на лошадь, вложил ему в руки поводья, а затем сам вскочил в седло. Пришпорив лошадь, он понесся прочь отсюда, осыпая грязью, летевшей из-под копыт, всех путешественников, шедших на поклон лесному святому. Морган ехал сзади, немного отставая. Он полулежал, вцепившись руками в гриву лошади, глаза его были закрыты. Он не мог прийти в себя после такого сурового испытания, которое выпало на его долю.

Дункан оглянулся назад и увидел, что Святой Торин охвачен пламенем. Черный дым застилал все небо и на его фоне можно было разглядеть черные зловещие фигуры Варина и Горони, потрясавших кулаками и выкрикивающих проклятия. Но погони не было.

С улыбкой Дункан наклонился вперед, чтобы поправить ослабевшие поводья, а затем притормозил, чтобы

лошадь Моргана могла поравняться с ним. Его кузен был в таком состоянии, что не мог даже управлять лошадью, и еще менее способен принимать какие-либо решения. Но Дункан был уверен, что Морган одобрит его план: ехать к Келсону как можно быстрее. Как только вести о событиях в часовне достигнут ушей архиепископов, следующей мишенью их мести будет наверняка Келсон. И Дункан был уверен, что Морган захочет в это время быть рядом с мальчиком.

Выступление на Курии в Джассе после сегодняшних событий было бессмысленным. И он, и Морган, наверняка, будут отлучены от церкви и поставлены вне закона. Да и возвращаться в Корвин сейчас было опасно. Когда Интердикт будет наложен — а сомнений в этом теперь не было — в Корвине начнется гражданская война. А Аларик будет беспомощен еще, по меньшей мере, несколько дней.

Дункан взял поводья лошади Моргана и прищипорил свою. Надо найти место для отдыха. Может, в Святом Несте, где они отдыхали прошлую ночь? Если им повезет, то можно будет отыскать Путь Перехода в развалинах. Аларик что-то говорил об алтаре, посвященном Святому Камберу. Путь должен быть где-то там. И если они отыщут его, то быстро будут в Ремуте у Келсона.

Слышались зловещие раскаты грома, сверкали молнии, пошел сильный дождь. Небо потемнело. Дункан крепче устроился в седле и внимательно следил, чтобы Морган не соскользнул с мокрого седла. Несмотря на бурю, им нужно было ехать. Ведь скоро Горони предстанет перед архиепископами и расскажет о пленении и бегстве Моргана, о том, какую роль сыграл во всем этом Дункан Говард Мак Лейн, и что этот самый монсеньор Мак Лейн, исповедник короля и восходящая звезда церковной иерархии оказался колдуном Дерини. Ему было противно даже думать о том, что по этому поводу скажет Лорис.

— Я отлучу его от церкви! Я отлучу их обоих! — кричал Лорис. — За фальшь, предательство, лицемерие, я лишу его сана... Я...

Лорис, Корриган, их помощники и клерки собрались во дворце вместе с высшим духовенством Гвинеды в Джассе, когда пришло это ужасное известие. Монсеньор

Горони в запачканной кровью и грязью одежде ворвался в зал и бросился к ногам Лориса. Все духовенство с ужасом слушало этот рассказ о пленнике, о бегстве, об опасности, которой подвергся лично он, Горони, об этих проклятых Дерини — Моргане и Дункане Мак Лейне. Да, он вполне уверен, что спутникам Моргана был Дункан Мак Лейн. Этот священник не сомневался, что Горони узнал его. Он называл Горони по имени и угрожал ему смертью, если Горони не будет подчиняться ему!

После того как Лорис выкрикнул все свои проклятия, обрушив их на головы Дункана, Моргана, Дерини, на невезенье, началось обсуждение всего происходящего. Все разбились на небольшие группы. Было ясно, что в Святом Торине произошло нечто ужасное, и необходимо что-то предпринять.

Епископ Кардиель, в чьем дворце происходило все это, искоса посмотрел через всю комнату на епископа Арлиана, а затем снова стал слушать спор между Карстоном из Меары и Красдемом из Кэrbюри. Арлиан кивнул и, подавив улыбку, стал наблюдать за действиями Лориса и Корригана.

Кардиель и Арлиан, одному из которых был сорок один год, а другому тридцать восемь, были самыми молодыми епископами Гвинеда. Немного старше их был пятидесятилетний Толливер, епископ Корота, а остальным было за шестьдесят. Однако не только возраст отличал Кардиеля и Арлиана от большей части епископов. Было и нечто другое.

Дело в том, что того и другого смешил необузданный гнев Лориса. Их забавляли угрозы, которые Лорис в бешенстве выкрикивал в адрес Моргана и Дункана. Оба тайно симпатизировали генералу Моргану, который выступил на защиту молодого короля во время коронации. А Дункан был любимцем и протееже молодого и горячего архиепископа Арлиана. Кроме того, им обоим не нравился этот Варин, о котором упомянул Горони. Оба считали фанатическое религиозное движение, которое он возглавлял, преступным и были очень обеспокоены тем, что Лорис вступил с ним в переговоры, пусть даже и неофициально.

С другой стороны, им обоим нравилось, что Морган опять выставил Лориса идиотом. Кардиель, который в силу традиционного нейтралитета Джассы был как бы

сторонним наблюдателем, имел в этом деле чисто академический интерес. Но Арлиану нравилось видеть Лориса идиотом, он имел в этом практический интерес.

Молодой епископ Ремута слишком часто видел Лориса в таком состоянии и он считал, что такой человек не может быть примасом Гвинеда. Уж слишком он глуп. Конечно, Арлиан не думал, что может занять этот пост сам. Ведь он понимал, что слишком молод и неопытен. Но вот ученый Браден из Грекоты, или Ифор из Мэрбери, или даже Лейси из Ставентхэма были бы гораздо уместней на этом высоком посту, чем епископ Эдмунд Лорис из Валорета.

Ну, а что касается непосредственного начальника Арлиана архиепископа Патрика Корригана, то совершенно ясно, что епископство Ремута тоже нуждается во вливании свежей крови. А этот пост мог бы уже занять и сам Арлиан.

Лорис, наконец, смог обуздать свой темперамент и перестал кричать. Он встал и поднял руки, прося тишины. Все духовенство моментально прекратило споры и расселось по местам. Молодые священники и клерки протиснулись поближе, чтобы слышать, что скажет архиепископ. Наступила полная тишина, нарушаемая только хриплым дыханием старого епископа Карстона.

Лорис наклонил голову и откашлялся, а затем поднял глаза и осматрел всех. И теперь он уже говорил, как примас Гвинеда.

— Лорды, я прошу прощения за непростительный гнев, который я не смог сдержать. Как вы все, несомненно, знаете, ересь Дерини была многие годы объектом нашего пристального внимания. И мы не были сейчас удивлены действиями Моргана. Мы могли только предвидеть их. Но мы узнали сегодня, что один из священников, сын дворянина и член монсенъории... — он с трудом сдержал чуть не вырвавшееся грязное слово. — ...Дерини! — Он помолчал, стараясь подавить вспышку ярости. — Я еще раз прошу прощения за вспышку гнева, мои лорды. Ну, а теперь, когда к нам вернулся рассудок, мы можем трезво обсудить, что же произошло и как нам следует поступить. По моему мнению, есть только один путь, по крайней мере, в том, что касается священника Мак Лейна. Это, без сомнения, еретик и его следует отлучить, лишить сана и, если Курия решит так, казнить как предателя-

еретика. Что касается второго и третьего пункта, то на это требуется соизволение короля, и мы будем настаивать на этом.— Его острые голубые глаза пробежали по комнате для заседаний.— Но первый пункт в пределах моей юрисдикции и я, как примас Гвинеда, объявляю, что Дункан Говард Мак Лейн и его печально известный кузен Аларик Энтони Морган предаются анафеме. Архиепископ Корриган, наш брат из Ремута и непосредственный начальник Мак Лейна, поддерживает это наказание. Мы надеемся, что многие из вас также присоединятся к нам сегодня ночью и мы сможем провести ритуал отлучения.

По залу пробежал шепот, но Лорис резко оборвал его.

— Здесь нечего обсуждать, мои лорды. Морган и Мак Лейн сегодня убили несколько преданных сынов Церкви, угрожали жизни нашего слуги священника Горони, использовали проклятую и запретную магию в святом месте. Оглядываясь назад, можно предположить, что Дункан Мак Лейн несет ответственность за то, что произошло во время коронации короля Келсона, вина за те события лежит на нем и Моргане,— он снова окинул всех взглядом. — Есть у кого-нибудь замечания? Если есть, то можете высказываться.

Все молчали.

Лорис кивнул:

— Отлично. Мы ожидаем всех вас сегодня вечером для проведения ритуала отлучения. Завтра мы решим, как нам действовать дальше. Мы обсудим также, что нам делать с герцогством Корвин. Может, мы наложим на него Интердикт. Ну, до вечера, мои лорды.

С коротким поклоном Лорис вышел в дверь, сопровождаемый Корриганом, секретарем Корригана отцом Хью де Берри и полдюжиной других помощников и писцов.

Как только за ними закрылась дверь, в комнате разгорелись жаркие споры.

— Арлиан?

Епископ Арлиан, наблюдавший за спором епископов Брадена и Толливера, оглянулся на звук своего имени и увидел, что Кардиель подает ему знаки с другого конца комнаты. Оставив двух старцев, он начал пробираться через возбужденную толпу священников и их помощников. Подойдя к Кардиелю, он поклонился.

— Мой лорд желает видеть меня?

Кардиель поклонился в ответ.

— Я хочу пригласить вас в мою часовню, — прокричал он очень громко, чтобы перекричать шум в зале, — чтобы обсудить то тяжелое положение, в котором мы все оказались, мой лорд Арлиан.

Арлиан скрыл улыбку, признательно поклонился и махнул рукой своим помощникам, приказывая выйти из зала.

— Это большая честь для меня, милорд. И я надеюсь, что наши совместные молитвы смягчат гнев господен, обрушившийся на нашего брата Дункана. Проклясть священника, даже если он Дерини, это очень серьезное дело. Вы согласны со мной?

— Я полностью с вами согласен, брат, — кивнул Кардиель, когда они вышли из зала через боковой проход. — Я думаю, нам стоит обсудить вопрос и об этом Варине, о котором Горони упомянул в своем торопливом докладе. Как вы считаете?

Они обменялись приветствиями с парой монахов, которые встретились им по пути. Наконец, они вошли в тщательно охраняемую личную часовню епископа Джассы из которой наружу не проникал ни один звук. Как только за ними закрылись двери, Арлиан согнал со своего лица улыбку и встал, прислонившись к дверям спиной.

Кардиель зажег свечу.

— Меньше всего нас должен беспокоить Варин, — сказал Арлиан, глядя на пламя свечи. — Прежде всего нам следует обсудить этот Интердикт, который Лорис вынуждает нас объявить. Я не знаю, как нам провалить это отлучение и при этом остаться добрыми слугами Церкви. Факты таковы, что Морган и Дункан, по меньшей мере, формально виновны в тех обвинениях, что им предъявляются. Но я категорически против Интердикта, даже если народ Корвина откажется признать отлучение своего герцога Моргана.

Кардиель фыркнул и прошел к алтарю, чтобы зажечь свечи перед ним.

— Я тоже не поддерживаю Интердикт, — сказал он. — К тому же я убежден, что Морган и Дункан не делали ничего плохого. Они только защищали свои жизни. Да и зло магии Дерини для меня находится под вопросом.

— Хорошо, что ты говоришь это только мне,— засмеялся Арлиан, подходя поближе к Кардиелю.— Другие члены Курии тебя бы не поняли.

Кардиель мягко сказал:

— Но ты же понимаешь.

Он посмотрел на лампаду, висящую под потолком и показал на нее:

— И Он тоже понимает. Итак, нас пока трое.

Арлиан рассмеялся и уселся на скамье.

— Да, нас пока трое,— согласился он.— Так что поговорим о том, что делать и что говорить, чтобы нас стало больше. И что нам сделать, чтобы противостоять планам Лориса?

ГЛАВА XV

Когда Дункан и Морган спустились с гор, все еще лил дождь. На западе сверкали молнии, и на их фоне бледнело заходящее солнце. Гром гремел и отражался эхом от горных вершин. Ветер завывал в руинах, хлеща дождем по серым камням и истлевшим доскам Святого Неота. Два всадника въехали в разрушенный монастырь.

Дункан поежился и натянул поглубже копышон. Справа от него ехал Морган с закрытыми глазами, крепко вцепившись в луку седла. Он покачивался в такт движениям лошади.

Морган впал в полубессознательное состояние уже несколько часов назад, что избавило его от неудобств этого долгого путешествия под дождем и сильным ветром. Дункан знал, что его кузен уже больше не может без отдыха. Слава Богу, наконец они добрались до крова.

Дункан направил лошадей в тот защищенный от ветра угол, где они с Морганом провели прошлую ночь. Морган пришел в себя, когда лошади остановились и Дункан спрыгнул на землю. Его глаза осматривали место, куда они приехали.

— Где мы? Почему мы остановились?

Дункан поднырнул под шею своей лошади и подошел к Моргану.

— Все нормально. Мы в Святом Неоте,— сказал он, поддерживая Моргана, который сполз с седла.— Я оставлю тебя здесь, чтобы ты отдохнул, а сам посмотрю, может, что-нибудь найду. Где-то здесь должен быть Путь Перехода. Тогда, если он работает, мы окажемся прямо в Ремуте.

— Я помогу тебе,— бормотал Морган, когда Дункан вел его в угол, на место их старого лагеря.— Он наверняка где-то у алтаря Святого Камбера, о котором я тебе говорил.

Дункан покачал головой, уложил Моргана и склонился над ним.

— Если он есть, то я найду его,— сказал он Моргану.— А ты должен пока поспать.

— Подожди,— запротестовал Морган, пытаясь сесть.— Не будешь же ты бродить, пока я сплю?

Дункан засмеялся и мягко, но настойчиво уложил Моргана и снова наклонился к нему.

— Именно это я и собираюсь делать, мой друг. На этот раз тебе лучше не спорить. Ты лучше не сопротивляйся, а то я усыплю насильно.

— Да, ты можешь это сделать,— сдаваясь, проговорил Морган, укладываясь поудобнее.

— Я так и сделаю. Расслабься...

Морган закрыл глаза. Дункан снял перчатки и сунул их в карман. Сложив руки вместе, чтобы сосредоточиться, он посмотрел на кузена, его глаза сузились. Он наклонился и положил руки на виски Моргана.

— Спи, Аларик,— сказал он.— Спи глубоко, спи без сновидений. Пусть сон смое усталость и восстановит твои силы.

Он вошел в легкий мысленный контакт с Морганом и продолжил уже мысленно: «Спи крепко, мой брат. Можешь храпеть и ничего не бояться. Я буду поблизости».

Дыхание Моргана стало глубоким и ровным. Черты лица расслабились. Затем он провалился в глубокий сон.

Дункан, убрав руки, долго смотрел на него, довольный тем, что теперь Морган будет спать до его возвращения. Он встал, вынул покрывало из седельной сумки и накрыл Моргана. Ну, а теперь Путь Перехода.

Дункан остановился на пороге разрушенной часовни и осмотрел ее. Хотя уже наступил вечер и лил дождь, на фоне темного неба все же были видны полуразру-

шенные стены. Слева сохранилась часть разрушенной стены, и пустые выбитые окна смотрели на Дункана пустыми глазницами. Их роскошные витражи уже давно канули в Лету, когда это святое место поразил катаклизм людской ненависти.

Сверкающие молнии освещали это некогда гордое место, и Дункан пользовался их вспышками, чтобы находить себе путь среди обрушенных стен и груд камней. Наконец, он приблизился к главному алтарю. Цветные плиты уничтоженной каменной мозаики на полу часовни сверкали при свете молний.

Дункан подошел к ступеням алтаря и остановился, раздумывая, как же все это могло выглядеть, когда монастырь процветал, когда в этих стенах вели святую жизнь сотни монахов Дерини и бесчисленное множество студентов и преподавателей...

В те дни к этому алтарю подходили процессии с почитением, голоса воспевали хвалу святому и возносились вверх вместе со сладким дымом курильниц фимиама и ладана, в свете факелов. Он почти видел все это.

Introitus ad altaria Deus... Я взойду на алтарь господ...

Вспыхнула молния, описав на небе дугу и осветив развалины алтаря.

Дункан улыбнулся и стал подниматься по его ступеням. Он возложил руки на святыню и задумался, сколько человек до него так же возлагали руки и стояли в благоговении. Своим мысленным взором он видел былую роскошь алтаря. Дункан склонил голову и встал на колени.

Раздался грохот грома. Дункан поднялся и пошел дальше, вспомнив о своей задаче. Нужно найти Путь Перехода Дерини — вот самое главное. Найти магическое место в старых развалинах с надеждой, что оно еще функционирует, ведь прошло уже более двухсот лет.

Где бы он построил Путь Перехода, если бы был строителем этого монастыря? Мог ли он проследить мысли древних строителей? А вообще сколько таких переходов во всех Одиннадцати Королевствах? Кто-нибудь знает это? Дункан знал всего два. Один был в его кабинете. Он был выстроен очень давно для исповедника короля, который по стародавней традиции всегда был Дерини и пользовался этим путем, чтобы

попасть в собор. Второй Путь находился в ризнице собора. Это простая металлическая пластина под ковриком на полу.

Он снова задумался. Где же мог быть Путь здесь, в Святом Неоте? Дункан посмотрел по сторонам, а затем инстинктивно повернул направо и пошел среди старых развалин. Аларик говорил, что где-то здесь алтарь, посвященный Святому Камберу. Может, там и есть Путь? Камбер был патроном магии Дерини. Где же еще установить Переход, основанный на этой магии?

От алтаря осталось совсем немного. Тяжелые удары разбили все, и надпись была почти неразличима. Однако Дункан смог в уме восстановить слова «Ubelantus Deus» в начале надписи и имя «Святой Камбер». Эта надпись находилась когда-то на полукруглой арке над нишей, в которой была установлена статуя Святого Камбера.

Пальцы Дункана ласково гладили мраморную плиту, а его глаза внимательно осматривали все вокруг. Затем он покачал головой. Здесь не должно быть Пути Перехода. Здесь все слишком открыто... Несмотря на то, что монастырь был построен во времена царствования Дерини, когда магия почиталась, строители Святого Неота не построили бы Путь здесь, где его могли видеть сотни непосвященных. Это не в обычаях Дерини. Нет, он должен быть где-то поблизости, чтобы Святой Камбер охранял его, но в укрытом месте. Где же тогда?

Дункан отошел от алтаря и стал рассматривать стены, отыскивая проходы в маленькую часовню или исповедальню. Он нашел, что искал. Дверной проем был завален досками и камнями, и Дункан, не теряя времени, очистил себе проход, чтобы пролезть туда. Он протиснулся в него и обнаружил, что находится в маленькой комнатке, которая могла быть только ризницей. Потолочные балки совсем просели, а когда пожар уничтожил монастырь, пол был засыпан обломками камней, гнилых досок, разбитого стекла. Но у дальней стены угадывались остатки алтаря, части ящиков, шкафов, обрывки церемониальных одежд.

Дункан окинул комнату внимательным взглядом. Темноту нарушали вспышки молний на черном небе. Где же древние строители монастыря сделали Путь? И мог ли он остаться действующим после долгих лет разрухи и пожаров?

Расшвыривая ногами обломки камней и двигаясь по комнате, Дункан закрыл глаза и приложил ладонь ко лбу, стараясь открыть свой разум остаткам мысленной энергии, которые могли сохраниться здесь от древних обитателей монастыря.

«Берегись, Дерини! Здесь опасность!»

Дункан вздрогнул, рука его наполовину выхватила меч из ножен.

Снова сверкнула молния, и в ее свете Дункан увидел призрачные тени, скачущие на полуразрушенных стенах, но кроме него в комнате никого не было. Медленно выпрямившись, он вложил меч в ножны и стал искать источник опасности.

Может, этот голос ему почудился? Нет. Тогда это мысленный голос оставленный древними хозяевами монастыря? Осторожно встав на прежнее место у алтаря, Дункан снова закрыл глаза и заставил себя напрячься. На этот раз он ожидал появления голоса и тот не застал его врасплох. Да, голос звучал у него в мозгу.

«Берегись, Дерини! Здесь опасность! Из ста братьев остался я один, чтобы попытаться с помощью своих слабых сил разрушить Путь Перехода, который не должен быть осквернен. Друг, берегись, защищайся, Дерини. Люди убивают то, что не могут понять. Святой Камбер, защити нас от зла, порожденного страхом!»

Дункан открыл глаза, посмотрел вокруг, а затем снова попытался услышать голос.

«Берегись, Дерини! Здесь опасность! Из ста братьев...» Дункан прервал контакт и вздохнул.

Да, это послание было оставлено последним Дерини, который охранял это место и перед смертью пытался разрушить Путь Перехода. Удалось ли ему это?

Опустившись на колени, Дункан внимательно начал изучать пол, затем вытащил кинжал и начал расчищать место от обломков. Так и есть!

На полу была видна слабая линия, ограничивающая площадку, примерно три на три фута. Как и в соборе, эта площадка была когда-то закрыта ковром, но ковер уничтожили много лет назад. А сам Путь Перехода?..

Вложив кинжал в ножны, Дункан положил руки на пол и сосредоточился. Он ждал, не почувствует ли легкого головокружения, которое всегда предшествует Переходу. Ничего. Он снова попытался, и на этот раз ощутил волну надвигающегося мрака, боли, первые слова

послания, которое он уже слышал. И снова ничего. Путь был мертв. Последний Дерини выполнил свою задачу.

Со вздохом Дункан поднялся на ноги, оглядел комнату еще раз, вытирая руки о штаны. Теперь им придется пробиваться в Ремут самим. Путь разрушен, выбора у них нет. А может быть, им придется ехать в Кулди, так как Келсон собирался присутствовать на свадьбе Бронвин и Кевина.

Ну что же, делать нечего. Нужно идти будить Аларика. Пора уже двигаться дальше. Если им повезет и помех не будет, то уже следующей ночью они прибудут в Ремут, намного опередив преследователей.

Переливчатый звон колоколов призывал епископов в собор Святого Эндрю в Джассе. Ночь была ясная. Слабый морозец пронизывал все, и мелкие кристаллики льда кружились на ветру.

Епископы собирались. Два молодых священника вручали каждому входящему длинную свечу, зажигая ее от негасимого огня. Пламя трепетало при сильных порывах ветра, который врывался сквозь непрерывно открывающуюся дверь, причудливые тени, отбрасываемые входящими, плясали на стенах собора. Люди приходили в собор и занимали свои места на скамьях. Две ломаные линии безликих людей с огнем в руках.

Когда колокола смолкли, секретарь сосчитал всех присутствующих и громко объявил, что собралось все, кто обязан быть на этом ритуале. Он исчез в темноте зала, и послышался скрежет засова, когда он закрывал тяжелые двери. Затем он и два присоединившихся к нему молодых священника со свечами в руках сели на свои места на боковых скамьях.

Наступила пауза. В темноте слышались кашель, шарканье ног. Затем открылась боковая дверь и появился Лорис. Лорис был сегодня в полном облачении. Черно-серебряная сутана свободно свисала с его плеч, митра, усеянная драгоценностями, венчала его голову. В левой руке он держал серебряный крест. Он решительно прошел на трансепт и повернулся к присутствующим. Рядом с ним шли архиепископ Корриган и епископ Толливер. Замыкал шествие епископ Кардиель. Молодой служка шел перед ними с тяжелым распятием в руках.

Пройдя между двумя линиями духовенства, Лорис и его свита дошли до алтаря, остановились, почтительно поклонились алтарю и повернулись лицом к залу.

Кардиель подошел к монаху, взял у него четыре свечи и искоса взглянул на Арлиана. Лицо Кардиеля было угрюмо. Затем он вернулся на свое место рядом с Толливером и роздал горящие свечи Толливеру, Корригану и Лорису.

Со свечой в руке Лорис выступил вперед и выпрямился во весь рост. В его голубых глазах горел холодный огонь, когда он осматривал зал.

— Вот текст церемонии отлучения,— сказал он.— Слушайте внимательно:

«Так как Аларик Энтони Морган, герцог Корвина, господин Корота, Генерал Королевских армий, Чемпион Короля и монсеньор Дункан Говард Мак Лейн, священник, неоднократно нарушали и пренебрегали запретами Святой Церкви;

и так как Аларик и Дункан убили сегодня невинных сынов Церкви и угрожали святотатственным убийством служителю Бога, принуждая его быть свидетелем еретической магии;

и так как Аларик и Дункан осквернили часовню Святого Торина использованием своей проклятой магии и разрушили часовню, и в прошлом они неоднократно пользовались запрещенной магией;

и так как эти Аларик и Дункан не выразили желания покаяться и отречься, и изменить образ жизни,

исходя из всего этого я, Эдмунд Лорис, архиепископ Валорета и примас Гвинета, объявляю перед всем духовенством Гвинета, что предаю анафеме Аларика Энтони Моргана и Дункана Говарда Мак Лейна. Мы извергаем их из лона Святой Церкви Бога.

Пусть гнев Небесного Судьи обрушится на их головы. Пусть они всегда будут прокляты. Пусть Ворота Рая закроются перед ними и теми, кто поможет им.

Пусть ни один богобоязненный человек не примет их, не накормит их, не предоставит им крова.

Пусть ни один священнослужитель не общается с ними при жизни и не освятит их тела после смерти.

Пусть будут прокляты их жилища, их пища, их вода, все их владения.

Мы объявляем их отлученными от Церкви и брошенными во мрак к Люциферу и прочим падшим

ангелам. Они теперь будут навеки прокляты без всякой надежды на спасение их душ. Да будет так!»

— Да будет так! — хором подхватили все присутствующие.

Вытянув горящую свечу перед собой, Лорис перевернул ее и бросил на пол, затоптав пламя. То же самое проделали собравшиеся епископы и их помощники. Раздались глухие стуки свечей, одна за другой падавших на пол.

Постепенно в соборе воцарилась тьма, все огни умерли, затоптанные ногами. Кроме одной свечи, которая спокойно горела в чьих-то руках. Ее одинокое пламя мужественно боролось с наступившим мраком. И никто не мог узнать и сказать, из чьих рук исходит это мужественное пламя.

ГЛАВА XVI

— Поймай меня, если сможешь, — смеялась Бронвин.

Она игриво убегала по дорожке сада. Ее золотые волосы развевались по ветру, голубая туника соблазнительно облегла стройные ноги.

Когда она пробегала мимо, Кевин сделал неуклюжую попытку поймать ее, но промахнулся и пустился за ней со счастливым смехом. Меч его путался у него в ногах, угрожая зацепиться за что-нибудь и опрокинуть Кевина на землю. Но он не обращал на такую мелочь внимания. Он просто придерживал его рукой и бежал за Бронвин по свежей зеленой траве.

День был безоблачным, солнце — нежным и теплым. Бронвин и Кевин только что вернулись с утренней прогулки по зеленым холмам, окружавшим Кулди и теперь резвились, как пара шаловливых детей, бегая по саду между деревьями и статуями. Они играли почти четверть часа, причем Кевин изображал охотника, а Бронвин — его добычу.

Наконец, Кевин загнал Бронвин в ловушку у небольшого фонтана, где уставшая девушка, сделав несколько кругов и увидев, что сбежать ей вряд ли удастся, сдалась. Кевин бросился на нее, обхватил руками, увлек на землю и, придавив своим весом,

припал к ее губам. Бронвин расслабилась в его руках и раскрыла ему губы, ответив на поцелуй. Кевин едва не потерял сознание от неопишуемого блаженства, охватившего его.

И тут он услышал, что кто-то многозначительно покашливает сзади. Он застыл, открыл глаза, понял, что они не одни, и с усилием оторвался от любимых губ. Когда он отстранился от Бронвин, то увидел, что глаза ее расширились при виде стоящего сзади. Она хихикнула. Кевин оглянулся и встретился взглядом со своим отцом. Герцог Джаред, улыбаясь, смотрел на них.

— Я знал, что найду вас здесь,— сказал герцог, увидев глуповатую улыбку сына.— Встань и приветствуй своих гостей, Кевин.

Кевин поднялся на ноги и подал Бронвин руку, помогая ей. И только теперь заметил, что отец действительно не один. С ним были управитель замка лорд Девериль и архитектор Риммель. Девериль сдерживал улыбку, а Риммель, как всегда, был серьезен. Кроме того, рядом с отцом стояли Келсон в алой дорожной одежде, Дерри, рыжебородый герцог Эван, один из лордов Королевского Совета.

Келсон лукаво улыбнулся Кевину и Бронвин и отступил в сторону, чтобы показать еще одного гостя — маленького человечка со смуглой кожей, одетого в пышные розово-фиолетовые одежды. Это был не кто иной, как великий трубадур Гвидон. Пузатая лютня висела на золотом шнуре, перекинута через плечо. Она была отполирована до блеска его руками. Черные глаза трубадура внимательно изучали влюбленную пару.

Кевин посмотрел на Келсона и улыбнулся ему:

— Добро пожаловать в Кулди, сэр,— сказал он, стяхивая с себя траву.

Затем он приветствовал остальных гостей.

— Благодарю вас за оказанную мне честь.

— Ошибаешься, это Гвидон оказал нам честь,— засмеялся Келсон.— И если ты представишь его своей молодой леди, то я уверен, что это вдохновит его и он нам доставит большое удовольствие своим выступлением.

Гвидон поклонился Келсону, а Кевин улыбнулся и взял руку Бронвин.

— Бронвин, я очень рад представить тебе несравненного Гвидона из Пленнета. О его искусстве пения и игры на лютне ты уже слышала. Мастер Гвидон, это

леди Бронвин де Морган, моя невеста. Это она настаивала, чтобы я просил Аларика отпустить вас сюда.

— Моя леди,— проговорил Гвидон, снимая свою немыслимую розовую шляпу и низко кланяясь. Его длинные рукава коснулись травы.— Перед такой редкостной красотой я готов рискнуть вызвать гнев вашего жениха, — он снова поклонился и поцеловал ей руку.— Простите меня, но в вашем присутствии, прекрасная леди, у меня нет слов.

Бронвин счастливо улыбнулась, опустила глаза, легкая краска появилась на ее щеках.

— Мастер Гвидон, вы действительно хотите выступить сегодня перед нами? Мы так долго ждали вашего приезда.

Гвидон вспыхнул и снова поклонился.

— Я весь в вашем распоряжении, моя леди,— он горячо взмахнул рукой.— Этот сад так прекрасен и самим богом предназначен для прекрасных песен, разве можно противиться природе? Я буду петь здесь и сейчас.

— Ваше Величество? — спросила Бронвин.

— Он приехал сюда петь для тебя, моя леди,— ответил Келсон с улыбкой, он глядел на нее с восхищением.— Если ты хочешь, чтобы он пел здесь, он будет петь.

— О, да.

С коротким поклоном Гвидон пригласил всех сесть на траву, снял с плеча лютню и пристроился на краю фонтана. Кевин скинул свой плащ и расстелил его на траве. Бронвин устроилась на плаще и подогнула ноги. Дерри, Девериль и Эван тоже начали рассаживаться.

Кевин хотел сесть рядом с Бронвин, но, заметив взгляд Келсона, уступил свое место отцу.

Келсон и Кевин медленно удалились от группы. Гвидон настроил лютню и стал пощипывать струны, извлекая из инструмента божественные звуки. Все слушали его очень внимательно и наслаждались его приятным голосом и музыкой.

Келсон оглянулся, посмотрел на восторженную Бронвин, а затем снова повернулся к Кевину. Лицо юного короля посерьезнело.

— Ты получал известия от своего брата в последнее время, мой лорд?

Он произнес это как бы между прочим, но Кевин почувствовал, как все его тело напряглось, и с трудом заставил себя подавить волнение.

— Вы говорите это так, будто он не с вами, сэр,— ответил он ровным тоном.

— Нет,— ответил Келсон.— Десять дней назад мы получили сведения, что Дункана вызывают на церковный суд Ремута, чтобы лишить сана. Тут мы ничего не смогли сделать бы — это дело чисто церковное и касается только самого Дункана и его начальства. Но мы все — я, Дункан и Нигель, решили, что ему лучше уехать из Ремута.

Келсон остановился и стал внимательно изучать носки своих черных блестящих сапог, а затем он продолжил:

— Но в это же время мы получили и другие сведения — и гораздо более серьезные, чем лишение сана Дункана. Лорис и Корриган хотят наложить на Корвин Интердикт. Они хотят покончить с Морганом и со всеми Дерини в Одиннадцати Королевствах. И вот Дункан поехал к Моргану, чтобы рассказать об этих планах архиепископов и заодно уклониться от церковного суда. Лорд Дерри вернулся оттуда четыре дня тому назад и сообщил, что там все нормально, а Морган с Дунканом собираются ехать в Джассу, чтобы выступить перед Курией и убедить духовенство не накладывать Интердикт. С тех пор я о них ничего не слышал.

Кевин удивленно слушал.

— Лишение сана и Интердикт? Это случилось после того, как я уехал из Ремута?

Келсон криво усмехнулся.

— Раз уж ты спрашиваешь, то да. На севере возникло религиозное движение фанатиков, которые начали священную войну против Дерини. Этот Интердикт будет им очень на руку. И к тому же Венсит из Торента вот-вот нападет на нас и захватит Кардосу. Если не учитывать всего этого, все остальное великолепно... Твой драгоценный брат сказал, что я должен оставаться спокойным, не волноваться, пока он и Морган не приедут ко мне для того, чтобы руководить моими действиями. Он, конечно, прав. Несмотря на мое положение и могущество, я еще очень молод и неопытен. Я чересчур откровенен с тобой, Кевин. Но это так трудно — просто сидеть и ждать.

Кевин медленно кивнул. Затем оглянулся назад, на компанию, слушающую пение Гвидона. Он не мог разобрать слов, но мелодия, плывущая в теплом весеннем воздухе, была чистой, прозрачной и красивой. Он скрестил руки на груди и опустил глаза.

— Я полагаю, об этом никто больше не знает?

— Дерри известно все. И Гвидон что-то подозревает, но ничего конкретного не знает, а остальные не знают ничего. И я думаю, говорить им пока не стоит. От их волнения лучше не станет, а я не хочу, чтобы эти тревоги как-то нарушили ваши празднества.

Кевин улыбнулся.

— Благодарю за доверие, Ваше Величество. Я никому ни о чем не скажу. И если понадобится моя помощь, то мой меч, моя жизнь и все мое состояние в вашем распоряжении.

— Я не сказал бы тебе ничего, если бы не был уверен, что тебе можно доверять,— сказал Келсон.— Идем. Вернемся обратно и послушаем Гвидона. Ведь это, прежде всего, твой праздник.

Они вернулись и услышали последние слова Гвидона:

— Ах, моя леди! Лорд Аларик очень хвалит вашу игру на лютне. Может, вы пошлете кого-нибудь за своим инструментом?

— Кевин?

Прежде чем Кевин ответил, со своего места у дерева вскочил Риммель и поклонился.

— Позвольте мне, моя леди,— сказал он, стараясь скрыть охватившее его волнение.— Лорд Кевин и так не слышал песню, пусть он послушает следующую.

— Ну, хорошо,— засмеялась Бронвин.— Риммель, Мэри Элизабет знает, где лежит моя лютня. Передай ей, что я прошу отдать ее вам.

— Хорошо, моя леди.

Гвидон снова ударил по струнам, перестроив лютню на минорный лад.

— Преданный слуга — это бесценное сокровище,— проговорил он, трогая струны и улыбаясь публике.— Ну, пока мы ждем, я хочу спеть еще одну песню, на этот раз любовную, и посвятить ее влюбленной паре.

Он взял несколько вступительных аккордов и запел.

Риммель спешил через двор в покои Бронвин, а звуки песни Гвидона стояли у него у ушей. Ему не хотелось оставлять Бронвин слушающей любовные песни вместе

с Кевином, да к тому же ему редко удавалось долго находиться рядом с ней, смотреть на нее, не вызывая ни у кого подозрений. Но теперь ему представилась возможность положить в ее комнату амулет, который дала ему Бетана. Служанки Бронвин уже закончили работу в ее комнате и теперь первой, кто войдет туда будет сама Бронвин.

Поднявшись по ступеням на террасу, он приложил руку к груди и почувствовал бешеное биение сердца, но он ощутил и приятную выпуклость мешочка, полученного от Бетаны. Он едва мог поверить, что через несколько часов его мучения закончатся, и Бронвин будет принадлежать ему.

Он заколебался и оглянулся вокруг с опаской, прежде чем войти в комнату. Он ведь должен был переговорить с Мэри Элизабет. Однако никто его не видел. И в самой комнате никого не было. Он отыскал лютную Бронвин в небольшом шкафу за постелью, но сначала ему надо было найти место для кристалла. Его нужно положить туда, где Бронвин его не заметит до тех пор, пока не пройдет достаточное время, чтобы заклинание начало действовать.

Решив, что самое удобное место — это шкаф для одежды, он подошел к нему и достал мешочек. Конечно, как только Бронвин придет в комнату, она сразу же направится к шкафу, особенно после верховой езды. Но на верхней полке много всяких драгоценностей, и там кристалл будет менее всего замечен.

Риммель осторожно положил мешочек и начал развязывать шнурки на нем. Он помнил, что в его распоряжении всего несколько секунд, чтобы удалиться за пределы действия магического кристалла. Он взял лютную, повесил ее через плечо, снова вернулся к шкафу, открыл мешочек и вытряхнул оттуда кристалл, тут же загоревшийся холодным голубым светом, в котором четко выделялись кроваво-красные прожилки.

Затаив дыхание, Риммель быстро сунул мешочек в карман и бросился к двери. Он опомнился только после того, как захлопнул за собой дверь. Он снова заглянул в комнату, чтобы увидеть кристалл, но его невозможно было разглядеть среди драгоценностей.

Радостно насвистывая какой-то веселый мотив, Риммель вернулся на террасу и направился в сад с лютной на плече. По дороге он достал из складок туники

медальон, открыл его и с обожанием посмотрел на портрет Бронвин. Затем он закрыл медальон с легким щелчком и, вздохнув, спрятал его. Войдя в сад, он услышал пение Гвидона.

Часом позже Бронвин стояла на пороге своей комнаты и улыбалась Кевину, который прижимал ее руку к губам.

— Через полчаса,— прошептала она.

— Через полчаса,— торжественно согласился он,— и если ты удержишься, я приду и одену тебя сам!

Бронвин сморщила нос и сделала гримасу.

— Не раньше, чем через два дня, Кевин Мак Лейн,— объявила она.— Ты можешь потерпеть.

— Могу,— пробормотал он, прижимая ее к себе и глядя на нее с вожделением.

Она хихикнула, оттолкнула его и проворно скрылась за дверь.

— Полчаса! — крикнула она.— И смотри, не опаздывай, а то я приду помочь тебе одеваться!

— Приходи! — с радостью подхватил Кевин, но дверь уже была закрыта.

Бронвин веселым мотыльком влетела в комнату, делая пируэты и прижимая лютню к груди. Она вся светилась от радости и переполняющей ее любви.

Она остановилась перед шкафом, напевая слова песни Гвидона, бросила взгляд на себя в зеркало и поправила прядь золотых волос, упавшую на лоб.

И тут начало действовать колдовство. Бронвин внезапно оступилась и ухватила за шкаф, чтобы удержаться на ногах. Вдруг она ощутила второй удар. В своей безнадежной и отчаянной борьбе она выпустила лютню из рук, и инструмент со звоном упал на пол. Лютня треснула, струны полопались, издавая жалобные звуки.

Эти звуки пробудили ее чувства Дерини, заставили ее хладнокровно оценить ситуацию, хотя внешние части ее мозга были ослеплены. Глаза ее обшаривали комнату почти бессознательно. Она отыскивала то, что так внезапно обрушилось на нее. И увидела среди своих драгоценностей голубой кристалл.

«Магия!» — вскрикнул ее мозг.

«О, мой Бог! Кто сделал это?»

«Кевин! Кевин!» — посылала она отчаянные мысленные призывы.

Пересилив слабость, она смогла крикнуть вслух. Кевин не успел уйти далеко. Услышав пронзительный крик Бронвин, он бросился обратно и распахнул дверь. Она поддалась без всякого сопротивления, и Кевин застыл на пороге в ужасе от того, что увидел.

Бронвин стояла на коленях у шкафа, судорожно цепляясь за его полированную поверхность. Ее взгляд бы устремлен на странный голубой кристалл, пульсирующий светом среди драгоценностей и безделушек. Бронвин медленно двигалась к нему, как во сне. Ее губы шевелились, повторяя имя Кевина, хотя с них не срывалось ни звука.

Кевин, не размышляя и крикнув что-то неразборчивое, зная только то, что этот кристалл нужно убрать с глаз Бронвин, оттолкнул ее в сторону и схватил его обеими руками, намереваясь выбросить его в окно. Но этого не следовало делать, ибо заклинание уже действовало. Схватив кристалл, Кевин застыл. Выражение боли и страха исказило черты его лица.

Бронвин мгновенно поняла, что случилось. Она попыталась вырвать кристалл из рук Кевина, надеясь, что ее кровь Дерини поможет ей. Однако едва коснувшись кристалла, она тоже впала в транс. Кристалл, который теперь они держали оба, бешено пульсировал в такт их сердцам. Его свечение постепенно усиливалось, пока не превратилось в ослепительно яркое белое сияние, и из груди Бронвин и Кевина вырвался крик, который прокатился по всему дворцу.

Затем наступила тишина.

Охранники, вбежавшие в комнату, привлеченные этим криком безумия, в смятении остановились на пороге. Следом прибежал Келсон и тоже замер. За ними стоял Дерри и широко раскрытыми глазами смотрел через плечо короля.

— Назад! Все назад! — скомандовал Келсон. — Быстрее! Здесь магия, колдовство!

Когда охранники попятились назад, Келсон осторожно вошел в комнату, шепча противодействующее заклинание. Когда он его закончил, яркий свет сконцентрировался в комнате, стал слабеть и постепенно исчез. Келсон прикусил губу и закрыл глаза, стараясь

справиться с охватившим его волнением. Затем он заставил себя медленно двинуться вперед.

Кевин и Бронвин лежали у дверей открытых на террасу. Кевин на спине, Бронвин — головой на его груди. Ее золотые волосы были спутаны и закрывали лицо. Раскинутые в стороны руки Кевина были сожжены той ужасной энергией, которая таилась в кристалле. Он не подавал никаких признаков жизни.

Проглотив комок в горле, Келсон опустился на колени возле них и постарался притронуться к ним. Он вздрогнул, когда его пальцы коснулись черной руки Кевина, шелковых волос Бронвин. Потом он сел прямо на пол перед ними и печально опустил голову. Руки его беспомощно опустились. Для двух влюбленных уже ничего нельзя было сделать.

Увидев безнадежный жест Келсона, Дерри, охранники и лорд Девериль начали потихоньку проникать в комнату. При виде трагического зрелища они застывали в оцепенении. Лицо Девериль побелело, когда он увидел распростертые тела. Затем он бросился к дверям, расталкивая всех. Он хотел остановить герцога Джареда, чтобы тот не увидел это. Но он опоздал.

— Что случилось, Дев? — прошептал Джаред, стараясь заглянуть в комнату через его плечо. — Что-нибудь с Бронвин?

— Не входите, милорд, пожалуйста!

— Пусти меня, Дев. Я хочу знать, что произошло. О, Боже! Это мой сын! Боже, это же они оба!

Охранники расступились, пропуская Джареда, и тут же прибежал Риммель, заглянул в комнату, ахнул и зажал рот рукой, чтобы заглушить крик ужаса. Дрожь пробежала по его телу, его судорожно сжала медальон. Он боялся, что упадет без сознания. «О, мой бог, что я наделал? Я не хотел этого! Не хотел! О, боже, это не может быть правдой! Они мертвы! Леди Бронвин мертва!»

Все новые и новые и новые люди прибегали сюда. Риммель стоял бледный, как полотно. Он прижался спиной к стене и хотел бы слиться с ней. Он пытался отвести взгляд от жуткого зрелища, но не мог. Затем он рухнул на колени и забился в рыданиях. Он уже не думал о том, что держит в руках медальон, в руках, которые он горестно заламывал.

Вместе с Гвидоном прибежала леди Маргарет. Она побледнела, увидев тела, и была на грани обморока. Но вскоре она овладела собой и приблизилась к мужу, который стоял онемевший и неподвижный перед телами. Она обняла его, прильнула, не говоря ни слова, и мягко, но настойчиво повела его к двери, повернув так, чтобы он не видел мертвых. Она что-то нежно шептала ему на ухо.

Гвидон молча поднял лютню Бровин. Она была сломана, струны беспомощно висели. Колдовство не пощадило даже ни в чем неповинный инструмент. Гвидон подошел к молодому королю, который печально снял с себя алый плащ и бережно закрыл им тела влюбленных. Затем он рассеянно дернул оборванную струну лютни. В тишине раздался жалобный стон.

— Боюсь, что музыка разрушена навсегда,— проговорил тихо Гвидон, опуская лютню на тело Бронвин.— И она уже никогда не вернется.

Келсон опустил глаза, зная, что Гвидон имеет в виду не лютню. Трубач нежно провел пальцами по сломанному инструменту и сложил руки на груди.

— Могу я узнать, как все это произошло, сэр?

Келсон пожал плечами:

— Кто-то положил в комнату кристалл Джерраман. Само по себе это не ужасно, ведь Джерраман можно использовать в самых разнообразных целях, и для свершения добрых дел тоже. Ты, наверное, часто встречал упоминания об этих кристаллах в своих балладах.

Голос его изменился.

— Но этот был предназначен не для добрых дел. Во всяком случае, для Кевина он оказался гибельным. Бронвин одна могла бы справиться с заклинанием, каково бы оно ни было. Ведь у нее было могущество. Но она, вероятно, вскрикнула, позвала на помощь, и Кевин услышал ее и прибежал. А двоих спасти у нее не хватило сил, они оба погибли.

— А она не...

Келсон оборвал разговор предупреждающим взглядом и поднялся на ноги.

К Джареду и Маргарет уже присоединился отец Ансельм в белой сутане. Он был очень стар, этот капеллан замка Кулди. Молодой король почтительно поклонился преподобному отцу и отступил в сторону,

дав возможность безутешным родителям опуститься на колени рядом с телами. Он перекрестился, слушая, как Ансельм начал читать молитву, и медленно отступил назад, дав знак Гвидону следовать за ним.

— Гвидон, Дерри, нужно, чтобы лишние люди ушли отсюда. Родителям надо побыть одним со своими детьми.

Все подчинились его распоряжению, и хмурые солдаты и всхлипывающие женщины покинули комнату.

Дерри подошел к Риммелю. Тот стоял на коленях в дальнем углу и тихонько всхлипывал. Его белые волосы вздрагивали, а золотая цепь, свисающая из рук, раскачивалась взад и вперед. Когда Дерри коснулся его плеча, Риммель посмотрел на него мокрыми и покрасневшими глазами. Дерри, который не любил иметь дело с истеричными мужчинами, заметил золотую цепь и потянул за нее, приглашая Риммеля подняться и выйти из комнаты. Но тут он увидел медальон, который висел на цепи.

— Эй, что это, Риммель, что это у тебя в руках?

Дерри схватил его за руку, но Риммель стал отчаянно вырываться. Глаза его расширились, когда он встал на ноги. Его сопротивление только возбудило интерес Дерри, и он возобновил свои усилия, пытаясь раскрыть ладонь.

— Ну, давай, давай, Риммель. Я хочу посмотреть, что у тебя там,— говорил Дерри, постепенно раздражаясь сопротивлением Риммеля.— О, это же медальон. Ты где его...

В это время медальон выскочил из рук Риммеля, упал на пол, подпрыгнул и открылся. Дерри схватил его, бросил любопытный взгляд на портрет и уже хотел вернуть его, как вдруг осознал, что там портрет Бронвин.

— Черт возьми, это же госпожа!

Услышав проклятье Дерри, Келсон нахмурился и повернулся к нему, чтобы сделать выговор за столь неуместные в такое время слова. Он увидел изумленное лицо Дерри, подошел к нему, взял из его рук медальон и стал удивленно рассматривать портрет. Тут медальон увидела леди Маргарет. Она подбежала к Келсону и схватила его за руку.

— Где вы взяли этот медальон, сэр?

— Этот? — Келсон смутился.— Этот медальон мы взяли у Риммеля, а где он взял его, я не знаю.

Рука Маргарет дрожала, когда она взяла медальон из рук Келсона. Она закрыла на мгновение глаза, когда металл коснулся ее. Потом она взглянула на портрет и со стоном прижала медальон к груди.

— Где... — с трудом проговорила она. — Где ты взял его, Риммель?

— Моя леди, я...

— Бронвин подарила этот портрет Кевину в день их помолвки. Где ты взял его?

Со стоном отчаяния Риммель рухнул на колени и стал рвать на себе одежду. Затем он с мольбой схватил подол платья Маргарет. Его белая голова тряслась, когда он начал свои признания.

— О, моя дорогая леди, пожалуйста, поверьте, я не хотел того, что произошло! — кричал он. — Я так любил ее! Я только хотел, чтобы и она полюбила меня. Вы же можете понять меня!

Маргарет вскрикнула и вырвала подол платья из его рук. Она поняла ужасный смысл слов Риммеля.

Дерри и несколько охранников набросились на Риммеля и схватили его, оттащив от Маргарет.

Джаред смотрел на все происходящее непонимающими глазами. Его губы все время шептали имя сына.

— Ты! — вскричал Келсон, с трудом веря тому, что услышал. — Так это ты положил в комнату кристалл, Риммель?

— О, сэр, вы должны мне поверить, — молил Риммель, заламывая руки. — Это был только любовный амулет. Бетана сказала...

— Бетана? — рявкнул Келсон, схватив Риммеля за волосы и повернув его голову так, чтобы смотреть ему в глаза. — Я знаю это, потому что я нейтрализовал ее, к сожалению, уже после того, как она сделала свое дело. Ну, так кто же эта Бетана, о которой ты говоришь? Дерини?

— Я... я не знаю, Дерини она или нет, сэр, — вскрикнул Риммель. Голова его была запрокинута, Келсон все еще держал его за волосы. — Она живет в горах к северу от города. В пещере. Жители говорят, что она святая женщина, что она часто творит любовное колдовство за еду и золото, — он проглотил слюну и моргнул красными глазами. — Я только хотел, чтобы Бронвин полюбила меня. Это же простое любовное колдовство.

— Простое колдовство не убивает! — крикнул Келсон, отпустил волосы Риммеля и брезгливо вытер руки о штаны. — Ты виноват в их смерти, Риммель. Ты положил кристалл, который сжег их.

— Я убью его! — вскрикнул Джаред, кидаясь к солдату и хватая его меч. — Бог свидетель, Риммель должен умереть за убийство моих детей!

С быстротой молнии он бросился к Риммелю. Глаза его остекленели, в руке — обнаженный меч. Но Маргарет крикнула: «Нет!» и бросилась между ними. Дерри и капитан охранников схватили руку с мечом и с трудом опустили ее, а Маргарет с рыданиями бросилась Джареду на грудь.

Но Джаред продолжал бороться, крича:

— Отпустите меня, идиоты! Я должен убить его! Маргарет, он убил нашего сына! Не мешай мне!

— Джаред, нет! Разве мало двух смертей? Хотя бы подожди, пока ты придешь в себя и гнев не будет душить тебя. Сэр, не позволяйте ему делать это, я прошу вас!

— Прекратите все!

Слова Келсона оборвали шум и крики. Наступившая после его окрика тишина нарушалась только всхлипываниями Риммеля. Все глаза обратились к королю. Он обвел всех своим твердым взглядом. В нем было много отцовского, когда он обратился к Дерри:

— Отпусти Джареда.

— Сэр? — Дерри был удивлен.

Леди Маргарет с ужасом посмотрела на короля.

Келсон повторил:

— Отпусти Джареда, Дерри. Разве приказ не ясен?

Озадаченный Дерри кивнул, выпустил руку Джареда и отступил назад, мягко держа Маргарет за плечи, чтобы она не вмешалась во все происходящее. Маргарет со страхом смотрела, как Джаред поднял меч и медленно пошел к Риммелю.

— Сэр, я умоляю вас, не разрешайте Джареду убивать его! Он...

— Нет, пусть он убьет меня! — закричал Риммель, опуская голову и закрывая глаза. — Я не заслуживаю милости. Я не достоин жизни. Убейте меня, Ваша Милость. Пусть я умру страшной смертью, я должен страдать!

Джаред остановился, взгляд его потух, плечи опустились, он медленно опустил меч, разглядывая шею

Риммеля. Он оглянулся на Келсона, на встревоженное лицо Маргарет, а затем бросил меч на землю и отвернулся от Риммеля с отвращением.

— Лорд Фергюс,— позвал он кого-то, глядя через плечо в сад.

Крепкий мужчина появился на пороге и поклонился. По рисунку перевязи можно было понять, что он относится к младшему командному составу гарнизона замка.

Он бросил взгляд на Риммеля.

— Да, Ваша Милость.

— Этот человек — убийца. Я хочу видеть его голову на Воротах Предателя через час. Ясно?

Глаза Фергюса радостно блеснули, и он поклонился.

— Да, Ваша Милость.

— Отлично. Иди.

С коротким поклоном Фергюс повернулся и подозвал двух солдат, которые схватили Риммеля и потащили к выходу. Риммель продолжал бормотать:

— Я должен умереть, я убил ее, я должен умереть. Фергюс вытащил широкий меч из ножен.

Джаред подождал, пока они выйдут, а затем снова приблизился к телам, опустился на колени рядом с ними, коснулся золотых волос Бронвин, которые закрывали лицо Кевина.

Маргарет тревожно посмотрела вслед солдатам, уводящим пленника, взглянула на мужа и отца Ансельма, стоящих на коленях возле мертвых, а затем протянула руки к Келсону:

— Сэр, вы не должны допустить этого! Этот человек, конечно, виновен. Никто этого не отрицает. Но хладнокровно отрубить ему голову...

— Таков приговор герцога Джареда, леди. Не просите, чтобы я вмешался.

— Но вы же король, сэр. Вы можете...

— Я здесь не король, а гость, приглашенный на свадьбу,— прервал ее Келсон, пристально глядя ей в глаза.— Я не должен присваивать права Джареда в его доме.

— Но, сэр...

— Я понимаю, какие чувства движут Джаредом, моя леди,— твердо сказал Келсон, глядя на коленопреклоненного герцога.— Он потерял сына. У меня пока нет детей, и пусть их никогда не будет, если мне будет суждено вот так же потерять их. Я знаю, что он сейчас

чувствует. Я потерял отца. Я думаю, мое горе, которое я ощущал тогда, подобно горю отца, потерявшего сына.

— Но...

Снаружи послышался чей-то сдавленный крик, глухой звук, звон стали, и лицо Маргарет побелело.

К дверям стали приближаться тяжелые размеренные шаги, и вот на пороге появился лорд Фергюс, державший какой-то окровавленный предмет за белые волосы...

Это была голова Риммеля.

Джаред спокойно посмотрел на Фергюса, поднявшего голову казненного. Только руки, сжимавшие и разжимавшие край малинового плаща, выдавали его волнение. Затем его лицо просветлело и он кивнул, разрешая Фергюсу удалиться. Фергюс поклонился и пошел прочь. Кровь хлестала из шеи Риммеля, обильно орошая каменные плиты. Джаред опустил глаза только тогда, когда Фергюс со своей жуткой ношей скрылся за углом.

— Мой сын, моя любимая дочь. О, я не мог даже предположить, что гробница будет вашей свадебной постелью. Вы сейчас спите вместе, как давно уже мечтали.

Голос его оборвался, и он начал плакать. Горькие рыдания сотрясали его тело. Со сдавленным криком Маргарет подбежала к нему, опустилась рядом с ним на колени, прижала его голову к своей груди и зарыдала вместе с ним.

Келсон смотрел на них, разделяя их горе и отчаяние, а затем сделал знак Дерри подойти к нему.

— Есть кое-что еще, что должно быть сделано, и сделано мной,— прошептал Келсон.— Но я не могу сейчас оставить лорда Джареда одного. Ты исполнишь мою просьбу, Дерри?

— Не сомневайтесь, сэр. Что я должен сделать?

— Иди в горы и отыщи эту Бетану. И если она Дерини, то это может быть опасно. Но я знаю, что ты не боишься магии. Здесь ты единственный, кому я могу доверять.

Дерри поклонился:

— Вы оказываете мне большую честь, сэр.

Келсон осмотрел комнату, а затем двинулся в угол и позвал за собой Дерри. Солдаты и служанки вышли, и теперь в комнате оставались только Гвидон и лорд Девериль.

В тишине слышались молитвы Ансельма. Келсон посмотрел Дерри в глаза.

— Я хочу спросить тебя как друг, а не как король,— тихо сказал он. — Я прошу тебя, как просил бы Моргана, и оставляю тебе полную свободу отказаться.

— Спрашивай, Келсон,— мягко ответил Дерри, посмотрев Келсону прямо в глаза.

Келсон кивнул:

— Ты позволишь мне установить вокруг тебя магическую защиту, когда ты отправишься на поиски Бетаны? Я боюсь посылать тебя без нее.

Дерри опустил галаз. Его правая рука потянулась к груди, где висел медальон Моргана с изображением Камбера, он достал медальон и положил его на ладонь.

— Я немного посвящен в искусство магии, сэр. Это медальон Моргана. Святой Камбер обеспечивает защиту и людям, не правда ли?

Келсон взглянул на медальон, а затем на Дерри.

— Можно я дотронусь до него? Может, мое могущество увеличит его силу.

Дерри кивнул, и Келсон взял медальон в руки. Он смотрел на него, сосредоточиваясь, а затем положил руку на плечо застывшего Дерри. Его левая рука все еще сжимала медальон.

— Расслабься и закрой глаза, как тебя учил Морган. Открой свой мозг мне,— скомандовал Келсон.

Дерри повиновался, и Келсон, облизнув губы, стал собирать свою волю. Вокруг медальона образовалось алое свечение. Келсон шептал заклинание, и алое свечение перемещивалось с зеленым по мере того, как заклинание Келсона смешивалось с заклинанием Моргана. Затем свечение погасло, Келсон опустил руки и вздохнул. Медальон отливал серебром на фоне серой туники Дерри.

— Ну вот, это должно тебе помочь,— едва заметно улыбнулся Келсон, взглянув на медальон.— А ты уверен, что в тебе нет крови Дерини, Дерри?

— Да, сэр. Я думаю, Моргана тоже занимает этот вопрос,— он улыбнулся, опустил глаза и помрачнел.— А что с Морганом, сэр? Ведь не может же быть, чтобы он не доложил вам о том, что случилось?

Келсон покачал головой.

— Не знаю. Скорее всего, он уже скачет сюда — прямо на место трагедии, как и в случае с моим отцом. Но, во всяком случае, он не знает этого, пока.

— Да, сэр. А если я найду эту Бетану и захвачу ее, то привезти ее сюда?

— Да. Я хочу знать, какова ее доля участия в этом деле. Но будь внимателен. Она ошиблась в своей магии. Не знаю, случайно или намеренно. Я предпочитаю, чтобы лучше ты остался жив, так что если придется делать выбор между тобой и ею, то убей ее.

— Я позабочусь о себе,— засмеялся Дерри.

— Хорошо,— ответил Келсон. Теплая улыбка пробежала по его лицу.— Ну, иди.

— Хорошо, сэр.

Когда Дерри исчез, отправившись выполнять поручение своего короля, Келсон повернулся, чтобы посмотреть на сцену оплакивания.

Отец Ансельм, лорд и леди, приближенные слуги стояли на коленях возле тел. Голос Ансельма слышался в тишине. Он нараспев читал литанию. Келсон тоже опустил на колени и слушал знакомые слова, вспоминая, как стоял и слушал их у тела своего отца в полях Кандор Ри. Его отец, король Брион, пал жертвой злой магии. И сейчас он ощущал то же самое — потерю близких ему людей.

Пусть они пребывают в вечном покое, о Боже.

И пусть вечный свет сияет над ними...

Келсон с трудом сдержал печальный вздох и поднялся на ноги. Он вышел из комнаты, не в силах больше выносить этого шепота смерти.

Келсон подумал, сможет ли он когданибудь привыкнуть к этим словам и спокойно слушать их?

ГЛАВА XVII

Уже близился вечер этого рокового дня, когда Келсон оплакивал погибших, а Морган и Дункан скакали к месту гибели своих близких — а Гвинедская Курия в Джассе все еще заседала.

Лорис собрал епископов в большом холле епископского дворца, недалеко от того места, где прошлой ночью они собирались на церемонию отлучения. И хотя заседание началось утром и продолжалось весь день с небольшими перерывами, дискуссия все еще продолжалась, и епископы были не ближе к принятию решения, чем в момент открытия совещания.

Главную роль во всем этом играли два человека: Ральф Толливер и Вальфрам де Блент, один из двенадцати гвинедских епископов, не имеющих собственной епархии. Толливер сразу же после открытия заседания выразил свое несогласие — ведь это его пастве угрожал Интердикт. И затем его решительно поддержал Вальфрам.

Грубый старый прелат прибыл на это заседание днем вместе с семьей другими епископами, и был очень удивлен, узнав, что вопрос об Интердикте рассматривается серьезно. Он вошел в холл с шумом и грохотом и тут же заявил, что в корне не согласен с предложенными Лорисом санкциями против Корвина. Герцог Корвина несомненно заслуживает наказания за свои действия в Святом Торине, его кузен-Дерини тоже — за то, что он столько лет скрывал свое происхождение, изображая доброго слугу Церкви. Но наказывать целый народ за грехи его господина, особенно после того, как господин уже наказан — это просто глупо и бессмысленно.

И после этого разгорелись споры.

Кардиель и Арлиан надеялись что-нибудь выиграть и держались очень осторожно во время дискуссии, стараясь раньше времени не сказать что-нибудь лишнее, что могло бы выдать их намерения. Они оба понимали, что старый желчный Вальфрам всегда возбуждает все споры, и теперь они выжидали и слушали, что говорят другие.

Арлиан сцепил свои тонкие пальцы, положил руки на стол и рассматривал присутствующих. А в это время старый епископ Карстон бубнил о некоторых темных сторонах этого дела и о том, как все это соотнести с церковными канонами.

Вальфрам, несомненно, поддержит любого, кто выступит против Интердикта. Так что его можно спокойно считать в числе тех, кто последует за Кардиелем, когда придет время. Из семи товарищей Вальфрама Эквард и туповатый Джильберт поддержат его. Следующие трое явно на стороне Лориса, а оставшиеся двое еще не решили, кого им поддерживать. Из старых епископов двое — Браден и Ифор — останутся нейтральными — это можно прочесть по их лицам: они с такой скукой слушают споры! Но вот Лейси и Креода поддержат Лориса и этот старый зануда Карстон — тоже. Корриган, конечно, человек Лориса с самого начала. Значит, среди

старых епископов остается только Толливер, который выступает против Интердикта. К счастью, уж в нем-то можно не сомневаться.

Итого: восемь за Интердикт, четыре нейтральны и шесть против. Но эти четверо нейтральных тоже могут изменить свое мнение — вряд ли у кого-нибудь из них хватит мужества остаться действительно нейтральным и порвать с Курией. И, значит, в худшем случае будет двенадцать против шести. Эти шестеро могут сплотиться и отделиться от Церкви — самоотлучение — может, и к лучшему.

Арлиан снова осмотрел всех сидящих за огромным, в форме подковы, столом, во главе которого сидел Лорис. Он заметил взгляд Кардиеля, который кивнул ему почти незаметно. Потом он снова стал слушать старого Карстено. Когда тот закончил и сел на место, встал Кардиель. Пора было начинать.

— Мой лорд архиепископ?

Тихий голос Кардиеля тем не менее был услышан всеми, кто шепотом обсуждал предыдущее сообщение, и все головы повернулись к нему. Кардиель спокойно ждал, пока все спорящие займут свои места и успокоятся. Его руки лежали на столе. Затем он повернулся к Лорису:

— Могу я сказать, Ваше Сиятельство?

— Конечно.

Кардиель поклонился ему:

— Благодарю. Я выслушал все доводы моих братьев христиан и как хозяин этого собрания хочу сделать заявление.

Лорис нахмурился:

— Мы слушаем тебя, епископ Кардиель,— в его голосе послышались раздражение и подозрение.

Кардиель сдержал улыбку и пробежал взглядом по лицам епископов, заметив места, где сидят его будущие мишени, встретился глазами с Арлианом и Толливером.

Секретарь Корригана отец Хью поднял голову от блокнота с записями, ожидая речи Кардиеля, и снова склонился над ними, когда увидел, что тот приготовился говорить.

— Лорды, епископы, братья,— начал Кардиель спокойно,— сегодня я говорю с вами как брат, как друг, но также и как хозяин нынешней Курии. Я весь день молчал, так как епископ Джассы по традиции должен

оставаться нейтральным, но дело зашло так далеко, что я не могу больше молчать. Я должен сказать, ибо в противном случае, если я промолчу, я не выполню все обеты, которые давал, принимая сан епископа.

Он замолчал, глядя на епископов, и почувствовал, как подозрительный взгляд Лориса прямо сверлит его.

Хью что-то яростно строчил в свой блокнот. Прядь жидких волос упала на глаза, и он, не отрываясь от работы, поправил ее. Но все остальные глаза были устремлены на Кардиеля. Одни с надеждой, другие с подозрением.

— Позвольте мне заявить официально, и я надеюсь, что наш брат Хью аккуратно запишет это в протокол, что я тоже против Интердикта, который наш брат из Валорета предлагает наложить на Корвин.

— Что?

— Ты с ума сошел, Кардиель!

— Он сумасшедший!

Кардиель терпеливо ждал, пока все возмущенные епископы не утихнут и не займут свои места. Пальцы Лориса судорожно сжали ручки кресла, хотя выражение его лица почти не изменилось. Кардиель поднял руки, прося тишины, дождался ее и снова окинул всех взглядом. После этого он продолжил:

— Это решение я принял не легко, братья. Я размышлял и молился много дней с тех пор, как впервые услышал, что предлагает Лорис. И теперешнее обсуждение только укрепило меня в моем решении. Наложение Интердикта неправильное. Тот, кого вы собираетесь наказать с помощью Интердикта, уже наказан. Вы это сделали прошлой ночью, отлучив его и его родственников от Церкви.

— Вы поддержали отлучение, Кардиель,— прервал его Корриган.— Насколько я помню, вы были на церемонии и тем самым одобрили решение. И епископ Корвина Толливер тоже.

— Да,— ответил Кардиель ровным тоном.— По всем законам Морган и Мак Лейн осуждены справедливо и будут оставаться вне Церкви до тех пор, пока не докажут, что они не виноваты в тех преступлениях, в которых их обвиняют. Так что отлучение не окончательное.

— Как же не окончательное, Кардиель? Если вы сами согласились, что они виноваты и...

— Я не могу судить о том, виноваты они или нет, мой лорд. Действительно, они сделали то, в чем их обвиняют. Но мы хотим обвинить в этом же многие тысячи людей, которые совершенно невиновны ни в чем и не могут быть отсечены от тела Святой Церкви за действия их герцога.

— Это справедливо... — начал Лорис.

— Нет! — крикнул Кардиель и стукнул кулаком по столу, чтобы подчеркнуть свою решительность. — Я не поддержу это решение. И более того, если вы будете настаивать на этом, то я выхожу из этого собрания!

— Можете выходить! — сказал Лорис, поднимаясь со своего места. Лицо его покраснело от гнева. — Вы думаете, что напугаете меня своими угрозами лишить Курию своей поддержки? Вы ошибаетесь! Джасса — не единственный город в Одиннадцати Королевствах. Если Курия не вынесет решения здесь, то она сделает это в другом городе. А кроме того, Джасса скоро получит нового епископа.

— Может, Валорет нуждается в новом епископе! — крикнул Вальфрам, вскакивая на ноги и в упор глядя на Лориса. — У меня нет епархии, так что вы не можете угрожать мне ее лишением. Пока я жив, я останусь епископом! И ни вы, ни кто другой не можете меня лишить того, что мне дано Богом! Кардиель, я с тобой!

— Они сумасшедшие! — крикнул Лорис. — Неужели вы думаете, что можете вдвоем выступить против Курии?

— Нас больше, чем двое, — сказал Арлиан, поднимаясь и вместе с Толливером направляясь к Кардиелю.

Корриган заломил руки, поднимая их к небу:

— О, боже, избавь нас от людей без рассудка! Теперь нас уже учат младшие епископы!

— Я старше, чем был наш господь, когда творил свое учение и боролся с фарисеями, — холодно ответил Арлиан. — Эквард? Джилберт? Вы с нами или с Лорисом?

Эти двое переглянулись, посмотрели на Вальфрама, а затем встали.

— С вами, лорд, — ответил Эквард. — Нам не по душе это решение о наказании невиновных.

— Значит, вы предпочитаете неповиновение? — прошипел Лорис. — Вы понимаете, что за это я могу отлучить вас...

— За неповиновение? — фыркнул Арлиан. — Я не думаю, что мы заслуживает этого, архиепископ. Мы продолжаем выступать против Интердикта и мы будем работать по-прежнему среди людей, которые в нас нуждаются.

— Это безумие! — прошептал старый Карстон, обводя всех налитыми кровью глазами. — Чего вы надеетесь добиться этим?

— Мы пытаемся защитить народ, который доверен нам Богом, — ответил Толливер. — Мы не хотим, чтобы целый народ страдал из-за прегрешений двух человек.

— Вы получите Интердикт прямо здесь и сейчас! — рявкнул Лорис. — Отец Хью, документ готов для подписания?

Лицо Хью побелело. Он посмотрел на Лориса — он давно уже перестал делать заметки в блокноте — достал из-под кипы документов пергамент и нерешительно протянул его Лорису.

— Ну, вот, — сказал Лорис, взял перо от Хью и начертил на листе свое имя. — Я объявляю герцогство Корвин со всеми его жителями, городами и селениями под действием Интердикта до тех пор, пока герцог Аларик Морган и его родственник-Дерини лорд Дункан Мак Лейн не явятся на заседание Курии для вынесения им приговора. Кто подпишет вместе со мной?

— Я, — сказал Корриган, подошел к Лорису и взял перо.

— И я, — отозвался Лейси.

Кардиель молча смотрел, как Корриган ставит свою подпись.

— А вы думали о том, что скажет король, когда узнает о ваших действиях? — спросил он.

— Король — это беспомощное дитя! — возразил Лорис. — Он не будет сопротивляться решению Гвинедской Курии. А особенно потому, что он сам находится под подозрением. Он, конечно, подчинится Интердикту.

— Вы думаете? — спросил Арлиан, наклоняясь над столом. — Он не был беспомощен, когда взял управление Советом в свои руки, освободил Моргана и ввел в Совет лорда Дерри, несмотря на все протесты. Он не был беспомощен, когда нанес поражение колдунье Чариссе, которая хотела захватить трон. Насколько я помню, тогда были беспомощны именно вы, мой лорд!

Лорис покраснел, грозно взглянул на Лейси, который замер над пергаментом, услышав слова Арлиана.

— Подписывайте, Лейси,— прошипел он, снова посмотрев на Арлиана.— Ну, мы еще посмотрим, кто поддержит этого молодого короля и кто станет на сторону истины.

Когда Лейси подписал, поднялись восемь остальных епископов, которые прошли к Лейси и поставили свои подписи. Когда они закончили, остался только один Браден.

Лорис, нахмурившись, посмотрел на него, а затем заулыбался, когда увидел, что Браден встал с места.

— Я встал, архиепископ,— спокойно сказал он,— но я не буду подписывать этот документ.

Кардиель и Арлиан удивленно переглянулись. Неужели великий ученый из Грекоты хочет присоединиться к ним?

— Но я и не присоединяюсь к этим господам справа от меня,— продолжал Браден.— Я не поддерживаю Интердикт по своим собственным соображениям, но я не могу и войти в союз с людьми, которые хотят порвать с Курией и разрушить ее — а это случится обязательно, если епископ Кардиель и его единомышленники выполнят свою угрозу и выйдут из Курии.

Толливер спросил:

— Что же вы предлагаете, дорогой лорд?

Браден пожал плечами:

— Я воздержусь. Так как моя позиция не приносит ни пользы, ни вреда ни одной из двух сторон, то я спокойно удалюсь в Грекоту и буду молиться за всех вас.

— Браден... — начал Лорис.

— Нет, меня вам не переубедить. Не беспокойтесь, я мешать вам не буду.

Все смотрели с удивлением, как старый ученый встал, поклонился тем и другим и спокойно вышел из зала. Когда за ним захлопнулась дверь, Лорис повернулся к Кардиелю, его челюсти были сжаты: желваки ходили на скулах, ярость душила его. Он начал медленно двигаться по направлению к шести непокорным епископам.

— Я отлучу вас всех, как только соберу все подписи, Кардиель! Я не допущу, чтобы ваша непокорность осталась ненаказанной!

— Подписывайте свои бумаги, Лорис! — крикнул ему Кардиель, смело встретившись с ним взглядом.— Пока

не будет подписи большинства членов Курии, ни Интердикт, ни наше отлучение не имеют никакой силы. Они просто бумага.

— Одиннадцать епископов... — начал Лорис.

— Одиннадцать из двадцати двух — это не большинство, — ответил Арлиан. А из тех одиннадцати, кто еще не подписал, шестеро никогда не подпишут, один отказался играть в вашу игру, а остальные четверо не имеют епархий — они странствуют. Так что вам понадобится не одна неделя, чтобы найти хотя бы одного из них, и еще больше, чтобы убедить их подписать документы.

— Это меня не беспокоит, одиннадцать или двенадцать — разница не велика, — прошептал Лорис. — Главное, что решение Курии записано, и теперь весь народ Корвина будет стараться схватить Моргана и представить его на наш суд как можно быстрее, чтобы прекратить действие Интердикта. А мы только этого и добиваемся.

— А вы уверены, что при этом не начнется новая война на религиозной почве, Лорис? — спросил Толливер. — Вы можете это отрицать, но вы же великолепно знаете, что Варин де Грей только и дожидается Интердикта. Как только он получит подтверждение, он начнет самую кровавую войну против Дерини, какую только знали в наших королевствах за двести лет. И в этом виноваты будете вы!

— Вы сошли с ума, если верите в эту чушь!

— Да? — возразил Толливер. — Разве вы не говорили нам, что встречались с Варином и дали ему разрешение расправиться с Морганом? Разве не...

— Здесь совсем другое! Варин — это...

— Варин фанатически ненавидит Дерини, как и вы, — прервал его Арлиан. — И его так же, как и вас, бесит то, что Корвин стал местом, куда бегут Дерини, подвергающиеся вашим преследованиям в Валорете. И тут, под правлением герцога Моргана, они находят себе убежище и живут мирно и спокойно. И я не думаю, что они будут сидеть и ждать, пока вы их зарежете, Лорис.

— Я не мясник! — гневно закричал Лорис. — И я не наказываю без причин. Но Варин прав. Всех этих проклятых Дерини надо стереть с лица земли. Мы не хотим их крови, но их проклятое могущество должно

исчезнуть и вернуться в те глубины мрака, откуда оно появилось. Они должны отречься от своего могущества и сделать себя неспособными пользоваться им.

— Как могут простые люди отличить одного Дерини от другого? — коварно спросил Кардиель. — Варин скажет ему: «Убей» — и он убьет. Он же не будет отличать Дерини, которые отреклись от использования своих сил, от Дерини, которые отказались сделать это.

— До этого не дойдет, — запротестовал Лорис. — Варин будет подчиняться мне и...

— Пошел прочь! — приказал Кардиель. — Пошел прочь, пока я не забыл, что я священник, и не сделал того, о чем я буду сожалеть! Ты раздражаешь меня, Лорис!

— Ты осмеливаешься...

— Я сказал, пошел прочь!

Лорис медленно кивнул, глаза его горели, как угли, на мертвенно-бледном лице.

— Значит, война, — прошептал он. — И те, кто встанет на сторону врага, тоже становятся врагами. Другого пути нет.

— Толливер, вы, Вальфрам, Эквард и Джильберт, они уезжают. Передайте охранникам, что я хочу, чтобы они уехали не позднее, чем в полночь. И следите за ними.

— С удовольствием! — крикнул Вальфрам.

С лицом, искаженным гневом, Лорис поднялся, повернулся и направился к выходу. За ним последовали его верные епископы и четыре епископа Кардиеля. Когда двери за ними закрылись, в холле остались только Кардиель, Арлиан и отец Хью.

Хью сидел в своем кресле, которое он не покидал в течение всей ссоры. Голова его низко склонилась над столом. Он явно боялся. Арлиан заметил его и, подозревая Кардиеля, подошел к нему.

— Вы остались, чтобы шпионить за нами, Хью? — спросил он спокойно, беря его за руку и поднимая со стула.

Глаза Хью смотрели вниз, руки нервно крутили край сутаны.

— Я не шпион, мой лорд, — тихо сказал он. — Я... я хочу присоединиться к вам.

Арлиан посмотрел на Кардиеля. Кардиель сложил руки на груди.

— Что же заставило тебя изменить свои мысли, отец Хью? Ведь ты же был секретарем архиепископа Корригана так много лет?

— Я уже давно не согласен с решениями архиепископов. На прошлой неделе, когда я узнал, что они обдумывают план Интердикта, я предупредил об этом Его Величество. Я пообещал ему, что останусь секретарем, чтобы и в дальнейшем следить за ними. Но больше я не могу оставаться там.

— Я понял,— засмеялся Кардиель.— Денис, как ты думаешь, ему можно верить?

Арлиан улыбнулся:

— Я ему верю.

— Хорошо,— Кардиель взял руку Хью.— Приветствую тебя в наших рядах, Хью. Нас мало, но наша вера сильна. Возможно, ты разъяснишь нам, что замышляют дальше Лорис и Корриган. Твоя помощь мне очень нужна.

— Я постараюсь сделать все, чтобы помочь вам,— прошептал Хью, наклоняясь, чтобы поцеловать перстень епископа.— Я благодарю вас.

— Давай без церемоний,— засмеялся Кардиель.— У нас есть более важные дела. Пойди и найди моего секретаря отца Эванса, вы оба будете нужны через четверть часа. У нас накопилось много бумаг, которые нужно оформить и отправить.

— Хорошо, Ваше Сиятельство,— Хью радостно улыбнулся, поклонился и вышел.

Кардиель вздохнул, опустил в свободное кресло, закрыл глаза и устало потер рукой лоб. Затем он взглянул на Арлиана. Тот пристроился на краю стола и улыбался Кардиелю.

— Ну, вот и все, мой друг. Мы раскололи Церковь пополам перед самой войной.

Кардиель хмыкнул и устало улыбнулся.

— Войной с Венситом из Торента и гражданской войной. Нам предстоит много работы.

Арлиан пожал плечами.

— Этого не избежать. Мне жаль Келсона. Следующей жертвой Лориса будет он. Он же полу-Дерини, как и Морган, а кроме того, обладает могуществом своего отца.

— Да, Келсон — пример того, что могущество Дерини может быть чистым и использоваться для добрых дел.— Кардиель вздохнул, заложил руки за голову и

посмотрел на потолок.— А что ты думаешь о Дерини, Денис? Ты думаешь, что они действительно прокляты, как утверждает Лорис?

Арлиан улыбнулся.

— Я думаю, что есть Дерини и злые, есть и добрые, как и среди людей. Я не верю, что Келсон, Морган, Дункан служат дьяволу, ты ведь об этом спрашиваешь?

— Хм-м. Я просто интересуюсь твоим мнением. Ведь я впервые спросил тебя об этом. И если бы я тебя не знал, я бы мог поклясться, что ты тоже Дерини.

Арлиан захохотал и хлопнул Кардиеля по плечу.

— Станными путями идут твои мысли, Томас. Идем! Нам нужно много поработать, а то настоящие Дерини будут ломиться в наши двери.

Кардиель покачал головой и поднялся.

— Господь не допустит.

ГЛАВА XVIII

Утром второго дня Морган и Дункан увидели вдали стены Кулди. Они ехали почти двадцать часов, сделав только короткую остановку в Ремуте, чтобы удостовериться, что Келсон уже выехал оттуда.

Нигель, который управлял всеми делами в Ремуте в отсутствие Келсона, был потрясен рассказом Дункана о том, что произошло в Джассе, и согласился, что единственное, что нужно сделать, это немедленно сообщить Келсону обо всем. Ведь если Келсон получит официальное сообщение о происшествии в Святом Торине и об отлучении Моргана и Дункана, то принять двух опальных Дерини у себя будет для него очень большим риском.

Тем временем Нигель займется подготовкой армии для предстоящей войны. А если кризис внутри страны будет углубляться, то эта армия понадобится для того, чтобы навести порядок в стране. Обстановка такова, что в Гвинеде может разразиться гражданская война.

Так что теперь Дункан и Морган скакали в город, совсем не подозревая, что там их ждет еще нечто, кроме встревоженного юного короля. Вскоре они остановились у городских ворот.

Горящие факелы освещали пространство перед воротами, разгоняя предутренний мрак. Стражник у ворот открыл глазок и подозрительно рассматривал приезжих. После трех дней бешеной скачки эти двое вовсе не производили впечатление людей, которых нужно поскорее пустить в город, да к тому же еще и в такой ранний час.

Стражник сердито спросил их:

— Кто это хочет попасть в город еще до восхода солнца? Поскорее назовите-ка себя и тех, кого вы собираетесь видеть в городе.

Дункан выпрямился в седле.

— Герцог Аларик Морган и Дункан Мак Лейн к королю,— сказал он тихо.— Откройте поскорее, пожалуйста, мы торопимся.

Стражник шепотом посоветовался с кем-то, кого Дункан не мог видеть, а затем снова открыл глазок и кивнул:

— Отойдите, пожалуйста, милорды. Сейчас придет капитан.

Морган и Дункан отъехали на несколько шагов и, не слезая с седел, стали ждать. Морган посмотрел на развевающиеся вымпелы и вдруг заметил на пике над воротами чью-то голову с белыми волосами. Он нахмурился, толкнул Дункана и кивком головы показал ему на голову. Дункан взглянул на нее...

— Это наказание для предателей,— сказал Морган с любопытством рассматривая голову.— Это случилось не так давно. Не больше, чем несколько дней назад.

Дункан пожал плечами.

— Я не знаю его. Он выглядит совсем молодым, несмотря на белые волосы. Интересно, что он сделал?

Послышался скрежет открываемого засова, скрип стальных петель, звяканье цепей и, наконец, открылась правая половина огромных ворот. Могущество Моргана вернулось к нему, и он смог определить, что за воротами их не ожидала опасность.

Дункан направил свою лошадь в ворота и въехал в небольшой двор. За ним последовал Морган. Во дворе их поджидали двое конных стражников в темной одежде. Они держали факелы. Появился капитан охраны со значком, показывающим его принадлежность к привилегированному отряду Келсона. Он подошел к Моргану и взял поводья его лошади.

— Добро пожаловать в Кулди, Ваша Милость, монсеньор Мак Лейн,— сказал он, поклонившись, однако был очень осторожен.— Эти люди проводят вас дальше.

Капитан отпустил поводья лошади Моргана, отступил в сторону и дал знак людям, чтобы они ехали вперед.

Морган опять нахмурился. Во дворе было темно, несмотря на факелы, но Моргану показалось, что на рукаве капитана он заметил черную креповую повязку. Это очень странно, что кто-то из охраны самого Келсона находится в публичном трауре. Кто же умер?

Конный эскорт ехал впереди, освещая факелами дорогу. Морган с Дунканом на своих усталых лошадях еле поспевали за ними. В этот час улицы Кулди были пусты, и звон конских копыт на булыжных мостовых отражался от домов, стоящих по обеим сторонам извилистых городских улиц. Вскоре они подъехали к дворцу, где их немедленно приняли, так как охрана уже была предупреждена.

Морган и Дункан посмотрели на окна покоев, где обычно останавливался Келсон со своей свитой во время своих приездов сюда, и крайне удивились, увидев, что в такой ранний час там горит свет.

Все это было очень странно. Что же могло поднять короля в такую рань? И Морган, и Дункан знали, что молодой король любит поспать, и по доброй воле он бы не поднялся так рано. Значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. Что же?

Они соскочили с лошадей. Слева он них прошел грум, ведя за собой взмыленную загнанную лошадь. Грум что-то очень недовольно ворчал, изредка похлопывая лошадь по холке. Лошадь чуть не валилась с ног от усталости.

«Должно быть, на этой лошади прибыл посольный,— подумал Морган.— Посольный с новостями, которых Келсон не ждал. Вот поэтому в окнах Келсона в такой ранний час горят свечи».

Они пошли к главному входу и, взглянув на кузена, Морган понял, что Дункан подумал то же, что и он.

Старый привратник, которого оба помнили с детства, впустил их с поклоном и приказал двум пажам сопровождать господ и освещать им путь на верхний этаж. Он был человеком Джареда — преданным слугой их семьи всю жизнь. Он прятал глаза от Моргана и

Дункана и ничего не говорил. И на его рукаве тоже была траурная повязка.

«Кто же умер? — спрашивал себя Морган. Внезапное подозрение дрожью охватило его тело.— Только не король!»

Бросив встревоженный взгляд на Дункана, Морган бросился наверх, прыгая сразу через три ступеньки. Дункан не отставал от него. Они оба знали, куда идти. Ведь замок Кулди был хорошо им знаком с детства. Морган первым оказался у двери и стал открывать ее. Но дверь оказалась незапертой. Она с треском распахнулась.

Келсон сидел одетый у письменного стола. У него был угрюмый вид, волосы были растрепаны.

На столе горело множество свечей, пламя которых залясало, когда дверь распахнулась. Но Келсон не обратил внимания, он что-то записывал на куске бумаги, внимательно изучая, лежащие перед ним на столе, пергаменты.

Позади него и чуть левее стоял Дерри в наспех наброшенной голубой тунике. Он склонился над плечом Келсона и что-то показывал ему в документе.

Возле зажженного камина бессильно сидел молодой рыцарь. Он тупо смотрел в огонь, изредка отхлебывая горячее вино. На нем был наброшен один из малиновых плащей Келсона. Два пажа старались снять с него сапоги.

Келсон поднял голову, и его глаза расширились от удивления, когда он увидел в дверях Моргана и Дункана. Он вскочил и уронил перо. Дерри отступил назад и спокойно смотрел на них. Даже при тусклом свете свечей можно было с уверенностью сказать, что произошло что-то плохое.

Келсон подал знак, чтобы пажи и рыцарь удалились, и не двинулся с места, пока за ними не закрылась дверь. Только затем он вышел из-за стола, держась за него. Он не говорил ни слова.

Морган посмотрел сначала на Дерри, а затем на Келсона.

— Что случилось, Келсон?

Келсон смотрел на носки своих сапог, боясь встретиться глазами с Морганом и Дунканом.

— Мне трудно говорить, Аларик, отец Дункан. Вы лучше сядьте.

Дерри принес им стулья.

Морган обменялся с Дунканом тревожным взглядом и они сели. Дерри вернулся на свое место за креслом Келсона. Лицо его было непроницаемо.

Морган снова посмотрел на Келсона, и тот вздохнул.

— Прежде всего, вот это,— сказал он и жестом показал на стол, где лежал пергамент.— Я не знаю, что произошло в Святом Торине, отец Хью не сообщает деталей, но я думаю, что не зря вас обоих отлучили от Церкви.

Морган и Дункан посмотрели друг на друга, и Дункан кивнул.

— Лорис?

— Вся Курия Гвинед.

Дункан сел и вздохнул.

— Нет, это нас не удивило. Горони, должно быть, столько им наговорил. Я полагаю, что они там упомянули о том, что я Дерини?

— Там все есть, и это тоже,— Келсон кивком головы показал на пергамент.

Морган нахмурился и выпрямился в кресле, внимательно изучая Келсона.

— Ты не все сообщил, Келсон. О чем-то, что произошло еще до того, как ты получил это послание. Что случилось? Почему люди в трауре? И чья это голова на воротах?

— Имя это человека Риммель,— сказал Келсон, избегая взгляда Моргана. — Вы, может, помните его, отец Дункан?

— Архитектор моего отца? — Дункан кивнул.— Но что он сделал? Обезглавливают обычно предателей?

— Он любил твою сестру, Морган,— прошептал Келсон.— Он нашел какую-то старую ведьму в горах, и она дала ему любовный амулет. Но только этот амулет был неправильно сделан. И вместо того, чтобы дать любовь Риммелю, он убил.

— Бронвин?

Келсон кивнул удрученно.

— И Кевина. Обоих.

— О, боже,— пробормотал Дункан.

Голос его сорвался. Он спрятал лицо в ладонях.

Морган, пораженный, ухватился за плечо Дункана.

— Бронвин мертва? Бронвин убита магией?

— Кристалл Джерраман,— тихо ответил Келсон.— Одна она смогла бы пересилить заклинание. Оно было слабым. Но тут вмешался Кевин. Это произошло два дня назад. Похороны будут сегодня. Я должен был бы послать вам сообщение, но я был уверен, что вы уже на пути сюда.

Морган покачал головой, как бы не в силах поверить услышанному.

— Это же невозможно. Она не могла... Кто эта ведьма? Деррини?

Дерри вышел вперед и поклонился.

— Этого мы точно не знаем, Ваша Милость. Гвидон и я провели тридцать часов в горах, разыскивая ее там. Но мы ее не нашли.

— Это моя ошибка,— добавил Келсон. — Мне следовало бы подробнее допросить Риммеля. Проникнуть в его мозг. Но я этого не сделал и...

Послышался стук в дверь, и Келсон поднял голову:

— Кто?

— Джаред, сэр.

Келсон взглянул на Моргана и Дункана, а затем пошел к дверям, чтобы пригласить Джареда.

Морган поднялся и медленно пошел к окну за столом Келсона. Он встал там и начал задумчиво смотреть сквозь стекло на светлеющее восточное небо.

Дункан безвольно сидел на стуле, голова опущена, руки повисли между колен. Он услышал голос отца, постарался собраться, поднялся и повернулся к двери, чтобы увидеть его.

За эти два дня Джаред состарился на несколько лет. Его обычно аккуратно причесанные волосы были растрепаны, в них появилось много седины. Тяжелая коричневая бархатная одежда только подчеркивала новые морщины, которые появились на его лице. Казалось, что его сторбленное тело старика уже не способно носить на себе тяжелый бархат. Он встретился взглядом с Дунканом и отвел глаза в сторону, чтобы тот не видел его слез. Руки он спрятал в длинные, отороченные мехом рукава.

— Я... я был с ним, когда мне сказали о твоём прибытии, Дункан. Я не мог спать.

— Я знаю,— прошептал Дункан.— Я бы тоже не мог.

Келсон подошел к своему письменному столу и встал рядом с Морганом. Джаред посмотрел на них перед тем, как повернуться к сыну.

— Могу я просить тебя об одолжении, Дункан?

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Ты не отслужишь заупокойную мессу по своему брату сегодня утром?

Дункан опустил глаза и отступил назад, услышав эту просьбу. Очевидно, Джаред еще ничего не знал об отлучении, иначе он не просил бы. Отлученный священник не имеет права служить мессу, так как все его молитвы не имеют силы.

Он посмотрел на Келсона, чтобы убедиться, что Джаред ничего не знает. Келсон многозначительно покачал головой и повернул пергамент лицевой стороной вниз. Так, Джаред ничего не знает. Очевидно, в Кулди об этом еще никто ничего не знает, кроме тех, кто сейчас находится здесь.

Но сам-то Дункан знал. Конечно, пока не придет официальная бумага из Джассы, все это будут просто слухи и, следовательно, они не имеют силы. Но Дункан-то знал. Он долго размышлял и, наконец, решился. В конце концов, все это касается только его и его бога, перед которым он ни в чем неповинен.

Дункан проглотил слюну, посмотрел на отца, а затем положил руку ему на плечо.

— Конечно, отец,— сказал он спокойно.— Ну, а теперь проводи меня к Кевину.

Джаред кивнул и заморгал, чтобы скрыть слезы. Дункан посмотрел на Келсона и Моргана. Келсон кивнул ему, и Дункан, наклонив голову, направился к двери.

Дерри поймал взгляд Келсона и жестом спросил его, не уйти ли ему тоже. Келсон разрешил. Дерри пошел за Дунканом и Джаредом. Он мягко закрыл за собой дверь, и Морган с Келсоном остались одни. Некоторое время Келсон смотрел на Моргана, а затем наклонился над столом, чтобы погасить свечи. Небо постепенно светлело по мере того, как приближалось утро. Света уже стало вполне достаточно, чтобы различать предметы в комнате.

Келсон стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на город. Он не мог найти слов, чтобы говорить о Бронвин.

— У нас есть еще несколько часов. Почему бы тебе не отдохнуть, Аларик?

Морган, казалось, не слышал.

— Все это как жуткий сон. Все последние дни. Я все время ждал, когда же я проснусь. Ведь не может же быть еще хуже — но оказалось, что может.

Келсон начал было говорить. Он не мог вынести того, что человек, перед которым он преклонялся, находится в таком состоянии. Но Морган как будто не замечал Келсона.

— Как только придет официальное уведомление о нашем отлучении, ты, Келсон, не должен принимать нас под страхом самому быть отлученным: ни помогать, ни принимать. А если на Корвин будет наложен Интердикт, а я в этом почти уверен, то я не могу тебе обещать помощи моих людей. Ты лицом к лицу столкнешься с гражданской войной. Я не знаю, что тебе посоветовать.

Келсон отошел от окна, притронулся к руке Моргана и показал ему на постель в дальнем конце комнаты.

— Не думай об этом сейчас. Ты вымотался и нуждаешься в отдыхе. Почему бы тебе не лечь? Я разбуду тебя, когда придет время. Мы все обсудим позднее.

Морган кивнул и позволил подвести себя к постели. Он отстегнул меч, и тот со стуком упал на пол.

Морган присел на край постели и заговорил о Бронвин:

— Она была так молода, Келсон,— прошептал он в то время, как Келсон отстегивал и снимал его плащ.— И Кевин — он даже не был Дерини и все же погиб. И все это из-за слепой ненависти, из-за этой разницы между нами.

Он лег и смотрел измученными глазами на балдахин над головой.

— Мрак становится все сильнее с каждым днем, Келсон,— прошептал он, стараясь расслабиться.— Он надвигается со всех сторон одновременно. И единственное, что еще держит меня, это Дункан и ты, Келсон...

Когда Морган заснул, Келсон долго смотрел на него, а затем, убедившись, что тот крепко спит, осторожно сел на край постели рядом со своим другом. Он внимательно смотрел в лицо своего генерала, а затем

расстегнул грязный камзол на его груди и осторожно положил руку на его лоб. Очистив свой мозг, он закрыл глаза и проник в мозг Моргана.

— Усталость... тревога... боль... все это началось с приезда Дункана в Корот с плохими вестями... опасность Интердикта, мысли о народе Корвина, поездка Дерри, попытка убийства и сожаление по поводу смерти Ричарда Фиц Вильяма... сообщение Дерри о Варине и о чуде исцеления... воспоминания о Брионе, о гордости, с которой его отец воспринял весть о рождении сына, Келсона, поиски в развалинах, не приведшие ни к чему...

Святой Торин... предательство, крутящийся хаос и мрак, все это едва запечатлелось в памяти... ужас пробуждения, ощущение полной беспомощности, осознание отравления марашей, ужас при виде Варина, того самого, который поклялся убить всех Дерини...

Бегство, долгая скачка, в основном, в полубессознательном состоянии, что и спасло его, так как в полном сознании он не вынес бы такого напряжения после того, что с ним произошло...

Возвращение могущества... а затем снова боль, мучительная боль, скорбь от потери любимой сестры и кузена...

И сон, милосердное забытье, хоть и на несколько часов... безопасность...

Содрогнувшись, Келсон прервал контакт, открыл глаза и убрал руку со лба.

Морган спал спокойно, раскинувшись на широкой королевской постели, забыв обо всем. Келсон встал, снял с себя плащ и укрыл им спящего Моргана, а затем погасил свечи у постели и вернулся к столу.

Следующие несколько часов будут очень трудными для всех — и особенно для Моргана и Дункана. Но тем не менее, надо думать, как сохранить порядок в государстве и не допустить хаоса. Он теперь должен быть сильным, как Морган, так как Морган ни в чем не может помочь ему.

Еще раз взглянув на спящего Моргана, Келсон сел за стол, положил перед собой пергамент, поднял перо и вновь стал работать над бумагой — продолжать свое занятие, от которого его оторвало прибытие Моргана и Дункана.

Нужно обо всем сообщить Нигелю. Обо всех печальных событиях: о смерти Бронвин и Кевина, об отлучении, о возможной войне на два фронта, если Интердикт будет наложен.

Венсит из Торента не будет ждать, когда в Гвинее разберутся со своими внутренними делами. Этот правитель Дерини постарается извлечь пользу из этих обстоятельств.

Келсон вздохнул и перечитал письмо. Новости были плохими, как их ни рассматривай.

Дункан один стоял на коленях в небольшой часовне, примыкающей к собору Святого Телоса, и смотрел на неугасимую лампаду, горящую у алтаря. Он воспользовался методами Дерини, чтобы снять с себя накопившуюся усталость. Он умылся, побрился и почувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Однако он не мог решиться надеть на себя одежду священника, которая была приготовлена для него. Он не чувствовал себя вправе облачиться в черную шелковую сутану и другие священные одеяния, в которых он должен был служить мессу.

— Служить,— с иронией подумал он.

Он не хотел делать этого по многим причинам. И он знал, что эта месса будет последней, так как ему больше не позволят совершать таинства Святой Церкви, делать дело, которому он отдал все двадцать девять лет своей жизни.

Он склонил голову и попытался молиться, но слова не шли ему в голову. Или вернее, слова приходили к нему, но они прокатывались через его мозг, не задевая сокровенных струн, как ничего не значащие, бессмысленные фразы, не приносящие успокоения.

Кто бы мог предвидеть, что они торопятся сюда, чтобы предать земле тела его брата и сестры Моргана? Кто мог предвидеть, что их здесь ждет?

Он услышал скрип открывающейся двери и обернулся. На пороге в сутане и белой накидке стоял отец Ансельм. Он наклонил голову, как бы извиняясь, что побеспокоил Дункана. Он бросил взгляд на разложенные одежды, на висящую черную сутану, а затем посмотрел на Дункана.

— Мне не хочется беспокоить вас, монсеньор, но уже пора. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Дункан покачал головой и снова повернулся к алтарю.

— Все готово к началу?

— Родные уже на месте, процессия собирается. У нас еще есть несколько минут.

Дункан опустил голову и закрыл глаза.

— Хорошо, я сейчас буду.

Он услышал стук закрывавшейся двери и поднял голову.

Фигура над алтарем изображала доброго, любящего, милостливого бога. Этот бог понимал, что Дункан должен пренебречь решением церковного суда. Конечно же, он не будет строго судить его.

Дункан поднялся со вздохом, взял черный шелковый шарф, притронулся к нему губами и надел на шею. Спустившиеся концы он закрепил на поясе. Потом он накинул рясу и расправил складки, постоял неподвижно, расправил на груди крест, вышитый серебром, четко выделяющийся на черном шелке. Затем поклонился алтарю и направился к выходу, чтобы присоединиться к процессии.

Все должно быть по правилам, никаких отклонений от этикета, все условия должны быть соблюдены во время этой службы, которая, наверняка, будет последней в его жизни.

Морган безмолвно сидел на скамье у гробов. Келсон справа от него, Джаред и леди Маргарет — слева. Все в черном. За ними сидели Дерри, Гвидон, советники и помощники Джареда, доверенные слуги. Сзади толпились жители Кулди, те, кто смог поместиться в маленькой церкви. Бронвин и Кевина очень любили в Кулди, и теперь все горько оплакивали их смерть.

Утро было солнечным, но холодным, в низинах все еще стоял туман. Чувствовалось, что весна еще не полностью завладела землей.

В церкви Святого Телоса было сумрачно и торжественно. Вместо веселых свадебных свечей горели свечи погребальные. Один вид их приводил в мрачное расположение духа. Тяжелые подсвечники с горящими свечами были установлены по обеим сторонам гробов, которые стояли в центре трансепта.

Сами гробы были задрапированы черным бархатом. На крышках гробов лежали щиты с гербами двух семейств.

Морган смотрел на эти гробы и представлял каждого, кто лежит в них.

Герб Мак Лейнов: серебряный спящий лев, три алые розы на голубом поле, по окружности серебряные трилистники.

Герб Морганов (горло Моргана перехватил спазм, но он усилием воли овладел собой): меч, зеленый грифон на черном поле внутри венка из виноградной лозы.

Глаза Моргана затуманились, и он с трудом заставил себя посмотреть дальше, за гробы, туда, где у алтаря горели свечи. Их мерцающее пламя отражалось от золота и серебра подсвечников и алтаря. Но сам алтарь был задрапирован черной тканью, фигуры возле него тоже были в черных мантиях. И когда хор начал петь погребальную вступительную молитву, Морган, наконец, осознал, что это похороны.

Двинулась процессия. Впереди одетый в мантию с белой накидкой священник, размахивающий кадиллом, за ним монах, несущий большой крест, задрапированный черным, и следом за ними мальчики со свечами в серебряных подсвечниках. Далее шли монахи ордена Святого Телоса в своих традиционных одеждах и с траурными шелковыми повязками. Следом за ними — Дункан, который должен был служить мессу. Он был особенно бледным, и эту бледность подчеркивали его черные и серебряные одежды.

Процессия вошла в церковь, и все расступились, пропуская Дункана к алтарю, чтобы он мог начать мессу.

Морган тупо смотрел на все это, бездумно повторяя знакомые слова:

— ...Я взойду на алтарь Господа...

Морган опустился на колени и уткнулся лицом в ладони, не желая смотреть на этот ритуал, с помощью которого те, кого он любил, отправляются туда, откуда нет возврата.

Всего несколько недель назад Бронвин была жива. Радость от предстоящей свадьбы с Кевином переполняла ее. И теперь она вырвана из жизни, из молодости. И вырвала ее старуха, такая же Дерини, как и она.

Сейчас Морган ненавидел себя. Он ненавидел Дерини, ненавидел свое могущество. Ему причиняла боль мысль о том, что половина крови, текущей в его жилах, принадлежит этой проклятой расе. Почему все происходит именно так? Почему принадлежность к Дерини надо скрывать, надо стыдиться своего могущества, прятать его?

Причем так происходит уже в течение нескольких поколений, многие уже разучились пользоваться могуществом, хотя оно еще сохранилось у некоторых. Могущество иногда проявляется у неумелых, случайных людей, применяющих его в корыстных целях, даже не подозревая, что они унаследовали его от древних и благородных людей, людей-Дерини.

И вот одна древняя старуха-Дерини много лет назад ощутила в себе это могущество, научилась простейшим приемам магии, в основном, любовными заклинаниями — и вместо любви она принесла смерть.

Но самое плохое не в этом. Из всех проблем, которые стояли или стоят перед ними, главная — вопрос Дерини. Церковь уже триста лет воюет с Дерини, проклиная их магию, и теперь дело зашло так далеко, что государство находится на грани священной войны.

Могущества Дерини боятся и ненавидят простые люди, которых сплотил под свои знамена Варин де Грей, объявивший, что он послан богами избавить землю от Дерини и, в первую очередь, от Моргана. Именно это и стало причиной всего, случившегося в Святом Торине и последующего отлучения его и Дункана.

Эта проблема Дерини была главной причиной того, что произошло во время коронации Келсона, когда колдунья Чарисса хотела захватить трон, который, как она считала, по праву принадлежит ее отцу. С помощью могущества Дерини, полученного от Бриона, Келсон смог победить ее. Мать Келсона, яростная фанатичка, давно отрекшаяся от своего происхождения, забыла все заветы Церкви и бросилась в пучины греха, пытаясь защитить своим запретным могуществом сына.

А кто мог сказать с уверенностью, что надвигающаяся война с Винсентом из Торента тоже не связана с Дерини? Разве сам Винсент — не чистокровный Дерини, родившийся в стране, где эта магия признана всеми законами? И разве не ходят слухи, что он вошел в союз с Дерини Гвинеда?

И, может, простой люд справедливо боится возвышения расы Дерини, которое может привести к диктаторству Дерини, подобному тому, что было триста лет назад, и к уничтожению людей? Во всяком случае, сейчас для Дерини наступили трудные времена, трудные для тех, кто считает себя представителем этой оккультной расы.

Если бы у Моргана был выбор, то он сейчас же бы отрезал у себя ту часть, которая принадлежит Дерини, остался бы просто человеком, отрекся бы от своего могущества, как требовал от него Лорис.

Морган поднял голову и постарался овладеть собой, заставил себя видеть и слышать Дункана, продолжающего петь литургию.

Морган оказался большим эгоистом в последние несколько минут. Ведь он же здесь не единственный Дерини, душа которого страдает. А Дункан? Какую борьбу с собой он выдержал прежде, чем согласился выполнить обязанности священника, будучи отлученным!

Морган был далек от мысли проникать в мозг Дункана сейчас, во время богослужения. Он был уверен, что найдет там боль, сомнения и страдание. Морган знал, что должен переживать сейчас Дункан. Церковь была его жизнью. Теперь она отторгла его и, хотя об этом знали только Морган, Келсон и Дерри, он, несмотря на все свои мучения, решил оказать последние почести любимому брату и почти сестре. Дункану тоже трудно быть Дерини.

Дункан нараспев произносил слова литургии:

— *Agnus Deus, cum tollis peccatus, miserere nobis...*

Морган склонил голову и произносил знакомые слова, но они не давали успокоения его душе.

Теперь пройдет много времени, прежде чем он помирится с тем, что произошло здесь два дня назад по воле Бога. И пройдет много времени прежде, чем он снова уверит себя, что его могущество не несет зла человечеству, что с его помощью можно сделать много добрых дел. А сейчас он ощущал на себе тяжкий груз ответственности за то, что случилось с Бронвин и Кевином.

— *Dominus, nomen cum dignus...*

Месса все продолжалась, но Морган почти не слушал. Усталость, отчаяние, тупая боль овладели им, и он очень удивился, обнаружив, что находится вместе со всеми остальными у ворот Святого Телоса. Он понял, что эти ворота закрылись за Бронвин и Кевином навсегда.

Морган осмотрелся и увидел, что все расходится небольшими группами, переговариваясь шепотом между собой. Келсон был вместе с Джаредом и леди Маргарет. Дерри стоял рядом с Морганом. Он участливо кивнул, когда увидел, что Морган смотрит на него.

— Может, вам следует отдохнуть, сэр? Ведь скоро наступит время, когда отдыхать будет некогда.

Морган закрыл глаза, потер лоб, как бы желая стереть все тревоги и печали прошлых недель, а затем покачал головой:

— Прости, Дерри. Я хочу немного побыть один.

— Конечно, сэр.

Дерри смотрел ему вслед, а Морган выскользнул из толпы и исчез в саду, примыкающем к церкви. Пройдя никем незамеченный по дорожке сада, он, наконец, очутился у часовни, где была похоронена его мать, и прошел в тяжелые дубовые ворота.

Он давно уже здесь не был — так давно, что он даже не мог припомнить, когда это было в последний раз — но сразу вспомнил эту комнату, полную света и воздуха. Кто-то открыл окно с цветными стеклами, и теперь солнечный свет играл в золоте и серебре усыпальницы, наполняя жизнью изображение его матери.

Все это пробудило в Моргане счастливое воспоминание. Ведь в детстве он любил приходить сюда с Бронвин и леди Верой. Они приносили цветы на гроб и слушали чудесные рассказы леди Веры о том, какой замечательной женщиной была леди Алиса де Корвин де Морган. У него появлялось чувство, что их мать никогда не оставляла их, что она всегда незримо рядом с ними.

Он вспомнил эти счастливые времена, сидя один в часовне, когда мир вне ее стал невыносимым. Затем он лег на спину в бассейне света, который создавали на мраморном полу солнечные лучи, проникающие сквозь открытое окно. Он прислушался к звукам своего дыхания, к шелесту листвы деревьев, к спокойствию своей души. Память каким-то образом успокоила его душу. Внезапно он подумал, а что если бы его мать сейчас узнала, что ее единственная дочь лежит в каменной гробнице совсем надалеко отсюда.

Тяжелые медные цепи окружали саркофаг. Они сверкали на солнце. Морган подошел к ним и долго стоял, опустив печально голову и взявшись за цепь. Потом он откинул крюк и вошел внутрь, положив свободный конец цепи на мраморный пол. Он пробежал пальцами по высеченной из камня руке матери и вдруг услышал какие-то ритмические звуки в саду.

Это была знакомая мелодия — одна из самых известных песен Гвидона — но когда Морган закрыл глаза, приготовившись слушать, зазвучали совсем иные слова, которые он раньше никогда не слышал. Пел Гвидон — его голос невозможно было спутать ни с чьим. Он смешивался с красивыми аккордами лютни, создавая впечатление нечто невыразимо прекрасного. Но в его голосе было что-то необычное. И Моргану потребовалось время, чтобы понять, что Гвидон плачет.

Морган не мог разобрать слов. Слова терялись во всхлипываниях певца, но чуткие пальцы заполняли места, где голос певца пропадал, чудными аккордами. Их выразительность была такой, что можно было без труда разобраться, какие чувства владеют певцом.

Он пел о весне и пел о войне. Он пел о золотоволосой девушке, которая похитила его сердце, о молодом прекрасном дворянине, который любил девушку и умер вместе с ней. Он пел о том, что война слепа, что она поражает как тех, кто воюет, так и невинных. И если смерть приходит, то люди должны оплакивать потерю своих близких. Ибо только печаль и горе придают смерти смысл, зовут к отпущению, к победе.

У Моргана перехватило дыхание от звуков песни. Он опустил голову на гробницу матери. Трубадур прав. Они ведут войну, и многие погибнут прежде, чем она закончится. Это необходимо для того, чтобы Свет восторжествовал над Тьмой. Но сражающиеся не должны забывать ни на миг, какой ценой они победили Тьму, сколько слез пролито над погибшими во имя победы. И слезы тоже необходимы. Они смывают боль и вину, освобождают сердца от тяжести и тревоги.

Он открыл глаза и посмотрел на солнце, вдруг ощутив, как щемящая пустота заполнила его, почувствовал, как у него перехватило горло, когда он вновь испытал горечь потерь. Бронвин, Кевин, Брион, юный Ричард Фиц Вильям — их уже нет. Они пали жертвами этой жестокой войны.

Золотой свет поплыл перед глазами и глаза зату-манились. На этот раз он не стал сдерживать себя, и слезы хлынули бурным потоком. Вскоре Морган понял, что певец замолк, и на гравиевой дорожке послышались шаги.

Он услышал их задолго до того, как они приблизились к двери. Он понял, ищут его. К тому

времени, как дверь стала медленно открываться, он уже почти взял себя в руки и вернул лицу обычное выражение.

Морган глубоко вздохнул и повернулся к двери. В проеме на фоне яркого солнечного дня виднелся темный силуэт Келсона. Рядом с ним стоял грязный курьер в красной тунике. Джаред, Эван, Дерри и несколько других военных советников сопровождали Келсона. Но они держались на почтительном расстоянии от своего юного короля, который вошел в часовню.

Свиток пергамента с множеством печатей был у Келсона в руке.

— Курия в Джассе рассмотрела вопрос об Интердикте, Морган,— сказал Келсон. Его серые глаза внимательно смотрели на Моргана.— Епископы Кардиель, Арлиан, Толливер и трое других порвали с Лорисом в знак несогласия с его решением. Они готовы встретить нас в Джассе через неделю. Арлиан уверен, что они соберут к концу месяца пятитысячную армию.

Морган опустил глаза, отвел их в сторону и стал нервно тереть перчатки.

— Это хорошо, мой король.

— Да, хорошо,— сказал Келсон, удивившись краткости ответа. Он подошел к Моргану.— Ты думаешь, им следует выступить против Варина? А если так, то смогут ли Джаред и Эван сдержать натиск Венсита на севере, пока мы помогаем восставшим епископам?

— Не знаю, мой король,— тихо сказал Морган. Он поднял голову и рассеянно посмотрел в открытое окно.— Я думаю, что Арлиану не следует вести войну против Варина. Ведь сделать так, значит признать, что позиция Церкви относительно магии целых двести лет была ошибочной, что крестовый поход Варина против Дерини неправилен. Я не уверен, что епископы захотят заходить так далеко, даже Арлиан.

Келсон помолчал, думая, что Морган добавит еще что-нибудь, но тот, казалось, закончил.

— Ну, так что же ты предлагаешь? — спросил Келсон нетерпеливо.— Фракция Арлиана предлагает нам свою помощь, а у нас не такое блестящее положение, чтобы он нее отказываться.

Морган опустил глаза. Ему очень не хотелось напоминать Келсону о причинах своих колебаний. Если молодой король будет поддерживать его и Дункана, то

отлучение и Интердикт обрушатся на весь Гвинед, тогда и восставшие епископы не смогут помочь ему. Он не может...

— Морган, я жду...

— Простите меня, сэр, но вам не следует спрашивать у меня совета по этому вопросу. Я не могу допустить, чтобы вы рисковали своим положением, общаясь с теми, кто...

— Прекрати! — прошипел Келсон, хватая Моргана за руку и глядя ему в глаза. — Мы еще не получили от Курии официального уведомления о твоём отлучении. И пока не получим — и даже, если получим — я не желаю лишаться такого слуги, как ты из-за глупости архиепископов. Ну, Морган, черт побери! Ты должен делать то, что я тебе скажу! Ты мне нужен!

Морган удивленно замолчал при такой вспышке гнева молодого короля. Ему на мгновение показалось, что перед ним Брион — король, распекающий непослушного пажу.

Он проглотил слюну и опустил глаза.

Морган внезапно понял, что в своём эгоизме, приступе жалости к себе он чуть не оставил Келсона на произвол судьбы, лицом к лицу со страшной опасностью. Он также понял, что Келсон хорошо видит надвигающуюся опасность и готов встретить ее.

Он взглянул в гневные серые глаза и увидел там знакомую решительность, которую раньше у Келсона никогда не замечал. Такие глаза были у Бриона. И Морган понял, что Келсон перестал быть мальчиком.

— Ты настоящий сын своего отца, мой король. Прости меня, что я на мгновение забылся. Я... — он помолчал. — Ты понимаешь, что означает, твое решение?

Келсон кивнул:

— Это означает, что я доверяю тебе полностью, несмотря на осуждение архиепископов. Это означает, что мы — Дерини — должны держаться вместе, ты и я, так же, как это было у вас с моим отцом. Ты останешься, Аларик? Ты поскачешь вместе со мной навстречу буре?

Морган медленно улыбнулся:

— Хорошо, мой король. Вот мои советы: пошли войска Арлиана на северные границы Корвина, чтобы защитить их от Венсита. Там опасность весьма реальна.

И к тому же, им не придется принимать компромиссные решения в вопросе относительно Дерини.

Он помолчал, собираясь с мыслями, а затем продолжил ровным, спокойным голосом:

— В самом Корвине против Варина, если там возникнет столкновение, используй армию Нигеля. Нигеля любят и уважают во всех Одиннадцати Королевствах. Его имя ничем не запятнано. Ну, а что касается севера,— он с доверительной улыбкой посмотрел на Джаред и Эвана,— то я уверен, что герцоги Джаред и Эван защитят свои границы. Граф Марли тоже к ним присоединится. Так что войска Халдана останутся в резерве и могут быть брошены на тот участок, где возникнет нужда. Как вы думаете, мой король?

Келсон улыбнулся, выпустил руку Моргана и с воодушевлением хлопнул его по плечу.

— Вот это я и хотел слышать. Джаред, Дерри, Девериль, подойдите сюда. Нам нужно немедленно послать курьера к Нигелю и к восставшим епископам. Морган, ты идешь с нами?

— Немного погодя, мой король. Я хочу подождать Дункана.

— Ясно. Приходи сразу же, как будешь готов.

Когда Келсон и все остальные ушли, Морган снова вошел в собор Святого Телоса. Мягко ступая, чтобы не побеспокоить тех, кто еще молится здесь, он прошел дальше, пока не добрался до ризницы, где, как он был уверен, находился Дункан. Постояв немного у дверей, он заглянул туда.

Дункан был один. Он уже снял и отложил в сторону свое одеяние священника и натягивал на себя кожаный камзол. После этого он протянул руку за поясом с мечом, которые лежали на маленьком столе. При этом он нечаянно столкнул ризу на пол. Черный шелковый шарф тоже упал. Дункан потянулся за шарфом.

Он выпрямился, поднял его и постоял несколько секунд неподвижно, стиснув его в пальцах. Потом он поцеловал его и положил на место.

Морган спокойно вошел в комнату и прислонился к двери.

— Я смотрю, все это беспокоит тебя больше, чем ты предполагал,— сказал тихо Морган.

Дункан замер на мгновение, а затем склонил голову.

— Я не знаю, что думаю, Аларик. Я, возможно, думал, что ответ сам придет ко мне и облегчит мне отторжение от Святой Церкви. Но так не произошло.

— Так и должно было быть.

Дункан вздохнул, посмотрел на Моргана, взял пояс с мечом и начал пристегивать его.

— Ну, так что теперь? — спросил он. — Мы с тобой Дерини, отлученные от Церкви, удалены от своего короля, куда нам теперь?

— А кто сказал, что мы удалены от короля?

Дункан взял плащ, накинул его на плечи, наморщил лоб и начал возиться с пряжкой.

— Морган, посуди трезво. Он не сказал этого пока? Но мы оба знаем, что он не может оставить нас при себе, если мы отлучены от Церкви. Если об этом узнают архиепископы, они отлучат и его, — пряжка щелкнула, закрывшись, а Морган засмеялся.

— Они, конечно, могут так сделать. Но при нынешних обстоятельствах он не много потеряет от этого.

— Не много потеряет... — Дункан с изумлением оборвал себя на полуслове и, наконец, понял, о чем говорит Морган. — Он уже решил рискнуть? — спросил он, испытующе глядя на своего кузена.

Морган кивнул.

— И он не боится? — Дункан все еще не мог поверить тому, что услышал.

Морган засмеялся:

— Боится. Но он видит и преимущества тоже, Дункан. И решил пойти на риск. Он хочет, чтобы мы остались.

Дункан долго смотрел на Моргана, а затем медленно кивнул.

— Нам придется вести борьбу с жестоким и безжалостным врагом — ты знаешь это?

— Мы Дерини. И нам к этому не привыкать.

Дункан последний раз окинул взглядом ризницу, нежно и с грустью посмотрел на алтарь, на священные одежды, висящие на своих местах, а затем медленно пошел к Моргану, все еще стоявшему в дверях.

— Я готов, — сказал он, больше не оглядываясь назад.

— Тогда пойдем к Келсону, — проговорил с улыбкой Морган. — Наш король Дерини нуждается в нас.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗВЫШЕНИЕ ДЕРИНИ	3
ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ ДЕРИНИ . .	219

Литературно-художественное издание

**КЭТРИН КУРТЦ
ХРОНИКА ДЕРИНИ**

КНИГА 1

Составитель *Лютиков А. Г.*
Редактор *Лютиков А. Г.*
Художник *Румянцев В. А.*
Литературные редакторы *Рошаль В. М., Выдревич Г. С.*
Технический редактор *Жихарев Ю. А.*

Оригинал-макет изготовлен в ТОО «Агенство «СФИНКС СПб». 193167, Санкт-Петербург,
Невский пр., 176, а/я 875.

Издание подготовлено при участии ТОО «МИМ»

ИБ № 157

Подписано к печати 1.06.92. Формат 84 × 108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд.
л. 26,3. Тираж 50000 экз. Заказ № 1904.

АП «Васильевский остров» 191028, С.-Пб., Манежный пер., 2.

Отпечатано с оригинал-макета в объединении «Печатный Двор». 197110, С.-Пб., П-110,
Чкаловский пр., 15.

